

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

2 (269)

Апрель–Май–Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1937 г.

А. Н. Николаев

СПИСКИ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ НА ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ ЗАУПОКОЙНЫХ СТЕЛАХ I–IV ДИНАСТИЙ

Стелами в египтологии называют каменные или деревянные плиты различной формы, на которых, как правило, присутствуют надписи, рельефные или выполненные краской изображения. Стелы могли быть связаны с погребениями, служить пограничными знаками, выступать в роле votивных и памятных предметов. Начиная с I династии, когда в Египте появились древнейшие стелы, до римских времен значительно преобразились внешний облик стелы, ее композиционное оформление, характер и содержание надписи. Могильные, или «заупокойные», стелы обычно устанавливались рядом с гробницей, на них обязательно имелось имя владельца. Стелы преподносились в качестве дара в храмы и святилища в знак почтения богам, а также для увековечивания важных событий, таких, как успешные экспедиции, победы над врагом. Помимо этого, стелы служили пограничными метками на полях, обозначали границы владений, административных округов, даже целых стран (например, Египта при царях Среднего царства). В египетском языке имеется несколько слов для обозначения стелы¹, которые свидетельствуют о различном ее использовании. В ранних гробницах они часто были единственными указателями принадлежности захоронения конкретному лицу. Заупокойные стелы были не только неотъемлемой частью погребения, которое маркировали, но и сами по себе становились центральным объектом в культовой практике.

Для древних египтян смерть была продолжением земной жизни, и материальные блага, включая продукты питания, считались необходимыми для посмертного существования. Для надежного обеспечения этой потребности и, следовательно, непрерывности культа на заупокойных стелах, так называемой «ложной двери» в гробнице, на стенах часовни выписывались названия необходимых предметов, которые составляли то, что обычно называют «списками» жертв.

Эти тексты, а также изображения, указывающие на жертвы, с конца Раннего царства (со II династии) начинают доминировать на стеле. Без их подробного анализа неполной остается как общая картина оформления и функционирования погребений в ранний период египетской истории, так и понимание культовых практик для этого времени.

К исследованию списков египтологи обращались неоднократно, однако их интересы ограничивались какой-либо одной группой жертв (например, тканя-

¹ *sb3* (Wb. I. 177:7); *ḥṣ.w* (Wb. I. 221:11); *wḏ* (лексически наиболее употребимая форма) (Wb. I. 398:15); *srḥ* (Wb. IV. 200:15).

ми); как целое они никогда не изучались. Кроме того, анализу подвергались относительно поздние памятники III–IV династий, в то время как стелы первых двух династий не составляли предмета самостоятельного исследования. Остались неизученными и принципы смыслового и композиционного деления списка жертв на группы, изменения внутри отдельных групп жертв начиная с древнейших стел, а также репертуар списков жертв на самых ранних памятниках. Между тем именно в Раннем царстве (при II династии) определяются те названия, которые позднее будут засвидетельствованы во время своеобразной кульминации качества оформления стел при IV династии. Репертуар жертв на заупокойных стелах свидетельствует и об изменениях в самой культовой практике и тех общественных структурах, которые обеспечивали ее функционирование. В настоящей статье делается попытка ответить на эти и другие вопросы.

На абидосских стелах времени I династии перечни жертв еще отсутствуют. Это отчасти противоречит предположению, что абидосские стелы были составной частью культовых мест и перед ними раскладывали жертвоприношения², хотя это и не означает обратного. Можно утверждать, что сама традиция выписывания жертв на заупокойных стелах появляется на севере (в районе Саккары) не раньше периода правления II династии. Изображения единичных жертв в различных контекстах хорошо засвидетельствованы как на юге, так и на севере Египта уже при I династии.

Представления жертвенных приношений, обозначенных на памятниках, можно разделить на несколько групп: а) «основной список», расположенный перед покойным и над жертвенным столом; б) жертвы, выписанные под столом; в) ткани; г) «пространные» списки (группы жертв, объединенные одним общим названием); д) перечисление житниц и их содержимого. Анализ списков уместно начать с обозначений тканей, поскольку именно эта группа жертв была наиболее формализована и методы ее исследования удобно распространить и на другие категории приношений.

1. ТКАНИ

До начала практики мумификации египтяне имитировали объемы тел усопших при помощи пеленания, что объясняет включение в списки жертвенных приношений тканей. Тот факт, что для них находилось место на ограниченной по площади стеле рядом с наиболее важным в заупокойном культе элементом – продуктами – позволяет судить о важности задачи сохранения тела покойного уже в первые династии. Обозначения тканей – одно из наиболее разработанных направлений в изучении палеографии и лексикографии Старого царства³. Этой проблематике посвящен ряд исследований (в том числе недавняя монография немецкой исследовательницы К. Шеле⁴), однако эпоха Раннего царства, как указывалось выше, практически выпала из поля зрения специалистов⁵.

² См., например: *Shoukry A. The So-Called Stelae of Abydos // MDAIK. 1958. 16. S. 296.*

³ *Junker H. Giza I. Lpz, 1929. S. 177–178; Smith W.S. The Old Kingdom Linen List // ZÄS. 1915. 71. S. 134–149; Manuelian P. The Slab Stelae of the Giza Necropolis. New Haven–Philadelphia, 2003. P. 153–158.*

⁴ *Scheele K. Die Stofflisten des Alten Reiches. Lexikographie, Entwicklung und Gebrauch. Wiesbaden, 2005.*

⁵ Фактически, единственной работой, в которой рассматриваются знаки Раннего царства, использовавшиеся для записей названий тканей, является *Kahl J. Das System der ägyptischen Hieroglyphenschrift in der 0.–3. Dynastie. Wiesbaden, 1994. S. 710 ff.*

1. Список тканей на заупокойных стелах ранних династий

На стелах I династии (вне зависимости от их происхождения) список тканей отсутствует. Так, на многочисленных стелах из Абидоса ткани (как и иные жертвы) не упоминаются вовсе; нет их и на богатой надписями стеле Мерка⁶ из Саккары⁷. При II династии происходит принципиальное изменение в оформлении стелы: во-первых, в подавляющем большинстве случаев упоминание тканей наличествует, во-вторых, оно записывается в определенном месте – в правом верхнем углу заупокойной стелы. Исключением из этих правил для II династии можно считать семь стел, причем в пяти случаях это объясняется по большей части их плохой сохранностью. Так, бесспорно отсутствуют эти сведения на стеле Пер-ур-шепсет⁸ и Мери⁹; на стеле Сат-серет¹⁰ иероглиф «ткань» (в данном случае идеограмма) выписан под креслом покойной; стела Мен-ка-хекет¹¹ разрушена в правой верхней части, где, по-видимому, и должна была находиться соответствующая надпись; по той же причине – повреждение памятника – неизвестно, какие ткани упоминаются на стеле Небу¹² и Сах-шепеса¹³; на стеле Менех-эм-джефа¹⁴ знак ткани и сопутствующее ему числительное расположены в нижней части стелы. Все названные выше стелы происходят из Хелуана.

При III династии ткани присутствуют на всех стелах, кроме двух – женщины по имени Ху-Рау¹⁵ и чиновника Са-мери из эр-Ракакны¹⁶. Обозначения тканей присутствуют на всех стелах IV династии. Необходимо отметить, что традиция размещения под списком тканей других жертв, берущая начало во II династии и обусловленная отсутствием в них строгой упорядоченности до IV династии сохраняется. Какие-либо жертвы под списком тканей отсутствуют только на девяти стелах классической IV династии.

2. Способ обозначения тканей

Начиная со II династии названия тканей сопровождаются указанием на их размер и количество, позднее ставшими важными элементами в оформлении композиции соответствующих памятников. Для этого периода обозначения тканей часто бессистемно помещаются вперемешку с другими жертвами, хотя общая тенденция – изображать ткани в верхней части списка жертв, а также

⁶ Emery W.B. *Great Tombs of the First Dynasty*. III. L., 1958. P. 156.

⁷ Тем не менее первые упоминания тканей относятся именно к I династии. Так, на ярлыке из гробницы О кладбища Умм эль-Кааб в Абидосе, датируемой временем правления Джера (*Petrie W.M.F. The Royal Tombs of the First Dynasty*. L., 1901. Pt II. Pl. V, 9), впервые упоминается ткань *ššr*, а ткань *idmj* упомянута при царе Каа на отписке печати, найденной в гробнице S 3505 в Саккаре (*Kaplony P. Die Inschriften der ägyptischen Frühzeit*. Bd III. Wiesbaden, 1963. Abb. 261).

⁸ Smith W.S. *The Art and Architecture of Ancient Egypt*. 2-nd ed. L., 1998. P. 22. Fig. 31.

⁹ Gardiner A.H. *An Archaic Funerary Stele* // JEA. 1917. 4. P. 256–260. Pl. 55.

¹⁰ Saad Z. *Ceiling Stelae in Second Dynasty Tombs from the Excavations at Helwan*. Le Caire, 1957. Pl. XXIV.

¹¹ Ibid. Pl. III.

¹² Ibid. Pl. XV.

¹³ Ibid. Pl. XVII.

¹⁴ Ibid. Pl. XVI.

¹⁵ Kahl. *Das System*... S. 184.

¹⁶ Garstang J. *The Third Egyptian Dynasty*. Westminster. 1904. P. 143.

упоминать ткань *idmj*, тонкое полотно *ššr* и ткань *ʕ* – уже просматривается. Заметны также попытки *стандартизировать* указания на размер и количество ткани. Так, на стеле Сехеф-нер¹⁷ имеются определители их размеров – *nfr* и *h*, а выписанные ниже числительные сообщают о количестве.

На всех (за исключением одного) памятниках III династии ткани по композиционному оформлению на стеле схожи с образцами IV династии. Так, на стеле Абу-неб-и¹⁸ упоминается только ткань *idmj* (что можно считать архаизацией), однако способ записи этой единственной ткани выполнен так, как это будет делаться уже при IV династии. При III династии завершается процесс полного отделения на стелах тканей от остальных жертв, при этом список жертв начинает представлять собой разбитую на клетки таблицу. Ткани выписываются в определенной последовательности: *idmj*, *ššr* и *ʕ* (вид тканей *šmʕ.t/šmʕ.t nfr.t* для III династии надежно еще не фиксируется), после чего часто следует указание их размера и постоянно – количества (чаще всего 1000 единиц).

Иероглифы, использующиеся для обозначения размера ткани, – это числительные (горизонтальные черточки) от 3 до 9 и вертикальные «свертки» тканей $\perp$, количество которых на подставке может варьироваться от 1-го до 5-ти (в отличие от II династии, не больше). К. Шеле, обращая внимание на ненадежность датировок некоторых гробниц III династией, предлагает следующую последовательность развития в оформлении обозначений тканей для III династии: список Та-ури¹⁹ отнесен к самому началу династии (о чем говорит запись тканей в одну строку, а также неодинаковая высота иероглифов, указывающих на размеры тканей); списки Упа²⁰, Сетеш-нефера²¹, Сиси²² отнесены к более позднему периоду. Об этом можно судить по четкой разбивке на клетки, хотя на стеле Сетеш-нефера присутствуют архаичные написания (*h.t* вместо *h*). Финальным этапом развития списка тканей при III династии являются памятники Нефер-хотеп-хатхор²³ и Ха-бау-сокра²⁴, оформление которых уже практически не отличается от образцов IV династии. Различия обнаруживаются лишь в том, что сам список помещен *под* изображением покойного (отчасти это объясняется тем, что стела была элементом «ложной двери»), а в регистрах под списком (см. далее) появляются другие многочисленные жертвы²⁵.

Особенности составления и записи списков тканей на памятниках ранних династий позволяют выделить переходный период между III и IV династиями. К нему можно отнести стелу Нефер-маата²⁶ с записью архаичной царской ткани *itj.w* (помимо четырех других: *idmj*, *ššr*, *šmʕ.t nfr.t* и *ʕ.w*) и Мечена²⁷, с названием ткани *tpj*, позднее нигде не засвидетельствованной. На стеле Ра-хотепа²⁸

¹⁷ Quibell J. Archaic Mastabas. Cairo, 1923. P. 10. Pl. 26–27.

¹⁸ Weill R. Des Monument et de l'histoire des II-e et III-e dynasties égyptiennes. P., 1908. P. 219–225.

¹⁹ Kahl. Das System... S. 182.

²⁰ Saad. Ceiling Stelae... Pl. XXIX.

²¹ Ibid. Pl. XXX.

²² Ibid. Pl. XXVII.

²³ Weill. Das Monument... P. 251–255.

²⁴ Ibid. P. 242–251.

²⁵ См. подробнее: Scheele. Die Stofflisten... S. 83.

²⁶ Harpur Y. The Tombs of Nefermaat and Rahotep at Maidum. Oxf., 2001. P. 39. Pl. 43.

²⁷ Barta W. Die altägyptische Opferliste. B., 1963. S. 39–40.

²⁸ Harpur. The Tombs... P. 109. Fig. 98. Pl. 65, 71.

единственный раз в IV династии присутствует обозначение размеров ткани, выписанное иероглифом сидящего человека с пальцем у рта , хорошо известное для III династии. К этому же типу списка можно отнести, по-видимому, и стелу, имя владельца которой не сохранилось²⁹.

Во время правления Хеопса в оформлении списка тканей начинает преобладать стиль, который исследователи называют «классическим». «Классический» список размещается в правой части стелы, чаще всего занимая пространство от ее верхнего до нижнего края. Вместе с тем распространены случаи, когда верхний предел списка тканей ограничен не краем стелы, а горизонтальной строкой с титулами владельца стелы, занимающей всю ширину памятника. Это стелы Уп-эм-нефрета³⁰, Ка-эм-аха³¹, Иуну³², NN³³ (без имени). На стеле Уп-эм-нефрета³⁴ список тканей, кроме того, «отодвинут» от правого края стелы двумя *вертикальными* регистрами с титулами владельца стелы.

Список тканей по преимуществу включает названия трех (четырех, см. ниже) *видов* материй, которые обозначены в регистрах один под другим. Первое сплошное горизонтальное поле, в котором находится обозначение ткани, проходит через всю ширину списка. Второй горизонтальный раздел разделен вертикальными ограничителями на ячейки, в которых имеется указание на *форму* тканей. В третьем регистре, также разделенном короткими вертикальными линиями на ячейки, содержится информация о *количестве* той или иной ткани, в подавляющем большинстве случаев выражаемом числительным *h3* – «1000».

В «классическом» списке тканей обычно присутствуют четыре различных названия, записывавшихся в определенной последовательности: *idmj*, *ššr*, *šmc.t/šmc.t nfr.t*, *ꜥ3.w*. Материя *šmc.t/šmc.t nfr.t* встречается примерно на трети памятников, которые условно можно назвать «классическими». На многих памятниках список доходит до нижнего края стелы, однако не редки случаи, когда за нижним рядом тканей следует перечень других жертв, которые можно объединить в определенные группы. Это названия мебели и сосудов, а также житниц, птиц, масел. Попытки увязать факт наличия или отсутствия жертв под списком тканей со временем создания самой стелы или социальным положением ее владельца не дают результата³⁵.

²⁹ Junker. Giza I. S. 177.

³⁰ Smith. The Art... P. 45. Fig. 78–79.

³¹ Reisner G.A. A History of the Giza Necropolis. I. Cambr. (Mass.), 1942. P. 399–400. Pl. 19a.

³² Junker. Giza I. S. 173–179. Abb. 31.

³³ Ibid. S. 242. Abb. 59.

³⁴ Smith. The Art... P. 45. Fig. 78–79.

³⁵ К. Шеле утверждает (Die Stofflisten... S. 86), что первыми примерами написания в регистрах под обозначением тканей других жертв являются стелы III династии, принадлежавшие Ха-бау-сокру и его супруге Нефер-хотеп-хатхор. Однако на многочисленных памятниках II и III династий видно, что процесс упорядочивания списков жертв на стелах (следствием которого стало появление регистров и четкого выделения обозначений материй) был постепенным и весьма продолжительным. При II династии названия типов тканей, выписанные в верхней части стелы, иногда выглядят неким дополнением к группе сосудов и птиц, вырезавшейся ниже, а не наоборот. По этой причине предложение Шеле разделять процесс развития композиционного оформления стелы на то, что было до Ха-бау-сокра и его супруги и после, выглядит не вполне убедительно.

На стелах первых династий выделяются два типа обозначений, связанных с тканями:

а) вид ткани: царская ткань *itj.w* (3 случая употребления); ткань *idmj* (57); тонкое полотно *ʕ3* (36); ткань *b3* (1); ткань *m3t* (1); ткань *nb* (3); ткань *nfr.t-w3* (1); ткань *nm3r* (1); ткань *sd* (1); тонкое полотно *ššr* (40); тонкое полотно *šmʕ.t-nfr.t* (13); ткань *grg.t* (1); ткань *tpj* (1);

б) размеры тканей и их количество: *h* – обозначение ширины (10); *hʕš* – обозначение ширины (1); *šsf* – обозначение ширины (17); *tm3* – обозначение ширины (1); *d3.t* – обозначение ширины (1).

Размеры тканей указывались следующим образом: отдельно стоящий высокий знак «ткань» (S 37) принято считать обозначением ширины в 1 локоть (например, ткань *ššr*, ширина 1 локоть, 1000). Тот же отдельно стоящий знак, но уже на горизонтальной подставке следует понимать как 1 × 10 (например, ткань *ššr* по 1 × 10 локтей в ширину). Горизонтальные или вертикальные штрихи () соответствуют ширине ткани, исчисляемой десятками (например, ткань *ššr* по 10 локтей в ширину).

В большинстве случаев иероглифические надписи, передающие название той или иной ткани, не вызывают сложностей в прочтении. Тем не менее и здесь имеются трудные для интерпретации места³⁶. Так, остаются вопросы, связанные с чтением знака «сокол на штандарте» (G 7). Исследователи списков тканей времен Старого царства предлагали различные варианты: *ntr*, *itj.w*, *idmj*³⁷. Первое чтение выглядит наименее вероятным. Знак (G 7) можно интерпретировать как наименования двух различных тканей. Э. Эдель, проанализировав многочисленные случаи употребления обоих терминов, пришел к выводу, что это названия особых материй: *itj.w* является нисбой, образованной от основы *itj* – «государь», таким образом, «государева», «царская ткань», а *idmj* означает «красная ткань»³⁸. Наибольшие сложности в интерпретации иероглифа связаны с практически полным отсутствием «фонетических» знаков рядом с идеограммой сокола на древнейших стелах. Позднейшие по времени употребления знаки позволяют говорить о том, что, по-видимому, наименование *idmj* постепенно заменило *itj.w*, причем для классической IV династии спорных случаев чтения уже не зафиксировано. На стеле NN, например, верхняя часть сетки с обозначениями тканей повреждена, однако сомнений, что там находилась именно ткань *itj.w* не возникает, поскольку ниже фонетическими знаками четко выписано *idmj*.

Другой пример, свидетельствующий об употреблении ткани *itj.w* – стела Нефер-маата. На ней также выписанные фонетическими знаками *idmj* находится ниже двух горизонтальных регистров с изображениями соколов (которых, следовательно, нужно читать как *itj.w*) и числительными. Эти случаи позволяют говорить о том, что еще в начале IV династии между этими двумя типами тканей существовала разница. Однако уже при Ра-хотепа, который был погреб-

³⁶ См. также Posener-Kriéger P. Les mesures des étoffes à l' Ancien empire // RdÉ. 1977. 29. P. 86–96.

³⁷ Этот вопрос обстоятельно разбирается в работе П. Мануэляна, который полагает, что знак читается *idmj* (The Slab Stelae... P. 153–155).

³⁸ Edel E. Beiträge zum ägyptischen Lexikon VI // ZÄS. 1975. 102. S. 24–27.

бен в Медуме рядом с Нефер-маатом, список тканей содержит только три обозначения, написание которых не оставляет сомнений. На стеле Мери³⁹, датируемой приблизительно серединой IV династии, название ткани *idmj* впервые записано фонетически таким образом, что третьим знаком является «сокол на штандарте» , причем сама надпись расположена на самом верху списка тканей. Все это позволяет говорить о том, что на более поздних памятниках из Гизы знак следует однозначно понимать как *idmj*.

Если для Старого царства тенденции в употреблении и способе написания знака ясны, то для II династии определенности в этих вопросах меньше. Поскольку эти стелы датируются временем, предшествовавшим IV династии, то говорить с полной уверенностью о надежности прочтения знака как *idmj* не представляется возможным.

На 38 стелах II–IV династий имеется обозначение тканей *idmj/itj.w*, выписанное знаком «сокол на штандарте», однако в 11-ти случаях форма «штандарта» имеет особенность: в площадке, изображенной перед соколом, выступает корм – мясо. В остальных случаях верхняя часть емкости, в которой должен находиться корм для этой хищной птицы, сливается с горизонтально расположенным шестом, на котором она сидит⁴⁰.

На стелах первых династий нет единообразия и в количестве знаков сокола, которыми записывалось название ткани. Однако ясна общая тенденция: наиболее архаичные стелы имеют минимальное количество изображений птиц на штандарте. Остается неясным, обусловлено ли число выписанных соколов на стеле количеством ткани или же общим композиционным оформлением памятника (и списка тканей) и, следовательно, наличием свободного места на каждой конкретной стеле. По-видимому, мастера, создававшие стелы, обладали определенной свободой при выписывании обозначений материи.

П. Мануэлян, упоминая мастабу IV династии G 2220 (шахта В) на западном кладбище в Гизе, замечает, что по изображениям из этой гробницы становится ясно, что тонкая ткань *šmꜥ.t nfr.t* использовалась для оборачивания тела покойного⁴¹.

На некоторых стелах отсутствуют вертикальные разделители между различными элементами списка, причем на более ранних вероятность такого опущения значительно выше. На стелах II династии из Хелуана разделители отсутствуют совсем (несмотря на наличие регистров), то же относится к стелам из Саккары (с единственным исключением в виде стелы Нит-ва, Нит-вас-неб). При III династии из трех памятников из Хелуана два имеют в перечне тканей вертикальные разделители, один (Сетеш-нефера) – нет. Из стел этой же династии из Саккары вертикальные разделители отсутствуют только у Хенемтет-и-нейт⁴² и Ипа⁴³. Для времени IV династии разграничители не выписаны на

³⁹ Ziegler C. Stèles, peintures et reliefs égyptiens de l'Ancien Empire. P., 1990. Cat. № 17. P. 108–111.

⁴⁰ Это стелы Ирни, Сиси, Упа, Сетеш-нефера, NN, Нефер-хотеп-хатхор, Джефанисут, Абу-неб-и, Ха-бау-сокра, Иуну, NN.

⁴¹ Manuelian. The Slab Stelae... P. 155.

⁴² James T.G. Corpus of Hieroglyphic Inscriptions in the Brooklyn Museum. I. Brooklyn, 1974. P. 10–11. Pl. XVII (31).

⁴³ Kplony. Die Inschriften... Bd III. Abb. 839.

стелах Уп-эм-нефрета⁴⁴ и NN⁴⁵, что, возможно, свидетельствует об их умышленной архаизации. На стелах Ка-нефера⁴⁶ и Хуфу-нахта⁴⁷ из Гизы вертикальные разделители отсутствуют только между знаками *h3* – «1000». На стеле Ка-нефера числительные, указывающие на количество тканей, записаны в прямоугольниках, по форме напоминающих широкий рулон ткани с бахромой в верхней части. По-видимому, такие широкие свертки с четким контуром не нуждались в дополнительных вертикальных разграничителях. Для стел из Гизы написание числительных таким способом засвидетельствовано также один раз на стеле Уп-эм-нефрета⁴⁸; такое же написание на стелах Мери⁴⁹, Иси⁵⁰, Ни-анх-тети⁵¹, Сиси⁵² и, по-видимому, Сетеш-нефера⁵³. На стеле Нефер-иабет вертикальные разграничители в регистрах вырезаны не были, однако позже их дорисовали краской.

Еще одну проблему в списках тканей II–IV династий составляет знак *ššr*. Из 39 случаев написания иероглифа — «стрела» только в 9-ти⁵⁴ его ориентация соответствует принятой норме; в остальных случаях он зеркально перевернут. Интересно, что для стел IV династии из Гизы засвидетельствовано только одно «правильное» написание этого знака (NN⁵⁵); притом именно на этом памятнике изменено и общее направление чтения сетки тканей – справа налево. Возможно, эта стела также несет на себе отпечаток архаизации. Э. Гардинер предлагал транслитерировать знак — «стрела» как *ššr* (T 11). На варианте *ššr* настаивает П. Мануэлян, приводя в качестве доказательства два написания знака с выписанным перед ним «фонетическим» *š*⁵⁶. Один из этих случаев – стела Джефа-нисут⁵⁷, датируемая III династией. Второй памятник относится к VI династии и происходит также из Саккары. Э. Гардинер связывал употребление знака *ššr* в составе существительного *šwn.w* со значением «врач». Возможно, ткань *ššr*, вошедшая в основной список жертв в захоронениях знати IV династии и могла быть как-то связана с медициной. К сожалению, какие-либо точные сведения на этот счет отсутствуют.

Подавляющее большинство «стрел» *ššr* имеет незаостренные концы, исключением являются формы знаков на стелах Хекен⁵⁸, Сиси⁵⁹, Сетеш-нефера⁶⁰,

⁴⁴ Smith. The Old Kingdom... P. 45. Fig. 78–79.

⁴⁵ Junker. Giza I. S. 229–230. Fig. 53b. Pl. 37b.

⁴⁶ Reisner. Op. cit. P. 390. Pl. 17b.

⁴⁷ Cherpion N. Mastabas et Hypogées d'Ancien Empire. La Problème de la Datation. Brussels, 1989. Pl. 17.

⁴⁸ Smith. The Old Kingdom... P. 45. Fig. 78–79.

⁴⁹ Ziegler. Stèles... P. 108–111.

⁵⁰ Mogensén M. La Glyptothèque Ny Carlsberg. Copenhagen, 1930. Pl. 93.

⁵¹ Weill. Des Monument... P. 225–230.

⁵² Saad. Ceiling Stelae... Pl. XXVII.

⁵³ Ibid. Pl. XXX.

⁵⁴ Проще указать памятники, на которых написание знака *ššr* — «стрела» — «правильное»: Хенемтет-и-птах, Хекен, Сехеф-нер, Нефер-хотеп-хатхор, Сечи, Ни-анх-тети, Ха-бау-сокр, Иси, NN.

⁵⁵ Junker. Giza I. S. 242. Abb. 59.

⁵⁶ Manuelian. The Slab Stelae... P. 156.

⁵⁷ Kaplony. Die Inschriften... Bd III. Abb. XXX.

⁵⁸ Saad. Ceiling Stelae... Pl. X.

⁵⁹ Ibid. Pl. XXVII.

⁶⁰ Ibid. Pl. XXIX.

Рис. 1. Схематическое изображение перечня тканей (со стелы IV династии)

Сехеф-нер⁶¹, Сечи⁶², Иуну⁶³. В некоторых случаях стрелы намеренно изображены с тупым расплюснутым концом. Оперение в хвостовой части стрелы чаще всего имеет овальную форму, хотя это и не является обязательным. Примерно половина стрел имеет прорезь в задней части для вкладывания тетивы, стел без прорези – 14 (в трех случаях утверждать наверняка мешает плохое качество прорисовки/фотографии памятника). Одна из первых стрел с характерным углублением для тетивы изображена на стеле II династии, принадлежавшей Хекен⁶⁴. На этой же стреле присутствует и оперение, хотя и весьма схематичное. Особо нужно отметить форму знака на стеле Сехеф-нер⁶⁵. Фактически, это не стрела, а ее наконечник: древко отсутствует полностью, и весь знак напоминает треугольник с выступом в основании. Места крепления оперения (чаще всего это три узких полоски на древке в хвостовой части стелы) различимы только на стелах IV династии.

Для обозначения еще одного из наиболее распространенных видов тканей – *z.w* на стелах использовался знак «балясина/колонна» (см. рис. 1).

Один из вопросов, возникающих при анализе обозначений тканей на стелах ранних династий – социальный статус их владельцев. На него можно с уверенностью ответить: на стелах II династии списки тканей появились как у людей царского, так и нецарского происхождения.

3. Происхождение памятников со списками тканей

Систематизация сведений о происхождении стел со списками тканей дает следующую картину.

При II династии наибольшее количество таких стел происходит из Хелуана. Число аналогичных памятников из Саккары для того же времени меньше в четыре раза.

⁶¹ Quibell. Archaic Mastabas. P. 10. Pl. 26–27.

⁶² Scharff A. Eine archaische Grabplatte des Berliner Museums / Studies presented to F. Ll. Griffith. L., 1932. P. 346 ff. Pl. LVII.

⁶³ Junker. Giza I. S. 173–179. Abb. 31.

⁶⁴ Saad. Ceiling Stelae... Pl. X.

⁶⁵ Quibell. Archaic Mastabas. P. 10. Pl. 26–27.

При III династии доминируют стелы из Саккары (происхождение четырех памятников остается неизвестным; еще четыре стелы датируются не на привязке к археологическому комплексу, а на анализе внешних признаков). Хелуан остается по-прежнему важным местом их происхождения (датировка двух из трех памятников, происходящих из одной гробницы № 247 Нб, не может считаться абсолютно надежной).

Для IV династии характерна концентрация большинства стел со списками тканей в некрополе Гизы. Из 15-ти списков 8 происходят из кладбища G 1200 (гробницы G 1201, 1203, 1205, 1207, 1223 и 1235) и датируются временем правления Хеопса. Мастабы G 1225 и 1227 были созданы в середине IV династии. Местом происхождения еще 3 списков является кладбище G 2100. Гробницы G 2120 и 2135 (стелы Сешат-сехентиу и NN) датируются временем с середины – конца IV династии. Остальные 5 списков археологически привязаны к кладбищу G 4000: список из гробницы G 4150 датируются временем Хеопса, из прочих мастаб – временем второй половины IV династии. Две стелы со списками происходят из Саккары: одна принадлежит Мечену (начало династии), другая – Мери (середина династии).

II. «ОСНОВНОЙ СПИСОК» ЖЕРТВ

На стелах IV династии хорошо различима группа жертв, занимающих на памятнике центральное место, – над изображением жертвенного стола и перед покойным. Сверху эта группа, которую можно обозначить как «основной список», ограничена горизонтальным регистром с титулами покойного или верхним краем стелы, справа – списком тканей⁶⁶. В предшествующие периоды такая четкая локализация центральной группы жертв отсутствовала. Так, на стелах II династии все жертвы по преимуществу упоминаются с правой стороны, в то время как левую и центральную занимает изображение человека и жертвенного стола. Начиная со II династии в «основном списке» засвидетельствовано наличие регистров (хотя памятников этого времени с регистрами примерно столько же, сколько без них). Практически всегда перечисления жертв расположены горизонтально. Исключение составляют две стелы IV династии из Гизы: Уп-эм-нефрета⁶⁷ и Нефер⁶⁸. На тех памятниках, где регистры отсутствуют, жертвы все равно записываются горизонтально. Выпадают из этого правила, по-видимому, только стелы Нефер-маата⁶⁹ (на которой просматривается три вертикальных столбца с надписями) и NN⁷⁰ (рис. 2).

Стелы с «основным списком» обычно подразделяют на две большие группы. Критерием служит количество жертв, упоминаемых в центральной части стелы: если в «основном списке» присутствует не более десяти названий, его принято называть «кратким», более десяти – «пространным». Наиболее явно такое деление «основного списка» жертв видно на стелах IV династии, тем не менее и для более ранних периодов такое разделение сохраняется⁷¹.

⁶⁶ Согласно классификации П. Мануэляна, это так называемая группа C (the list of offerings, located centrally).

⁶⁷ Smith. The Old Kingdom... P. 45. Fig. 78–79.

⁶⁸ Reisner. Op. cit. P. 395. Pl. 18b.

⁶⁹ Ziegler. Stèles... Cat. № 27. P. 172–175.

⁷⁰ Junker. Giza I. S. 229–230. Abb. 53b.

⁷¹ Если для IV династии количество жертв на этих двух видах стел различается в несколько раз, то для II династии разброс значительно меньше. К «пространному» типу мы относим 43 стелы, к краткому – 20 стел.

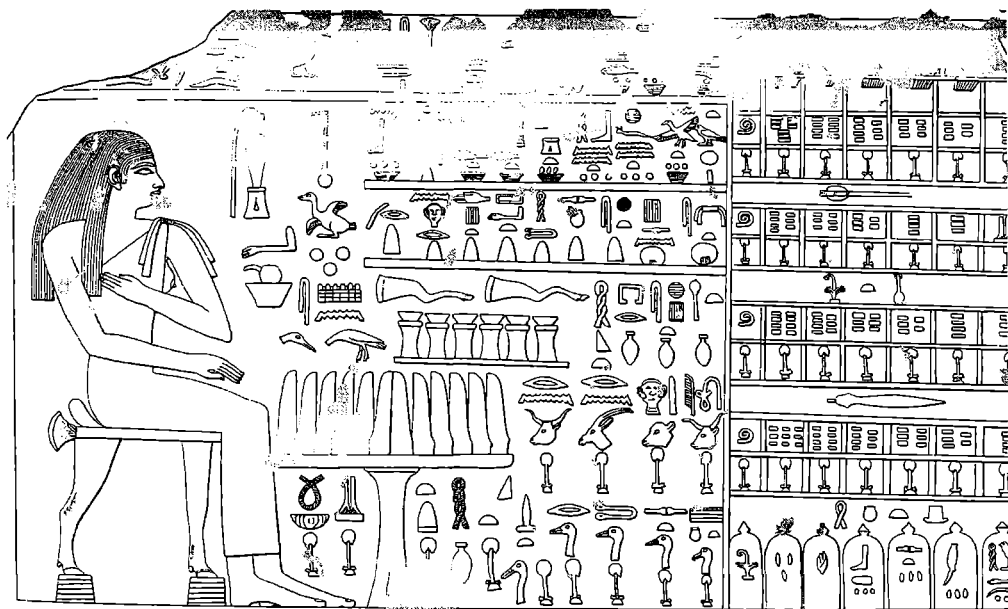

Рис. 2. Стела Мерет-итес. IV династия. Прорисовка

Репертуар жертв центральной части стелы наиболее разнообразен. Именно здесь владельцы памятников перечисляли не только окружавшие их при жизни вещи, но и редкие предметы (к примеру, шкуру дикой коровы и т.п.). Как следствие, велико число необычных объектов и уникальных написаний. Часто это уточняющие названия внутри какой-либо обычной группы жертв (хлебов, пива и др.)⁷². Однако наиболее употребительные жертвы на стелах выписывались не в этой центральной части, а сами они не входили в число названий, составляющих «основной список». Это положение хорошо иллюстрирует представленная ниже диаграмма (рис. 3).

Из десяти наиболее употребительных жертв для стел I–IV династий к «основному списку» относятся только пять. Это вино *irp*, умывальник *ic ꜥwj*, ладан *šntꜥr*, бык *kꜣ*⁷³ и масло *mrꜥ.t*. Занимающая в этом списке первое место ткань *idmj*, а также ткань *ššꜥr* выписывались в перечне материй, алебастровый сосуд *šš* – под жертвенным столом. Наиболее частотной жертвой в этой группе является вино *irp*, которое, как и умывальник *ic ꜥwj*, и ладан *šntꜥr*, входили в так называемый «краткий список» жертв.

В порядке расположения жертв можно заметить определенные особенности: два вида жертв (ладан *šntꜥr* и умывальник *ic ꜥwj*) выписывались преимущественно перед лицом покойного⁷⁴. Именно они открывают как «краткий», так и «пространный» список жертв центральной части. Из этого правила выпадает стела NN⁷⁵, на которой умывальник расположен сразу под списком тканей.

⁷² В качестве иллюстрации можно привести, например, редкое название вида хлеба (*ta-xer*) со стелы NN.

⁷³ Бык *kꜣ* в нескольких случаях засвидетельствован и под жертвенным столом (т.е. относится к другой группе жертв). То же относится и к вину *irp*.

⁷⁴ На стелах из Хелуана умывальник присутствует только на двух стелах III династии: Упа и Сетеш-нефера.

⁷⁵ James. Corpus... P. 10–11. Pl. XVII (31).

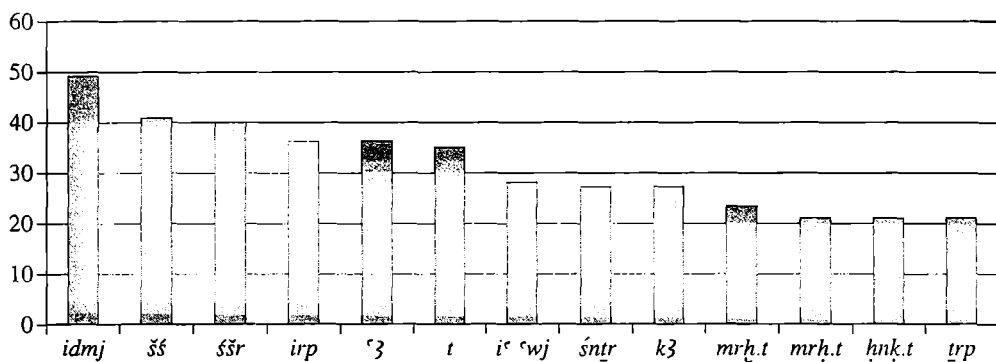

Рис. 3. Наиболее употребительные жертвы

Обозначение умывальника, одной из наиболее часто встречающихся жертв, могло записываться на стелах различным способом. Наиболее полный вариант – изображение всех трех составных частей этого прибора: знаков «рука» (или рука с льющейся на нее водой), «тазик» и «кувшин» с выступающим носиком. Однако часто выписывалась лишь часть этих элементов. Так, на стелах Нефрет-иабет⁷⁶ и Ка-нефера⁷⁷ присутствует только знак «рука» (всегда занимает верхнее положение)⁷⁸; на плитах Ра-хотепа⁷⁹, Упка⁸⁰, Сечи-хекенет⁸¹, Ка-эм-аха⁸² и Иуну⁸³ выписаны только знак «тазик» и стоящий в нем «кувшин» с носиком.

Одной из отличительных черт некоторых стел III и IV династий является наличие групп жертв, объединенных общим названием. Такие случаи засвидетельствованы только для памятников с «пространным» списком жертв. При II–IV династиях на стелах часто присутствуют несколько разновидностей одних и тех же продуктов (например, различные сорта хлеба, виды масел). При II династии для композиционной организации такой группы жертв прибегали к простому и логичному способу – помещали их в один горизонтальный регистр. Примером могут служить стелы Ка-хет⁸⁴ и Сехефнер⁸⁵. В период III и IV династий от этой схемы не отказывались (поэтому, например, у Меретитес⁸⁶ 9 названий хлебов выписаны подряд в одном горизонтальном регистре), однако появляется и другая форма записи – горизонтальная рубрика с общим названием для нескольких наименований однотипных приношений, которые записываются в вертикальный столбик. Наиболее наглядно такое оформление засвидетельствовано на стелах Нефер-хотеп-хатхор и ее супруга Ха-баусокра⁸⁷. На стеле первой общими заглавиями для групп жертв являются: мас-

⁷⁶ Reisner. Op. cit. P. 403–405. Pl. 19b.

⁷⁷ Ibid. P. 390. Pl. 17b.

⁷⁸ Исключение составляет памятник Джефа-нисут.

⁷⁹ Harpur. The Tombs... P. 109. Fig. 98. Pl. 65, 71.

⁸⁰ Quibell. Archaic Mastabas... P. 10. Pl. 28, 1.

⁸¹ Reisner. Op. cit. P. 408. Pl. 20a.

⁸² Ibid. P. 412. Pl. 20b.

⁸³ Junker. Giza I. S. 173–179. Abb. 31.

⁸⁴ Saad. Ceiling Stelae... Pl. XII.

⁸⁵ Quibell. Archaic Mastabas. P. 10. Pl. 26–27.

⁸⁶ Reisner. Op. cit. P. 460–462. Fig. 280. Pl. 57a.

⁸⁷ Weill. Des Monument... P. 251–255; 242–251.

ло *mrh.t*, передник *iʕ*ʒ, напиток *šhp.t*, мебель *šʒd*, эбеновое дерево *hbn*. Под каждым из этих обозначений, записанных горизонтально, находятся в среднем шесть других уточняющих названий. У Ха-бау-сокра общими заглавиями выступают: гончарные изделия *sshʒ*, гончарная глина *šhp(.t)*, масло *mrh.t*, передник *iʕ*, материал *ka* для изготовления сосудов *kʒ*, сосуд из порфира с ушками *tjʒʒ.t*, мебель *šʒ[d]*, неизвестное название (?). Количество объединенных одним названием жертв на его стеле в среднем составляет три, а не шесть, как у его супруги, наименований⁸⁸.

III. ЖЕРТВЫ, ВЫПИСАННЫЕ ПОД ЖЕРТВЕННЫМ СТОЛОМ

В композиционном оформлении стел II–IV династий выделяется группа жертв, располагавшихся непосредственно под жертвенным столом покойного. Помимо особой локализации на стеле эту группу выделяет еще весьма ограниченное число входящих в нее предметов⁸⁹. Для оформления этой группы жертв характерны те же закономерности развития, что и для прочих, а именно – упорядочивание.

На большинстве памятников II династии жертвы под столом отсутствуют. Исключений немного: это стела Ни-си-нейт, на которой под столом выписан высокий сосуд, по-видимому, с пивом *hmk.t*; разрушенное обозначение жертвы на памятнике Ху-итэфа⁹⁰, под которым сохранилось числительное 10; ясно различимые знаки хлеба *t* и сосуда с пивом *hmk.t* на стеле Нит-ва, Нит-вас-неб⁹¹, которая датируется II–III династиями. Спорный случай присутствует на стеле Сечи⁹²: на ней *рядом* с очень невысоким жертвенным столом с правой стороны выписаны два сосуда, по-видимому, с вином и пивом. Соотносимые размеры иероглифов и стола делают этот случай особым, однако он подводит к относительно частой ситуации, когда на стелах II династии под столом оказываются жертвы, являющиеся либо продолжением «основного списка» жертв (часто они записаны в регистрах), либо перечня жертв на правой стороне стелы. Характерной особенностью ряда памятников II династии является ситуация, когда в самом низу стелы, справа, выписаны жертвы, которые позднее будут занимать место под столом владельца памятника. Так, на заупокойной стеле Иу-сен-джета⁹³ внизу с правой стороны выписаны жертвы *t hʒ*, *hmk.t hʒ* (хлеб 1000, пиво 1000); на стелах III династии подобная запись всегда помещалась под жертвенным столом. Именно в эпоху III династии в этой группе фиксируются жертвы, которые можно назвать «классическими»: это алебастровый сосуд *šš*, ткань *mnh.t*, пиво *hmk.t* и хлеб *t*. Во многих случаях, однако, выписываются лишь некоторые из них, притом, в размещении (справа или слева от ножки стола) закономерности не просматриваются.

⁸⁸ Открытым остается вопрос, можно ли все без исключения названия групп считать общими обозначениями, а не всего лишь одной из жертв, записанных выше. Например, на стеле Нефер-хотеп-хатхор *šhp.t* обозначает питье из фиников, что едва ли подходит на роль общего определителя к группе из четырех других названий.

⁸⁹ О делении композиционного пространства для стел из Гизы см. *Manuelian. The Slab Stelae...* P. 2.

⁹⁰ *Saad. Ceiling Stelae...* Pl. IX.

⁹¹ *Ziegler. Stèles...* Cat. № 23. P. 157–160.

⁹² *Scharff. Eine archaische Grabplatte...* P. 346 ff. Pl. LVII.

⁹³ *Saad. Ceiling Stelae...* Pl. XXIII.

Жертвы под столом присутствуют на всех стелах IV династии. По сравнению с предшествующим периодом изменяется их репертуар (в основном за счет добавления птиц и скота), а также упорядочивается их расположение на стелах: одни жертвы записываются преимущественно справа от ножки стола, другие – слева (см. табл. I)⁹⁴.

Таблица I

Расположение жертв, изображенных под жертвенным столом на стелах IV династии

Название жертвы		Расположение	
		Слева от ножки жертвенного стола (количество употреблений)	Справа от ножки жертвенного стола (количество употреблений)
<i>iḥ.t wr.t</i>	большая корова	–	1
<i>iḥ.t nb.t</i>	всякие хорошие вещи,	1	–
<i>nfr(.i)</i>	всякие овощи		
<i>rnp.w nb</i>			
<i>ẓpd</i>	птица	1	3
<i>irp</i>	вино	3	2
<i>rʒ</i>	гусь <i>pa</i>	1	2
<i>rn iwʒ</i>	длиннорогий бык	–	1
<i>rn mʒḥd</i>	молодой орикс	–	2
<i>rn ngʒ.w</i>	длиннорогий бык	–	1
<i>mnḥ.t</i>	ткань	11	10
<i>nwḏw</i>	антилопа	–	7
<i>ngʒ.w</i>	молодой скот	–	1
<i>ḥnk.t</i>	пиво	7	15
<i>šš</i>	алебастровый сосуд	12	9
<i>kʒ</i>	бык	1	11
<i>t</i>	хлеб	7	14
<i>irp</i>	гусь <i>черепа</i>	–	4
<i>dbʒ</i>	инжир	1	–
<i>qʒ.t</i>	серый журавль	–	1
Всего: 18		45	84

Наиболее употребительными жертвами, выписывавшимися под жертвенным столом, являются пиво *ḥnk.t*, ткань *mnḥ.t*, алебастровый сосуд *šš*, хлеб *t* и бык *kʒ*. Из таблицы I следует, что пиво и хлеб в большинстве случаев записывались справа от ножки жертвенного стола, а ткань и алебастровый сосуд практически в одинаковых количествах зафиксированы и справа, и слева от нее.

IV. ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖИТНИЦ

Начиная с III династии в нижней части заупокойных стел (чаще всего в конце списка тканей) появляются изображения житниц с обозначением их содержимого. Три памятника из девяти, на которых они встречаются, происходят из Саккары, один – из Медума, остальные пять – из Гизы. На стеле Ха-бау-сок-ра⁹⁵ (III династия, Саккара), сохранилось семь названий содержимого этих хра-

⁹⁴ К группе жертв под столом, по-видимому, в некоторых случаях следует относить и изображения-идеогаммы, выписанные над ним. Так, при IV династии над жертвенным столом часто вырезается задняя коровья нога, тушка птицы без головы и пр. Подобные знаки не читаются и композиционно тяготеют к группе жертв под столом.

⁹⁵ Weill. Des Monument... P. 242–251.

нилищ, у Нефер-хотеп-хатхор⁹⁶ (III династия, Саккара) – восемь, у Мери⁹⁷ (IV династия, Саккара) – пять (названия еще двух, по-видимому, не сохранились из-за разрушения памятника), у Нефер-маата⁹⁸ (IV династия, Медум) – три, у Сечи-хекенет⁹⁹ (IV династия, Гиза) – пять, у Сешат-сехенти¹⁰⁰ (IV династия, Гиза) – четыре или пять, у Мерет-итес¹⁰¹ (IV династия, Гиза) – семь, у Иуну¹⁰² (IV династия, Гиза) – пять¹⁰³, на стеле, имя владельца которой не сохранилось¹⁰⁴ (IV династия, Гиза), – шесть. Большинство изображенных житниц имеют трапезиевидную форму, схожую с формой иероглифа с небольшими выступами по краям основания. Исключением является стела Мерет-итес, на которой семь житниц выписаны с округлым верхом и заостренным навершием. Общим обозначением для них является термин *šnw.t* или *mḥr*.

Схожие перечни содержимого житниц засвидетельствованы на стелах Сечи-хекенет¹⁰⁵ и Иуну¹⁰⁶. На этих памятниках выписано одинаковое количество житниц, совпадает и порядок перечисления их содержимого. Различаются списки формой знака *š* в *bšz* (он не прямоугольный в третьей житнице на памятнике Сечи-хекенет), порядком написания знаков в слове *ḡw.t* (выписано *ḡwg.t*, в четвертой житнице у Сечи-хекенет) и несовпадением названий для хлебов – *ḥbnnw.t* у Сечи-хекенет и *ḥfnnw.t* у Иуну. Направление чтения житниц – преимущественно слева направо. Из девяти случаев лишь в трех (у Ха-бау-сокра, Нефер-хотеп-хатхор и на стеле NN из гробницы № 4860) надписи читаются справа налево. Единственный раз (на стеле Нефер-хотеп-хатхор) засвидетельствовано слово *nbš* ююба¹⁰⁷. Названия житниц для III и IV династий совпадают: *šmḥ.w*, *mḥw*, *bd.t*, *sw.t*, *bšz*, *wḥ*, к которым изредка добавляется *bnr*, *d-dw*, *nbš*¹⁰⁸.

⁹⁶ Ibid. P. 251–255.

⁹⁷ Ibid. P. 300–304.

⁹⁸ Ziegler. Stèles... Cat. № 27. P. 172–175.

⁹⁹ Reisner. Op. cit. P. 408. Pl. 20a.

¹⁰⁰ Ibid. P. 428. Pl. 39a.

¹⁰¹ Ibid. P. 460–462. Fig. 280. Pl. 57a.

¹⁰² Junker. Giza I. S. 173–179. Abb. 31.

¹⁰³ Знаки на стеле темно-серого цвета, что может указывать на строительство реальных житниц из кирпича-сырца.

¹⁰⁴ Junker. Giza I. S. 242. Abb. 59.

¹⁰⁵ Reisner. Op. cit. P. 408. Pl. 20a.

¹⁰⁶ Junker. Giza I. S. 173–179. Abb. 31.

¹⁰⁷ П. Мануэлян, анализируя стелы из Гизы (The Slab Stelae... P. 160), специально отметил единственный случай употребления арахиса *wḥ* на стеле Мерет-итес, связав его с округлой формой знака самой житницы. Однако в памятниках III династии (Нефер-хотеп-хатхор, Ха-бау-сокра) такая связь не обнаруживается.

¹⁰⁸ Анализ изображений житниц на стелах свидетельствует, что в них хранились не только злаки, но и арахис *wḥ*, мука с отрубями *d-dw*, ююба *nbš*, инжир *dbz*. Хотя пшеница и ячмень бесспорно преобладали, количество и разнообразие других сельскохозяйственных продуктов заставляет задуматься над точностью перевода «житница» (применительно к данной категории памятников) и заменой его более общим термином, например, «сельскохозяйственное хранилище». Особого внимания в этой связи заслуживает и стела Нефер-маата, на которой под указанием содержимого построек единственный раз выписано числительное (1000). Этот уникальный случай отчасти можно объяснить давлением разработанной композиции оформления стелы, но прежде всего он показывает, что знак «житница» использовался для обозначения большого объема заупокойных жертв с сыпучей консистенцией. Если, к примеру, количество голов забитого скота, хлебов и др. измеряется в штуках, то зерно, арахис, инжир и др. измеряется в житницах, в хранилищах.

Заупокойные стелы III–IV династий с изображениями житниц

Стела	Количество житниц							
	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Ха-бау-сокр	<i>it</i> ячмень	<i>bd.t</i> эммер	<i>bšš</i> солод	[...]	<i>dbš</i> инжир	<i>išd</i> плоды персеи	<i>wḥ</i> арахис	[...]
2. Нефер-хотеп-хатхор	<i>bšš</i> солод	<i>sw.t</i> полба	<i>ḡw.t</i> поджаренное зерно	<i>it-šmḥ.w</i> верхнеегипетский ячмень	<i>wḥ</i> арахис	<i>išd</i> плоды персеи	<i>dbš</i> инжир	<i>nbs</i> ююба
3. Мери	<i>it</i> ячмень	<i>bd.t</i> эммер	<i>sw.t</i> полба	[...]	<i>d-ḡw</i> (?) злак <i>дуджу</i> (?)	<i>(it)-šmḥ.w</i> верхнеегипетский ячмень		
4. Нефер-маат	<i>sw.t</i> полба	<i>bšš</i> солод	<i>bd.t</i> эммер					
5. Сечи-хекенет	<i>it-šmḥ.w</i> верхнеегипетский ячмень	<i>it-mḥ.w bd.t</i> нижнеегипетский ячмень	<i>sw.t bšš</i> полба, солод	<i>ḡw.t</i> поджаренное зерно	<i>ḥbnnw.t</i> хлеб <i>хебненут</i>			
6. Мерет-итес	<i>(it)-šmḥ.w</i> верхнеегипетский ячмень	<i>it</i> ячмень	<i>bd.t</i> эммер	<i>bšš</i> солод	<i>sw.t</i> полба	<i>bnr.wt</i> финики	<i>wḥ</i> арахис	
7. Сешат-схентиу	[...]	<i>it-mḥw</i> нижнеегипетский ячмень	<i>bd.t</i> эммер	<i>sw.t</i> полба	[...]			
8. Иуну	<i>it-šmḥ.w</i> верхнеегипетский ячмень	<i>it-mḥw bd.t</i> нижнеегипетский ячмень	<i>sw.t bšš</i> полба, солод	<i>ḡw.t</i> поджаренное зерно	<i>ḥfnnw.t</i> зерно <i>хефненут</i>			
9. № 4860	<i>it-šmḥ.w</i> верхнеегипетский ячмень	<i>it-mḥw</i> нижнеегипетский ячмень	<i>bd.t</i> эммер	<i>bšš</i> солод	<i>sw.t</i> полба	<i>bnr.wt</i> финики		

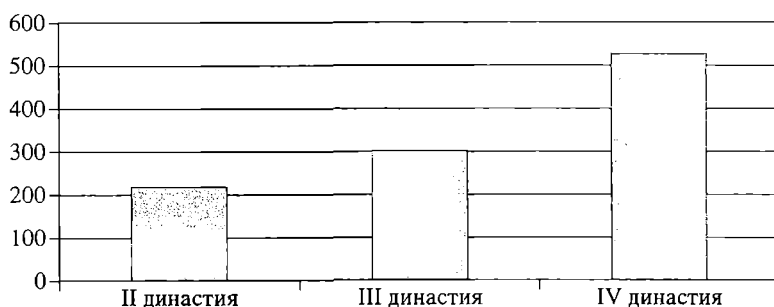

Рис. 4. Общее количество упоминаний жертв на стелах первых династий

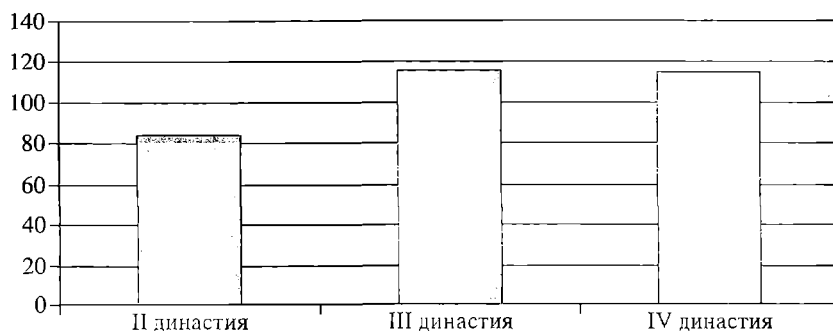

Рис. 5. Общее количество жертв, встречающихся в первые династии

Общие наблюдения над списками жертв на стелах

Анализ композиционного оформления списков жертв на стелах первых династий позволяет выделить общие закономерности их использования, а также расположения на памятниках. На графике (рис. 4) видно, что число упоминаний жертв возрастает от династии к династии. Это, в свою очередь, предполагает и увеличение поверхности стелы, которую занимают жертвы, и значительное упорядочивание перечней последних. На графике видно, что при IV династии количество упоминаний возрастает по сравнению с III намного больше, чем при III по сравнению со II.

Эти данные интересно сравнить с еще одним графиком, который иллюстрирует динамику изменения репертуара выписывавшихся жертв (рис. 5). Диаграмма свидетельствует, что уже при II династии на заупокойных стелах присутствовала большая часть названий, известных в более позднее время. Заслуживает внимания и тот факт, что количество жертв при III династии не отличается от IV. По-видимому, объяснение этому следует искать в практике жертвоприношений, которая уже в это время была вполне разработана и воспринималась как устоявшаяся (то, что приносили в жертву при II династии практически не отличалось от того, что приносили при IV).

Эволюцию, которую претерпевали различные группы жертв на стелах при первых династиях, можно видеть на рис. 6¹⁰⁹. Количество разных жертв, записывавшихся под столбом в нижней части стелы, от династии к династии практи-

¹⁰⁹ Коэффициент ν позволяет сравнить относительные величины, характеризующие три группы жертв. От разных династий дошло разное количество стел, что не позволяет сопоставлять необработанную числовую выборку для каждой из групп.

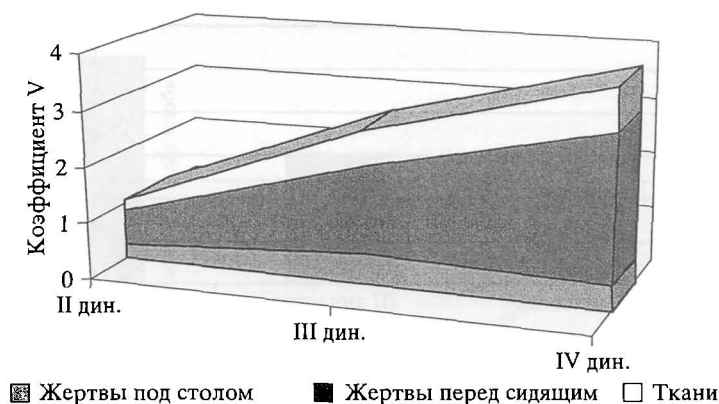

Рис. 6. Динамика изменения групп жертв

чески не менялось. За период правления трех царских домов количество названий различных тканей увеличилось более чем в два раза. Больше всего возросло многообразие жертв центральной части стелы, изображавшихся перед покойным.

Таким образом, в настоящей статье рассматриваются перечни жертв на египетских заупокойных стелах первых четырех династий, которые появляются на севере страны начиная со II династии. Проведенный анализ позволяет говорить о четком композиционном делении названий жертв на определенные группы. Основной список жертв располагается в центре перед покойным и включает в себя как продукты питания, так и косметические принадлежности. Названия жертв, выписанных под столом, – еще один элемент композиционного оформления стелы – ограничены шестью различными названиями; в разные эпохи эти жертвы выписывались справа и слева от ножки стола. Обозначения тканей всегда занимают крайнюю правую часть стелы. На этом разделенном регистрами пространстве перечисляются материи, использовавшиеся при бальзамировании, указывается их ширина и количество. В результате исследования становится понятным репертуар материального обеспечения культа, в котором преобладали всевозможные виды хлеба, сосуды с разным содержимым и масла. Наблюдаемый от династии к династии рост обозначений провианта свидетельствует об увеличении централизованного государственного присутствия в снабжении захоронений. Незначительно меняющееся количество наименований тканей и особенности их написания, а именно покрытие ими большой площади поверхности стел, позволяет сделать вывод о неизменной важности этих материалов и невысоком потенциале развития ткачества в древнейший период египетской истории.

RECORDS OF OFFERINGS ON THE EGYPTIAN STELAE OF THE I-IV DYNASTIES

A. N. Nikolaev

The article is devoted to the analysis of textual and emblematic records of offerings on ancient Egyptian stelae of the first four dynasties. The study covers more than 50 monuments. Four major groups can be distinguished in the composition: the main offering list in front of the face of the slab's owner, offerings under the table, various kinds of cloths and granaries. Numerous types of bread, vessels and oil dominate the repertoire. An increasing number of designations of food indicates growing share of the state in the supply of the cult.

М. А. Бойцов

ПОКАЯНИЕ ИМПЕРАТОРА: ФЕОДОСИЙ I И АМВРОСИЙ МЕДИОЛАНСКИЙ*

Идеологический переворот Константина Великого на первых порах привнес куда меньше новшеств в облик императорской власти, чем можно было бы предположить ретроспективно, зная, сколь сильное воздействие христианство в конечном счете оказало на всю европейскую культуру. Разумеется, набор образов, при помощи которых римская власть дефинировала себя и «общалась» с подданными, благодаря Константину изменился, но лишь поверхностно. Для времени равноапостольного императора и его первых преемников уместно говорить не столько о разработке *нового* языка власти, сколько лишь о частичном и неспешном приспособлении языка традиционного к специфическим понятиям и образам христианства. Конечно, и такого рода «перевод» должен был привести к серьезным новациям, но лишь в результате длительного процесса эволюционного свойства.

Первой же революционной новацией, вызванной христианством и именно им, пришлось ждать более полувека после кончины Константина. Тогда совместными усилиями епископа медиоланского Амвросия и императора Феодосия I на свет появилась такая форма репрезентации государя, которую едва ли не впервые можно назвать собственно христианской, поскольку у нее не имелось прямых предшественниц в языческом прошлом. Зато будущее ей было суждено большое: она пользовалась популярностью еще в начале Нового времени.

Все началось с мятежа в македонской Фессалонике, случившегося весной или же, скорее, летом 390 г. Феодосий приказал наказать виновных, что вылилось (возможно, вопреки его намерениям) в широкие репрессии против жителей этого большого города. Хотя далеко не всем рассказам церковных историков IV–V вв. о ужасах расправы правительственных войск следует верить, трудно сомневаться в том, что в Фессалонике действительно случилось большое кровопролитие и что в сознании современников вина за него легла на императора¹. Сохранился единственный документ, относящийся ко времени фессалоникийских событий, причем он сам является, так сказать, их немаловаж-

* Статья подготовлена при поддержке Американского совета ученых сообществ. Автор признателен также Институту истории Общества им. Макса Планка за любезные приглашения в январе и августе 2006 г., благодаря которым ему удалось использовать прекрасные фонды гёттингенских библиотек.

¹ Подробнее см. *Бойцов М.А. Раскаяние государя: император и епископ // Власть, общество и индивид в средневековой Европе / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2009 (в печати).*

ной частью². Это послание императору Феодосию епископа столичного Медиолана Амвросия – крупнейшего деятеля церкви той поры, одного из самых влиятельных политиков в западной части империи. По поводу того, кто предал огласке текст этого письма (то ли сам Амвросий в конце жизни, то ли его секретарь Павлин уже после кончины епископа, то ли, наконец, кто-либо из средневековых «архивистов»), историки давно уже ведут спор. Впрочем, крупнейший сегодня знаток эпистолярного наследия Амвросия Медиоланского, М. Цельцер, полагает, что поставила в споре точку: на основании изучения рукописной традиции она пришла к выводу, что знаменитое письмо было опубликовано только в IX в., а значит осталось современникам его автора неизвестным³. Если М. Цельцер права, повышается вероятность того, что мы имеем дело с исходным текстом, не перерабатывавшимся Амвросием при подготовке им собрания своих писем к публикации.

Действительно, Амвросий дает понять, что его послание носит строго доверительный характер и предназначено только для очей венценосного корреспондента. Автор даже утверждает, что последнюю часть эпистолы (примерно треть ее общего объема) написал собственноручно, дабы не допустить ее огласки⁴. Единственная тема письма: необходимость покаяния за убийство невинных людей в Фессалонике.

Амвросий пишет, что весть о произошедшем в этом городе застигла его на соборе (в Медиолан как раз собрались епископы из Северной Италии и Галлии), произведя не только на него, но и на всех остальных самое тяжелое впечатление: «...не было никого, кто не погрузился бы в скорбь, никого, кто отнесся бы к ней с равнодушием»⁵. Никто не мог припомнить ничего подобного тому, что случилось в Фессалонике⁶. Возможно, Амвросий в риторических целях сгустил краски, настаивая на единодушной «скорби» епископата и представляя себя выразителем общей воли. Стоит иметь в виду, что съехавшиеся

² Такую оценку см. *Schieffer R. Von Mailand nach Canossa. Ein Beitrag zur Geschichte der christlichen Herrscherbuße von Theodosius d. Gr. bis Heinrich IV // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1972. 28. S. 333–370, bes. 339.* Время написания в послании не указано, но Ж.Р. Паланк предлагает датировать его примерно 10 сентября 390 г. Его обоснование: во-первых, в письме упоминаются «небесные знамения», под которыми может подразумеваться только комета, наблюдавшаяся с 22 августа по 17 сентября. Во-вторых, император должен был вернуться в Медиолан после 8 сентября – дня, которым датирован последний из известных нам его веронских указов (VI id. Sept). См. *Palanque J.-R. Saint Ambroise et l'empire romain. P., 1933. P. 538.* Эта аргументация убедила не всех. Попытку перенести события в Фессалонику вновь на весну см. в ст.: *Lippold A. Theodosius I // RE. Supplbd 13. München, 1973. Sp. 837–961, bes. 888; idem. Theodosius der Große und seine Zeit. München, 1980 (Urban-Bücher, 107). S. 43.*

³ См. *Zelzer M. Prolegomena // Sancti Ambrosii Opera. Pars X. T. 3 / Rec. Michaela Zelzer. Vindobonae, 1982 (CSEL, 82). P. CXV; Zelzer K., Zelzer M. Befunde und Probleme lateinischer Tradition // ZAC. 2004. 8. S. 107–126, bes. 125, и другие публикации этой исследовательницы.*

⁴ «Postremo scribo manu mea quod solus legas» (*Ambrosius. Ep. 11 [51], 14*). В литературе принято считать, что Амвросий вовсе не пользовался услугами секретаря, сочиняя это послание. Однако первое слово приведенной цитаты указывает скорее на то, что лишь с этого места он сам взял в руку стило. Письма Амвросия цитируются по изд.: *Sancti Ambrosii Opera. Pars X. T. 3.* Ссылки на Ep. 11 [51] далее не оговариваются.

⁵ «Quando primum auditum est, propter adventum Gallorum episcoporum synodus convenerat, nemo non ingemuit, nullus mediocriter accepit...» (6).

⁶ «Factum est in urbe Thessalonicensium quod nulla memoria habet» (*ibid.*).

епископы видели в Амвросии своего главу – если не формального, то фактического⁷. Соответственно, их отношение к актуальному событию в очень большой степени зависело от позиции, занятой самим Амвросием, а то и полностью определялось именно ею.

Когда Амвросий узнал о кровопролитии в Фессалонике, император был в отъезде (надо полагать, в Вероне⁸), но собирался вскоре вернуться в Медиолан. За два-три дня до его прибытия Амвросий уезжает из столицы якобы по причине болезни⁹ в Аквилею – в то время центр второго по значению после Милана епископства в Северной Италии, где предстоятелем был друг Амвросия Хромаций¹⁰. В послании, отправленном из Аквилеи, Амвросий дает понять, что хворь была всего лишь предлогом: на самом деле он не может в присутствии Феодосия служить литургию, а следовательно, и встречаться с ним.

Тем не менее письмо свое Амвросий начинает со «сладкого воспоминания о старинной дружбе», связывающей его и Феодосия. У историков нет оснований полагать, будто между автором и адресатом когда бы то ни было существовали особо теплые отношения; более того, Амвросия не допустили в круг доверенных советников императора¹¹. На давнюю «дружбу» Амвросий указывает здесь явно в риторических целях. И в античности, и в Средние века слово *amicitia* часто употреблялось для описания неравноправных отношений – такая «дружба» связывала, например, патрона и клиента, сеньора и вассала. Однако Амвросий в трактате «Об обязанностях священников» предлагает, как считает Й. Эрнести, собственную трактовку «дружбы». Он относит ее полностью к сфере частного и провозглашает «равенство» (*aequalitas*) между друзьями, занимающими разные ступени в общественной иерархии, – по крайней мере в том, что касается «увещания» (*monitio*) сошедшего с праведного пути¹². «Дружба есть страж благочестия и учительница равенства, так что вышестоящий должен относиться к нижестоящему, как к равному, и точно так же ниже-

⁷ О ведущей роли Амвросия по отношению к епископам Северной Италии, о том, как он их возводил на кафедры и наставлял в церковных делах, см., например: *Lizzi R. Ambrose's Contemporaries and the Christianisation of Northern Italy* // *JRS*. 1990. 80. P. 156–173; *McLynn N.B. Ambrose of Milan. Church and Court in a Christian Capital*. Berkeley–Los Angeles–London, 1994 (*The Transformation of the Classical Heritage*, 22). P. 276–290.

⁸ Реестр указов, выпущенных Феодосием, показывает, что в августе и сентябре 390 г. он был в Вероне. См. *Seeck O. Regesten der Kaiser und Päpste für die Jahre 311 bis 476 n. Chr.* Stuttgart, 1919. S. 277–278. Предположение Ф. Кольба, что император специально уехал из Медиолана, дабы избавиться от слишком сильного давления на него со стороны Амвросия, заходит слишком далеко: *Kolb H. Die Kirchenbuße von Mailand: Zum Verhältnis von Staat und Kirche in der Spätantike* // *Geschichte und Gegenwart. Festschrift für K.D. Erdmann* / Hrsg. von H. Boockmann et al. Neumünster, 1980. S. 41–74, bes. 49. Реалистичнее мнение Н. МакЛинна: Феодосий либо был занят аллеманскими делами, либо же (что самое вероятное) просто скрывался от зноя, ведь его предшественники тоже часто уезжали из Медиолана на летние месяцы (Op. cit. P. 323. Прим. 112).

⁹ «*Praetendi aegritudinem corporis revera gravem et nisi a viris mitioribus vix levandam vel emori tamen maluissem quam adventum tuum biduo aut triduo non expectaram*» (5).

¹⁰ *Lizzi*. Op. cit. P. 165.

¹¹ См., например: *Groß-Albenhausen K. Imperator christianissimus. Der christliche Kaiser bei Ambrosius und Johannes Chrysostomos*. Frankfurt am Main, 1999 (*Frankfurter althistorische Beiträge*, 3). S. 115.

¹² *Ernesti J. Princeps christianus und Kaiser aller Römer. Theodosius der Große im Lichte zeitgenössischer Quellen*. Paderborn–München–Wien–Zürich, 1998 (*Paderborner Theologische Studien*, 25). S. 175–176.

стоящий – к вышестоящему... Пусть нижестоящему хватит авторитета, чтобы потребовать нужного, а вышестоящему – смирения. Пусть он выслушает того как равного себе, как того, кто стоит с ним на одном уровне, а тот пусть увещевает и упрекает его как друг, не из тщеславия, но испытывая любовь»¹³. Похоже, именно о такой дружбе пишет Амвросий императору – дружбе, позволяющей «низшему» в официальной табели о рангах прямо указывать «высшему» на его просчеты и давать ему наставления в приватном порядке.

С признательностью вспоминает Амвросий о благодеяниях, которые император, прислушиваясь к его частым просьбам, оказывал другим (выходит, сам Амвросий облагодетельствованным себя не чувствует). Феодосий должен понять, что отнюдь не по причине неблагодарности епископ уклонился от участия во встрече государя – участия, ранее представлявшегося Амвросию столь желанным¹⁴.

Исследователи обычно не обращают внимания на то, что Амвросий здесь, похоже, говорит не о частном приветствии, а об официальном *adventus domini* – торжественном вступлении императора в город¹⁵. Епископ в качестве главы церковной общины Медиолана должен был участвовать в церемонии встречи. «Публичное отсутствие» Амвросия при одном из важнейших актов выражения лояльности подданных к государю (каким всегда был *adventus*) должно было выглядеть весьма многозначительно. Амвросий умел использовать публичные церемонии для своей пользы: за два года до того он вынудил Феодосия изменить его решение именно тем, что обратился к нему в присутствии многочисленного народа на богослужении. Не согласись Феодосий с желаниями Амвросия, тот не стал бы совершать таинство евхаристии и причащать собравшихся в храме, чем настроил бы паству против императора¹⁶.

Амвросий по сути дела признает, что его неучастие во встрече императора было демонстрацией, и обещает «кратко изложить» ее причины¹⁷. Но сначала он пространно рассуждает о том, что Феодосий запретил информировать Амвросия о вопросах, рассматривающихся в консистории, и епископ со своей сто-

¹³ «Pietatis custos amicitia est et aequalitatis magistra, ut superior inferiori se exhibeat aequalem, inferior superiori... Nec auctoritas desit inferiori, si res proposcerit, nec humilitas superiori. Audiat quasi parem, quasi aequalem; et ille quasi amicus maneat, obiurget, non iactantiae sudio, sed affectu caritatis» (*Ambrosius. De officiis ministrorum libri tres. III, 22, 133. Цит. по изд.: Sancti Ambrosii Episcopi Mediolanensis opera / Ed. G. Banterle. Vol. 13. Milano-Roma, 1977. P. 354. Ср.: Ernesti. Op. cit. S. 176. О самом произведении см. Zelzer K. Randbemerkungen zu Absicht und Arbeitsweise des Ambrosius in De officiis // ΣΦΑΙΡΟΣ. Hans Schwabl zum 70. Geburtstag gewidmet. Wien, 1994/1995 (Wiener Studien. 1994/1995. Bd 107/108). T. 2. S. 481–493 – с дальнейшими библиографическими указаниями).*

¹⁴ «Et veteris amicitiae dulcis mihi recordatio est et beneficiorum, quae cebris meis intercessionibus summa gratia in alios contulisti, gratiae memini. Unde colligi potest quod non ingrato aliquo affectu adventum tuum semper mihi antehac exoptatissimum decliner potuerim» (1).

¹⁵ Подробнее см. *Lehnen J. Adventus principis. Untersuchungen zu Sinngehalt und Zeremoniell der Kaiserankunft in den Städten des Imperium Romanum. Frankfurt a. M. etc., 1997 (Prismata, 7).* На то, что Амвросий подразумевает здесь именно официальную церемонию, справедливо указывает Н. МакЛинн (*Op. cit. P. 326*), хотя автор почему-то отказывается принимать во внимание публичное воздействие такого, по его словам, «формального придворного» действия.

¹⁶ Подробнее см. *Dölger F.J. Kaiser Theodosius der Große und Bischof Ambrosius von Mailand in einer Auseinandersetzung zwischen Predigt und Meßliturgie // Dölger F.J. Antike und Christentum. Bd 1. Münster, 1929. S. 54–65; Kolb. Op. cit. S. 59–61.*

¹⁷ «Sed qua causa hoc fecerim breviter expediam» (1).

роны якобы делал все, чтобы выполнить эту волю государя¹⁸. Однако «нет ничего тайного, что не сделалось бы явным». И как же теперь поступить Амвросию: не слышать? сказать вслух? промолчать? Здесь внимание исследователей обычно приковывают патетические ответы автора послания на каждый из заданных им же риторических вопросов. При этом упускается из виду одна деталь, как думается, немаловажная. Контекст показывает, что Амвросий тут объясняет, откуда ему стало известно о расправе в Фессалонике, – а именно, из императорской консистории, в которой, вопреки желанию Феодосия, у епископа Медиоланского остался информатор.

Амвросию не стоило бы так щедро рассыпать перлы красноречия, если бы о случившемся в Фессалонике было известно уже повсеместно, но ему приходится не очень ловко объяснять, откуда у него секретные сведения, к которым допущен лишь очень узкий круг лиц. Выходит, совершенно неправы многочисленные историки, рисовавшие Амвросия выразителем «широкого общественного возмущения» фессалоникийскими событиями. На момент получения Амвросием новостей из императорского совета «общественное мнение» не только не возмущалось – его еще попросту не было. А возникнет оно благодаря именно Амвросию. Вспомним о церковном соборе, как раз проходившем в Медиолане. Если Амвросий получает совершенно секретные известия из консистории, за разглашение которых его информатора могут ждать серьезные неприятности (Амвросий опасается даже пролития крови¹⁹), и известия эти повергают в печаль епископов, собравшихся из Италии и Галлии, легко заподозрить, что Амвросий сам и огласил новость собранному им епископату. Он не просто информирует – он и создает общественный настрой, и заручается сторонниками в предстоящем конфликте с государем, и получает возможность сослаться в подкрепление своего личного суждения на позицию всего епископата, а значит и всей церкви. О том, что этот прием сработал, свидетельствует формулировка Руфина (или еще его предшественника Геласия): покаяния от императора потребовал *синад*, а не один лишь епископ Медиоланский²⁰.

Были ли епископы столь единодушны, как представляет Амвросий, сказать трудно: никаких документов собор не оставил. В любом случае дальше Амвросий действовал в одиночку, без явной помощи остальных епископов, если не считать готовности Хромация принять медиоланского коллегу у себя в Аквилее.

Амвросий обращается к Феодосию как пастырь к согрешившему прихожанину: «Если священник не говорит [ничего] совершившему ошибку, то ошибившийся умрет виноватым, а на священника ляжет вина за то, что он не поставил заблуждавшегося»²¹. Переводя разговор в такую плоскость («прими

¹⁸ Неточно интерпретируется это место в кн.: *Moorhead J. Ambrose. Church and Society in the Late Roman World. L.–N.Y., 1999. P. 192–193.* Причиной запрета передавать сведения Амвросию исследователи единодушно считают предыдущее столкновение Амвросия с Феодосием из-за христиан, поджегших синагогу в городке Каллинике. См. *Palanque. Op. cit. P. 223; Enßlin W. Die Religionspolitik des Kaisers Theodosius des Großen. München, 1953. S. 62–63, 67–68.*

¹⁹ «Proderem? Sed quod in tuis iussis timerem, in meis verbis deberem cavere, ne quid cruentum committeretur» (3).

²⁰ «Ob hoc cum a sacerdotibus Italiae argueretur, agnovit delictum» (*Rufinus. Historia ecclesiastica*, II (XI), 18; здесь и далее цитаты приводятся по изд.: PL. Vol. 21. P., 1878).

²¹ «Si sacerdos non dixerit erranti, is qui erraverit in sua culpa morietur et sacerdos reus erit poenae, quia non admonuit errantem» (3).

это, император август!»²²), Амвросий последовательно превращает то, что считает политической ошибкой императора, в прегрешение перед Господом, случившееся из-за несовершенства человеческой природы. Амвросий уверен и в христианском благочестии государя, и в том, что тот страшится Бога, но «...твоему естеству свойственна вспыльчивость, которую ты быстро обращаешь в милосердие, если кто-либо захочет ее смягчить, но если кто-либо будет ей потакать, ты приходишь во все большее возбуждение и едва уже в состоянии его унять»²³. Лишь после пространного введения Амвросий возвращается к объяснению, почему он покинул столицу и, наконец, прямо называет причину: неслыханное происшествие в Фессалонике. И тут же следует ключевая фраза, которую Амвросий произносит не от себя лично, но якобы от имени всех участников собора: теперь императору необходимо «примириться с Богом»²⁴, – а это подразумевает, что Феодосий против Бога восстал.

Словно предваряя реакцию резкого несогласия, а то и отторжения у венценосного читателя, Амвросий спешит предъявить императору достойный его образец «примирения с Богом». Им оказывается поведение библейского царя Давида. В создании и разработке этой модели Амвросий выступает новатором: до него сравнение «нынешних» государей с ветхозаветными не практиковалось вовсе. Обращение к образу Давида не было импровизацией, родившейся в Аквилее. Библейский царь и псалмопевец уже давно относился к числу любимых персонажей Амвросия, он даже посвятил ему отдельный трактат «Апология Давида», написав его в основном, вероятно, в 384–385 годах²⁵. Это сочинение он будет неоднократно перерабатывать и последнюю правку внесет, похоже, уже после фессалоникийской трагедии. Окончательную редакцию автор поднесет Феодосию²⁶. Не вызывает удивления, что Амвросий, епископ столичного города, «по долгу службы» встречавшийся с государями, обращавшийся к ним с просьбами и советами, а главное, порой вступающий с ними в конфликты, искал в Писании прототипы как обобщенной фигуре императора своего времени, так и себе самому. Амвросий нашел их соответственно в царе Давиде и наставлявшем его пророке Нафане (Натане), устами которого с царем говорил сам Господь.

Библейский образ царя Давида многозначен, и его можно повернуть то одной стороной, то другой, примеров чему европейская культура знает много²⁷. Амвросий же первым разглядел в Давиде образец царя, в целом праведного, но изредка совершающего греховные поступки. Слова пророка открывают

²² «Accipe illud, imperator auguste» (ibid.).

²³ «...sed habes naturae impetum, quem si quis lenire velit cito vertes ad misericordiam, si quis stimulet in maius exsustitas ut eum revocare vix possis» (4).

²⁴ «...dei nostri reconciliationem fore necessarium» (6).

²⁵ Такая датировка предложена в кн.: *Campanhausen H. von. Ambrosius von Mailand als Kirchenpolitiker. B.–Lpz, 1929. S. 184–185.*

²⁶ *Ambroise de Milan. Apologie de David / Ed. par P. Hadot. P., 1977 (Sources chrétiennes, 239).* О датировке окончательной редакции см. ibid. P. 42. Высказывалось предположение, будто Амвросий спешно переработал свой трактат после расправы в Фессалониках и отправил его Феодосию, чтобы побудить того к покаянию (*Moorhead. Op. cit. P. 195*).

²⁷ См. прежде всего: *Steger H. David rex et propheta. König David als vorbildliche Verkörperung des Herrschers und Dichters im Mittelalter nach Bilddarstellungen des 8.–12. Jahrhunderts. Nürnberg, 1961 (Erlanger Beiträge zur Sprach- und Kunstwissenschaft, 6); Anton H.H. Fürstenspiegel und Herrscherethos der Karolingerzeit. Bonn, 1968 (Bonner historische Forschungen, 32). S. 419–430.*

царю его прегрешения, и он искренне раскаивается в них, за что в конечном счете и получает прощение.

Амвросию уже приходилось сравнивать Феодосия с Давидом при их предыдущем конфликте, вызванном поджогом христианами синагоги в городке Каллинике на Евфрате²⁸. В отправленном им тогда императору письме Амвросий задает вопрос: «Разве не помнишь, что сказал [Христос] святому Давиду через пророка Нафана?»²⁹. И сразу же Амвросий обращает к адресату *собственную* пламенную речь, *стилизованную* под наставление ветхозаветного пророка из 2 Цар 7: 8–16. Роли тем самым были четко распределены еще тогда: Феодосий уподобляется Давиду, а Амвросий практически сливается с Нафаном, чтобы передать царю слова не кого-нибудь, а самого Иисуса Христа.

Теперь же, в письме из Аквилеи, тема Давида-грешника разворачивается подробнее. Как известно, Давиду пришлось приносить покаяние дважды. Сначала из-за общеизвестной истории с овладением красавицей Вирсавией и отправкой на верную смерть ее мужа Урии³⁰. Вторично гнев Яхве вызвала перепись населения Израиля и Иудеи³¹. Оба раза Давид униженно каялся, но это не спасло его от жестоких кар: в первом случае умер его первенец от Вирсавии, во втором же моровая язва скосила за три дня семьдесят тысяч израильтян, и Ангел Господень уже занес меч над Иерусалимом.

Амвросий начинает «библейскую» часть письма с вопрошания: ужели Феодосий постыдится поступить так, как поступил Давид – царь и пророк, прародитель рода Христа по плоти? Ведь тот признался: «Согрешил я пред Господом»³². Однако ситуацию, в которой Давид сделал свое признание, Амвросий описывает лишь иносказательно: он не упоминает не только о прелюбодеянии Давида, действительно к случаю совсем не подходящем³³, но и о совершенном по его приказу кровопролитии, которое, казалось бы, напротив, напрашивалось для сравнения. Зато Амвросий воспроизводит притчу, рассказанную Нафаном Давиду, чтобы открыть тому глаза на его неправедность. У богатого было много всякого скота, у бедного – только любимая овечка. Пришел к богатому человеку странник, и нужно было его накормить, но богатч пожалел своих овец и волов, а взял единственную овечку бедняка³⁴. В притче легко прочитывается упрек Давиду в уводе чужой жены, но про последовавшее убийство «бедняка» в ней ни слова. Поэтому когда Амвросий, призвав Феодо-

²⁸ Об этом эпизоде см. *Barth G. Ambrosius und die Synagoge zu Callinicum // Theologische Zeitschrift aus der Schweiz*. 1889. 6. S. 65–86; *De Labriolle P. Saint Ambroise et l'affaire de Callinicum // Revue des Cours et Conférences*. 1898. 16. P. 76–86, а также все биографии Амвросия.

²⁹ «Et quid tecum posthac Christus loquetur? Non recordaris quid David sancto per Nathan prophetam mandaverit?» (*Ambrosius*. Ep. 74, 22). К Давиду обращался через Нафана, конечно же, не Христос, а Саваоф, но Амвросий здесь легко отождествляет разные лица христианской Троицы.

³⁰ 2 Цар 11–12. Пс. 50.

³¹ 1 Пар 20–21.

³² 2 Цар 12: 13.

³³ В 387 г. Феодосий женился на Галле, дочери императора Валентиниана I. В интересах Амвросия было бы избежать сопоставления между Вирсавией и Галлой, поскольку оно бросило бы на последнюю тень подозрения в прелюбодеянии.

³⁴ «An pudet te, imperator, hoc facere quod rex propheta auctor Christi secundum carnem prosapie fecit David? Illi dictum est quia dives qui haberet plurimos greges unam pauperis ovem propter adventum hospitis eripuit et occidit, et cognito quod ipse in hoc argueretur quia ipse fecisset ait: *Peccavi domino*» (7).

сия терпеливо его выслушать, продолжает словами: «Ты совершил то, о чем пророк говорил Давиду», – он не вполне убедителен. Не спасает дело и то, что Амвросий незаметно сгущает краски, подчеркнув, что богач «убил» (occidit) несчастную овечку (в будущей Вульгате этой драматизации нет – злодей просто «забирает» овцу и «готовит из нее еду»)³⁵.

Не успев обвинить Феодосия устами пророка Нафана в «убийстве овечки», Амвросий сразу же открывает государю путь к «примирению с Богом»: «Если же внимательно выслушаешь это и скажешь: “Согрешил я пред Господом”, если произнесешь слова царя и пророка [Давида]: “Приидите, поклонимся и припадем, преклоним колени пред лицом Господа, Творца нашего”³⁶, то и тебе будет сказано: “Поскольку ты каешься, снимает с тебя Господь грех твой, и ты не умрешь”»³⁷. Последняя фраза – это тоже слова Нафана, обращенные к Давиду, но не только они: Амвросий добавил от себя принципиальную для него формулировку условия прощения: «поскольку ты каешься». Зато он обрывает Нафана едва ли не на полуслове, потому что у того следует мрачное продолжение: «...но как ты этим делом подал повод врагам Господа хулить Его, то умрет родившийся у тебя сын». Открыто угрожать императору смертью одного из его трех сыновей было бы, конечно, весьма неосмотрительно. Интересно, на какую степень знакомства адресата с текстом Писания рассчитывал Амвросий: предполагал ли он вызвать дополнительные ассоциации, подбирая и препарируя на свой лад фразы из Библии, или же исходил из того, что его цитаты будут восприняты вне ветхозаветного контекста, лишь в логике его собственного письма?

Амвросий сразу же переходит ко второму покаянию Давида. Повод для него он излагает без всяких иносказаний и даже разъясняет, почему желание исчислить численность народа оказалось преступлением против Бога (поскольку знанием этим должен владеть единственно Господь). Он пересказывает всю историю о том, как Давиду было предложено выбрать себе наказание и как осуществлялось то, которое он предпочел. Правда, пророка Гада, посредством которого Бог на этот раз открывал свою волю царю, Амвросий непринужденно заменил на того же Нафана, что, разумеется, добавило стройности его сочинению.

И снова Амвросий тщательно цитирует покаянные признания Давида, опуская немало иных, очевидно, для него куда менее важных, деталей. Сначала первое, когда Давид впервые осознал свой проступок: «Весьма согрешил я, что сделал это. И ныне прости вину раба Твоего, ибо я поступил очень безрассудно»³⁸. (Последнюю фразу, Амвросий драматизирует: «...ибо я совершил тяжкое преступление».) А затем и второе, когда увидел, как ангел уничтожает

³⁵ Амвросий пользовался несколькими латинскими версиями Священного писания, в некоторых случаях, однако, следуя скорее за Септуагинтой (*Mannix M.D. Introduction // Idem. Sancti Ambrosii oratio de obitu Theodosii. Text, Translation, Introduction and Commentary. Diss. Washington D.C., 1925. P. 6–7*). Греческим языком Амвросий владел прекрасно.

³⁶ Пс 94: 6.

³⁷ «Noli ergo impatienter ferre, imperator, si dicatur tibi: Tu fecisti istud quod David regi dictum est a propheta. Si enim hoc sedulo audieris et dixeris: *Peccavi domino*, si dixeris regale illud propheticum: *Venite, adoremus et procidamus ante eum et plorems ante dominum nostrum qui fecit nos*, dicetur et tibi: Quoniam poenitet te, dimittet tibi dominus peccatum tuum et non morieris» (7).

³⁸ 2 Цар 24: 10; 1 Пар 21: 8.

его народ: «Я согрешил, я сделал зло, а эти овцы – что сделали? Да будет рука Твоя на мне и на доме отца моего»³⁹. Здесь Амвросий обрывает предложение, опуская вполне человеколюбивое окончание моления Давида: «...а не на народе Твоем, чтобы погубить его». Без этой концовки весомее звучит угроза «дому отца моего», т.е., в данном случае, роду согрешившего Феодосия (8–9). (Все-таки, не рассчитывал ли Амвросий на знание адресатом недосказанной фразы насчет «смерти родившегося у тебя сына»? Мотив возможной гибели рода императора оказывается, похоже, не на последнем месте в «скрытой» аргументации Амвросия.)

Подробно представив оба случая покаяния Давида, Амвросий в сущности развернуто обосновал требование к государю: признать свой грех и покаяться в нем. Однако следующий абзац оказывается совсем иным по стилистике. Вместо более или менее подробного изложения какого-нибудь нравоучительного эпизода здесь в немногих строках приведены одна за другой четыре (!) выдержки из трех (!) разных книг Ветхого Завета, без малейшего объяснения их контекста⁴⁰. Первая цитата к тому же не имеет ровно никакого отношения к Давиду и представляет собой вольный (пожалуй, даже чересчур) пересказ двух стихов из книги Иова: «Я не скрывал моего прегрешения, но огласил его перед всем людом»⁴¹. Затем без всякого перехода автор возвращается к «теме Давида», но теперь Давид предстает вовсе не преступником, а совсем наоборот: сначала возможной жертвой преступления, а затем лицом, осуждающим убийство. Амвросий приводит слова, сказанные «ужасному» царю Саулу его сыном Ионафаном: «Да не грешит царь против раба своего Давида» и «Для чего же ты хочешь согрешить против невинной крови и умертвить Давида без причины?»⁴². Тут же следует разъяснение Амвросия: «Потому что хотя он [Саул] и был царем, он согрешил бы, если бы убил невинного». Однако автор не развивает свой комментарий, а немедленно переходит к новому примеру: теперь уже Давид, став царем, узнает о гибели Авенира от рук Иоава и произносит: «Невинен я, и царство мое вовек в крови Авенира, сына Нирова»⁴³ – и постится, погрузившись в скорбь⁴⁴, – добавляет своими словами Амвросий. Смысл этого сбивчивого, какого-то скомканного, абзаца можно понять лишь на основе гипотетической реконструкции манеры работы медиоланского епископа. Но чтобы предложить такую реконструкцию, нужно уловить внутреннюю логику этих нескольких строк.

Судя по всему, Амвросий сначала формулировал для себя тезисы, а затем подбирал «под них» подходящие, по его мнению, библейские примеры, которые должны были говорить за него. Ничего оригинального, индивидуального в этой манере нет, но разбираемое письмо позволяет лучше рассмотреть та-

³⁹ 2 Цар 24: 17; 1 Пар 21: 17.

⁴⁰ «Iob sanctus et ipse potens in saeculo ait: Peccatum meum non abscondi sed coram plebe omni annuntiavi. Ipsi immani regi Saul dixit Ionathas filius suus: Noli peccare in servum tuum David, et: Ut quid peccas in sanguinem innocentem occidere David sine causa? Quia etsi rex erat peccabat tamen si occiderit innocentem. Denique etiam David cum iam regno potiretur et audisset Abner innocentem occisum a Ioab duce militiae suae ait: Innocens sum ego et regnum meum amodo et usque in aeternum a sanguine Abner filii Ner, et ieiunavit in dolore» (10).

⁴¹ Иов 31: 33–34.

⁴² 1 Цар 19: 4–5.

⁴³ 2 Цар 3: 28.

⁴⁴ 2 Цар 3: 35.

кой способ изложения мыслей. Итак, похоже, что в «библейской части» своего послания Амвросий в завуалированной форме высказывает три требования к императору. Первое состоит в том, что государь, согрешивший против Бога, должен признать свою вину и покаяться. Как мы видели, эта мысль была солидно подкреплена цитатами из Писания. Второе требование сводится к тому, что такое покаяние должно быть публичным. (Тут Амвросий всего лишь вольно пересказал многострадального Иова⁴⁵.) Наконец, третье требование определяет, в чем именно должен каяться император – в убийстве невинных, поскольку проливать невинную кровь не дозволено даже царям.

Развернуть последние два тезиса столь же подробно и убедительно, как первый, Амвросий по каким-то причинам либо не смог, либо не успел. Возможно, у него не случалось раньше повода их обосновывать (хотя покаянию он тоже посвятил отдельный трактат⁴⁶), тогда как к фигуре Давида в качестве «образца» грешащего и кающегося государя он уже неоднократно обращался и хорошо знал соответствующие места.

Благодаря обозначенным при помощи выдержек из Писания «трем требованиям» только что разобранные разделы (7–10) оказываются по сути *главным смысловым ядром* послания. Как ни странно, историки до сих пор этого, похоже, не замечали, поскольку не вникали в логику подбора библейских цитат, – они разыскивали «историческую конкретику» в предыдущих или последующих абзацах, где Амвросий не прячется за ветхозаветные тексты⁴⁷.

Фраза «Ты – человек, и тебе настало искушение, так победи же его!» относится уже к другому смысловому разделу письма, в котором Амвросий дает понять, каким образом император должен выполнить требуемое. «Я написал это [т.е. сформулировал три своих требования. – М.Б.] не для того, чтобы тебя смутить, но чтобы примерами царей побудить тебя снять этот грех со своего царствования; снимешь же ты его, смилив душу свою перед Богом». Напомнив, что император – человек, Амвросий утверждает, что «грех снимается только слезами и покаянием», явно подразумевая, что в данном случае необходимо сугубо личное покаяние Феодосия, а ничье заступничество делу не поможет. Вообще-то естественным кандидатом на роль заступника за согрешившего императора перед разгневанным Богом является, разумеется, не кто иной, как сам Амвросий – именно в своем качестве епископа Медиоланского, но он изящно намекает на невозможность принять эту роль, поскольку даже высшим сущностям такое не по силам: «Этого не сможет ни ангел, ни архан-

⁴⁵ М.М. Казаков не принял во внимание этого кода из библейских цитат, когда утверждал: «Амвросий в письме ничего не говорит о том, что покаяние должно быть публичным» (*Казаков М.М. Епископ и империя: Амвросий Медиоланский и Римская империя в IV в. Смоленск, 1995. С. 237*).

⁴⁶ «De poenitentia». См. изд.: *Ambroise de Milan. La Pénitence* / Ed. par R. Gryson. P., 1971.

⁴⁷ См., например: *Groß-Albenhausen*. Op. cit. S. 116; *McLynn*. Op. cit. P. 325–326; *Klein R.* Die Kaiserbriefe des Ambrosius. Zur Problematik ihrer Veröffentlichung // *Athenaeum*. N.S. 1970. 48. S. 335–371, bes. 354. Anm. 42; *King N.Q.* The Emperor Theodosius and the Establishment of Christianity. Philadelphia, 1960. P. 69; *Banterle G., Banterle G.* Due momenti di crisi nei rapporti tra Teodosio e S. Ambrogio // *Atti e memorie della Accademia di agricoltura, scienze e lettere di Verona*. Anno 1984/1985. Ser. VI. Vol. 36. P. 243–252, bes. 249. В другой недавней работе «библейской части» письма уделяется больше внимания, но исследователь не разбирает ее подробно, а сразу же уходит в поиски параллелей с «Апологией Давида» (*Ernesti*. Op. cit. S. 179–181).

гел, но [только] Господь, который один может сказать: “Я с вами”»⁴⁸. Грешника освободит от греха одно лишь его собственное раскаяние (11).

Следующий раздел письма посвящен, кажется, выяснению того, чем грозит Феодосию его нынешнее состояние. Прежде всего, Амвросий говорит о *pietas* – благочестии Феодосия (12). По словам автора послания, ранее она была образцовой и на ней основывались его успехи, в частности военные победы. А теперь Феодосий не скорбит по невинно убиенным, что Амвросий, судя по контексту, считает нарушением благочестия. Между тем *pietas* задолго до христианских времен рассматривалась в качестве одного из основных качеств легитимного императора. Непосредственно от *pietas* государя зависела его удача (*felicitas*) и в первую очередь в делах военных. Поэтому, ставя *pietas* государя под вопрос, Амвросий, похоже, намекает на перспективу делегитимации правления Феодосия и возможные теперь в будущем военные неудачи.

С такой «военизированной» трактовкой *pietas* Амвросий органично соединяет другой традиционный элемент идеологии императорской власти – образ императора как триумфатора над всеми врагами⁴⁹. Феодосий должен победить не кого-нибудь, а дьявола. «Победи его, ведь ты побеждал его до сих пор и можешь победить [сейчас]!». Но и в этом призыве при желании можно уловить угрозу: ведь если император не послушается Амвросия, то получится, что он окажется во власти врага рода человеческого. Далее следует загадочная фраза: «Не добавляй к своему прегрешению нового греха и не присваивай себе того, присвоение чего повредило многим»⁵⁰. Ученые-комментаторы толкуют это место в том смысле, что Амвросий предостерегает Феодосия от самовольного принятия причастия прежде принесения покаяния и отпущения его прегрешения⁵¹. Амвросий действительно сразу же переходит к теме евхаристии. Хотя Амвросий и чувствует себя «должником благочестия» Феодосия, в котором тот превзошел всех императоров, кроме одного, к которому равен (Амвросий подразумевает здесь, несомненно, покойного Грациана), епископ не посмеет «приносить жертву» в присутствии императора. «Разве если [пролилась] кровь единственного невинного, то нельзя [совершать евхаристию], а если кровь многих, то можно? Не думаю»⁵². Амвросий просто боится приступить к богослужению, и читатель должен понять, что страх, испытываемый епископом, куда сильнее страха вызвать недовольство государя. Именно здесь Амвросий перестает диктовать и сам берется за перо – прежде всего, чтобы объяснить: запрет, довлеющий над ним, идет не от человеков. Амвросию было видение. В ночь перед отбытием из Медиолана он видел сон: Феодосий вошел в церковь, но Амвросию не было дозволено приступить при нем к таинству пре-

⁴⁸ Мт 28; 20. Когда Р. Грисон представляет данное заявление частью, так сказать, «общей теории покаяния» Амвросия (*Gryson R. Introduction // Ambroise de Milan. La Pénitence. P. 37–38*), он не учитывает, что оно было сделано не в богословско-теоретическом плане, а ради конкретной политической цели: Амвросий отказывается заступаться за Феодосия перед Богом.

⁴⁹ Подробнее см. *McCormick M. Eternal Victory. Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium, and the Early Medieval West. Cambr. – P., 1986*.

⁵⁰ Неточным представляется перевод этого места как «не прибавляй к греху своему другого греха, чтобы не сделать того, что причинит многим вред» (*Казанков. Ук. соч. С. 235*).

⁵¹ *Koch H. Die Büsserentlassung in der alten abendländischen Kirche // Theologische Quartalschrift. 1900. 82. S. 481–534, bes. 496; Ernesti. Op. cit. S. 182.*

⁵² «An quod in unius innocentis sanguine non licet, in multorum licet? Non puto» (13).

существования⁵³. Выходит, именно об этом видении – ясном проявлении недовольства Господа Феодосием – не должен знать секретарь епископа, записывавший до сих пор слова его послания.

Обосновав волей Бога свой отказ служить литургию при императоре, Амвросий переходит к следующему тезису, также выраженному библейскими цитатами: отказ этот носит временный характер. «Всему свое время». Феодосий еще сможет принять причастие, но только когда «жертва твоя будет угодна Богу»⁵⁴. Разве не приятно будет Амвросию пребывать в милости у императора и действовать в соответствии с его желаниями, как только для того появится возможность? Иными словами, епископ причастит государя, если тот выполнит его условия. Тут же следует фраза: «Но и простая молитва является жертвой: одна приносит милость, другая – отвержение, потому что одна совершается в смирении, другая же – в презрении»⁵⁵.

Зная уже стиль Амвросия, здесь легко узнать его наставление Феодосию, что следует тому делать все то время, пока ему будет отказано в причастии. Посильной заменой причастия должна стать молитва. Раз Амвросий лишает Феодосия своего заступничества перед Богом, отказывается от посредничества и оставляет императора один на один с прогневанным Господом, государю остается только молиться и притом самым смиренным образом. Любимая мысль Амвросия о смирении, которую он неоднократно высказывал правителям раньше и не преминет повторять позже, здесь развивается еще в нескольких фразах. Смирение это должно не в последнюю очередь выразиться уже в самом признании прегрешения: «Не те ли больше христиане, кто осуждают свой грех, нежели те, кто полагают, будто его следует защищать?»⁵⁶. Расшифровка «кода Амвросия» состоит здесь, вероятно, в том, что Феодосию необходимо безоговорочно признать ошибочность принятого им решения по Фессалонике и полностью его осудить, а не пытаться задним числом искать для него новых обоснований и оправданий.

Дальше следует абзац с не вполне ясными сейчас намеками: похоже, Амвросий сожалеет, что в свое время не сумел предотвратить столь тяжкую ошибку императора. Все же слава Богу за то, что Он желает лишь испытать слуг своих, но не погубить их. И потому «...мне – общество с пророками, а тебе в будущем – общество со святыми»⁵⁷. Противопоставление двух форм латинского глагола «быть» – в настоящем времени для Амвросия и в будущем – для государя весьма показательно. Епископ Медиоланский уже сейчас в ряду пророков, рядом с ними (прежде всего, конечно, рядом с любимым Нафаном), а вот Феодосию пребывание «со святыми» еще лишь предстоит, и притом, очевидно, во-первых, только после земной кончины, а во-вторых, при условии послушания Амвросию до ее наступления.

⁵³ «...venisse quidem visus es ad ecclesiam sed mihi sacrificium offerre non licuit» (14).

⁵⁴ «Tunc offeres cum sacrificandi acceperis facultatem, quando hostia accepta sit deo» (15).

⁵⁵ «Et simplex oratio sacrificium est; haec veniam refert, illa offensionem, quia haec habet humilitatem, illa contemptum» (15).

⁵⁶ «Quare non illi magis sint Christiani qui peccatum condemnant suum quam qui defendendum putant?» (15).

⁵⁷ «Utinam, imperator, etiam ante mihi potius credidissem quam consuetudini tuae. Dum puto quod cito ignoscis, cito revocas ut saepe fecisti, et tu praeventus es et ego non declinavi quod cavere non debueram. Sed gratias domini quia vult servulos suos castigare ne perdat Istud mihi commune est cum prophetis et tibi erit commune cum sanctis» (16).

Завершая послание, Амвросий риторически восклицает: разве не дороже ему «отец Грациана» собственных глаз (т.е. собственной жизни)? Пусть простят Амвросию другие чада Феодосия (Аркадий и Гонорий), что он поставил это сладкое ему имя прежде имен тех, к которым испытывает общую любовь⁵⁸. Если это еще одно скрытое предупреждение относительно возможной печальной судьбы младшего сына нового Давида, то сразу за ним следуют почтительные заверения в любви и почтении: «Я люблю тебя, я почитаю тебя, я сопровождаю тебя молитвами. Если веришь, следуй за мной. Если веришь, говорю, признай мои слова. Если не веришь, прости мне то, что делаю, в чем я больше послушания оказываю Богу». И, наконец, прощание: «Наслаждайся вместе с твоими близкими вечным миром, счастливейший и процветающий император август!»⁵⁹. Вновь Амвросий поминает членов семьи императора, и вновь возникает подозрение, что неспроста. Вежливое пожелание умиротворенности грешнику, прогневившему Бога, звучит двусмысленно. Если тот «мир», которым ему предстоит «наслаждаться», распространится и на его «близких» (т.е. прежде всего на детей), вряд ли это станет поводом для радости.

До сих пор историки с недоуменным молчанием проходили мимо упоминания Амвросием Грациана, тем более что большинство справочников о младшем из сыновей Феодосия не говорят ни слова. Между тем ко времени сочинения Амвросием «фессалоникийского» письма ребенку должно было исполниться от полутора до двух лет⁶⁰. Если в послании медиоланского Нафана действительно содержалась угроза, она осуществилась. Грациан умер, вероятнее всего, в 393 или 394 г. в возрасте от четырех до шести лет. Точно так же, как и Давид, Феодосий потерял своего первенца от второго брака.

Многозначных мест в послании Амвросия нам встретилось много. Его изощренная стилистика, задаваемая придворным вежеством и христианским иносказанием, сегодня трудна для понимания. Похоже, им многое говорится не прямо, а между строк, да еще так, что и не понять, говорится ли вообще. Ведь Амвросий, кажется, пользуется даже не намеками, а еще более тонкими средствами выражения: он создает условия, при которых ассоциативная фантазия читателя должна *словно сама собой* сработать в определенном направлении. Амвросий не столько *высказывает* мысли, сколько *индуцирует* их в сознании собеседника – искусство для царедворца весьма ценное. Но из-за витиеватого хода рассуждений сегодняшнему читателю крайне сложно понять позицию автора, уловить его интонацию. Отсюда и разногласия в оценках специалистами послания, только что подробно пересказанного.

Одни называют его тон строгим, требования хотя и почтительно выражены, но жесткими по сути, усматривают в тексте немало явных и скрытых угроз. Другие подчеркивают тактичность Амвросия: при всей своей решительности он не хочет причинить императору личной обиды и не ставит под вопрос его право на власть⁶¹. Третьи, напротив, считают, что Амвросий чуть

⁵⁸ «An ego Gratiani patrem non oculis meis praeferam? Debent veniam sancta alia pignora tua. Dulce mihi nomen antetuli quibus amorem communiter detuli» (17).

⁵⁹ «Amo diligo orationibus prosequor. Si credis sequere, si, inquam, agnosce quod dico, si non credis ignosce quod facio, in quo deum praefero. Beatissimus et florentissimus cum sanctis pignoribus fuaris tranquillitate perpetua, imperator auguste» (17).

⁶⁰ *Rebenich S.* Gratian, a Son of Theodosius, and the Birth of Galla Placidia // *Historia*. 1985. 34. P. 372–385.

⁶¹ *Diesner H.-J.* Kirche und Staat im ausgehenden vierten Jahrhundert: Ambrosius von Mailand // *Das frühe Christentum im römischen Staat* / Hrsg. von R. Klein. Darmstadt, 1971 (Wege der Forschung, 267) S. 415–454, bes. 444; *Schieffer*. Op. cit. S. 339–340.

ли не делигитимирует Феодосия и превращает его в узурпатора и тирана в случае, если тот не подчинится высказанным требованиям. Четвертые склонны видеть в письме Амвросия проявление «величия души» автора. М.Д. Мэнникс называет его шедевром, считая, что среди сочинений Амвросия нет более покоряющего читателя⁶². Г. Кох тоже полагает аквилейское послание лучшим из написанного Амвросием: «В нем выразились и вся его великая душа, и почтение подданного к государю, и любовь к царственному другу (достоинства сердца которого ему известны, милость которого он испытывал, благодеяния которого он мог передавать другим, но чьи слабости и страсти тоже от него не укрылись), и боль и обеспокоенность священника, пастыря, тревожащегося о заблудшей и оказавшейся в опасности душе, и бесстрашное и откровенное обвинение, и серьезное предостережение, и требование покаяния, – но все это выражено без малейшего ущерба для величия императора, с тактом и пасторским разумением, с подкупающей сердечностью»⁶³.

Пятые исследователи никакого величия души Амвросия не замечают, скорее наоборот: «...его сердитое письмо к императору выдает глубоко уязвленное самолюбие, а его требование покаяния является не в последнюю очередь попыткой компенсировать повышением собственного престижа свое поражение в принципиальном вопросе о политике по отношению к германцам»⁶⁴. Шестые готовы уличить Амвросия в слабых характеристике и склонности к политиканству: «Как видно из текста, это письмо написано слишком мягко, чтобы говорить о решительной и непримиримой позиции Амвросия по отношению к императору. Э. Гиббон назвал это послание “жалкой рапсодией на возвышенный сюжет”, и эта оценка недалека от истины. Епископ, как кажется, не столько сожалеет о происшедшем и о “невинной крови” погибших, сколько стремится добиться хотя бы формального примирения Феодосия с церковью, оставляя дверь в нее широко открытой и в буквальном смысле подталкивая туда императора. Да и молитвы за Феодосия в условиях отлучения его от церкви явно не соотносятся с привычным для церковной литературы обликом Амвросия как стража справедливости и христианской морали»⁶⁵. Тайный характер письма определенно указывал на то, что Амвросий добивался своеобразной сделки с Феодосием; император должен совершить покаяние, а в обмен на это церковь бралась не только замолить его грехи, но и успокоить общественное мнение»⁶⁶.

Не так просто оказывается определить и основное смысловое ядро эпистолы: одни историки полагают, что Амвросий еще только грозит церковным отлучением Феодосию⁶⁷, другие же уверены, что оно уже лежит на императо-

⁶² Mannix. Op. cit. P. 11.

⁶³ Koch H. Die Kirchenbuße des Kaisers Theodosius d. Gr. in Geschichte und Legende // Historisches Jahrbuch der Görres-Gesellschaft. 1907. 38. S. 257–277, bes. 261. Сходно и в кн.: Dassmann E. Ambrosius von Mailand: Leben und Werk. Stuttgart, 2004. S. 188.

⁶⁴ Kolb. Op. cit. S. 53.

⁶⁵ Данное утверждение М.М. Казакова сомнительно в плане как богословском, так и экклесиологическом: христианскому моралисту как раз в высшей степени уместно молиться за тяжко согрешивших. В трактате самого Амвросия «О покаянии» есть глава (I, 10), посвященная именно богословскому обоснованию возможности молитвы даже за совершившего смертный грех. См. Ambroise de Milan. La Pénitence. P. 92–95.

⁶⁶ Казаков. Ук. соч. С. 236–237.

⁶⁷ Campenhausen. Op. cit. S. 238; King. Op. cit. P. 69; Diesner. Op. cit. S. 444; McLynn. Op. cit. P. 326; Moorhead. Op. cit. P. 193.

ре⁶⁸. Слово «отлучение» (excommunicatio) не встречается в связи с данным эпизодом ни у самого Амвросия, ни у других ранних авторов⁶⁹. Но трудно сомневаться в том, что Амвросий подразумевает именно его, поскольку в ранней церкви отлучение представляло собой не что иное, как недопущение провинившегося к литургии и таинствам. Павлин Аквилейский здесь очень точно передает суть дела, говоря, что Амвросий отказал Феодосию в «единении с церковью и участии в таинствах»⁷⁰. Лишь существенно позже, скорее всего в каролингскую пору, возникнет необходимость оформлять отторжение от церкви грешника особым ритуалом с тушением его свечи и выставлением его за двери церкви⁷¹. Отлучение в конце IV в. выглядит менее эффектно, чем в классическое Средневековье, еще по одной причине: оно не предполагает автоматического лишения сана. Короли, оказывавшиеся под интердиктом веке в XI или XIII, в принципе переставали быть королями (хотя, как известно, далеко не все они соглашались с таким оборотом дел), право же Феодосия, лишённого причастия, управлять империей Амвросий, похоже, под вопрос не ставит. Он лишь оставляет нераскаявшегося государя наедине с разгневанным Богом, что чревато самыми серьезными политическими, а возможно и семейными неприятностями.

Впрочем, как мы помним, это слово Амвросия – не последнее, ведь его главная цель состоит в том, чтобы побудить государя вернуться в церковь. Первый шаг к примирению отлученного с общиной делается тогда, когда провинившийся выразит готовность принести покаяние. Затем его можно допустить присутствовать на богослужении, хотя и на унижительных условиях: ему придется стоять в церкви отдельно от остальных и всем своим обликом и поведением выражать душевное сокрушение и глубокое раскаяние. (Тут, впрочем, следует иметь в виду, что, признавая человека кающимся и возлагая на него более или менее обременительные ограничения, церковь тем самым уже проявляет к нему милость и снисхождение⁷².) По прошествии положенного срока и после выполнения епитимьи кающегося можно торжественно воссоединить с общиной и дать ему, наконец, причастие⁷³.

Путь такого примирения может быть долгим и весьма трудным, но чтобы вообще вступить на него, грешнику прежде всего необходимо признать свою

⁶⁸ Koch. Die Kirchenbuße... S. 264. Anm. 1; Palanque. Op. cit. P. 232; Larsen C.W.R. Theodosius and the Thessalonian Massacre Revisited – yet again // Studia patristica. Vol. 10. Pt 1. B., 1970 (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur, 107). P. 297–301, bes. 298; Ernesti. Op. cit. S. 175; осторожную формулировку см. Dassmann. Op. cit. S. 189.

⁶⁹ Schieffer. Op. cit. S. 350.

⁷⁰ «...nec prius dignum iudicauit coetu ecclesiae uel sacramentorum communione...» (Paulinus. Vita Ambrosii, 24). Цитируется по изд.: Vita Sancti Ambrosii Mediolanensis episcopi a Paulino eius notario / Ed. M.S. Kaniecka. Washington D.C., 1928 (Patristic Studies, 16).

⁷¹ Jungmann J.A. Die lateinischen Bußriten in ihrer geschichtlichen Entwicklung. Innsbruck, 1932 (Forschungen zur Geschichte des innerkirchlichen Lebens, 3/4). S. 44–74, bes. 63–64.

⁷² Gryson. Op. cit. P. 40.

⁷³ Schieffer. Op. cit. S. 348–349 со ссылками на работы: Koch. Die Kirchenbuße...; Gaudemet J. Note sur les formes anciennes de l'excommunication // Revue de sciences religieuses. 1949. 23. P. 64–77; Poschmann B. Die abendländische Kirchenbuße im Ausgang des christlichen Altertums. München, 1928; Dölger F.J. Ante absidem. Der Platz des Büßers beim Akte der Rekonziliation // Dölger F.J. Antike und Christentum. Bd 6. Münster in Westfalen, 1949/1950. S. 196–203.

вину. Без такого признания не может быть прощения⁷⁴. Амвросий отказывается служить литургию в присутствии Феодосия как раз потому, что император пока еще не признал себя виновным в прегрешении, не принял епитимью, не стал кающимся⁷⁵.

Феодосий согласился принести публичное покаяние. Н. МакЛинн убедительно аргументирует, что дело тут не в искусной риторике Амвросия, не в задушевности его тона и не в строгости его скрытых угроз. Император и его советники руководствовались политической целесообразностью⁷⁶. Феодосий был заинтересован в том, чтобы его образ в глазах подданных не слишком далеко уклонялся от идеала «доброго правителя». Процедура, предложенная ему Амвросием, хорошо подходила для улучшения имиджа власти, очевидно, подпорченного трагедией в Фессалонике (или той интерпретацией, которую сам же Амвросий ей дал). Феодосий не стал бы прилюдно каяться, если бы этот жест не соответствовал его собственным целям. Помимо политической пользы, было еще одно обстоятельство совсем иного рода, без которого покаяние оказалось бы невозможным. Оно состояло в том, что Феодосий был крещен⁷⁷. До него императоры предпочитали креститься лишь незадолго до кончины, подражая в этом Константину. Но Феодосий поторопился: он принял христианство еще в 380 г. (кстати, в Фессалонике) во время тяжелой болезни, очевидно, всерьез угрожавшей его жизни. Понятно, что отлучать некрещеного императора от церкви было бы делом странным и малообещающим.

Но как выглядело покаяние Феодосия? Какие именно публичные действия пришлось ему совершить? Сколько времени он провел под отлучением? На этот счет сохранившиеся тексты не слишком распространяются. Согласно туманному рассказу Феодорита Кирского (писавшего вскоре после 444 г.⁷⁸), император восемь месяцев в печали не покидает дворца и лишь на Рождество отправляется мириться с Амвросием и церковью. Феодорит, излагая данный эпизод, явно дает простор фантазии, что историки единодушно и признают, но всякое указание точных сроков и дат, даже у фантазера, действует на них, похоже, гипнотически. Конечно, можно допустить, что эти данные автор добросовестно перенес из пропавшего сочинения, которым, кажется, пользовались и он, и Созомен, но где тому гарантия? А даже если и так, почему мы должны соглашаться с неизвестным автором неизвестного труда? Тем не менее многие историки, не доверяя Феодориту почти ни в чем, делают исключение для срока в «восемь месяцев», в течение которого император якобы пребывал под отлучением, каялся и молился без причастия, но еще больше тех, кто вслед за

⁷⁴ Gryson. Op. cit. P. 33.

⁷⁵ Ibid. P. 36.

⁷⁶ См. иное мнение: Banterle. Op. cit. P. 251–252: «Se tuttavia mi è consentito di esprimere un'opinione personale, sono convinto che il suo pentimento fosse sincero. Gli elementi di cui disponiamo sembrano escludere prevalenti preoccupazioni di natura politica, anche se la gravità di uno scontro con la Chiesa non era certo da sottovalutare». Однако почему автор полагает, что «искренность» раскаяния исключает возможность использования его в политических целях?

⁷⁷ Groß-Albenhausen. Op. cit. S. 115.

⁷⁸ О датировке труда Феодорита см. Chesnut G. The Date and Composition of Theodoret's Church History // *Vigiliae Christianae*. 1981. 35. P. 245–252 (с попыткой отнести его ко времени между 441 и 449 гг.); Croke B. Dating Theodoret's Church History and the Commentary on the Psalms // *Byzantion*. 1984. 54. P. 59–74.

Феодоритом соглашаются отнести его примирение с Амвросием на Рождество 390 г.⁷⁹

Не говоря уже о том, что Феодосий у Феодорита в течение восьми месяцев вовсе не *кается*, а только медленно приходит к мысли о *необходимости покаяния*, два хронологических указания епископа Кирского плохо согласуются друг с другом. Раньше из них еще можно было создать непротиворечивую версию – такую, как получилась, например, у Г. Коха: он отнес разгром Фессалоники на весну, а отлучение Феодосия на предпасхальный пост, от которого до Рождества как раз и должно было пройти восемь месяцев⁸⁰. Но ведь сейчас более убедительной представляется версия, что конфликт между Амвросием и Феодосием разгорелся только в сентябре. Тогда хронология Феодорита не может быть принята целиком. Соответственно историки разделились на две «партии»: одни доверяют ему в том, что касается «Рождества», а другие, напротив, – в том, что относится к «восемью месяцам». К первой «партии» принадлежит, например, М.М. Казаков: он полагает, что отлучение Феодосия длилось примерно три месяца – с конца сентября, когда Амвросий, вероятно, написал свое письмо, до Рождества⁸¹. Ко второй – Н. МакЛинн, согласно которому покаяние императора должно было закончиться в апреле 391 г. на великий четверг⁸². При этом он исходил не только из календарных расчетов, но и из обыкновений медиоланской церкви, где было принято (как и в церкви римской) проводить публичное примирение с раскаявшимися грешниками именно в этот день страстной недели⁸³. Однако Р. Грисон, имея в виду те же самые обыкновения, полагал тем не менее, что для Феодосия было сделано исключение, и он примирился с церковью все-таки именно на Рождество⁸⁴...

Будь то три месяца, будь то восемь – много это или мало? С одной стороны, по сравнению с обычными сроками покаяния за непредумышленные убийства как тот срок, так и другой крайне невелики. Хотя устоявшейся единой «так-

⁷⁹ См., например: *Palanque*. Op. cit. S. 245; *Diesner*. Op. cit. S. 444; *Corsaro F.* Il trono e l'altare. Da Costantino a Teodosio: *De obitu Theodosii* di Ambrogio // *Vescovi e pastori in epoca teodosiana*. In occasione del XVI centenario della consacrazione episcopale di S. Agostino, 396–1996. XXV Incontro di studiosi dell'antichità Cristiana. Vol. 2. Roma, 1997. P. 601–611, особенно 605; *Banterle*. Op. cit. P. 251. С осторожностью соглашается: *Schieffer*. Op. cit. S. 334, 340. Дассман (Op. cit. S. 191) видит в примирении на Рождество уступку царственному грешнику, ведь в Медиолане надо было бы выдерживать покаяние до Великого четверга. Но срок покаяния Феодосия оказался очень кратким: «всего два или три месяца», что противоречит реконструкции самого же автора, полагающего, что Феодосий согласился на покаяние только в ноябре.

⁸⁰ *Koch*. Die Kirchenbuße... S. 275. Вслед за Г. Кохом: *Campenhause*. Op. cit. S. 240. Ср. также: *Rauschen G.* Jahrbücher der christlichen Kirche unter dem Kaiser Theodosius dem Großen: Versuch einer Erneuerung der Annales Ecclesiastici des Baronius für die Jahre 378–395. Freiburg im Breisgau, 1897. S. 321. Сходное мнение: *Lippold*. Theodosius I. Sp. 890, хотя автор полагает все же, что покаяние длилось существенно менее восьми месяцев. Начаться оно могло не раньше ноября и завершиться на Рождество (*idem*. Theodosius der Große und seine Zeit. S. 40–41, 45).

⁸¹ Казаков. Ук. соч. С. 242.

⁸² *McLynn*. Op. cit. P. 328 со ссылкой на указание этого срока в одном из писем самого Амвросия (*Ambrosius*. Ep. 76 (20) 27).

⁸³ См. *Frank H.* Ambrosius und die Büsseraussöhnung in Mailand. Ein Beitrag zur Geschichte der mailändischen Gründonnerstagsliturgie // *Heilige Überlieferung*. Ausschnitte aus der Geschichte des Mönchtums und des heiligen Kultes (Festschrift für I. Herwegen). Münster, 1938. S. 136–173. См. также *Jungmann*. Op. cit. S. 7, 74–109, где речь идет прежде всего о римской церкви, хотя собранный материал относится к V–XII вв.

⁸⁴ *Gryson*. Op. cit. P. 42. Прим. 2.

сы» никогда не существовало, различные церковные каноны требовали за подобное преступление 5, 7, 10, 20 лет покаяния, а то и покаяния пожизненного⁸⁵. Но, с другой стороны, речь идет не о простом смертном, а об императоре, и епитимья длиной в восемь месяцев представляется некоторым историкам для него чересчур долгой: Феодорит здесь, по их мнению, допускает очередное преувеличение⁸⁶. Все рассуждения о длительности покаяния, уместного для согрешившего императора, сугубо умозрительны, потому что основываются на оценках самих исследователей, но отнюдь не современников Амвросия и Феодосия. Казалось бы, иначе и нельзя, ведь как узнать, что считалось подходящим в данном, совершенно исключительном, случае рубежа IV и V веков? Между тем в нашем распоряжении все же есть одно свидетельство современников. Удивительно, что до сих пор этот любопытный текст, похоже, не привлек внимания ни одного историка, интересовавшегося вопросом о покаянии Феодосия.

Сочинение, о котором идет речь, появилось в Риме в V в., что неплохо подходит к нашему случаю как по месту возникновения, так и по времени. «*Actus Silvestri*» – это своеобразный исторический роман на агиографическую тему, посвященный папе Сильвестру и его деяниям, главным из которых стало обращение в христианство императора Константина⁸⁷. В начале «Деяний» он предстает не только язычником, но и гонителем христиан. Однако встреча со святым папой приводит императора к постижению истины. Нет нужды специально объяснять, что рассказ «*Actus Silvestri*» не имеет никакого отношения к историческим обстоятельствам обращения Константина. Зато с царствованием Феодосия он, напротив, вполне может быть связан. Прежде чем принять крещение, Константин должен принести покаяние – и в первую очередь, как ясно говорится, за жестокие преследования верных Христу⁸⁸. Но если Константин из легенды каялся за совершенные по его приказу убийства невинных людей, то это тот самый грех, из-за которого Амвросий наложил отлучение на Феодосия!

Неизвестный сочинитель «Деяний Сильвестра» выражает свое представление о том, как следует вести себя «кающемуся императору». Оно и само по себе нам весьма интересно, но к тому же, учитывая место и время составления текста, резонно заподозрить, что в его строках сохранился какой-то, пускай и слабый, отголосок события 390 г. К сожалению, до сих пор не вышло современное научное издание двух исходных редакций этого памятника⁸⁹, поэтому пока приходится по-прежнему обращаться к весьма несовершенным старым публикациям⁹⁰. Тем не менее и нынешнее состояние текста не позволяет усо-

⁸⁵ Koch. Die Kirchenbuße... S. 275. Anm. 2; Campenhausen. Op. cit. S. 240.

⁸⁶ Groß-Albenhausen. Op. cit. S. 135.

⁸⁷ Подробнее о памятнике см. Бойцов М.А. Папа римский коронует ногами // Но-то historicus. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного / Отв. ред. А.О. Чубарьян. Кн. 2. М., 2003. С. 13–55. О политической тенденции сочинения и происхождении сюжетных мотивов: Canella T. Gli *Actus Silvestri*. Genesi di una leggenda su Costantino imperatore. Spoleto, 2006 (Uomini e modi medievali, 7).

⁸⁸ «...et poenitere multos sanctos dei occidisse...» (Mombritius B. Sanctuarium seu Vitae sanctorum. T. 2. Parisii, 1910. P. 508–531, цитата – 512).

⁸⁹ Подробнее см. Pohlkamp W. Textfassungen, literarische Formen und geschichtliche Funktionen der römischen Silvester-Akten // Francia. Bd 19. Teil 1. 1992. S. 115–196.

⁹⁰ De probatis sanctorum historiis, partim ex tomis Aloysii Lipomani..., partim etiam ex egregiis manuscriptis... / Collectis per F. Laurentium Surium Carthusianum. T. 6. Coloniae Agrippinae, 1575. P. 1052–1065; Mombritius. Op. cit.

мниться в том, что оба ранних его варианта четко называли срок покаяния Константина – не год, не семь месяцев и даже не три, а всего лишь *семь дней*. Разумеется, отсюда еще не следует само собой, будто Феодосий каялся одну неделю, но свидетельство «Деяний Сильвестра» позволяет допустить, что срок его епитимьи вполне *мог быть* столь непродолжительным. Во всяком случае, на взгляд то ли современников Феодосия, то ли двух следующих после него поколений (мы не знаем точного времени написания «Actus»), «в целом хорошему» императору оказывалось вполне достаточным семидневного покаяния, чтобы замолить грех пролития невинной крови и (вновь) стать полноправным членом церкви.

Как император должен проводить время своего покаяния, в «Actus Silvestri» говорится вполне определенно. В одном варианте легенды Сильвестр велит Константину поститься неделю, не покидая дворцовых покоев. Государь должен снять «пурпур», облачиться во вретище и признать ошибки, «совершенные по незнанию» (к числу которых относилось и «убийство многих святых Бога») ⁹¹. В другой версии святой папа тоже прежде всего требует от Константина, чтобы тот признал свои грехи. (Мы помним о принципиальном значении такого признания для появления самой возможности покаяния) «Сними пурпур и диадему на семь дней и, войдя в свой дворец, при запертых дверях, лежа на земле во власянице и [среди] пепла, соверши в скорби покаяние» ⁹². Используемое тут характерное сочетание слов «sacco et cinere» явно ветхозаветного происхождения и встречается в Вульгате в весьма многозначительном контексте. Пророк Иона предвещает Ниневии гибель через сорок дней. «Это слово дошло до царя Ниневии, и он встал с престола своего, и снял с себя царское облачение свое, и оделся во вретище и сел на пепле». Самое главное, благодаря такому покаянию царя и его подданных «пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел» ⁹³.

Однако не только Константин из легенды, но и исторический Феодосий снял с себя знаки царской власти – об этом с похвалой вспоминал не кто-нибудь, а сам Амвросий, произнося спустя четыре с половиной года после фессалоникийского дела речь на сороковины по Феодосию ⁹⁴. О том же пишут и Руфин («все предписанное ему время он терпеливо провел без [знаков] царского достоинства» ⁹⁵), и Созомен («на все время покаяния, ему установленное, он сложил с себя императорские украшения, как если бы пребывал в трауре» ⁹⁶).

⁹¹ «Tunc sanctus Sylvester dixit: exige a te ipso una hebdomade ieiunium, et deposita purpura intra cubiculum tuum, ibique induere ueste humili, prosterne cylicium et confitere modo per ignorantiam erroris factum... et poenitere multos sanctos dei occidisse...» (*Mombritius*. Op. cit. P. 512).

⁹² «Ei autem dicit sanctus: Oportet ergo te prius iriunare, o Imperator et Deum placare lachrymis, quaecunque peccasti confitentem. Depone ergo purpuram et diadema septem diebus et tuae regiae penetrare ingressus, clausis ianuis, in sacco et cinere humi iacens, in luctu age poenitentiam...» (*De probatis sanctorum historiis*... P. 1055).

⁹³ Иона 3: 6, 10.

⁹⁴ «Stravit omne, que utebatur, insigne regium» (*Ambrosius*. De obitu Theodosii, 34; цит. по изд.: *Sanctus Ambrosius*. Opera. Pars septima / Rec. O. Faller. Wien, 1955 (CSEL, 73). P. 388; ср. также изд.: *Mannix M.D. Sancti Ambrosii oratio de obitu Theodosii*. Text, Translation, Introduction and Commentary. Diss. Washington D.C., 1925).

⁹⁵ «...et in hoc sibi tempus adscriptum absque regali fastigio patienter implevit». См. *Rufinus*. II (XI), 18.

⁹⁶ «...πάντα τὸν ὀρισθέντα αὐτῷ χρόνον εἰς μετάνοιαν, οἷά γε πενθῶν, βασιλικῷ κόσμῳ οὐκ ἐχρησάτο» (*Sozomenos*. VII, 25, 7; здесь и далее цитаты приводятся по изданию: *Sozomenos*. Historia ecclesiastica – Kirchengeschichte / Hrsg. von. G.Chr. Hansen. Teilbd 1. Turnhout, 2004; *Fontes Christiani*. 73. 1.

Если последнее замечание Созомена хоть сколько-нибудь отвечает действительности, получается, что кающийся Феодосий вообще остался в пределах обычной «шкалы» церемониальных одеяний, – просто он использовал символику траура в то время, когда никто из его родственников не умер. Если же Созомен здесь что-то и напутал, то все равно понятно, что ни один император не носит «императорские украшения» постоянно – их отсутствие может приобрести знаковое значение только в тех сравнительно немногочисленных ситуациях, в которых правителю положено являться в «большом государевом наряде». Мы вправе поэтому полагать, что покаяние Феодосия внешне выразилось в отсутствии у него обычных инсигний не во всех случаях, а *при публичных актах*, во время которых такие знаки власти обычно и демонстрировались. Понятно, что при своем воссоединении с церковью Феодосию следовало появиться в храме именно «без украшений», что должно было составлять очевидный всем контраст с тем обликом, в котором он обычно присутствовал на литургии – будь то на Рождество, великий четверг или же в любое воскресенье. Но не была ли эта возможность публично продемонстрировать свое смирение вообще единственной, предоставившейся Феодосию, если принять во внимание другие стороны наложенной на него епитимьи?

Ведь отлученному императору, судя по «*Actus Silvestri*», пристало закрыться во дворце, что вполне соответствует требованию Амвросия к кающимся «воздерживаться от общественной жизни»⁹⁷. В своем добровольном заключении государь, помимо соблюдения поста, должен интенсивно молиться – это вытекает из сентябрьского письма Амвросия. Думается, однако, что требование «воздержания от общественной жизни» не обязательно предполагает отказ от выполнения всяких правительственных функций вообще⁹⁸. Государь вполне мог, не прерывая поста, в промежутках между демонстративными молитвами подписывать бумаги и отдавать их, даже будучи одетым в какое-нибудь элегантно придворное вретисце. Так, Константин из «Деяний Сильвестра» каждый из семи дней своего покаяния выпускает какое-нибудь важное распоряжение на благо христианства. Другое дело, что осуществление власти требует от государя, как правило, не только «бюрократического присутствия», но и систематического персонального участия в тех или иных публичных акциях. Именно поэтому сомнительно, чтобы Феодосий месяцами не покидал дворца и даже чтобы Амвросий, прекрасно знакомый с делами государственного управления, мог такого от него всерьез требовать⁹⁹. Соответственно, мизерный срок, указанный в «Деяниях Сильвестра», представляется чем дальше, тем более вероятным. Другое дело, что Амвросий мог потребовать от императора, чтобы тот уже после воссоединения с церковью произносил систематически, а то и ежедневно, покаянные молитвы. Намек на такое распоряжение можно усмотреть в речи Амвросия на смерть Феодосия, когда он говорит, что и после

⁹⁷ «*Renuntiandum saeculo est*» (*Ambrosius. De poenitentia. II, 10, 96; Ambroise de Milan. La Pénitence. P. 192*). Правда, в этом месте Амвросий имеет в виду в первую очередь бытовую сторону: о каком покаянии может идти речь, когда вино льется рекой, когда стремятся к должностям и даже наслаждаются радостями брака.

⁹⁸ Ср. *Ernesti. Op. cit. S. 185*.

⁹⁹ В реестре сохранившихся указов Феодосия за последним из выпущенных им в Вероне 8 сентября 390 г. следующий – уже из Медиолана – относится к 26 ноября (*Seeck. Op. cit. S. 278*). Естественно, этот реестр далеко не полон. На его основании можно утверждать лишь то, что *самое позднее* 26 ноября император счел возможным возобновить свою официальную законотворческую деятельность, даже если он ее прерывал на время покаяния.

публичного покаяния «не проходило и дня», чтобы Феодосий «не скорбел о том [своем] заблуждении»¹⁰⁰.

Наибольший интерес для историка политического символизма представляют собой, однако, не покаянные практики, применявшиеся Феодосием внутри его священного дворца, а детали публичной сцены, которой покаяние должно было завершиться. Именно ей суждено было произвести незабываемое впечатление на современников и потомков и оказать сильное воздействие на всю политическую культуру христианской Европы. К сожалению, и об этой сцене известно очень мало. Амвросий впоследствии вспоминал о ней так: Феодосий «...публично оплакивал в церкви грех свой... Со вздохами и слезами просил он о милости. То, чего часто стесняются частные лица, император не постеснялся: принести публичное покаяние...»¹⁰¹. Руфин говорит, что Феодосий признал совершенное преступление и свою вину за него и со слезами принес публичное покаяние «на виду у всей церкви»¹⁰². Августин в «Граде Божьем» говорит с чужих слов, поскольку сам уехал из Медиолана еще в 387 г., а слова эти могут не столько воспроизводить личное впечатление какого-то очевидца, сколько представлять собой риторическое клише: Феодосий, «...принужденный церковными правилами, приносил публичное покаяние так, что народ, прося за него, гораздо более плакал, видя императорское величие униженным, чем боялся его, когда оно было грешным образом разгневано»¹⁰³. Образ христиан, рыдающих при виде скорби раскаивающегося грешника и молящих за него церковные власти – как земные, так и небесные, вполне стандартен и кочует из одного сочинения в другое. Созомен сообщает лишь, что Феодосий «сам публично признал в церкви свой грех», но не раскрывает деталей этого «признания»¹⁰⁴.

Зато Феодорит живописует яркую картину: допущенный наконец в храм, Феодосий «...молился Господу, не стоя даже на коленях, но прикинув главою

¹⁰⁰ «...neque ullus postea dies fuit, quo non illum doloret errorem» (*Ambrosius. De obitu Theodosii*, 34).

¹⁰¹ «...deflevit in ecclesia publice peccatum suum... gemitu et lacrimis oravit veniam. Quod privati erubescunt, non erebuit imperator, publicam agere poenitentiam...» (*ibid.*).

¹⁰² «Agnovit delictum culpamque cum lacrimis professus publicam poenitentiam in conspectu totius ecclesiae exegit...» (*Rufinus. II (XI)*, 18).

¹⁰³ «Quid autem fuit eius religiosa humilitate mirabilius, quando in Thessalonicensium grauissimum scelus, cui iam episcopis intercedentibus promiserat indulgentiam, tumultu quorundam, qui ei cohaerebant, vindicare compulsus est et ecclesiastica coercitus disciplina sic egit poenitentiam, ut imperatoriam celsitudinem pro illo populus orans magis fleret uidendo prostratam, quam peccando timeret iratam» (*Augustinus. De civitate Dei. V*, 26; Цит. по изд.: *Sanctus Avrelius Augustinus. De civitate Dei libri I–X*. Turnhout, 1955 (CCSL, 47). P. 162). Русский перевод дается по изд.: *Блаженный Августин. Творения* (том третий). О граде Божием книги I–XIII / Сост. и подг. текста к печати С.И. Еремеева. Санкт-Петербург–Киев, 1998. С. 241–242. В литературе неоднократно подчеркивалось сходство рассказа Августина о фессалоникийском эпизоде с аналогичным местом у Павлина. Из этого обстоятельства, однако, в литературе делаются разные выводы: 1) Августин был знаком с «Житием Амвросия», которое, следовательно, к тому времени было уже написано; 2) Августин выслушал устный рассказ Павлина при встрече в 411 г.; 3) Августин и Павлин пользовались общим источником, которым могла быть речь самого Амвросия на смерть Феодосия (*Lamirande E. La datation de la «Vita Ambrosii» de Paulin de Milan // Revue des études augustiniennes. 1981. 27. P. 44–55, особенно 52–54.*

¹⁰⁴ «δημοσίᾳ δὲ καὶ αὐτὸς τὴν ἁμαρτίαν ἐπὶ τῆς ἐκκλησίας ὡμολόγησεν...» (*Sozomenos. VII*, 25, 7).

к полу и повторяя слова Давида: «прильне земли душа моя: живи мя по словести твоему» (Пс. 118: 25). Он испрашивал себе прощение, терзая руками свои волосы, ударяясь челом и обливая помост потоками слез»¹⁰⁵. Это красочное описание перешло из труда Феодорита и в «*Historia tripartita*» Кассиодора, став именно в его пересказе широко известным всей латинской Европе¹⁰⁶. Что же до описания покаяния Константина в «Деяниях Сильвестра», то оно не противоречит тому немногому, что известно о покаянии Феодосия. На восьмой день покаяния император пришел к гробнице св. Петра и, сняв диадему, простерся ниц, проливая столько слез раскаяния из-за преследований христиан, что совершенно промочил свои багряные облачения. Горько рыдая, он восклицал, что заблуждался, грешил, что виновен в преследовании святых и теперь недостойн прикоснуться к «порогу апостола»¹⁰⁷.

Из этой совокупности прямых и косвенных свидетельств допустимо, думается, предположить, что Феодосий явился в храм без знаков императорской власти и смиренно молился перед алтарем, проливая слезы, громко объявляя о своем прегрешении и прося Бога о прощении. Действие это, конечно, было публичным, как следовало уже из письма Амвросия, но о степени этой публичности можно лишь гадать. Амвросий, вероятно, был заинтересован в том, чтобы свидетелем удивительной сцены стало как можно больше народа – не только знати, но и плебса, и чтобы она проходила в новом вместительном кафедральном соборе Медиолана – так называемой *Basilica Nova*. Феодосия наверняка больше устроило бы, если бы «публичность» его покаяния оказалась ограничена узким кругом приближенных и совершалось оно в придворном храме¹⁰⁸. Как был урегулирован этот вопрос, мы уже не узнаем, но у читателей Августина, Руфина, Феодорита и Кассиодора возникала уверенность в том, что свидетелем беспрецедентного покаяния императора стал «весь народ».

Подробный разбор обстоятельств «изобретения» процедуры публичного покаяния императора показывает, что она, вероятнее всего, задумывалась и осуществлялась как *разовая* акция, призванная разрешить конкретную политическую проблему. Вряд ли ее участники поняли бы утверждение десятков историков, что эпизод 390 г. якобы определил на долгие века «новый характер отношений между государством и церковью». Мыслить общими категориями такого рода не было свойственно в эпоху Феодосия и Амвросия. Вряд ли участники конфликта рассчитывали даже на то, что поставленной ими совместно сцене будут подражать в грядущих поколениях.

¹⁰⁵ Русский перевод приводится по изд.: *Феодорит епископ кирский*. Церковная история. М., 1993 (История христианской церкви в произведениях ее писателей, 1). С. 192–194.

¹⁰⁶ «Sic igitur sacratissimus imperator ingredi limina praesumens non stans domino supplicavit neque genua flexit; sed pronus in pavimento iacens Daviticam proclamavit vocem: Adhaesit pavimento anima mea, vivifica me secundum verbum tuum, minibus autem capillos evellens frontemque percutiens et pavimento lacrimarum guttas aspergens veniam impetrare poscebat» (Cassiodori-Epiphanii Historia ecclesiastica tripartita / Ed. W. Jacob, R. Hanslik. Windobonae, 1952 (CSEL, 71). P. 545 (IX, 30).

¹⁰⁷ «...et ueniens ad confessionem apostoli Petri ablato diademate capitis totum se planum proiciens in faciem tantam illic lachrymarum effudit multitudinem, ut omnia illa insignia uestimenta purpurea infunderentur. Dans uocem inter amaras lachrymas quibus se errasse, se peccasse, se reum esse de persecutione sanctorum commemorans, et ob hoc non se esse dignum eius limina contingere...» (*Mombritius*. Op. cit. P. 513).

¹⁰⁸ См., например, мнение: «Вероятнее всего, покаяние императора происходило в узком кругу лиц, что однако позволило потом говорить о «публичности» этого акта, и было совершено по строго продуманному сценарию» (Казаков. Ук. соч. С. 243).

Самому Феодосию повторение медиоланского унижения не грозило, ведь каноны позволяли публично каяться только один раз в жизни. Однако они не запрещали более мягких форм покаяния, и мы знаем со слов все того же Амвросия, что к одной из них впоследствии Феодосий прибегнет. Выиграв кровавую битву против западного «узурпатора» Евгения на реке Фригиде в начале сентября 394 г., Феодосий, по словам медиоланского епископа, «воздерживался от участия в таинствах» до той поры, пока к нему не приехали из Константинополя его дети (Амвросий здесь имеет в виду десятилетнего Гонория и примерно четырехлетнюю Галлу Плацидию¹⁰⁹). Лишь усмотрев в их благополучном прибытии знак милости к нему Господа, император принял причастие¹¹⁰. Если доверять расчетам Э. Камерона, Гонорий и его сводная сестра, вызванные Феодосием из столицы только после гибели Евгения, не могли прибыть в Италию ранее декабря¹¹¹, – следовательно, воздержание Феодосия от причастия длилось более трех месяцев.

Феодосий проявляет личное благочестие, но не под нажимом, как в прошлый раз¹¹²; его смирение не означает признания политической ошибки и не приводит к публичному унижению. Он кается, потому что не желает торжествовать, выиграв междоусобную войну, унесшую тысячи жизней римских граждан и федератов. Мысль о том, что победа в гражданской войне – не повод для триумфа давно укоренилась в римском политическом сознании, но здесь она впервые переводится на язык христианской символики. Судя по скупой фразе Амвросия (а это все, чем располагают историки), у нового покаяния Феодосия могло быть по меньшей мере два смысла – более приватный и более публичный. Приватный связан с путешествием детей Феодосия. Эта дальняя поездка не могла быть простой в условиях только что закончившейся гражданской войны и возобновившихся волнений готов в Иллирике. Поэтому в благочестивом поступке Феодосия угадывается его опасение, что за победу над согражданами судьба может потребовать с него самую суровую плату, и тогда его покаяние оказывается способом отвести возможную угрозу от семьи и прежде всего от младшего наследника – Гонория. (В который уже раз нам попадаются намеки на то, что в сознании императора и таких его современников, как Амвросий, существовала теснейшая связь между делами большой политики, с одной стороны, и благополучием членов императорской династии – с другой.)

О публичном аспекте нового покаяния можно говорить, конечно, лишь если допустить, что смиренное поведение императора было известно не только его ближайшему окружению. Тогда отказ Феодосия от Святых Даров должен был бы восприниматься как декларация его миролюбия по отношению к бывшим сторонникам погибшего «узурпатора», которых в Италии было немало. Такой жест был бы особенно в духе Амвросия, всячески призывавшего победителей к мягкости и снисходительности – тем более что в случае развертывания ши-

¹⁰⁹ Мнение о том, что Амвросий говорит не о Галле Плацидии, а о Евхерии – сыне Стилихона и Серены и внуке Феодосия, высказывается в кн.: *Hartke W. Römische Kinderkaiser: eine Strukturanalyse römischen Denkens und Daseins*. B., 1951. S. 240.

¹¹⁰ «Quid quod praeclaram adeptus victoriam, tamen, quia hostes in acie strati sunt, abstinuit a consortio sacramentorum, donec domini circa se gratiam filiorum experiretur adventu?» (*Ambrosius. De obitu Theodosii*, 34).

¹¹¹ *Cameron A.D.E. Theodosius the Great and the Regency of Stilicho* // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1969. 73. P. 247–280, особенно 266.

¹¹² *Moorhead. Op. cit.* P. 194.

роких преследований он и сам мог оказаться среди обвиненных в недопустимой лояльности к Евгению.

Вполне закономерно, что в поминальной речи по Феодосию 25 февраля 395 г. Амвросий всячески подчеркивает милосердие скончавшегося государя – в полную противоположность его же словам из «фессалоникийского» послания. Теперь оказывается, что Феодосий «тем скорее был склонен к милости, чем сильнее бывал охвачен гневом»¹¹³. Он был так мягок к обвиняемым, что, даже располагая властью над всеми, предпочитал увещевать, как отец, нежели наказывать, как судья¹¹⁴. «Часто видели мы, что когда трепетавшие от его упреков и осужденные за преступление, теряли [уже всякую] надежду, они освобождались [императором] от вины. Завоевать хотел он их, а не наказывать, – он, судья справедливости, а не раздатчик кар. Он никогда не отказывал в прощении тем, кто признал свою вину. А если и был кто-нибудь, сокрывший тайные мысли, он оставлял [судить об этом] Богу. Этого его голоса люди боялись больше, чем наказания, и император потому действовал с такой сдержанностью, что предпочитал привлекать людей к себе, вызывая душевное расположение, а не страх»¹¹⁵.

Слова о невероятном милосердии покойного Амвросий адресовал, надо полагать, двум разным группам слушателей. С одной стороны – влиятельным людям из окружения нового императора Гонория и прежде всего его опекуну Стилихону. Всем им епископ хотел внушить мысль о необходимости продолжить линию Феодосия на умиротворение Италии и отказ от репрессий. Но, с другой – он обращался и к бывшим сторонникам Евгения. Они видели в епископе Медиолана представителя власти и, соответственно, понимали его речь как обещание новых властей сохранять миролюбивую умеренность покойного государя.

Однако зачем Амвросию понадобилось в его энкомии дважды коснуться темы публичного покаяния Феодосия после фессалоникийских событий, пускай и не называя их прямо? Упоминания о прегрешениях и ошибках покойного отнюдь не свойственны надгробным речам. В силу сложившихся политических обстоятельств оратору необходимо было обрисовать Феодосия самыми светлыми красками – в качестве образцового государя, отсветы сияния которого ложатся на его сыновей и легитимируют переход власти именно к ним. Однако эпизод с публичным покаянием Феодосия оставался у медиоланцев свеж в памяти, – судя по тому, что Амвросий говорит о нем без всяких пояснений, как о чем-то всем хорошо известном. Тогда у них неизбежно должен был возникнуть вопрос: всего менее пяти лет назад сам же Амвросий подверг императора неслыханному наказанию как тяжкого грешника, нарушившего священные нормы, – как же возможно теперь представлять его образцовым христианином? Задача оратора состояла в том, чтобы снять это противоречие, и именно поэтому обойти молчанием эпизод с покаянием было бы тяжелой ошибкой, –

¹¹³ «Et tunc propior erat veniae, cum fuisset conmotio maior iracundiae» (*Ambrosius. De obitu Theodosii*, 13).

¹¹⁴ «Hoc erat remedium reorum, quoniam, cum haberet supra omnes potestatem, quasi parens expostulare malebat quam quasi iudex punire» (*ibid.*).

¹¹⁵ «Saepe trementes vidimus, quos obiurgabat, et convictos sceleris, cum desperassent, solutos crimine. Vincere enim volebat, non plectere, acquitatis iudex, non poenae arbiter, qui numquam veniam confitenti negaret; aut si quid esset, quod occulta conscientia involveret, deo servabat. Hanc vocem eius homines amplius quam poenam timebant, quod tanta imperator ageret verecundia, ut mallet sibi homines religione quam timore adstringere» (*ibid.*).

напротив, его необходимо было упомянуть, чтобы представить в правильном свете.

Былое прегрешение Феодосия на этот раз никак нельзя было выводить из недостатков личности императора – ведь, как только что заверил сам же Амвросий, гневливость и вспыльчивость были чужды государю. Его грех приключился с ним едва ли не помимо его воли – только потому, что «другие» его обманули¹¹⁶. В контексте «Слова» получается, что Феодосий, унижившись так, как стыдились унижаться простые люди, тем самым себя возвеличил. Хотя это место из речи Амвросия цитировалось множество раз, исследователи до сих пор, кажется, не отметили, насколько нов был такой ход мысли для епископа Медиоланского. Ни в его послании к Феодосию, ни в «Апологии Давида», ни в трактате «О покаянии» не говорится ничего о *покаянии как пути к возвышению и величию*. Покаяние – это способ спасти душу после тяжкого греха, оно может восстановить статус, утраченный в результате прегрешения, но вовсе не возвеличить. Между тем в контексте прощальной речи Амвросия выходит, что покаяние Феодосия имело самостоятельную ценность и придало его личности новое качество, за которое он заслуживает отдельной похвалы.

Происхождение такого риторического хода очевидно: парадокс возвеличения через унижение, вряд ли понятный классическому античному сознанию, был изначально заложен в трагической судьбе основателя церкви. Вольно или невольно Амвросий переносит топос, относящийся к Христу, на земного царя, что уже само по себе весьма примечательно, хотя пока что и не было отмечено в литературе. И напротив, он полностью отказывается от своего любимого сравнения императора с Давидом. Имя библейского царя Амвросий не произносит даже тогда, когда заставляет героя своего панегирика процитировать псалмопевца: «Вот я; я согрешил, и я, пастырь, сделал плохо, а эти в пастве сей – что сделали? Да будет рука Твоя на мне»¹¹⁷. Да и стих этот Амвросий приводит иначе, чем в послании Феодосию после Фессалоники. Теперь он опускает концовку: «...и на доме отца моего». Не случайно: в напряженной обстановке февраля 395 г. трудно было бы придумать что-либо вреднее допущения, будто рука Господа из-за прегрешения Феодосия может лечь и на его сыновей.

Получается, Амвросий не только «изобрел» ритуал покаяния государя, но сам же под влиянием смены политических обстоятельств придал ему смысловую амбивалентность. Епископ усматривал в нем одно значение (как прагматическое, так и символическое) сразу после бойни в Фессалонике и совсем иное – стоя через пять лет у гроба Феодосия. В политической гибкости епископа нет ничего удивительного, необычно лишь то, что *обе* позиции Амвросия закрепились в авторитетной письменной традиции, влиявшей на образ действий как властителей, так и их оппонентов на протяжении ряда последующих столетий. Требование униженного подчинения грешного государя епископу, представляющему Царя Царей, прошло через всю церковную историографию V в. начиная с Руфина. Идея же, что такое покаяние в действительности не унижает государя, но, напротив, возвышает его, имплицитно присутствует в общей оценке личности Феодосия – оценке, присущей той же самой историо-

¹¹⁶ «...peccatum suum, quod ei aliorum fraude obrepserat...» (Ambrosius. De obitu Theodosij, 34). Ср. также: «...ubi peccatum obrepserat, veniam postulavit» (ibid. 28).

¹¹⁷ «Ecce sum ego; peccavi, et ego pastor male feci, et isti in hoc grege quid fecerunt? Fiat manus tua in me» (2 Цар 24: 17; 1 Пар 21: 17).

графии и намертво закрепившейся в традиции. Без надгробной речи Амвросия вряд ли она была столь безусловной.

Публичное покаяние Феодосия осенью 390 г. в Медиолане само по себе не создало традиции, воспроизводившейся бы в ритуале. На латинском Западе более четырехсот лет – вплоть до Каролингов – ничего не слышно о попытках поставить сходную сцену, пока в 822 г. Людовик Благочестивый не принес покаяния в Аттиньи, «следуя примеру императора Феодосия», как четко сформулировал его придворный историограф¹¹⁸. Но если Людовик и его советники, создавая новый (во всяком случае на Западе) политический ритуал, ориентировались именно на литературную традицию, относящуюся к Феодосию, они неизбежно должны были унаследовать и присущую ей смысловую амбивалентность. Такая амбивалентность, действительно, бросается в глаза при сопоставлении двух случаев публичного покаяния Людовика. В 822 г. это покаяние победителя, напоминающее не столько медиоланский эпизод 390 г., сколько добровольное смирение Феодосия после победы при Фригиде. Зато суассонское покаяние 833 г. станет суровее покаяния медиоланского, поскольку превратится в сущности в низложение государя.

Какую же роль сыграл медиоланский эпизод 390 г. в складывании образа христианского правителя и символической репрезентации его власти? В исторической литературе никогда не испытывалось недостатка в самых торжественных оценках медиоланской инсценировки. Их выразительную, хотя далеко не полную подборку приводит М.М. Казаков. В публичном покаянии Феодосия «...исследователи видят триумф церковной власти над светской (А. Пареди, Н. Кинг), поворотный пункт в истории (Ф. Даден, С. Гринслейд), прогресс человеческий и гражданский (А. Пареди), пример того, что власть и свобода клира доказали здесь способность быть бастионом общественной свободы и закона (Х. Кампенхаузен), установление жизненного принципа западного общества (В. Френд), победу христианского морального порядка над волей правителя (В. Френд, Р. Кларк)»¹¹⁹.

Со своей стороны, М.М. Казаков сначала предложил «...не преувеличивать моральную сторону победы церкви, которая символическим актом прощала императору убийство многих невинных людей и давала понять, что нет такого преступления, которого нельзя было бы искупить, если оно не направлено непосредственно против самой церкви». Но чуть ниже он же определил «подлинное значение этого события» еще с большим пафосом, чем его предшественники: «...это был определенный пункт поворота человечества от дикого варварства к гуманной цивилизации: Установление морального контроля общества, выразителем интереса которого явилась христианская церковь, над деяниями человека, облеченного высшей властью в государстве, представляется крупным шагом на пути к подлинной цивилизованности. Человечеству и европейской цивилизации еще предстоял длительный путь, но начало было положено: прецедент с Феодосием никогда не был забыт и постоянно напоминал властителям человеческих судеб об их обязанностях перед обществом»¹²⁰.

¹¹⁸ «Post haec autem palam se erasse confessus est et, imitatus Theodosii imperatoris exemplum, penitentiam spontaneam suscepit...» (см. *Astronomus. Vita Hludovici imperatoris // Theganus. Gesta Hludovici imperatoris; Astronomus. Vita Hludovici imperatoris* / Ed. E. Tremp. Hannover, 1975 (MGH SSrG, [64]). P. 406 (XXXV).

¹¹⁹ Казаков. Ук. соч. С. 243.

¹²⁰ Там же. С. 244–245.

Как серьезную новацию восприняли историки в свое время статью В. Энслина, в которой он представил эпизод 390 г. в качестве конфликта иного рода, не столь судьбоносного. Согласно его мнению, то была «...победа власти налагать покаяние на раскаявшегося грешника, но не принципиальная победа церкви над императором и не веха на пути выстраивания отношений между церковью и государством»¹²¹. Из того, что Феодосий в качестве *грешного человека* оказал послушание своему епископу, неправомерно делать выводы о подчинении Феодосия в качестве *императора* тому же самому Амвросию или тем более церкви вообще. Вместо важнейшего церковно-политического события, имеющего едва ли не всемирно-историческое значение, перед нами камерная сцена подчинения упорствующего грешника пастырской воле церковного предстоятеля¹²².

Отметим, что в трактовке В. Энслина медиоланский эпизод тоже оказывается борьбой между своего рода общими принципами, хотя и не столь значимыми для судеб европейской цивилизации, как предлагалось множеством историков перед ним. Зато в интерпретации Ф. Кольба и Н. МакЛинна столкновение имело место между двумя политиками, а не общими идеями. Причина конфликта не системного свойства, а сугубо личностного: его вызвало властолюбие Амвросия, стремившегося подчинить своему влиянию императора. Разумеется, такой образ медиоланского святого не мог всех устроить и теперь его пытаются оспорить, чтобы вернуться к прежним оценкам Амвросия как моралиста¹²³.

Здесь не место обсуждать достоинства и недостатки различных подходов к разбору эпизода 390 г. Медиоланское столкновение интересно нам только в одном плане: оно обогатило символический язык власти, расширило его возможности. Однако произошло это вовсе не само собой и не сразу, а спустя столетия – в ходе сознательной политической реактуализации набора авторитетных литературно-исторических текстов.

Изобретение Амвросия и Феодосия состояло в «сцеплении» двух символических систем, существовавших ранее параллельно, – христианской символики и императорской репрезентации. Публичное покаяние Феодосия представляло собой вторжение ритуала, относящегося к регулированию внутренней жизни христианской общины, в систему образов, представляющих власть римского государя.

Медиоланский предстоятель вместе с римским императором в 390 г. не привили европейским правителям смирения, не отвратили их от преступлений и не подчинили их волю контролю церкви. Они придумали совершенно новую роль, которая при определенных обстоятельствах может подходить государю, – изобретение само по себе редкое, а потому значительное. Роль эта будет пользоваться успехом на протяжении всего Средневековья. Однако в каких целях к этой новой опции императорской репрезентации станут прибегать и насколько эффективным окажется ее применение, будет зависеть всецело от конкретных политических обстоятельств, в которых тот или иной государь со-

¹²¹ Enßlin. Op. cit. S. 73.

¹²² Schiefer. Op. cit. S. 346.

¹²³ «Не стоит отказывать Амвросию в доверии, когда он говорит, что его заботит душевное здоровье императора». В споре о Фессалонике дело шло вовсе не о земной власти (Dassmann. Op. cit. S. 191).

четет уместным явиться перед подданными одетым во власяницу и заливаясь слезами из-за безмерности совершенных им прегрешений.

EMPEROR'S PENITENCE: THEODOSIUS I AND AMBROSE OF MILAN

M. A. Boytsov

The article reconstructs the circumstances and events of the well-known episode of 390, starting from the revolt in Thessaloniki. Ambrose could not have acted as a spokesman for the public indignation caused by the savage reprisal in Thessaloniki (of which only very few people could know). It is highly probable that he was the first to inform the Church council about the massacre. The public opinion for which he spoke in his letter was probably formed by himself.

A new analysis of the letter (extra coll. 11) has revealed the true meaning of an underestimated passage consisting mostly of Biblical citations. The choice of citations, their order and context make it possible to consider this part of the letter as the central one. It is there that Ambrose formulated his demands: (1) Theodosius must acknowledge his sin and repent, (2) his repentance must be public, (3) he must repent of having murdered innocent people. Even a threat could be read between the lines: if Theodosius did not repent, God's wrath would befall his descendants.

Many opinions were uttered concerning the form and duration of Theodosius' penitence. Comparing the situation with that described in *Actus Silvestri*, the author shows that even a short period of seven days could have been considered sufficient for the emperor who had committed a grave sin.

Five years later Ambrose depicted Theodosius' repentance in *De obitu Theodosii* in quite a different way. To support the succession of Theodosius' son Honorius (who presumably inherited his fathers virtues), Ambrose represented the Emperor's repentance as an act of humility ennobling him. Since then, the scenes of monarch's repentance have developed into an important element of representing the power of an ideal Christian ruler.

© 2009 г.

И. А. Макаров

ГРЕЧЕСКОЕ ПИСЬМО, НАЙДЕННОЕ В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ, И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕРМИНА ΣΑΣΤΗΡ (IOSPE I². 401)*

В ходе раскопок в северном районе херсонесского городища (квадрат IX, помещение 2; руководитель раскопок С.Г. Рыжов) в 2000 г. был обнаружен фрагмент стенки синопской амфоры, на поверхности которого сохранилась греческая надпись¹. Глиняное тесто черепка содержит вкрапления пироксена, в изломе имеет характерный сиреневый цвет. Его размеры: 6/5.5 см; высота букв: 0.4–0.6 см. Буквы достаточно аккуратно процарапаны тонким острием (см. рис.). Обращает на себя внимание расположение текста. Он занимает всю площадь фрагмента и идет параллельно его краям. По всей вероятности, черепок прямоугольной формы был специально подготовлен для последующего нанесения надписи. От нее полностью сохранились шесть первых строк. Седьмая строка с левой стороны повреждена мелкими выбоинами, а справа уходит в скол. Буквы в ней не поддаются надежному определению.

Текст читается следующим образом:

Τιμοσθένηι
χαίρεν' τὸν
σθύνλακον
λῦσον καὶ λ[α]-
5 βὲ τὸ ἑαργύρι
ἐκ τοῦ θυλάκο
++A+N +

App. crit.

3: σθύνλακον = θύλακον; 5: vel ἑαργύρι[ον]; 7: в начале строки, возможно, читается *сигма*; после *альфы* видны следы *tau* (?).

Перевод: «Здравствуй, Тимосфен. Открой мешок и возьми из мешка деньги».

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Античный полис, местное население и мировые империи на юге России в древности и раннем средневековье».

Выражаю глубокую признательность С.Г. Рыжову за возможность публикации данной находки, хранящейся в фондах Национального заповедника «Херсонес Таврический» (инв. № 4/37349).

Рис. Греческое письмо на фрагменте синопской амфоры. Национальный заповедник «Херсонес Таврический»

Очевидно, перед нами частное деловое письмо. Это первый несомненный памятник эпистолярного жанра, обнаруженный на территории Херсонеса Таврического². Документ можно датировать по ряду признаков. Среди них отметим следующие. Синопские амфоры появляются в Северном Причерноморье около рубежа первой и второй четвертей IV в. до н.э.³ Палеография надписи укладывается в рамки IV в. до н.э.: *ню* с укороченной и приподнятой

² Надпись на черепке IV в. до н.э. из раскопок в районе херсонесского театра, интерпретированная Э.И. Соломоник как письмо (*Соломоник Э.И.* Два античных письма из Крыма // ВДИ. 1987. № 3. С. 125-131 = SEG XXXVII. 661), с большей вероятностью является остраконом в юридическом смысле (*Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы 1996–1997 гг. М., 1999. С. 113. Табл. II, 4). Нельзя исключать, что письмом является керамическая надпись из Северо-Западного Крыма, датируемая В.Ф. Столбой ок. 360–330 годов до н.э. (*Столба В.Ф.* Греческое письмо с поселения Панское I (Северо-Западный Крым) // ВДИ. 2005. № 4. С. 76-87). Следы текста хозяйственного содержания (письма?) усматривает С.Ю. Сапрыкин в граффито III в. до н.э. из усадьбы на херсонесской хоре (*Сапрыкин С.Ю.* Два граффито на черепице из усадьбы хоры Херсонеса // Античная балканистика. М., 1987. С. 94 сл.). Последнюю сводку писем на свинце и керамике из Северного Причерноморья см. в работе: *Dana M.* Lettres grecques dialectales nord-pontiques (sauf IGDP 23–26) // REA. 2007. 1. P. 67–97.

³ *Монахов С.Ю.* Динамика форм и стандартов синопских амфор // Греческие амфоры. Саратов, 1992. С. 167–168; *Брашинский И.С.* Экономические связи Синопы в IV–II вв. до н.э. // Античный город. М., 1963. С. 140 сл.

правой вертикалью, расставленные боковые гасы у *мю* и *сигмы* (при этом *сигма* в начале стк. 3 имеет спрямленные черты), *омикрон* овальной формы. Нижняя хронологическая граница памятника может быть определена по написанию ложных дифтонгов. В стк. 2 в инфинитиве χαίρεν *е* долгое закрытое передано через *эпсилон*, а не через диграф ει. В стк. 6 в форме родительного пад. ед. ч. τὸ θυλάκο *о* долгое закрытое передается через *омикрон*, а не через диграф ου. В аттических надписях такая орфография в основном не выходит за пределы третьей четверти IV в. до н.э.⁴ Это наблюдение можно распространить и на херсонесскую эпиграфику, где, как показывают данные лапидарных надписей и амфорных клейм, ложные дифтонги регулярно передаются через диграфы начиная с последней четверти IV в. до н.э.⁵ Сказанное позволяет датировать публикуемое письмо периодом около 375–325 годов до н.э.

Орфография надписи требует дополнительных комментариев. В стк. 1 форма дательного пад. Τιμοσθένηι вместо ожидаемой Τιμοσθένει объясняется аналогией с парадигмой мужских личных имен 1-го склонения. Подобное смешение известно в различных диалектах древнегреческого языка, среди прочего и в дорийских, к числу которых относится диалект Херсонеса Таврического⁶. В стк. 3 вместо ожидаемого написания греческого существительного в асс. sg. θυλάκον (ср. в стк. 6 форму gen. sg. θυλάκο) фигурирует не засвидетельствованный прежде аномальный вариант σθύνλακον. Контекст письма не дает оснований сомневаться в том, что речь идет об одном и том же слове, а возможность двойной ошибки писавшего представляется маловероятной. Поскольку для существительного θυλάκος нет надежной этимологии⁷, объяснения того факта, что имеются две орфографические формы, могут быть лишь предположительными. Для *сигмы* в начале слова σθύνλακον вероятными кажутся два толкования. С одной стороны, она может трактоваться как *σ-mobile*, встречающееся в греческом языке в диалектных вариантах и в просторечной лексике. Укажем на такие параллельные формы, как Σφίγξ – Φίκα (беот., ср. Hes. Theog. 326), πυρός – σπυρός (дор.), σκεραφος – κέραφος (Hesych. s.v.), σπέλεθος – πέλεθος (Ag. Eccl. 595, Ach. 1170) и т.д.⁸ Однако данное объяснение ослабляется отсутствием (если не считать рассматриваемого случая) примеров чередования в аналауте σθ- и θ-. С другой стороны, некоторые дорийские диалекты уже в IV в. до н.э. демонстрируют ослабление смычного характера звука *th* и переход его в спирант

⁴ Threatte L. The Grammar of Attic Inscriptions. Vol. I. B., 1980. § 9.0121; ср. Jeffery L.H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxf., 1961. P. 325 f., 332 f.

⁵ В лапидарной эпиграфике Херсонеса и его окружи единственный надежный пример написания *о* долгого закрытого через *омикрон* встречается в надгробной надписи Амбатии из Керкинитиды (IOSPE I². 339: Ἀμβατίας τὰς Ἠρόδοτο). Об амфорных клеймах см. Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов, 1994. По-видимому, несколько дольше (до первых десятилетий III в. до н.э.) держится написание *о* долгого закрытого без использования диграфов в магистратских именах на монетах Херсонеса, но в этом случае речь может идти и о сокращенном написании личных имен с основой на -ο в род. пад. (ср. очевидные сокращения личных имен на монетах тех же серий: ΑΙΣΧΙ, ΦΙΛΙΣΤΙ, ΘΕΟΧΑΡΙ). См. Зограф А.Н. Античные монеты. М.–Л., 1951. С. 148 сл.; Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев, 1977. С. 25.

⁶ Buck C.D. The Greek Dialects. Chicago, 1955. P. 90.

⁷ Chantraine P. Dictionnaire etymologique de la langue grecque. P., 1990. S.v. θυλάκος.

⁸ Schwyzler E. Griechische Grammatik. I. München, 1977. S. 334.

($\theta = \sigma$)⁹. Обратим внимание на примеры фонетической орфографии, взятые из надписей, близких по времени публикуемой, где исконное сочетание $\sigma\theta$ передается через $\sigma\sigma$ ($\acute{\alpha}\lambda\phi\omicron\delta\sigma\sigma\alpha\iota = \acute{\alpha}\lambda\phi\omicron\delta\sigma\theta\alpha\iota$, Элея, IV в. до н.э.)¹⁰, θ или $\theta\theta$ ($\delta\acute{\epsilon}\xi\alpha\theta\alpha\iota = \delta\acute{\epsilon}\xi\alpha\sigma\theta\alpha\iota$ и другие примеры в Гортинских законах на Крите¹¹, а также написание $\text{Ἰ}\theta\mu\omicron\nu\acute{\iota}\kappa\alpha$ вместо $\text{Ἰ}\sigma\theta\mu\omicron\nu\acute{\iota}\kappa\eta$ в тексте IV в. до н.э. из Эпидавра, IG IV². 1, 121:10). Вполне возможно, что похожие особенности произношения нашли отражение и в написании $\sigma\theta$ вместо θ в форме $\sigma\theta\upsilon\nu\lambda\alpha\kappa\omicron\nu$.

Что касается еще одной аномалии в орфографии слова $\sigma\theta\upsilon\nu\lambda\alpha\kappa\omicron\nu$, а именно появления $\nu\upsilon$ в корне слова, отметим, что сочетание носового ν и плавного λ встречается в греческом языке только на стыке морфем (обычно комбинации с $\sigma\upsilon\nu$ -, $\acute{\epsilon}\nu$ -, $\pi\alpha\nu$ -, $\kappa\alpha\lambda\iota\nu$ -). При этом в рукописях оно почти всегда передается как $\lambda\lambda$, возникшее в результате ассимиляции ν с последующим λ ¹². В надписях же ассимиляция часто не отмечается ($\sigma\upsilon\nu\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$ наряду с $\sigma\acute{\upsilon}\lambda\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$, $\acute{\epsilon}\nu\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\omega$ наряду с $\acute{\epsilon}\lambda\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\omega$ и т.п.). В качестве гипотетического объяснения можно предположить параллельное написание $*\theta\upsilon\lambda\lambda\alpha\kappa\omicron\varsigma$ с двумя λ (в пользу такой возможности говорят засвидетельствованное однокоренное слово $\theta\upsilon\lambda\lambda\acute{\iota}\varsigma$ и долгота υ в форме $\theta\acute{\upsilon}\lambda\alpha\kappa\omicron\varsigma$). В таком случае появление $\nu\lambda$ в форме $\sigma\theta\upsilon\nu\lambda\alpha\kappa\omicron\nu$ можно было бы объяснить аналогией со словами, в написании которых наблюдалось чередование $\nu\lambda$ и $\lambda\lambda$.

Наконец, в стк. 5 следует обратить внимание на форму $\acute{\alpha}\rho\gamma\acute{\upsilon}\rho\iota$ вместо обычного $\acute{\alpha}\rho\gamma\acute{\upsilon}\rho\iota\omicron\nu$. Скорее всего она представляет собой сокращенное написание в конце строки (подобные сокращения встречаются, например, уже в ранних папирусах¹³). Менее вероятным кажется предположение о синкопе неударного гласного $\omicron$ и ослаблении носового ν на конце слова. Эти фонетические явления характерны главным образом для более позднего времени (не ранее III в. до н.э.), хотя спорадически обнаруживаются и в надписях классического периода¹⁴. В целом отмеченные особенности впервые засвидетельствованы для диалекта Херсонеса Таврического. Основным для их характеристики является то, что они связаны с особенностями повседневного разговорного языка, в котором слова нередко подвергаются изменениям, не всегда сводимым к регулярным фонетическим законам¹⁵.

Перейдем к содержанию документа. Как говорилось выше, он представляет собой частное письмо, адресованное некоему Тимосфену. Это весьма пространное в разных частях греческого мира личное имя в Херсонесе засвидетельствовано впервые. Обычная эпистолярная формула приветствия¹⁶ $\acute{\omicron}\delta\epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\ \tau\acute{\omega}\ \delta\epsilon\acute{\iota}\nu\iota\ \chi\alpha\acute{\iota}\rho\epsilon\acute{\iota}\nu$ здесь сокращена за счет имени отправителя, что в краткой деловой записке не выглядит странным. Как мы видели, в послании речь идет о передаче некоторой суммы денег от одного лица другому, но, к

⁹ Это подтверждается данными лаконского, элейского и критского диалектов (Buck. Op. cit. P. 59).

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Lejeune M. Phonétique historique du mycénien et du grec ancien. P., 1972. P. 313.

¹³ Thompson E.M. A Handbook of Greek and Latin Paleography. L., 1906. P. 88.

¹⁴ Schwyzler. Op. cit. S. 472; ср. Meyer G. Griechische Grammatik. Lpz, 1896. § 306 ($\lambda\omicron\iota\pi\acute{\omicron}$ $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\beta\omicron\nu$; $\theta\alpha\lambda\acute{\alpha}\mu\epsilon\iota$ и $\theta\alpha\lambda\acute{\alpha}\mu\epsilon\acute{\iota}\nu$ вместо $\theta\alpha\lambda\acute{\alpha}\mu\iota\omicron\nu$).

¹⁵ Ср. Lejeune. Op. cit. P. 193 («les mots usuels subissent une usure qui échappe aux lois phonétiques normales»).

¹⁶ См. Epistulae privatae Graecae / Ed. St. Witkowski. Lipsiae, 1906. Passim.

сожалению, в нем не содержится никаких указаний на обстоятельства, с которыми могло быть связано данное действие.

Главное, что обращает на себя внимание в этом кратком письме-распоряжении, – это появление слова *θύλακος* – «мешок» в необычном для него контексте. Если бы речь в публикуемом документе шла об обыкновенном кошельке, которым пользовались в быту, нам следовало бы ожидать появления другого греческого слова. В этом значении классические авторы, в частности Аристофан, употребляют существительное *τὸ βαλλάντιον* (Av. 157; Eq. 707, 1197). Выходя из дома, люди носили такие кошельки привязанными к поясу, на что указывает, в частности, термин из повседневной жизни, служивший для обозначения той категории воров, которая специализировалась на краже кошельков, – *οἱ βαλλαντιοτόμοι* (букв. «срезающие кошельки»; ср. Ag. Rap. 772). Что же касается слова *θύλακος*, то в подавляющем большинстве случаев им обозначается большой мешок, как правило, из кожи, для хранения ячменной муки (*ἄλφιτα*). Вспомним знаменитый рассказ Геродота (III. 46) о самосских изгнанниках в Спарте, которые, стараясь на лаконский манер изложить произошедшее с ними, показали эфорам именно такой мешок, заявив, что в нем недостает муки (*τὸν θύλακον ἄλφίτων δέεσθαι*). У того же Аристофана нередко упоминается этот тип мешка (Plut. 763; Eccl. 733, 820) – с ним герои комедий ходят за мукой на рынок, в нем же хранят муку дома. Но это не единственное (хотя и главное) его применение. Согласно античным и средневековым лексикографам, *θύλακος* применялся также на рудниках для транспортировки руды или пустой породы. Среди рабочих, занятых на рудниках, фигурируют *θυλακοφόροι*, или носильщики такого рода мешков (Pollux. VII. 100; X. 149; Hesych. s.v. *θυλακοφόροι*; Phot. s.v. *θυλακοφόροι*). Из этих примеров становится ясно, что в публикуемом письме речь идет о мешке больших размеров, который не мог служить кошельком. Судя по контексту публикуемого послания, мешок в данном случае использовался либо для доставки адресату Тимосфену, либо для хранения в помещении, куда адресат имел доступ, значительной суммы денег.

Высказанное предположение находит подкрепление в некоторых источниках. О подобной транспортировке денег говорится в Септуагинте, где в Книге Царств (IV. 5, 23) упоминаются два мешка (*ἐν δυσὶ θυλάκοις*), в которых двое слуг уносят два таланта серебра (*διτάλαντον ἀργυρίου*). Если вспомнить, что вес одного аттического таланта серебра составлял около 26 кг, то получается, что мешок указанного типа вмещал как раз то максимальное количество содержимого, которое было под силу унести одному взрослому тренированному человеку. О перевозке денег в мешках меньшего размера (*τὰ θυλάκια*) упоминается в еще одном ветхозаветном сочинении, книге Товит (IX. 5). Другой пример показывает, что *θύλακος* служил не только для транспортировки, но и для хранения денег. В жизнеописании Аристида (24. 6) Плутарх приводит анекдот, согласно которому Фемистокл, когда союзники хвалили его политического соперника Аристида за справедливое распределение податей, отвечал, что такого рода похвалы подобают «не мужу, но мешку, в котором хранят золото» (*θυλάκου χρυσοθύλακος*). В документальных текстах слово *θύλακος* (или его диминутив *θυλάκιον*) представлено крайне редко и фрагментарно, при этом лишь в одном случае, в папирусе из архива Зенона (Pap. Zen 69 = Preisigke. Sammelbuch. III. 1, 6775),

сохранились названия хранящихся в этих мешках ценных предметов: это игральные кости, пурпур и шафран.

Таким образом, публикуемый документ не является изолированным указанием на использование *θύλακος* в качестве средства для хранения и транспортировки денег и ценностей, хотя такого рода свидетельств удалось обнаружить немного¹⁷. Значительно чаще в качестве хранилища ценностей греческие тексты упоминают *κιβωτός* – «деревянный ящик, сундук». Например, в таком сундуке, располагавшемся в наиболее удаленной части жилища – спальне (*τὸ δωμάτιον*), хранились, по словам оратора Лисия (XII. 10), конфискованные у него в правление Тридцати сбережения: три таланта серебра, четыреста кизикенов, сто дариков и четыре серебряные чаши. Этот предмет мебели упоминают Симонид (ар. Plut. De sera num. vind. 555 sq.: *τὴν τοῦ ἀργυρίου κιβωτόν*) и Феофраст (Char. XVIII. 4: *κέκλεικε τὴν κιβωτόν*). С другой стороны, *κιβωτοί* использовались для хранения ценностей и в греческих святилищах, о чем свидетельствуют их регулярные упоминания в инвентарях с Делоса (IG XI. 2, 154A:57.63; 161B:106; 185B:8; 199B:27) и из других мест (например, Аттики: IG II². 1388B:73; 1409:5; 1653:8)¹⁸. На основании приведенных данных можно заключить, что в этом аспекте функции *θύλακος* и *κιβωτός* были аналогичными.

Мы не знаем, идет ли речь в публикуемом письме о денежной сумме, принадлежащей частному лицу, об общественных или храмовых средствах. Стоит, однако, обратить внимание на то, что отправитель специально указывает на разрешение открыть (*λῦσον*) мешок, чтобы взять из него деньги. Вполне вероятно, что мешок с деньгами был запечатан. Указание на подобную практику содержится в цитированных выше текстах: в описи из архива Зенона (Pap. Zen 69 = Preisigke, Sammelbuch. III. 1, 6775) дважды упоминается «запечатанный мешок» (*θυλάκιον ἐσφραγισμένον*), а в книге Товит (IX. 5) употреблено близкое выражение *τὰ θυλάκια ἐν ταῖς σφραγίσιν*.

Отметим в заключение, что греческие лексикографы приводят несколько редких синонимов для существительного *θύλακος*, среди которых такие слова, как *κόρυκος* (Hesych., s.v.), *μάρσιπλος* (Suid., s.v.; ср. Xen. Anab. IV. 3, 11), *φάσκωλος* (Hesych., s.v.). Во всех случаях речь идет о больших мешках, которые, среди прочего, могли использоваться для хранения одежды. При этом, подобно слову *θύλακος*, существительное *φάσκωλος* и его диминутив *φασκώλιον* могли обозначать мешки, в которых хранились деньги. Так, слово *φασκώλιον* обозначало иногда дорожную сумку для перевозки денег, судя по контекстам – не очень крупных сумм (Ael. NA VII. 29; D.Chr. VII. 55). С другой стороны, *φάσκωλος* и *φασκώλιον* в ряде аттических надписей обозначают мешки для хранения священных ценностей (IG II². 1445:22; 1453:8; 1408:15; 1409:8). Для мешков, обозначаемых *κόρυκος* и *μάρσιπλος*, подобное использование, как кажется, не зафиксировано источниками.

II. Лексикографической традицией засвидетельствован еще один синоним для слова *θύλακος*, а именно – существительное *σακτήρ*, более точное зна-

¹⁷ В качестве латинской параллели можно указать на существительное *saccus* (*sacculus*), которое обозначало «мешок для хранения денег», обычно более крупный, чем кошелек (*marsupium*). Ср. *Horat. Sat. I. 1. 70; II. 3. 149; Catul. 13. 7; Mart. X. 74. 6; XI. 3. 6.*

¹⁸ Ср. *Andrianou D. Late Classical and Hellenistic Furniture and Furnishing in the Epigraphical Record // Hesperia. 2006. 75. P. 569 f.*

чение которого не поддается определению из-за отсутствия данных. Это слово и его объяснение через $\theta\upsilon\lambda\alpha\kappa\omicron\varsigma$ – «мешок», приводит словарь Гесихия (Hesych., s.v. $\sigma\alpha\kappa\tau\acute{\eta}\rho\omicron\varsigma$; ср. вариант этого слова с другим суффиксом – Hesych., s.v. $\sigma\acute{\alpha}\kappa\tau\alpha\varsigma$). Предположение, которое возникает в результате изучения значений слова $\theta\upsilon\lambda\alpha\kappa\omicron\varsigma$ и к изложению которого я перехожу во второй части данной работы, состоит в следующем: 1) засвидетельствованное Гесихием диалектное слово $\sigma\alpha\kappa\tau\acute{\eta}\rho$ идентично загадочному термину $\sigma\alpha\sigma\tau\acute{\eta}\rho$ из присяги граждан Херсонеса Таврического (IOSPE I². 401: 24–25); 2) вероятное значение херсонесского термина $\sigma\alpha\sigma\tau\acute{\eta}\rho$ – «мешок», в частности «мешок для хранения ценностей», и метонимически – «городская казна, городские доходы».

Приведем соответствующий параграф (§ 6, согласно издателю) херсонесской присяги (l. 22 sq.):

- καὶ δαμιοργησῶ
- καὶ βουλευσῶ τὰ ἄριστα καὶ δικαιοῦτα-
 24 τα πόλει καὶ πολίταις καὶ τὸν ΣΑΣΤΗ-
 ΡΑ τῷ δάμῳ διαφυλαξῶ καὶ οὐκ ἐ-
 χφερομυθησῶ τῶν ἀπορρήτων οὐ-
 θεν οὔτε ποτὶ Ἑλλανα οὔτε ποτὶ βάρ[ρ]-
 28 βαρον, ὃ μέλλει τὰμ πόλιν βλάπτειν

Перевод: «Я исполню наилучшим и справедливейшим образом для полиса и граждан обязанности магистрата¹⁹ и члена Совета, я сохраню *састер* для народа, я не разглашу никакой тайны ни эллину, ни варвару, если это способно принести вред полису».

Для фразы «я сохраняю *састер* для народа» (καὶ τὸν ΣΑΣΤΗΡΑ τῷ δάμῳ διαφυλαξῶ) с момента публикации присяги в 1892 г.²⁰ и вплоть до недавнего времени предлагались самые разные интерпретации, большая часть которых была убедительно опровергнута в ходе самой этой долгой дискуссии²¹. К их числу относятся, безусловно, попытки отождествить слово $\sigma\alpha\sigma\tau\acute{\eta}\rho$ с

¹⁹ Нет оснований в слове $\delta\alpha\mu\iota\omicron\rho\gamma\eta\sigma\acute{\omega}$ усматривать вместе с издателем надписи В.В. Латышевым (*Латышев В.В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889–1891 гг. // МАР. 1892. 9. С. 12) указание на должность верховного магистрата Херсонеса («демиурга»), так как она не засвидетельствована ни в одном херсонесском документе. Скорее всего имеются в виду вообще все должностные лица независимо от ранга занимаемой должности. Ср. Жебелев С.А. Херсонесская присяга // *Он же.* Северное Причерноморье. М.–Л., 1953. С. 224.

²⁰ Латышев. Греческие и латинские надписи... С. 1 слл.

²¹ О степени убедительности предлагавшихся решений можно судить, если сравнить примечание В. Диттенбергера относительно этого термина, сделанное около ста лет назад (Syll.³ 360 ad loc.): *vox obscurissimae significationis* с относительно недавним вердиктом Ю.Г. Виноградова и А.Н. Щеглова: «...многократные попытки истолковать загадочное слово ΣΑΣΤΗΡ мы относим к проблеме *regretium mobile*» (*Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н.* Образование территориального херсонесского государства // *Эллинизм: экономика, политика, культура.* М., 1990. С. 347. Прим. 179). Ср. LSJ, s.v. $\sigma\alpha\sigma\tau\acute{\eta}\rho$: *dubio sensu*. Перечислим в хронологической последовательности основные критические обзоры изучения данного термина: *Латышев В.В.* Гражданская присяга херсонисцев // *Он же.* ПΟΝΤΙΚΑ. СПб., 1909. С. 163–166; Жебелев. Ук. соч. С. 235 слл.; *Блаватский В.Д.* О херсонесском термине ΣΑΣΤΗΡ // *СА.* 1954. № 19. С. 232–236; *Gavrilov A.K.* Zur Deutung von ΣΑΣΤΗΡΑ im Eid der Chersonesiten // *Hyperboreus.* 1998. 4 (1). S. 61 ff. (с подробной библиографией).

греческими существительными $\sigma\omega\tau\eta\rho$ (Бреаль, Фукар, Бехтель)²², $\sigma\tau\alpha\tau\eta\rho$ (Цингерле)²³, $\mu\omicron\sigma\tau\eta\rho$ (Новосадский)²⁴ и гипотеза об иранской этимологии термина, видевшая в нем наименование культовой статуи богини Партенос (Жебелев)²⁵. К повторному рассмотрению этих точек зрения возвращаться нет необходимости. Укажем при этом на два важных наблюдения, сформулированных в процессе дискуссии С.А. Жебелевым, которые, очевидно, выдержали проверку временем: «1) $\sigma\alpha\sigma\tau\eta\rho$ – термин, служащий для обозначения предмета неодушевленного; 2) при всякой попытке истолкования этого термина необходимо исходить из контекста всего параграфа 6 херсонесской присяги»²⁶.

Относительно недавно были предложены две новые интерпретации, которые заслуживают более подробного рассмотрения. Оба толкования исходят из отождествления гапакса $\sigma\alpha\sigma\tau\eta\rho$ с греческим существительным $\zeta\omega\sigma\tau\eta\rho$ – «пояс». Согласно первой гипотезе²⁷, форма $\sigma\alpha\sigma\tau\eta\rho\alpha$ является отражением неканонического произношения слова $\zeta\omega\sigma\tau\eta\rho\alpha$, обусловленного ослаблением в анлауте согласного ζ и появлением в корне α вместо ω в результате аналогии или гипердоризма. Термин мог означать боевой пояс Геракла, фигурировавший в рассказах о Геракле в Северном Причерноморье (или пояс Девы как защитницы города), либо служить указанием на боевой пояс и оружие самих приводимых к присяге, либо в переносном значении – на их «воинственный дух». Лингвистически предложенное отождествление не выглядит безупречным: графические колебания ζ – σ и ω – α не засвидетельствованы в языке надписей Херсонеса; кроме того, все известные в Херсонесе гипердорийские формы касаются восстановления *альфы* вместо *эты* и характерны для языка значительно более позднего (главным образом римского) периода. Что касается тезиса об особом значении пояса Геракла или Партенос, то и он не подкрепляется данными, полученными при изучении херсонесских культов. Не вполне уместным представляется и появление этого пункта в параграфе присяги, посвященном деятельности магистратов и булевтов. Ведь более естественно клаузула о сохранении оружия (или «боевого духа») смотрелась бы в тех частях текста, где речь идет об обязанностях гражданина защищать город и его территорию.

Вторая гипотеза²⁸, также отождествляющая термин $\sigma\alpha\sigma\tau\eta\rho$ с существительным $\zeta\omega\sigma\tau\eta\rho$, во многом повторяет высказанную в 1940-х годах А.С. Коцеваловым²⁹ идею о том, что $\sigma\alpha\sigma\tau\eta\rho$ следует понимать как географическое

²² Латышев. Гражданская присяга... С. 163; Foucart P. Culte des héros chez les Grecs. P., 1918. P. 66 (ср. Bull. ép. 1950, 151); Bechtel F. Die griechischen Dialekte. II. B., 1923. S. 205.

²³ Zingerle J. Zum Bürgereid der Chersonesiten // Klio. 1927. 21. S. 67 (ср. Kretschmer P. // Glotta. 1930. 18. S. 213; Schwyzler. Op. cit. S. 531).

²⁴ Новосадский Н.И. Критические и экзегетические заметки к некоторым херсонесским надписям // Вторая конференция археологов в СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 г. Севастополь, 1927. С. 39.

²⁵ Жебелев. Ук. соч. С. 245 сл. (критика этой точки зрения: Блаватский. Ук. соч. С. 234 сл.; Gavrilov. Op. cit. S. 62).

²⁶ Жебелев. Ук. соч. С. 247.

²⁷ Gavrilov. Op. cit. S. 65 ff.

²⁸ Руслева А., Руслева М. Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999. С. 83 слл. (ср. более раннюю работу: Руслева А.С. Термин $\Sigma\Lambda\sigma\tau\eta\rho$ в Присяге граждан Херсонеса Таврического // Древнее Причерноморье. Тез. докл. конф. Одесса, 1996. С. 95).

²⁹ Kocevvalov A. Beiträge zu den euxeinischen Inschriften // Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft. 1948. 3. S. 162–174 (ср. Bull. ép. 1950. 151).

название. Коцевалов обратил внимание на то, что в сткк. 12–13 присяги при выражении διαφυλαξῶ τῷ δάμῳ подразумеваются в качестве прямого дополнения топонимы Χερσόνασον, Κερκινίτιν и Καλὸν λιμένα. На этом основании им было предложено интерпретировать термин как топоним, скорее всего название мыса. Свою гипотезу А.С. Коцевалов подкрепил тем доводом, что в топонимике встречается как суффикс -τηρ (например, мыс Ζωστήρ в Аттике), так и (малоазийский?) корень σασ- (кочевое племя в области Каспия и Меотиды Σάσωνες и др.). Аргументация авторов гипотезы (заметим, что указанная работа А.С. Коцевалова, судя по всему, осталась им неизвестной), состоит в следующем: «херсонеситы одному из своих мысов дали название, весьма близкое наименованию мыса Зостер (ΖΩΣΤΗΡ), который находился в похожей, по Геродоту, на Таврику жилой части Аттики»³⁰. По их мысли, такое название херсонесского мыса (не засвидетельствованное, однако, ни одним источником) «находится в глубокой взаимосвязи с культом Партенос и ее ритуалом, в котором важное значение придавалось сакральному поясу богини»³¹. То, что сказано выше против отождествления существительных σαστήρ и ζωστήρ, относится и к данной гипотезе. Надо также добавить, что упоминание топонима Састер следовало бы ожидать в тех частях текста, где перечисляются владения Херсонеса Таврического (причем в почти одинаковом порядке, сткк. 7 сл., 20 сл.). Кроме того, сама идея придать данному топониму сакральную окраску навеяна весьма спорным утверждением С.А. Жебелева³² о будто бы религиозном характере тайн (τὰ ἀπόρρητα), упомянутых в соседних строках присяги, что в свое время вызвало справедливую критику А.С. Коцевалова и В.Д. Блаватского³³.

Обратимся теперь к изложению сформулированной выше интерпретации. Ее основным постулатом является утверждение об идентичности херсонесского термина σαστήρ и засвидетельствованного Гесихием (s.v. σακτῆρος) греческого существительного σακτήρ (= θύλακος), означающего «мешок». Толкование Гесихия подтверждается прозрачной внутренней формой слова σακτήρ: оно образовано от глагола σάττω – «наполнять» при помощи суффикса -τηρ, который служит для образования существительных, обозначающих действующее лицо или предмет, с помощью которого или в котором осуществляется действие³⁴. Доказав, что σακτήρ и σαστήρ – два варианта одного и того же слова, мы сможем утверждать, что основное значение херсонесского термина – «мешок». Трудность заключается в том, что форма σαστήρ (в отличие от σακτήρ) не может быть образована от глагола σάττω, имеющего основу на заднеязычный. Не случайно попытка сопоставить глагол σάττω и загадочное херсонесское слово, предпринятая еще в прошлом

³⁰ Русяева А., Русяева М. Ук. соч. С. 92.

³¹ Там же.

³² Жебелев. Ук. соч. С. 237 слл.

³³ Коцевалов. Op. cit. S. 170 со ссылкой на Lys. XXXI. 31, где слово τὰ ἀπόρρητα, на которое ссылался Жебелев для доказательства своего тезиса, означает в клятве афинских булевтов государственную, а не сакральную тайну. Ср. Блаватский. Ук. соч. С. 234.

³⁴ Chantraine P. La formation des noms en grec ancien. P., 1933. P. 321–329.

веке греческим исследователем А. Скиасом³⁵, не получила поддержки в научной литературе³⁶.

Однако неуспех гипотезы Скиаса был связан не столько со слабостью сопоставления $\sigma\acute{\alpha}\tau\tau\omega$ – $\sigma\alpha\sigma\tau\acute{\eta}\rho$, сколько с его ошибочным утверждением, что глагол $\sigma\acute{\alpha}\tau\tau\omega$ может иметь значение «заботиться», и, следовательно, термин $\sigma\alpha\sigma\tau\acute{\eta}\rho$ может быть интерпретирован как «попечитель» и указывать на некое херсонесское должностное лицо ($\tau\acute{o}\nu \acute{\alpha}\rho\chi\omicron\nu\tau\alpha \eta \tau\acute{o}\nu \epsilon\pi\iota\mu\epsilon\lambda\eta\tau\eta\nu \acute{\alpha}\rho\chi\eta\varsigma \tau\iota\nu\omicron\varsigma$)³⁷. Тем не менее заслуга Скиаса состоит в том, что он справедливо указал на существование параллельной формы к глаголу $\sigma\acute{\alpha}\tau\tau\omega$, а именно $\sigma\acute{\alpha}\zeta\omega$, сославшись на клаузулу одного из Гортинских законов (ср. IC IV. 72. III:13: $\alpha\iota \delta\epsilon \kappa' \acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\tau\rho\iota\omicron\varsigma \sigma\upsilon\nu\epsilon\sigma\acute{\alpha}\delta\delta\epsilon\iota$ (= $\sigma\upsilon\nu\epsilon\kappa\sigma\acute{\alpha}\zeta\eta$)³⁸. Еще более важно, что этот глагол в написании $\sigma\acute{\alpha}\zeta\omega$ засвидетельствован Гесихием в дорийской (?) фразе $\omicron\kappa\kappa\alpha \sigma\acute{\alpha}\zeta\eta$ (Hesych., s.v.). Существование такого рода дублетных форм засвидетельствовано и подтверждается известными примерами: аттическое $\sigma\phi\acute{\alpha}\tau\tau\omega$ и, с другой стороны, ионийское и беотийское $\sigma\phi\acute{\alpha}\zeta\omega$, аттическое $\acute{\alpha}\lambda\acute{\alpha}\tau\tau\omega$ наряду с локрийским $\acute{\alpha}\lambda\acute{\alpha}\zeta\omega$ и критским $\acute{\alpha}\lambda\acute{\alpha}\delta\delta\omega$ и др.³⁹ Как известно, греческие глаголы на $-\zeta\omega$ образованы от основ на звонкий зубной $-d$ и звонкий заднеязычный $-g$ -, причем в силу этого оба типа основы нередко используются для формообразования от одного и того же глагола начиная с гомеровского времени (ср. формы аориста $\eta\rho\alpha\sigma\epsilon$ и $\eta\rho\alpha\zeta\epsilon$ от $\acute{\alpha}\rho\pi\acute{\alpha}\zeta\omega$ у Гомера, $\epsilon\kappa\omicron\mu\iota\zeta\acute{\alpha}\mu\epsilon\theta\alpha$ и $\kappa\omicron\mu\iota\tau\acute{\tau}\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\omicron\iota$ (= $\kappa\omicron\mu\iota\sigma\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\omicron\iota$) от $\kappa\omicron\mu\iota\zeta\omega$ в беотийском диалекте)⁴⁰. Один из известных примеров – существование в разных диалектах существительного $\psi\eta\phi\iota\sigma\mu\alpha$ («декрет») и $\psi\acute{\alpha}\phi\iota\gamma\mu\alpha$ ($\psi\acute{\alpha}\phi\iota\zeta\iota\varsigma$) от глагола $\psi\eta\phi\iota\zeta\omega$ ⁴¹. Примечательно, что в надписях Херсонеса наряду с несомненно преобладающим вариантом $\psi\acute{\alpha}\phi\iota\sigma\mu\alpha$ фиксируется и $\psi\acute{\alpha}\phi\iota\gamma\mu\alpha$ в стандартной постановляющей части одного из декретов Совета и Народного собрания (IOSPE I². 365:19)⁴². Иными словами, формой, производной от $\sigma\acute{\alpha}\tau\tau\omega$, выступает существительное $\sigma\alpha\kappa\tau\acute{\eta}\rho$, фигурирующее у Гесихия, а существи-

³⁵ Это предположение было высказано практически одновременно с первой публикацией присяги: $\Sigma\kappa\iota\acute{\alpha}\varsigma$ A.N. $\Sigma\alpha\sigma\tau\acute{\eta}\rho$ // 'Εφ. 'Αρχ. 1892. Σ. 256.

³⁶ Единственный, кто частично поддержал эту точку зрения, был В.Д. Блаватский (Уж. соч. С. 231 сл.).

³⁷ Во-первых, значение «должностное лицо, магистрат» совершенно не соответствует содержанию указанного пассажа присяги, во-вторых, значение глагола $\sigma\acute{\alpha}\tau\tau\omega$ – «наполнять», а не «заботиться» (ср. Латышев. Гражданская присяга... С. 164).

³⁸ Возражение Латышева (там же, с. 165) «нет доказательств того, что форма $\sigma\acute{\alpha}\zeta\omega$... действительно употреблялась в дорическом диалекте» вызывает недоумение, поскольку приведенная Скиасом в пример форма $\sigma\upsilon\nu\epsilon\sigma\acute{\alpha}\delta\delta\epsilon\iota$ зафиксирована именно в одном из дорийских диалектов. Ср. Gavrillov. Op. cit. S. 65. Anm. 18, 71, где форма $\sigma\acute{\alpha}\zeta\omega$ рассматривается как реконструированная. Следует отметить, что приведенную выше глоссу Гесихия Латышев (Гражданская присяга... С. 165. Прим. 2) процитировал как « $\omicron\kappa\kappa\alpha \sigma\acute{\alpha}\zeta\epsilon\iota$, опираясь на эмendaцию М. Шмидта (ср. Schmidt M. *Miszellen* // *Philologus*. 1858. XIII. S. 219). В результате значение этого важного свидетельства не было оценено должным образом. Между тем рукописное чтение несомненно дает основу презенса $\sigma\acute{\alpha}\zeta\epsilon\iota$ (= $\sigma\acute{\alpha}\zeta\eta$). См. Hesychii Alexandrini Lexicon. Rec. et emend. K. Latte. V. II. 1966. S.v. $\omicron\kappa\kappa\alpha \sigma\acute{\alpha}\zeta\eta$).

³⁹ Buck. Op. cit. P. 72. Ср. отмечаемые античными грамматиками (Herodian. II. 929. 8) как золизмы формы $\pi\tau\acute{\alpha}\zeta\omega$ и $\pi\lambda\acute{\alpha}\zeta\omega$ наряду с общегреческими $\pi\tau\eta\sigma\omega$ и $\pi\lambda\eta\sigma\omega$.

⁴⁰ Buck. Op. cit. P. 115 f.

⁴¹ Chantraine. Dictionnaire étymologique... S.v. $\psi\eta\phi\omicron\varsigma$.

⁴² В этой надписи В.В. Латышев без достаточных оснований исправил $[\psi\acute{\alpha}\phi\iota\gamma\mu\alpha$, четко видное на камне и на рисунке в IOSPE, на $[\psi\acute{\alpha}\phi\iota[\sigma]\mu\alpha$.

тельным, производным от σάζω, является σαστήρ херсонесской присяги (ср. φράζω – φραστήρ; ἄρμόζω – ἄρμοστήρ, κορίζω – κομιστήρ и т.п.).

Для существительного σαστήρ мы вправе предположить тот же спектр значений, что и для рассмотренного выше слова θύλακος, с помощью которого, как мы видели, оно объяснено у Гесихия. В отличие от θύλακος, данное слово (как и его варианты σακτήρ, σάκτας), судя по всему, носило диалектный характер. Первоначально оно, по всей вероятности, означало просто «большой мешок». В.Д. Блаватский, согласившийся с мнением А. Скиаса о том, что термин σαστήρ связан с глаголом σάττω (при этом оба исследователя не обратили должного внимания на толкование Гесихием слова σακτήρ как θύλακος) постулировал для него следующее значение: «то, что наполняют, нагружают, куда складывают оружие»⁴³. Отсюда, по мнению Блаватского, в херсонесском термине можно видеть «наименование склада, хранилища, арсенала, казны». Не отдавая явного предпочтения ни одному из предложенных вариантов, он тем не менее несколько большее внимание уделил в своем рассуждении толкованиям «арсенал», а также «продовольственный склад для хранения постоянных государственных запасов зерна»⁴⁴. Эта интерпретация не противоречит ни этимологии, ни толкованию Гесихия, однако с учетом сказанного выше может быть уточнена. По моему мнению, наиболее вероятным значением данного слова в тексте присяги является «городская казна»⁴⁵.

Во-первых, денежные ресурсы, очевидно, были важнее всех прочих резервов, находившихся в распоряжении полиса. В случае необходимости они легко могли быть направлены на приобретение необходимого товара, будь то оружие или продовольствие⁴⁶. Во-вторых, семантика ряда греческих и латинских терминов дает нам достаточно убедительные параллели. Так, упоминавшееся выше слово κιβωτός, означавшее первоначально «ящик», уже в классическое время стало употребляться в значении «сундук для хранения ценностей», а чуть позднее в канцелярском языке эллинистического Египта оно начало обозначать специально кассу должностных лиц (Pap. Leid. I. 379: πέπτωκεν εἰς κιβωτόν). На Делосе данное слово служило обозначением государственной и храмовой казны (ἱερὰ κιβωτός, δημοσία κιβωτός; cf. I. Delos 442A:2, 37, 38, 75; 455A b:20; 460 b:51). Похожее развитие претерпели латинские термины агса – «ящик» и fiscus – «корзина», употреблявшиеся в значении «денежная касса», в том числе государственная или городская (агса publi-

⁴³ Блаватский. Ук. соч. С. 237. Это утверждение верно с той лишь оговоркой, что в глаголе σάττω отсутствует идея оружия.

⁴⁴ Там же. С. 237–238. Эти толкования фигурируют обычно и при ссылках на точку зрения Блаватского (ср. *Danoff Chr. M.* // RE. Suppl. IX. 1962. Sp. 1111).

⁴⁵ В пользу того, что в херсонесской присяге речь идет именно о полисной, а не храмовой казне, свидетельствует выражение «сохраню для народа» (τῷ δήμῳ). В альтернативном случае ожидалось бы упоминание божества.

⁴⁶ Заметим, что снабжение граждан продовольствием оставалось в течение эллинистического времени преимущественно частным делом. В тех же (не очень многочисленных) случаях, когда требовалось вмешательство государства, полисы прибегали не столько к созданию хранилищ продовольствия, сколько к учреждению специальных денежных фондов для закупки зерна или института ситонии. См. *Migeotte L.* Le pain quotidien dans les cités hellénistiques. A propos des fonds permanents pour l'alimentation en grain // CCGG. 1991. 2. P. 19–41; *idem.* Distributions de grain à Samos à la période hellénistique: le «pain gratuit» pour tous? // *Sacris erudiri. Jaarboek vor Godsdienswetenschappen.* 1989–1990. 31. P. 297–308.

са, ср. также Cic. Verr. 3, 79, 183)⁴⁷. Можно отметить и другие параллели римского времени, будь то монеты из Киренаики, где мешок изображен среди атрибутов власти финансового магистрата⁴⁸, или изображение денежного мешка в качестве символа квесторской кассы на надгробном рельефе служащего казны (*viator ad aerarium* – CIL VI. 1932)⁴⁹.

Кроме того, предложенная интерпретация термина *σοστήρ* полностью отвечает содержанию соответствующего параграфа гражданской присяги херсонеситов. В нем говорится об обязанностях магистратов и булевтов. Сначала гражданин торжественно обещает наилучшим образом исполнять эти обязанности, затем клянется (в качестве магистрата и члена Совета) хранить городскую казну и, наконец, не разглашать государственные тайны. Отметим в связи с этим еще одну важную деталь: употребленный в данном случае глагол *διαφυλάττω* – «сохранять в течение определенного времени» – нередко ассоциируется с другим глаголом, *παράδιδωμι* – «передавать», указывающим на процедуру передачи ответственности от одних должностных лиц (например, стратегов) другим (I. Priene 21:13 sq.; 22:6: *διαφυλάξας... παρέδωκεν αὐτὴν τῷ δήμῳ*; SEG XLI. 90:9, Рамнунт). В рассматриваемом документе речь идет о членах херсонесского Совета и магистратах, имевших доступ к общественным финансам.

Не исключено, что подобная клаузула могла появиться в тексте присяги как следствие достаточно серьезных проблем в области управления полисными финансами. Мы знаем, что в ряде случаев греческие города принимали меры для оптимизации контроля за деятельностью должностных лиц, как это, например, показывает известный аттический декрет из дема Галы (IG II². 1174 с убедительным восстановлением А. Вильхельма), начинающийся словами: «чтобы казна демотов была сохранена» (*ὅπως ἂν τὰ τε κοινὰ σᾶ ἤι τοῖς δημόταις*). Бывали случаи, когда полис требовал, чтобы магистраты ежедневно публиковали отчеты о средствах, которые проходили через их руки, как показывает один почетный декрет I в. до н.э. из Мессены (IG V. 1. 1432:24 sq.: *πάντας τοὺς τὰς πόλεος χ[ε]ιρισμοὺς εἰς τὸ ἐμφανὲς ἀναγράφεσθαι εἰς τὸν τοῖχον ἐπ' ἀμέρας ὑπὸ τῶν χειρίζοντων τι τὰς πόλεος*)⁵⁰. В документе достаточно общего, причем религиозного, характера, каким является клятва граждан Херсонеса Таврического, разумеется, не могли перечисляться конкретные меры, направленные на предотвращение финансовых злоупотреблений. Поэтому для указания на суть проблемы была найдена краткая формулировка: принимающие присягу торжественно клялись в течение срока своих полномочий «сохранить казну для народа».

⁴⁷ Wilcken. Ostraka. I. S.19.

⁴⁸ De Longprier H. Recherches sur les insignes de la questure // RA. 1868. 18. P. 113 suiv.

⁴⁹ Ср. Mommsen Th. Le droit public Romain. I. P., 1892. P. 416.

⁵⁰ Ср. Wilhelm A. Inscription attique du Musee du Louvre // BCH. 1901. 25. P. 93.

A GREEK LETTER FOUND IN CHERSONESUS TAURICA AND INTERPRETATION
OF THE TERM ΣΑΣΤΗΡ (IOSPE I². 401)

I. A. Makarov

The author publishes a short business letter on a fragment of an amphora from Sinope found during excavations in the northern part of Chersonesus Taurica in 2000 (directed by S.G. Ryzhov). On the basis of some peculiarities, including orthographical ones, the letter is dated to 375–325 BC. The text includes the noun θύλακος («big leather bag») meaning «a container (for money)». Among the synonyms for θύλακος there is σακτήρ (Hesych. s.v. σακτήρος) which is, as the author argues, a parallel form to the much discussed term σαστήρ in the Chersonesian city oath dated to the 3rd c. BC (IOSPE I². 401, l. 24–25: τὸν σαστήρα τῶι σάμωι διαφυλάξῳ).

Reconsidering earlier arguments, the author maintains that «bag» (and «money bag» in particular) being the main meaning of the word σαστήρ, in the Chersonesian oath metonymically denotes the polis treasury (cf. the semantic development of Gr. κιβωτός or Lat. *fiscus* and *arca*). The suggested interpretation agrees well with the contents of the respective paragraph of the oath speaking of the duties of city magistrates and members of the city council: they swore to «keep the treasury for the people».

© 2009 г.

А. И. Иванчик

К ВОПРОСУ О СКИФСКОМ ЯЗЫКЕ

Основы изучения языка древних иранцев Северного Причерноморья, обычно обозначаемых как скифы и сарматы или скифо-сарматы, были заложены в трудах К. Мюлленхофа¹, В. Томашека², В.Ф. Миллера³, М. Фасмера⁴. Достигнутые ими результаты затем были развиты в работах многих исследователей, из которых наибольшее значение имеют труды В.И. Абаева⁵, Я. Харматты⁶ и Л. Згусты⁷. Наиболее влиятельными долгое время были работы В.И. Абаева, взгляд которого на эту проблему значительно отличался от взгляда его предшественников. М. Фасмер, Я. Харматта и Л. Згуста считали необходимым и возможным различать скифский и сарматский языки, в первую очередь диахронически (скифский – древнеиранский, сарматский – среднеиранский), причем Я. Харматта выделял даже четыре разных языка или диалекта. В.И. Абаев, признавая, что среди скифо-сарматских наречий существовали различные диалекты, критиковал предпринимавшиеся попытки их конкретного выделения. Он считал, что имеющиеся в нашем распоряжении данные слишком скудны и распределяются неравномерно как во времени, так и в пространстве, и поэтому выделение конкретных диалектов среди «скифо-сарматских наре-

¹ Müllenhoff K. Über die Herkunft und Sprache der Skythen und Sarmaten // Monatsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaft. 1866. 8. S. 549 ff.; *idem*. Deutsche Altertumskunde. Bd III. B., 1892.

² Tomasek W. Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden // SBÖAW. Phil.-hist. Klasse. 1888. 16. S. 715–780; 1889. 17. S. 1–70.

³ Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Т. 1–3. М., 1881–1887; *он же*. Эпиграфические следы иранства на юге России // ЖМНП. 1886. Октябрь.

⁴ Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrussland. Lpz., 1923 (= Vasmer M. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. I. B., 1971. S. 106–170).

⁵ Разным аспектам этой проблемы посвящены многие работы В.И. Абаева; в наиболее полном виде его представления о «скифском языке» или «скифо-сарматских наречиях» отражены в работе: Абаев В.И. Скифский язык // Осетинский язык и фольклор. М.–Л., 1949. С. 147–244, исправленное издание: *он же*. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979. С. 272–364, ср. *он же*. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.

⁶ Harmatta J. Studies in the Language of the Iranian Tribes in South Russia (Magyar-Görög Tanulmányok, 31). Budapest, 1952 (= Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1. 1950/1952. P. 261–314); *idem*. Studies in the History and Language of the Sarmatians. Szeged, 1970.

⁷ Zgusta L. Die Personennamen der griechischen Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.

чий», в том числе даже скифского и сарматского языков, не может быть надежным, а их характеристика – сколько-нибудь полной. При этом, согласно его мнению, все эти «наречия» были достаточно близки между собой, поэтому он рассматривает все данные, касающиеся скифского и сарматского языков, вместе и дает общий алфавитный список «скифо-сарматских» лексем.

Несмотря на большое влияние работ В.И. Абаева, такой его подход давно вызывал возражения. Так, в одной из своих ранних работ Э.А. Грантовский проанализировал пересказ Геродотом скифской этногенетической легенды (IV. 5–7) и, в частности, отметил, что диалект устного источника этой легенды имеет некоторые специфические черты, отличающие его от других скифских и сарматских диалектов⁸. Такой чертой он считал переход $*d > *δ > *l$; эту особенность, согласно его мнению, диалект геродотовской легенды сочетал с чертами, общими с другими (не всеми) скифо-сарматскими диалектами: переходом $*gi/y > *l$, метатезой $*rg > *гр$, использованием суффикса множественности $-ta$. Он же обратил специальное внимание на то, что переход $*d > *δ > *l$, по его мнению, присущий диалекту царских скифов, сближает его с юго-восточными иранскими языками (бактрийский, пушту, мунджанский, йидга)⁹.

Сделанные Э.А. Грантовским (впрочем, без ссылок на него) и другими учеными наблюдения были суммированы и дополнены некоторыми новыми интерпретациями в статье К.Т. Витчака¹⁰, который, в отличие от своих предшественников, предположил (без специальной аргументации), что переход $*d > *δ > *l$ характерен не для одного из диалектов скифского языка, а для этого языка в целом, и пришел к выводу о принципиальном различии двух языков – скифского и сарматского. Особенностью скифского по сравнению с сарматским он считал тот же переход $*d > *l$, а также приписал скифскому и некоторые другие специфические фонетические черты. При этом Витчак имплицитно исходил из представления о гомогенности как скифского, так и сарматского.

Наиболее основательно проблема скифского языка исследована в недавно опубликованной статье С.Р. Тохтасьева¹¹, подготовленной целой серией его работ по северопрichernморской ономастике, опубликованных за последние два десятилетия¹². С.Р. Тохтасев подверг сплошной ревизии имеющиеся данные о скифском языке и на основе их анализа пришел к выводу о глубоком различии между скифским и сарматским языками и о необходимости отказаться от теории скифо-сармато-осетинского континуума. При этом он специально пишет о сосуществовании внутри скифского языка диалектов, различавшихся весьма существенно, причем учитывает и возможность их сложного пере-

⁸ Грантовский Э.А. Индо-иранские касты у скифов. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960, ср. *Ivantchik A.I. Une légende sur l'origine des Scythes* (Hdt. IV, 5–7) et le problème des sources du *Scythicos Logos* d'Hérodote // REG. 1999. 112. P. 141–158.

⁹ Впервые это сопоставление сделал уже М. Фасмер: *Vasmer. Untersuchungen...* S. 15.

¹⁰ Витчак К.Т. Скифский язык: опыт описания // Вопросы языкознания. 1992. № 5. С. 50–53.

¹¹ Тохтасев С.Р. Проблема скифского языка в современной науке // *Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest*. Iași, 2005. P. 59–108.

¹² Часть этих статей публиковалась под общим заголовком «Из ономастики Северного Причерноморья»; последняя из опубликованных, насколько мне известно: Тохтасев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. XX: Заметки по морфологии // *EYXAPIETHPION. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского*. СПб., 2007. С. 82–118.

плетения и интерференции, подобных тем, что отмечаются на древнеперсидском материале¹³. К теме скифского языка в последнее время обращались и крупнейшие иранисты Р. Шмитт¹⁴ и М. Майрхофер¹⁵. Особенно важна статья Р. Шмитта, в которой он подводит итоги изучения скифских имен, сохраненных Геродотом; именно эти имена дают нам большую часть доступной информации о скифском языке.

Проблеме скифского языка посвящена также опубликованная в последние годы серия статей С.В. Кулланды. Статьи эти в значительной мере репетитивны: по существу, автор публикует под разными названиями и даже в разных жанрах¹⁶ разные варианты одного и того же текста, во многих случаях совпадающие дословно. Вряд ли он стремится таким образом расширить свой список публикаций, скорее это следует приписать увлеченности, с какой автор осваивает новую для себя тематику. В самом деле, до сих пор С.В. Кулланда был более известен как специалист по древней Индонезии¹⁷. Впрочем, широта интересов вообще отличает этого исследователя: в своих работах по скифскому языку он сообщает читателю некоторые поучительные сведения не только из малайской, но, скажем, и из баскской лингвистики, обозревая таким образом весь Старый Свет от крайнего запада до крайнего востока. Разумеется, столь эрудированный ученый не мог обойтись без латыни: если ее не удастся использовать в статье, она появляется в заглавиях¹⁸. Хуже обстоит дело с собственно скифологической и иранистической литературой. Последним известным ему трудом по проблеме скифского языка является упомянутая выше статья Витчака; именно из этой работы, как правило, без обращения к источникам, С.В. Кулланда преимущественно и заимствует свои данные об этом языке¹⁹.

¹³ Тохтасьев. Проблема... С. 105–106.

¹⁴ Schmitt R. Die skythischen Personennamen bei Herodot // AION. 2003. 63. P. 1–31.

¹⁵ Mayrhofer M. Einiges zu den Skythen, ihrer Sprache, ihrem Nachleben (SBÖAW. 742). Wien, 2006.

¹⁶ Одному из вариантов этого текста, дополнив его инвективами в мой адрес, С.В. Кулланда решил придать форму рецензии на мою книгу. Как ни удивительно, опубликовать эту «рецензию», которая игнорирует основное содержание обсуждаемой книги и концентрируется на сюжетах, не служивших в ней объектом специального рассмотрения, оказалось возможным в ВДИ (2008. № 1. С. 204–210). Поскольку речь шла о работе, прямо направленной против меня, сам я не считал возможным влиять на решение о публикации, принимаемое редколлегией.

¹⁷ Единственная, насколько я знаю, опубликованная книга С.В. Кулланды посвящена именно этой теме: История древней Явы. М., 1992; именно в таком качестве он был мне известен в период нашего сотрудничества, см. Иванчик А.И., Кулланда С.В. Источниковедение дописьменной истории и ранние стадии социогенеза // Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. Вып. 1. М., 1991. С. 192–216.

¹⁸ Кулланда С.В., Раевский Д.С. Scythica sub specie iranica (Скифская тематика в трудах Э.А. Грантовского) // ВДИ. 2002. № 4. С. 213–226; Кулланда С.В. Lingua scythica ad usum historici // Древности скифской эпохи. М., 2006. С. 194–209; Кулланда С.В. Scythica obsoleta // ВДИ. 2008. № 1. С. 204–210; Кулланда С.В. Thraco-Scythica denuo // Stratum-plus. 2005–2007. № 3. С. 142–145. Эти комические напыщенные заглавия порой вызывают ассоциации, которые вряд ли имел в виду автор.

¹⁹ Например, ни одна из многочисленных работ С.Р. Тохтасьева, имеющих прямое отношение к теме, не упоминается, за единственным исключением; не известны ему и упомянутые выше работы Р. Шмитта и М. Майрхофера.

Как уже говорилось, одной из главных черт, отличающих скифский язык, считается наличие перехода $*d > *δ > *l$ в интервокальной позиции и в начале слов. Наличие в языке скифов слов, в которых можно видеть результат этого перехода, было отмечено уже в самых первых скифологических работах. Наиболее надежным свидетельством является, видимо, упомянутое у Геродота название $\epsilon\upsilon\nu\omicron\varsigma$ потомков Колаксы Παραλάται (IV. 5–7), которое сопоставляется с авестийским эпитетом Хушенга Parađāta ²⁰. Как «главное и безупречное доказательство скиф. $*l < *δ < *d$ » оценивает его и С.Р. Тохтасьев, оговаривая при этом, что таковым его делают, собственно, другие примеры с l в скифском, которые подтверждают, что «ПАРАЛАТАΙ не является палеографически банальным искажением из ПΑΡΑΔΑΤΑΙ, как думал Миллер и поначалу допускал Фасмер»²¹. Эта оговорка совершенно справедлива, ибо возможность, что речь идет именно об этой опiske, все же нельзя исключить²². Тем не менее следует исходить из того, что чтение, передаваемое рукописной традицией, тем более без разночтений, как в этом случае, всегда предпочтительнее конъектуры.

Однако второй пример на скифское $*δ > *l$, заимствованный из того же текста Геродота и традиционно используемый для подкрепления первого, менее убедителен. Речь идет о названии $\Sigma\kappa\omicron\lambda\omicron\tau\omicron\iota$ ²³, которым, согласно Геродоту, обозначали себя скифы, тогда как $\Sigma\kappa\upsilon\theta\alpha\iota$ их называли греки. Эти два имени уже давно были истолкованы как две формы одного этнонима, который отражают также аккадская и древнееврейская формы $I/A\check{s}kuz\bar{a}$ ia, $\text{'šknz} < \text{'škwz}$ ²⁴. На

²⁰ Müllenhoff. Über die Herkunft... S. 562; *idem*. Deutsche Altertumskunde. 3. S. 112; Vasmer. Untersuchungen... S. 15. В.Ф. Миллер (Осетинские этюды. III. С. 127), однако, считал, что речь идет об ошибке переписчика геродотовского текста $\Delta > \Lambda$.

²¹ Тохтасьев. Проблема... С. 86–87.

²² Именно это, очевидно, объясняет скептический тон замечания о данном сопоставлении, сделанного в статье: Bielmeier R. Sarmatisch, Alanisch, Jassisch // Compendium linguarum Iranicarum. Wiesbaden, 1989. S. 240. Anm. 12. Формулировка здесь не совсем удачна: сомнительно, конечно, не сопоставление Παραλάται – Parađāta , которое опровергнуть невозможно, а геродотовская форма с *лямбдой*.

²³ У Геродота зафиксирована форма $\Sigma\kappa\omicron\lambda\omicron\tau\omicron\upsilon\varsigma$, по которой невозможно судить о месте ударения в форме номинатива. По аналогии с этнонимами на $-\tau\omicron\iota$ кажется правильным ставить ударение на предпоследний слог, в особенности потому, что форма $\Sigma\kappa\omicron\lambda\omicron\tau\omicron\eta\varsigma$, предполагающая существование параллельно с геродотовской формы $\Sigma\kappa\omicron\lambda\omicron\tau\omicron\iota$, вероятно, засвидетельствована одним ольвийским граффито (Виноградов Ю.Г., Русяева А.С. Граффиты из святилища Аполлона на западном теменисе Ольвии // ANAXAPΣIE. Памяти Ю.Г. Виноградова. ХСб. 11. 2001. С. 136–137, 141. Рис. 1, 16; Тохтасьев. Проблема... С. 73). Однако полной уверенности в этом нет, и поэтому лучше писать это слово без ударения. Ср. Кулланда. Scythica obsoleta. С. 209. Прим. 29; упомянутое выше ольвийское граффито С.В. Кулланде неизвестно: оно было опубликовано позже выхода в свет статьи К. Витчака, от которой он по большей части зависит.

²⁴ Szemerényi O. Iranica // ZDMG. 101. 1951. S. 213–218; Дьяконов И.М. История Мидии. М.–Л., 1956. С. 243–244; Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970. С. 89–90. Прим. 15 (= 2007². С. 101–102); Szemerényi O. Four Old Iranian Ethnic Names: Scythian – Skudra – Sogdian – Saka // SBÖAW. 371 – Veröffentlichungen der Iranischen Kommission. 9). Wien, 1980. S. 16–22; Diakonoff I.M. The Cimmerians // Acta Iranica. 21 (Monumentum Georg Morgenstierne I). 1981. P. 136–140; Ivantchik. Une légende... P. 155–156 и др. Объяснение библейской формы как содержащей описку *нун* вместо *вав*, видимо, впервые предложено: Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. II // Philologus. Supplbd. 10,1. Lpz, 1905. S. 129.

основе сопоставления этих форм была восстановлена исходная форма этнонима *s/škuḍa-; содержащийся в ней межзубный передавался, таким образом, в греческом *тетой*, а в аккадском знаками с z. Этноним Σκολοτοι, согласно этой интерпретации, толковался как передающий форму с δ, перешедшим в l, и с суффиксом множественности -ta, характерным для северо-восточных иранских языков. Без всяких оговорок принимают эту интерпретацию К. Витчак и его последователь С.В. Кулланда. Тем не менее она вызывает ряд трудностей, которые были недавно независимо друг от друга отмечены Р. Шмиттом и С.Р. Тохтасьевым²⁵. В самом деле, передача в аккадском иранского *δ знаками с z, которую предполагает это объяснение, была бы единственным таким случаем²⁶; столь же уникальна и передача этого звука греческой *тетой*. Это наблюдение приводит Р. Шмитта к мысли о необходимости отказаться от восстановления формы этнонима как *s/škuḍa-; взамен он предлагает восстановление *skuḥa-²⁷ или *skuja-, что лучше бы соответствовало его передаче в аккадском и греческом²⁸. Но если это предположение справедливо, этноним Σκολοτοι не может служить свидетельством перехода *δ > l, а соответственно ċ/j – l в этой форме следует искать иное объяснение. С.Р. Тохтасьев не отказывается от реконструкции *skuḍa-, однако не находит возможности убедительно объяснить его аккадскую и греческую фиксации; в качестве *ultimum refugium* он прибегает к предположению о посредничестве двух неизвестных языков, через один из которых этноним попал в аккадский, а через другой – в греческий язык, в результате чего его форма и претерпела эти трудно объяснимые изменения. Однако эту гипотезу ослабляет греческая передача имени царя скифов, совершавших набеги в Переднюю Азию Μαδύης/Μάδυς (ср. ниже). Малоазийские греки должны были узнать его имя примерно одновременно с названием скифов, царем которых он был, и через тот же гипотетический язык-посредник²⁹, однако d или δ передано здесь греческой *дельтой*. Если признать правоту Р. Шмитта, название сколотов, а также связанные с ним имена Σκύλης (Herod. IV. 76 и др.), Scolopitus (Justin. II. 4, 1), придется исключить из списка примеров, подтверждающих переход d > l в скифском языке, что существенно снижает вероятность того, что этот переход был систематическим, а не спорадическим; для l в этом этнониме тогда надо будет искать иное объяснение.

Заимствовав у своих предшественников объяснение соотношения между различными формами названия скифов, С.В. Кулланда делает на его основе сразу два «открытия»: одно касается истории греческого языка, а второе –

²⁵ Schmitt. Die skythischen Personennamen... S. 19–20; Тохтасьев. Проблема... С. 70–71.

²⁶ Ср. Грантовский. Ранняя история... 1970. С. 89 (= 2007². С. 101–102). С.В. Кулланда с обычной эрудицией подкрепляет это предположение своими наблюдениями над тем, как произносят английские звуки «русские, не слишком хорошо овладевшие английским произношением». Думаю, комментарии излишни.

²⁷ Такое восстановление предложено уже: Marquart. Untersuchungen... P. 112.

²⁸ Ср. Schmitt R. Iranische Anthroponyme in den erhaltenen Reste von Ktesias' Werk. Wien, 2006. S. 277, где для названия скифов реконструируется форма *Skut/θ/ḥa- и высказывается сомнение в его иранском происхождении.

²⁹ Характерно, что другая деталь, касающаяся переднеазитских скифов – имя их царя Partatua – упомянута Геродотом (I. 103. 3, в форме Προτοθύης) также в связи с Мадием – Мадий был его сыном.

ранней истории скифо-греческих отношений³⁰. Оказывается, «носители воспринявших это слово (название скифов. – А.И.) греческих диалектов уже произносили *тету* не как *t^h* (придыхательный *t*), а как спирант [вариант – межзубный]. Это, во-первых, меняет наши представления о времени возникновения данного явления в греческом... а во-вторых, заставляет прийти к выводу, что первыми с самоназванием скифов познакомились не ионийцы, а скорее дорийцы», причем поясняется, что речь идет о «западных греках». Это рассуждение вполне типично для метода работы С.В. Кулланды: из единственного плохо интерпретированного свидетельства делаются самые широкие выводы, а противоречащие им факты игнорируются, то ли сознательно, то ли по незнанию.

В действительности сообщение о перевороте в греческой лингвистике оказывается преждевременным. Относительно ранняя спирализация *тет* в самом деле засвидетельствована в некоторых дорийских диалектах – но отнюдь не во всех. Ранее всего она отмечается в лаконском диалекте, но и здесь, согласно данным надписей, началась лишь в IV в. до н.э.; самое раннее свидетельство, относящееся еще к последней четверти V в. до н.э. сохранилось у Фукидида (V. 77. 4). В «Лисистрате» Аристофана иногда также отражается их спирализованный произношение, но в других случаях – произношение как аспират (Lys. 87. 95. 1076). Таким образом, нет оснований датировать это явление в лаконском диалекте ранее последней четверти V в. до н.э. Кроме лаконского, оно засвидетельствовано еще в элейском (не дорийском) диалекте (Олимпия), но и там датируется IV в. до н.э.³¹ В целом же в греческом это явление датируется лишь первыми веками нашей эры. Греческие диалекты, как известно, достаточно хорошо документированы, и нет никаких оснований ни удревнять это явление до VII в. до н.э., ни тем более переносить его на другие дорийские, в том числе малоазийские, диалекты.

Второй вывод – о том, что впервые в контакт со скифами вступили «западные греки» и остальные греки заимствовали этноним Σκύθαι именно от них – выглядит настолько экзотично, что возникает подозрение, что автор просто не освоился с общепризнанной терминологией и имеет в виду не греков Италии и Сицилии, которых принято обозначать этим термином, а нечто другое, например, носителей «западногреческих» диалектов, часть которых жила и в Малой Азии, т.е. дорийцев. Однако С.В. Кулланда позаботился о том, чтобы снять это предположение – он специально уточняет, что речь идет не о малоазийских дорийцах, а именно о «западных греках». Поскольку дальнейших разъяснений не дается, остается лишь недоумевать, как и где скифы могли войти в контакт с западными греками раньше, чем с ионийцами. Предполагает ли автор путешествия жителей Великой Греции в Скифию в VIII – первой половине VII в. до н.э., или, наоборот, вторжение скифов в Италию? Оба предположения примерно столь же вероятны, как локализация Атлантиды на ре-

³⁰ Раевский Д.С., Погребова М.Н., Кулланда С.В. Значение общеарийского наследия в изучении культуры скифов Причерноморья // Вестник РГНФ. 2006. № 4. С. 8–9 = Кулланда. *Scythica obsoleta...* С. 207–208.

³¹ Bechtel F. Die Griechischen Dialekte. Bd II. Die Westgriechischen Dialekte. B., 1923. S. 302–303, 831, с примерами из источников, ср. Lejeune M. Phonétique historique du mycénien et du grec ancien. P., 1972. P. 61 и процитированные самим С.В. Кулландой работы.

альной географической карте. Единственное, что могло бы навести на такую мысль – сохраненная Страбоном (V. 4. 5) традиция о киммерийцах, якобы живших в глубокой древности у Авернского озера близ Кум, однако считать эту традицию исторической сможет лишь человек, совершенно незнакомый с соответствующей проблематикой³².

Возвращаясь к вопросу о регулярности перехода $d > l$ в скифском языке, следует поставить вопрос, был ли он характерен для скифского языка в целом или лишь для одного скифского диалекта. Казалось бы, ответ на этот вопрос очевиден – недаром все писавшие о скифском языке, как уже указывалось, считали это явление диалектальным, и предполагали сосуществование в скифском языке диалектов, сохранявших δ , с тем, где оно переходило в l . Лишь К. Витчак, вероятно, не осознавая сложности проблемы, без специального обсуждения счел это явление маркером скифского языка, а слова, сохранявшие δ , объявил нескифскими или относящимися к самой ранней стадии развития этого языка, когда соответствующий переход еще не произошел. Его горячо поддержал С.В. Кулланда, объявив работу К. Витчака «пионерской» и «опередившей свое время». Об авторах, считавших, что речь идет о диалектных различиях он пишет со снисходительным сожалением³³, объявляя их точку зрения «неудачной формулировкой»³⁴ и утверждая, что различие между формами $\Sigma\kappa\upsilon\theta\alpha\iota$ и $\Sigma\kappa\omicron\lambda\omicron\tau\omicron\iota$ «не диалектное, а диахроническое».

Однако сделанное С.В. Кулландой вслед за К. Витчаком допущение порождает неразрешимые противоречия. В самом деле, если исходить из него, то приходится предполагать, что переход $\delta > l$ в скифском языке еще не произошел во второй четверти VII в. до н.э., когда аккадские источники зафиксировали их название с z , предположительно передающим δ . В то же время имя Колаксия, в котором С.В. Кулланда видит отражение этого перехода, зафиксировано в одном из фрагментов Алкмана, относящихся к периоду между 640 и 600 гг. до н.э., что дает конец VII в. до н.э. как *terminus ante quem* получения им этой информации (в действительности, видимо, существенно раньше). Таким образом, переход $d > l$ в скифском языке должен относиться ко второй половине VII в. до н.э. Однако еще в последней четверти VII в. до н.э.³⁵ «переднеазиатских» скифов возглавлял царь Мадий, имя которого засвидетельствовано в двух независимых друг от друга источниках (Μαδύης : Herod. I. 103; Μάδης : Strabo. I. 3. 21). В его имени, как видим, δ сохранилась, а

³² О ее происхождении и сконструированном характере см. Тохтаев С.Р. Источниковедческие проблемы истории коммерийцев. Автореф. канд. дис. СПб., 1999. С. 13–16; Иванчик. Накануне колонизации... С. 129–130, с предшествующей литературой.

³³ Об Э.А. Грантовском: «Будучи историком, писавшим об истории, он не пытался дать целостное описание скифского языка и (возможно, именно поэтому) был не вполне последователен в своей трактовке скифских языковых фактов»: (Кулланда С.В. Еще раз о скифском языке // *Orientalia et classica*. Труды Института восточных культур и античности. Вып. VI. Аспекты компаративистики. 1. М., 2005. С. 216–217 = Кулланда. *Lingua scythica*... С. 197; о нем же и В.И. Абаеве: «С исследователями... сыграло злую шутку смешение разновременных языковых явлений: отмеченные ими фонетические процессы действительно происходили, но в гораздо более поздний период и в другом, хотя и родственном, языке» (Кулланда. *Scythica obsoleta*... С. 206).

³⁴ Кулланда. *Scythica obsoleta*... С. 209.

³⁵ Иванчик. Накануне колонизации... С. 229–244.

само имя убедительно объясняется как производное от *тади- – «мед, медовуха»³⁶. С.В. Кулланда замечает эту проблему и предлагает избавиться от нее, отвергнув эту общепринятую этимологию и заменив ее объяснением имени скифского царя как производного от слова *mantu- – «советник, правитель» с постулируемым ради такого случая переходом -nt- > -d-³⁷. Однако такое объяснение порождает новую проблему: в нашем распоряжении имеются имена, свидетельствующие, что сочетание -nt- в скифском языке сохранялось по меньшей мере до конца VI в. до н.э. Это прежде всего имя знаменитого скифского царя, победителя Дария Ἰδάνθυρτος, которое, скорее всего, стало известно грекам именно в связи с этим походом. Первая часть этого имени давно была объяснена как передача иранского *vidant-, а вторая часть сильно эллинизирована (под влиянием греч. θύρτος) и не находит поэтому убедительного объяснения³⁸.

С этой проблемой С.В. Кулланда справляется еще проще: он предполагает, что многократно засвидетельствованная у Геродота (и в других источниках) форма испорчена и ей почему-то следует предпочесть одну из встречающихся у Арриана форм Ἰνδάνθυρσις, которую издатели якобы «предпочитают без объяснений заменять в тексте на Ἰδάνθυρτος»³⁹. Непонятно, каких издателей имеет в виду Кулланда, однако если бы он обратился к критическим изданиям «Индик», то, естественно, обнаружил бы такие объяснения: исправление чтения рукописи Α Ἰνδάνθυρτων⁴⁰, предложенное в издании Р. Херхера (1885) и принятое Роосом (1928) и другими издателями, основывается на сопоставлении с текстом Геродота и особенно Страбона (XV. 1. 6). Кулланда, судя по всему, не подозревает, что соответствующий пассаж Арриана заимствован у Мегасфена, причем этот фрагмент мегасфеновского текста сохранился не только у Арриана, но и у Страбона (ср. FGrHist 715 F 11). Поскольку в параллельном тексте Страбона стоит «геродотовская» форма Ἰδάνθυρτων, именно она и должна восстанавливаться в источнике Арриана (какая форма стояла у самого Арриана, в данном случае значения не имеет). Иданфирс вообще очень часто упоминается в античных текстах, причем в рукописях (а иногда уже и в протографах) некоторых из них его имя порой искажается до неузнаваемости⁴¹, однако нет сомнений, что все они восходят к геродотовской форме

³⁶ Абаев. Скифский язык. С. 171 = Абаев. Скифо-сарматские наречия. С. 294; Грантовский. Ранняя история... 2007. С. 205, 258; Schmitt. Die skythischen Personennamen... S. 12–13; Тохтасьев. Проблема... С. 71; Mayrhofer. Einiges... S. 13.

³⁷ Кулланда С.В., Раевский Д.С. Эминак в ряду владык Скифии // ВДИ. 2004. № 1. С. 94 = Кулланда. Еще раз... С. 221 = Кулланда. Lingua scythica... С. 201 = Раевский, Погребова, Кулланда. Значение... С. 6, единственный пример подобного перехода, который он приводит, анахроничен, поскольку заимствован из современного языка йидга.

³⁸ Marquart. Untersuchungen... S. 93; Schmitt. Die skythischen Personennamen... S. 8–9; Тохтасьев. Проблема... С. 94–95.

³⁹ Кулланда, Раевский. Эминак... С. 91. Прим. 54 = Кулланда. Еще раз... С. 222. Прим. 22 = Кулланда. Lingua scythica... С. 202. Прим. 2.

⁴⁰ Эта рукопись XII – начала XIII в. (cod. Vindobonensis hist. gr. 4) является протографом всех остальных сохранившихся рукописей «Индик».

⁴¹ Некоторые формы см. Иванчик. Накануне колонизации... С. 214. Почему С.В. Кулланда из этих многочисленных искажений выбирает именно арриановскую форму, непонятно.

Ἰδάνθυρος⁴². Этот факт, и без того очевидный исходя из истории рукописного предания соответствующих текстов, нашел дополнительное подтверждение после публикации граффито первой половины VI в. до н.э. с острова Березань, упоминающего персонажа по имени Ἰδανθεμῖς⁴³. Идентичность первого элемента имен Ἰδάνθυρος и Ἰδανθεμῖς не вызывает сомнений; в обоих случаях он, видимо, передает иран. *vidant-.

Еще одно имя скифского царя свидетельствует о сохранении -nt- в скифском языке и в середине V в. до н.э., когда Геродот записал связанное с ним предание⁴⁴ (если имя Иданфирса могло попасть в литературу до Геродота, то в данном случае это исключено). Речь идет о царе по имени Ἀριάντας⁴⁵, по приказу которого был поставлен огромный бронзовый сосуд в Эскампее в междуречье Борисфена и Гипаниса (Herod. IV. 81). Название одной из рек Скифии, упоминаемых Геродотом (IV. 18. 19. 47. 54), Παντικάλης (а также и название столицы Боспорского царства, происходящее от омонимичного гидронима), также свидетельствует о сохранении в скифском языке -nt-. Это название убедительно толкуется как отражение иран. *ranti-kara- — «рыбный путь»⁴⁶. Еще одно скифское имя, в котором представлено сочетание -nt- сохранилось на граффито первой половины IV в. до н.э. из Ольвии: Κολανδακῆς καλός⁴⁷. Связь этого имени с именем Колаксия всегда отмечалась и вряд ли может вызывать сомнение; соответственно можно быть уверенным, что оно происходит из того же диалекта, из которого заимствовано и имя Колаксия в изложенной Геродотом легенде (в пользу этого говорит и то, что оба имени засвидетельствованы в Ольвии), что дополнительно подтверждает отсутствие в этом

⁴² Что касается самого Геродота, то и его рукописи не избежали общей тенденции к искажению этого имени, видимо, сложного для переписчиков. В некоторых из них встречается и форма Ἰνδάνθυρος, засвидетельствованная в рукописи Арриана. Очевидно, это искажение вызвано созвучием с названием Индии, которая, кроме того, ассоциировалась с Дионисом (ср. стойкую традицию о завоевании им Индии), дионисийский же мотив для грека отчетливо звучал в слове θύρος, по аналогии с которым оформлен второй элемент имени скифского царя. В пассаже IV. 76 имя Иданфирса упомянуто дважды, оба раза с существенным различием. В первом случае рукописи флорентийской ветви дают Ἰδάνθυρον, а римской — Ἰδανθύρου (форму, которую можно было бы рассматривать в качестве серьезной альтернативы, если бы не другие свидетельства); форма Ἰνδάνθυρον представлена лишь в codici descripti T и M. Три строки ниже рукописи римской ветви дают по-прежнему Ἰδάνθυρος, а флорентийской — искаженную форму Ἰνδάνθυρος. Однако в других упоминаниях этого царя (IV. 120. 126. 127) ситуация более ясная: Ἰδάνθυρος там дается без разночтения между основными ветвями, а искаженные формы Ἰνδάνθυρος и Ἰνδανθύρος встречаются лишь в codici descripti. Все это позволяет считать форму Ἰδάνθυρος исходной геродотовской формой.

⁴³ Vinogradov Ju.G. *Barbaren in der Prosopographie Olbias* // *Ponitsche Studien*. Mainz, 1997. S. 152–153; Dubois L. *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Genève, 1996. P. 67–68. № 27; Тохтасьев С.Р. Об одном граффито с острова Березань // *Thracia Pontica*. 2. 1985; он же. Проблема... С. 94. Это свидетельство неизвестно К. Витчаку и соответственно С.В. Кулланде.

⁴⁴ Непонятно, откуда К. Витчак (Скифский язык... С. 53) заимствовал свою датировку «скифского путешествия Геродота» началом V в. до н.э.; никаких пояснений он не дает.

⁴⁵ Об этом имени см. Schmitt. *Die skythischen Personennamen*... S. 4, с литературой.

⁴⁶ Абаев. Скифский язык. С. 170, 175 = Абаев. Скифо-сарматские наречия. С. 293, 297–298.

⁴⁷ Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.–Л., 1953. С. 11. № 7; Zgusta. *Die Personennamen*... S. 195. § 302; Тохтасьев. Проблема... С. 84–85, здесь же об иран. -nt- > греч. -vδ-.

диалекте перехода -nt- > d. Наконец, то же сочетание имеется и в названии похожего на оленя животного τάρανδ(ρ)ος, впервые упоминаемого Феофрастом, если это название действительно относится к скифскому языку⁴⁸.

Имена Ἰδάνθυρσος и Ἰδανθεμῖς говорят не только о сохранении сочетания -nt-, но и о том, что и в VI в. до н.э. в ряде скифских слов d/δ сохранялось, а не переходило в l. Эти свидетельства особенно важны, поскольку имеют четкую географическую привязку: имя Иданфирса Геродоту стало известно в Ольвии, где он записал и обе легенды о происхождении скифов (скорее всего, от того же информатора, Тимна: Herod. IV. 76⁴⁹). Из окрестностей Ольвии происходит и упомянутое граффито. Таким образом, мы не можем утверждать не только,

⁴⁸ См. Тохтасьев С.Р. Sauromatae – Sarmatae – Syrmatae // Херсонесский сборник. 14 (памяти М.И. Золотарева). 2005. С. 292–293, со ссылками на основные источники, ср. Isebaert L.L. Encore grec τάρανδ(ρ)ος «renne» // Glotta. 1982. 60. P. 62–65.

⁴⁹ Этот Тимн был тесно связан со скифами, а скорее всего, и сам был скифом. При определении его статуса следует учитывать текстологическую проблему, которая, как правило, игнорируется. Его обычно считают доверенным лицом (наместником и т.п.) скифского царя Ариапифа, отца Скила и Октамасада; соответственно предполагается, что он должен был быть в довольно преклонном возрасте (и во всяком случае давно в отставке, поскольку после Ариапифа царем был Скил, а затем Октамасад), когда встречался с Геродотом. Такое понимание текста основывается на следующем чтении ключевой фразы Геродота: 'Ὡς δ' ἐγὼ ἤκουσα τὸ μνησθαι τοῦ Ἀριαπείθεος ἐπιτρόπου, εἶναι αὐτὸν Ἰδανθύρσου τοῦ Σκυθέων βασιλέος πατρὸν, παῖδα δὲ εἶναι Γνούρου τοῦ Λύκου τοῦ Σπαργαπείθεος. Однако эта фраза содержит существенные разночтения. Во-первых, Ἀριαπείθεος дают рукописи флорентийской ветви (ABC), а рукописи римской ветви (DRSV) – Σπαργαπείθεος, что, вероятно, следует объяснить ошибкой под влиянием этого имени, упомянутого в той же фразе. Но гораздо важнее, что ἐπιτρόπου дают лишь codici descripti (CTMP), тогда как основные рукописи обеих ветвей традиции (ABD) согласно дают ἐπίτροπον, чтение, которое и следовало бы принимать в текст. Именно так делает в своем издании Х. Розен, расставляя соответственно и пунктуацию: 'Ὡς δ' ἐγὼ ἤκουσα τὸ μνησθαι τοῦ Ἀριαπείθεος ἐπιτρόπου, εἶναι αὐτὸν Ἰδανθύρσου τοῦ Σκυθέων βασιλέος πατρὸν, παῖδα δὲ εἶναι Γνούρου τοῦ Λύκου τοῦ Σπαργαπείθεος. В таком случае следует переводить: «Как я слышал от Тимна, сына Ариапифа (менее вероятно – Спаргапифа), он (т.е. Анахарсис) был воспитателем (это значение слова ἐπίτροπος лучше подходит по контексту, чем «доверенное лицо, управляющий» и под.) Иданфирса, дядей по отцу царя скифов, и сыном Гнура, сына Лика, сына Спаргапифа». Под «царем скифов» здесь, конечно, подразумевается Иданфирс; совершенно непонятно предположение Х. Розена в примечании к этому месту, что Геродот имеет в виду Савлия: ведь в следующей фразе говорится, что Савлий был не племянником, а братом Анахарсиса. Из этого текста следует, что Тимн, несмотря на свое греческое (карийского происхождения) имя, был не «управителем», а одним из младших сыновей царя Ариапифа, скорее всего от греческой жены (как и его сводный брат Скил). Он, очевидно, жил (по меньшей мере часть года) в Ольвии, как прежде его брат Скил, и именно там с ним встретился Геродот. Его осведомленность о скифах, в особенности «царских скифах», их мифологии, обычаях, правящей династии и отношениях внутри нее, таким образом, совершенно естественна, как и знакомство с греческим языком и культурой. Сообщение о том, что Анахарсис был воспитателем царя Иданфирса, вполне соответствовало бы достаточно рано появляющейся греческой традиции идеализации этого скифского царя, которого позже Хрисипп упоминал среди правителей, при дворе которых следует жить настоящему (стоическому) философу (SVF II, fr. 691, 692). При этом сам Геродот здесь же (очевидно, со слов Тимна) говорит, что скифы уверяют, что никогда не слышали об Анахарсисе. Можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с попыткой объединить греческую и скифскую традиции, предпринятую Тимном, принадлежавшим к обеим культурам. Большое значение, которое Геродот придавал информации, полученной от Тимна, подчеркивается тем, что он, вопреки своему обыкновению, называет его по имени.

что в языке всех скифов происходил переход $\delta > l$, но даже и того, что эта черта была характерна для всех скифов, живших по соседству с Ольвией.

Более того, переход $\delta > l$ (если он вообще имел место) не был регулярным даже и в языке, на котором говорили представители скифской царской династии. Их список сообщает Геродот со слов уже упоминавшегося Тимна: Σπαρ-γαλείθης, Λύκος, Γνωῦρος, Σαύλιος, Ἰδάνθουρος, Ἀριαλείθης, Σκύλης, Ὀκταμασάδης, Ὀρίκος. Имя Λύκος, очевидно, должно быть исключено из рассмотрения, поскольку давно и убедительно было истолковано как греческий перевод иранского *Vrka- – «волк»⁵⁰. С именем Σαύλιος дело обстоит несколько сложнее, чем обычно считается. Р. Шмитт отметил, что эта форма засвидетельствована лишь рукописями stirpis Florentinae, тогда как рукопись D, протограф второй ветви рукописного предания stirpis Romana, дает Σαυαῖος в двух фиксациях имени⁵¹. Имя Σαυαῖος, производное от иран. *syāva- – «темный, черный», наряду с другими сходными именами, широко распространено в сарматской ономастике⁵². Это позволяет из двух стемматически равноправных чтений выбрать засвидетельствованное stirpis Romana и предполагать, что форма ΣΑΥΛΙΟΣ в stirpis Florentina – результат искажения первоначальной формы ΣΑΥΑΙΟΣ.

Еще одно царское имя, Ὀκταμασάδης, которое носил сводный брат Скила (IV. 80), также содержит *дельту*. Это имя засвидетельствовано еще дважды. Надпись на постаменте статуи, обнаруженном на Семибратнем городище (Лабрис), говорит, что в 70–60-е годы IV в. до н.э. его носил сын царя синдов Гекатея (вероятно, свидетельство династических браков царей скифов и синдов)⁵³. Второе свидетельство древнее геродотовского: имя засвидетельствовано в несколько отличающейся форме Οκταμασιαδης на граффито (ок. 480 г. до н.э.) из Гермонассы⁵⁴. Это имя обычно сближают с именем «скифского Посейдона» Θαῦμασάδας⁵⁵, которого упоминает Геродот, отмечая, что ему поклоняются только царские скифы (IV. 59). Для объяснения этого -d- С.В. Куланда предлагает сразу две взаимоисключающие версии. Согласно первой, которую он считает наиболее вероятной, во второй части обоих имен следует

⁵⁰ Vasmer. Untersuchungen... S. 7, 14; Абаев. Скифский язык. С. 187 = он же. Скифо-сарматские напечия. С. 308, ср. Schmitt. Die skythischen Personennamen... S. 12, который, присоединяясь к этому объяснению, в качестве альтернативы предполагает эллинизацию другого сходно звучащего иранского имени. К. Витчак (Скифский опыт... С. 53), однако, включает его в список имен, в которых *l* якобы появилось из иранского *d*, не давая, впрочем, никакого объяснения. Такой перевод имени особенно понятен, если вспомнить, что информация происходит от двуязычного Тимна.

⁵¹ Schmitt. Die skythischen Personennamen... S. 18. В третьей, в том же пассаже, рукописи DRSV дают Σαυαῖοι, что Х. Розен справедливо поясняет: ex Σαυ^λαῖοι ortum. Речь идет, очевидно, о результате сверки протографа рукописи D с одним из манускриптов stirpis Florentinae или просто о предложении переписчика исправить форму, показавшуюся ему странной – как это произошло в протографе рукописей флорентийской ветви.

⁵² Ср. Тохтасьев (Проблема... С. 87), который предполагает ту же этимологию, хотя и исходит из чтения Σαύλιος.

⁵³ См. подробно: Тохтасьев С.Р. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (Обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 2004. № 3. С. 144–180, с предшествующей литературой.

⁵⁴ Виноградов Ю.Г. Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп // ВДИ. 2002. № 3. С. 15–16.

⁵⁵ Начиная с Vasmer. Untersuchungen... S. 13, 15. Форма восстановлена на основании рукописных чтений Θαῦμασά и Θασιμασάδας.

видеть иран. *mazdā-* (у Кулланды ошибочно *mazda-*), а в сочетании *-zd-*, как показывают аналогии из бактрийского, *d* удерживалось. Такое толкование элемента *-μασσαδης/ας* впервые предложил В. Миллер⁵⁶, однако уже М. Фасмер отверг ее как «lautlich ungenügend»⁵⁷, и впервые к нему вернулся лишь О.Н. Трубачев в рамках своей теории о присутствии индоарийского населения в Северном Причерноморье⁵⁸. Однако ни Трубачев, ни следующий за ним Кулланда не объясняют, каким образом иранское (или арийское) **-zd-* может передаваться греческим *-σαδ-*, а тем более *-σιαδ-*⁵⁹, так что это объяснение следует отвергнуть. Немногим лучше и другое объяснение – от иран. **mazata-* из **maz-* – «большой»⁶⁰. Учитывая форму *Οκταμασιαδης* предпочтительным выглядит толкование С.Р. Тохтасьева, который производит вторую часть имени от иран. *šūāta-* – «счастливый»⁶¹. Передача *дельтой* иранского *t*, вопреки С.В. Кулланде, не имеет отношения к озвончению глухих, а, скорее всего, является, согласно С.Р. Тохтасеву, результатом эллинизации под влиянием имен на *-άδης/ας*.

Таким образом, в дошедших именах царей «царских скифов», пребывавших в окрестностях Ольвии, по крайней мере в одном случае сохранилось *d*. Если к ним прибавить Мадия⁶², то таких примеров будет два. В имени *Ὀκταμασιαδης* также имеется *дельта*, но этот пример можно достаточно убедительно отверсти, истолковав как результат эллинизации имени, в котором было *t*. В то же время известен лишь один пример, где можно предполагать переход *d > l* (*Σκύλης*), да и то это имя производно от этнонима «сколоты» и зависит от его интерпретации, а сам этноним, как мы видели, нельзя с полной надежностью считать свидетельством такого перехода. Имя *Σαύλος* – скорее всего, фантом, рукописная традиция позволяет восстанавливать здесь *Σαυαίος*, имя же *Λύκος*, в соответствии с традиционной интерпретацией – греческий перевод имени, означавшего «волк».

Из окрестностей Ольвии происходит и еще одно граффито 480-х годов до н.э. со скифским именем, содержащим *дельту*: *Γυδοιπαιης*⁶³. Этот пример, однако, не показателен: С.Р. Тохтасев на основании аналогий из бактрийского языка справедливо отмечает, что *d* в сочетании *γd* сохранялась в восточно-

⁵⁶ Миллер. Осетинские этюды... 3. С. 131.

⁵⁷ Vasmer. Untersuchungen... S. 15.

⁵⁸ Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье // Этимология 1982. М., 1985. С. 141–142 = он же. Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999. С. 199–201. Критику см. Schmitt. Die skythischen Personennamen... S. 14.

⁵⁹ Впрочем, форма *Οκταμασιαδης* неизвестна ни Трубачеву, ни Кулланде: первому потому, что соответствующее граффито было опубликовано позже его статьи, а второму – потому что его знакомство со скифологической литературой редко выходит за пределы статьи Витчака.

⁶⁰ Müllenhoff. Über die Herkunft... S. 567; idem. Deutsche Altertumskunde. III. S. 116; Vasmer. Untersuchungen... S. 15 («Die Deutung ist unsicher»); Schmitt. Die skythischen Personennamen... S. 13–14.

⁶¹ Тохтасев. Проблема... С. 98–99.

⁶² Некоторые исследователи предполагают, что Мадий, его отец Прототий/Партатау, а также и Ишпакай принадлежали к той же династии царских скифов, что Иданфирс, Ариапиф, Скил и др. (см., например: Тохтасев. Проблема... С. 92). На мой взгляд, это не более, чем гипотеза: в пользу такого предположения нет никаких данных. Даже и принадлежность Ариапифа и его сыновей к той же династии, что Иданфирс, не подтверждается никакими прямыми указаниями текстов, хотя это предположение, несомненно, более вероятно.

⁶³ Vinogradov. Barbaren... S. 154; Dubois. Inscriptions... P. 126. № 77, с литературой.

иранских языках, в том числе и в тех, где происходил переход -δ- > -l-⁶⁴. Это соображение, кстати, заставляет отказаться от одного из примеров К. Витчака на переход -δ- > -l- в скифском языке: «скиф. *maglú* «лебедь» < иран. **madgu-*»⁶⁵, где предполагается переход -gd- > -gl- еще и с метатезой -dg- > -gd-. Впрочем, эта этимология и без того недопустима. Даже если оставить в стороне неубедительность самой иранской интерпретации (постулируемое Витчаком слово в иранских языках, кроме н.-перс., не засвидетельствовано и восстанавливается на основе санскрита), К. Витчак этимологизирует слово-фантом, созданное им самим. У Гесихия, на которого ссылается Витчак, глоссируется вовсе не *μαγλύ*, а *αγλύ* (Витчак упоминает это слово, заключив его в квадратные скобки и сопроводив загадочной пометкой «книжн.» – имеется в виду рукописное?). Слово стоит на своем месте в алфавитном порядке, и предполагать ошибку переписчика словаря Гесихия, как и любого другого словаря, который мог послужить ему источником, в первой букве слова в данном случае невозможно. Нечего и говорить о степени убедительности выводов, полученных в результате столь вольного обращения с источником, когда автор готов для подтверждения своей гипотезы просто конструировать несуществующие слова.

Замечу попутно, что имя киммерийского царя, засвидетельствованное в греческом как *Λύδωνας*, а в аккадском как *Dug-dam-me-i* (в нем также имеется сочетание -*yd-*), к данной проблеме не имеет никакого отношения, вопреки К. Витчаку⁶⁶. Видеть здесь свидетельство перехода δ- > l- вряд ли возможно: иначе пришлось бы предполагать, что этот переход произошел мгновенно между тем моментом, когда Лигдамис стал известен ассирийцами и когда он стал известен грекам (при этом в аккадских текстах он упоминается именно в связи с событиями в Лидии и Киликии в 643–641 гг. до н.э., когда, собственно, с ним и познакомились греки). В действительности вариация d/l объясняется малоазийским (скорее всего, лидийским) посредничеством при передаче этого

⁶⁴ То же объяснение: Кулланда. *Lingua scythica...* С. 202. Прим. 2, без ссылки на С.Р. Тохтасьева; в соответствующем месте более ранней версии той же статьи (*Кулланда*. Еще раз... С. 222. Прим. 22) это имя не упоминается.

⁶⁵ Витчак. Скифский язык... С. 53.

⁶⁶ Там же. С. 53–54. Изложенные здесь (прим. 7) соображения автора о киммерийцах содержат ряд ошибок. Их название, безусловно, было самоназванием и не имеет отношения к хетт. *gim(ta)ga*, лув. *im(ta)ga* (об этнониме «киммерийцы», в том числе и невозможности этого толкования, см. подробно: Иванчик А.И. Киммерийцы. М., 1996. С. 133–159). Утверждение о том, что восточные народы с трудом различали киммерийцев и скифов голословно (в ассирийских источниках они различаются), в греческих источниках, особенно ранних, они тоже различаются. Упомянутый Витчаком некий *Ἦρωξ Κίττιέριος*, который якобы представлялся в образе скифского лучника – фантом, который, как можно предполагать (К. Витчак не дает ссылок), происходит из непрофессиональной книжки Л.А. Ельницкого (Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977. С. 49), которая содержит и множество других фантазий, ошибок и неточностей. Л.А. Ельницкий смешал упомянутого в схолиях к Аполлонию Родосскому *Κίττιέριος*, который в гераклейской традиции считался предком мариандинов (см. об этой традиции: Иванчик. Накануне колонизации... С. 127–134), с его омонимом, изображенным на вазе Франсуа в сцене Калидонской охоты. Эти персонажи не имеют отношения друг к другу, о Киммерии на вазе Франсуа и проблематике, связанной с этим изображением и изображениями других «скифских» лучников, см. Иванчик А.И. Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? I // ВДИ. 2002. № 3. С. 42–51.

слова в греческий⁶⁷. Кроме того, киммерийцы были хотя и родственным скифам, но отличным от них народом, и переносить на них выводы, сделанные на основании скифского материала, было бы столь же ошибочно, как переносить на скифов выводы, сделанные на основании материала сарматского.

Лишь немногим лучше, чем с якобы скифским «*maglú*», обстоит дело с другим свидетельством скифского перехода $d > l$, который К. Витчак обнаруживает в том же словаре Гесихия. Здесь же он цитирует «гlossу Гесихия» *μελύγων πόμα τι Σκυθικὸν μέλιτος ἐψόμενον σὺν ὕδατι καὶ πόα τινί*; в этой глоссе, по его мнению, отражается слово **maluwyam* < **malu-* (иран. **madu-*) «+ суф. -*wya-*», с замечанием «гамма вместо дигаммы»⁶⁸. Любому знакомому с классической филологией человеку ясно, что это объяснение невозможно: глоссируемые Гесихием и другими лексикографами слова происходят из литературных текстов главным образом эллинистической и римской эпох (кроме Гомера и ряда хрестоматийных авторов), и предполагать использование *дигаммы* в их рукописях совершенно невозможно. Тем более это невозможно в данном случае, поскольку источник этой глоссы известен (см. ниже). Соответственно, *гамма* здесь никак не может отражать -*w-*. На этом фоне уже мелочью выглядит то, что никак не объясняется передача иранского *a* греческим *эпсилон*. Если предположить, что это произошло под влиянием греческого *μέλι*, то ничто не мешает тем же влиянием объяснить и появление в этом слове *лямбды*.

В действительности, однако, дело с этой интерпретацией обстоит еще хуже. Слово *μελύγων*, которое Витчак приписывает Гесихию, в его тексте отсутствует: Гесихий глоссирует слово *μελίτιον*, известное и в других источниках название медовухи (Plut. Quaes. conv. IV. 672b, не исключено, что из того же источника, и др., см. LSJ, s.vv. *μελίτειον*, *μελίτιον*). Слово *μελύγων* – конъектура К. Латте (в издании М. Шмидта сохранено рукописное чтение), предложенная им на основании сопоставления с Etymologicum Magnum и папирусом Р. Оху 1802 (II. 36). Однако эта конъектура вызывает сложности, и прежде всего она нарушает алфавитный порядок, перемещая глоссу с ее места почти на целую страницу. Поскольку *μελίτιον* стоит на своем месте в алфавитном порядке, речь не может идти о простой ошибке писца. Интересно, что в другом месте К. Витчак придает большое значение алфавитному порядку в словаре Гесихия и из его небольшого нарушения (перестановка двух слов – в действительности подобные небольшие нарушения алфавитного порядка в текстах лексикографов не редкость⁶⁹) выводит необходимость исправлять сохранившийся текст (напрасно, на мой взгляд)⁷⁰. Как уже отмечалось, та легкость, с какой К. Витчак «исправляет» сохранившиеся скифские глоссы, чтобы подогнать их под свои интерпретации, совершенно недопустима и существенно ослабляет убедительность его конечных выводов.

Слово *μελύγειον*, однако, выгодно отличается от других анализируемых К. Витчаком слов тем, что оно не сконструировано им, а действительно засвидетельствовано в источниках. Наиболее ранним свидетельством является один из оксиринхских папирусов, относящийся к концу II – началу III в. н.э. и сохра-

⁶⁷ *Иванчик*. Киммерийцы. С. 123, ср. Тохтасьев. Проблема... С. 68. Прим. 53, об имени в целом: Тохтасьев С.Р. Имя киммерийского царя Λυγδομης // История и языки древнего Востока. Памяти И.М. Дьяконова. СПб., 2002. С. 299–307; *Tokhtas'ev S.R.* Der Name der kimmerischen Königs Lygdamis // Frühes Ionien. Eine Bestandsaufnahme (Milesische Forschungen. 5). Mainz, 2007. S. 607–612.

⁶⁸ *Витчак*. Скифский язык... С. 53.

⁶⁹ Ср. Grenfell B.P., Hunt A.S. The Oxyrhynchus Papyri. Vol. XV. L., 1922. P. 151.

⁷⁰ *Витчак*. Скифский язык... С. 57.

нивший фрагменты неизвестного лексикографического сочинения (Р. Оху 1802). Сопоставление с сохранившимися лексиконами показывает, что это сочинение было общим источником *Etymologicum Magnum* и Зонары (очевидно, через *Etymologicum Genuinum*), однако не Гесихия, который представляет независимую от него традицию⁷¹. В самом деле, интересующее нас слово содержится в обоих словарях и поясняется сходным образом, повторяющим объяснение, приведенное в папирусе. При этом отмечаются колебания в написании самого слова: μελύγιον в папирусе, μελύγειον в Большом этимологике, μελίγιον у Зонары. Текст, сохранившийся в «оксиринхском» лексиконе, однако, значительно подробнее тех, что дают византийские лексиконы, и содержит цитату, из которой заимствовано соответствующее слово: μελύγιον· πομάτιον τι Σκυθικόν [Σκυτικόν Pap.]. Γλαῦκος ἐν ᾧ Ἐξηγήσεως τόπων τῶν κεμένων ἐπ' ἀριστερὰ τοῦ Πόντου μέρη· συνκαταθεμ[ε]νων δὲ τῶν ἐλατῶν ἔλυσσε τὸν σύλλογον, καὶ ἀπολυθέντες ἕκαστο[ς] ἐπὶ τὰ ἴδια παρεσκεύαζον τὸ μελύγιον. τοῦτο δὲ τὸ πόμα μεθύσκει μᾶλλον τοῦ οἴνου, γίνεται δὲ ἐφομένου τοῦ μέλιτος μεθ' ὕδατος καὶ βοτάνη[ς] τινὸς ἐμβαλλομένης· φέρει γὰρ αὐτῶν ἡ χώρα πολὺ τὸ μέλι, ἐτι δὲ καὶ τὸ ζῦτος, ο ποιοῦσιν ἐκ τῆς κεγχρου, «μελύγιον: скифский напиток. Главк в первой книге «Описания мест, лежащих налево от Понта» (говорит): «Когда же возчики согласились, он распустил собрание, и разойдясь каждый к себе, они приготовили μελύγιον. Это питье опьяняет больше, чем вино, и готовится из сваренного меда с водой и с добавлением какой-то травы; ведь их страна приносит много меда, а также пива, которое они делают из проса»». К сожалению, о Главке, из сочинения которого происходит этот отрывок, ничего не известно: это его единственный фрагмент (ср. FGrHist 806 F 1). Предположение о том, что это тот же Главк, что и автор сочинения об Аравии, на которое несколько раз ссылается Стефан Византийский⁷², не имеет достаточных оснований и в любом случае дает немного, поскольку о нем самом известно немногим больше (FGrHist 674, 13 фрагментов, все из Стефана Византийского). Очевидно, однако, что этот Главк не принадлежал к числу классиков, его сочинение не пользовалось широкой известностью и, скорее всего, было написано ненамного раньше, чем сочинение лексикографа, сохранившего этот фрагмент. Видимо, речь должна идти о позднем эллинизме или скорее раннеримском времени. Лексикограф цитирует и некоторых других малоизвестных или неизвестных авторов (из классиков – Аристотеля), из которых предположительно идентифицируются Гегесандр из Дельф (III. 4), автор второй половины II в. до н.э., и грамматик Зенон из Минды (II. 42) I в. н.э., однако и эти идентификации не вполне надежны. Из содержания фрагмента Главка ясно, что речь идет об описании какого-то путешествия, возможно, собственного путешествия автора. Если дату этого сочинения можно определить лишь предположительно, то локализуются описываемые события вполне ясно. Само название сочинения указывает на то, что действие происходит в Западном Причерноморье («Левом Понте»), т.е. на территории Фракии в широком смысле. Описывается оседлое земледельческое население, производящее, в частности, просо. Очевидно, какие-то путешественники (сам автор?), проезжающие поселение местного народа, нуждаются в транспорте, и для того, чтобы решить эту проблему, глава поселения собирает собрание, на котором обсуждаются условия предоставления услуги; по достижении договоренности присутствующие расходятся по домам, чтобы

⁷¹ Grenfell, Hunt. The Oxyrhynchus Papyri. P. 156.

⁷² Ibid. P. 161.

приготовить местный напиток, очевидно, чтобы достойно отпраздновать достигнутое соглашение. Потребление проса и пива – традиционная этнографическая черта, приписывая жителям этого региона⁷³. Ясно, что ни место расселения, ни этнографический облик описанного во фрагменте народа не совместимы с предположением, что речь идет об исторических скифах; противоречит этому и хронология. Если Главк и упоминал скифов (в сохранившемся фрагменте такого упоминания нет), то употреблял этот термин расширительно, для обозначения северных варваров вообще, как это широко практиковалось в римскую и византийскую эпохи⁷⁴. К реальным скифам описанный Главком народ имеет столь же мало отношения, как и «скифы», которых повстречал примерно в тех же местах Приск Панийский по дороге в ставку Аттилы в 448 г. (Fr. 8. 39–40 *Воптманн*); они тоже пили медовуху (называемую «по-скифски» μέδος) и пиво (местный термин κόμρον), вместо пшеницы потребляли просо и оказывали разные услуги проезжающим путешественникам.

Что же касается формы самого слова, упомянутого Главком, то нет никаких оснований предпочитать форму μελύιον, зафиксированную «оксиринхским» лексикографом и зависящими от него источниками, форме μελίτιον, зафиксированной Гесихием. Оба автора представляют независимую друг от друга традицию передачи текста Главка. Как известно, смешение Ι – Υ, равно как и Τ – Γ – нередкая писцовая ошибка в маюскульном и курсивном письме, которую легко можно предположить в этом редком слове. Кстати говоря, дальнейшее искажение формы слова происходит и на наших глазах: μελύιον «оксиринхского» лексикографа превращается, с одной стороны, в μελύγειον в Большом этимологике, и, с другой – в μελίγρον у Зонары. Поэтому ничто не мешает предполагать, что в тексте Главка содержалось греческое слово μελίτιον. Его глоссирование как «скифского напитка», разумеется, вовсе не должно означать, что и само слово имело негреческое («скифское») происхождение. Знаменитая скифская ἰπλάκη (у Гесихия: Σκυθικόν βρώμα ἐξ ἰπλου γάλακτος) обозначается тоже греческим, а не скифским словом⁷⁵. В любом случае, даже если предпочесть форму μελύιον, объяснение ей надо искать в сфере не иранских⁷⁶, а балканских языков.

⁷³ См. Гиндин Л.А., Иванчик А.И. Приск // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.). М., 1994. С. 93–94.

⁷⁴ Для византийского времени см. подборку: Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. II. В., 1983³. S. 279 ff.

⁷⁵ Впрочем, возможно, что в его основе действительно лежит скифское слово *aspaka-: элемент, обозначающий лошадь был переведен, но иранский суффикс сохранился, см. Forssman B. ἰπλάκη, ein verkapptes skythisches Lehnwort im Griechischen // KZ. 1965. 79. S. 285–290.

⁷⁶ За К. Витчаком здесь, как и в других случаях, слепо следует С.В. Кулланда, причем передавая его краткое замечание, умудряется дополнить его новыми ошибками: «Как в скифском *maluwyam 'мед', имеющем в рукописях Гесихия форму μελύιον (с заменой исчезнувшей дигаммы на гамму)» (Кулланда. Еще раз... Прим. 12 = Кулланда. Lingua scythica... С. 198. Прим. 5). Поскольку Кулланда не имеет привычки обращаться к оригиналам используемых им источников, ему осталось неизвестным и то, что Гесихий дошел до нас не «в рукописях», а в единственной рукописи Codex Marcianus Graecus 622, и то, что эта рукопись содержит чтение μελίτιον. Заключенные в скобки слова заставляют думать, что он предполагает некий переход из дигаммы в гамму (в действительности, конечно, речь теоретически может идти только об ошибке переписчика, не распознавшего вышедшую из употребления букву). Хочется надеяться, что это просто неудачная формулировка. О существовании оксиринхского фрагмента и о содержащейся в нем информации Кулланда не подозревает.

Имя скифского мифического царя Колаксай, как уже упоминалось, засвидетельствовано не только у Геродота, но и во фрагменте Алкмана, и является, таким образом, самым ранним свидетельством наличия *l* в скифских именах. Вопрос об источниках, откуда Алкман мог получить сведения о «Колаксайском коне», а также об исседонах и Рипейских горах, неясен: наиболее естественное предположение о заимствовании этих сведений у скифов вызывает сложности исторического характера⁷⁷. В самом деле, в Малой Азии скифы вошли в прямой контакт с греками позже, чем Алкман покинул родные Сарды; что касается Спарты, где он провел большую часть своей жизни, у нас нет сведений о какой-либо роли ее жителей (в отличие от милетцев и других ионийцев) в освоении Северного Причерноморья или их интереса к этим отдаленным территориям в VII в. до н.э., несмотря на культурное лидерство этого города в Балканской Греции⁷⁸. Как бы то ни было, это свидетельство говорит о том, что Колаксай был мифическим персонажем «общескифского» значения, известным и за пределами той группы скифов, которая контролировала окрестности Ольвии и с представителями которой двумя веками позже общался Геродот, а может быть, даже не только среди скифов, но и других родственных им народов, например киммерийцев.

Что касается истолкования его имени, то, как известно, его вторая часть *-ξαις* по общему мнению отжает иран. **xša-ya-*, однако толкование первой части продолжает вызывать споры. Э.А. Грантовский, в развитие этимологии В.И. Абаева, предложил толковать первую часть имени как производное иран. **hvaṇa-* с переходом *gu > l*⁷⁹, и эта гипотеза получила широкое распространение. Существенным возражением против этой этимологии является лишь указание на то, что в ряде скифских имен *g* в этой позиции сохраняется (уже упоминавшиеся геродотовские имена *Ἀριαντάς*, *Ἀριαιτίθης*)⁸⁰. Однако это возражение является таковым, только если исходить из идеи о монолитности скифского языка, в котором не было никаких диалектов (то же касается и двух других имен легенды, Липоксай и Арпоксай)⁸¹. После изложенного выше, как кажется, в ошибочности этой презумпции не может быть сомнения. Очевидно поэтому В.И. Абаев и Э.А. Грантовский, исходившие из представления о наличии в скифском разных диалектов, не считали имена *Ἀριαντάς*, *Ἀριαιτίθης* и под., о существовании которых они прекрасно знали, препятствием для предлагаемой ими этимологии. С.В. Кулланда, не разобравшись в сути дела и примитивизируя ситуацию, ссылается все на те же имена в подтверждение своего «новаторского» вывода: «В скифском не происходило перехода *gu* в *l*»,

⁷⁷ Иванчик. Накануне колонизации... С. 166–168.

⁷⁸ Вопреки: Тохтасьев С.Р. Рец.: Иванчик. Накануне колонизации... С. 202.

⁷⁹ Абаев. Скифский язык. С. 243; Грантовский. Индо-иранские касты... С. 19.

⁸⁰ См. это возражение уже: Brandenstein W. Die Abstammungssagen der Skythen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 52. 1953–1955. S. 196 против предложенной О. Семереньи (*Szemerényi*. *Iranica*. S. 213. Anm. 1) этимологии от **kala-*, предполагающей тот же переход.

⁸¹ Это справедливо заметил Schmitt. Die skythischen Personennamen... S. 10. Anm. 36. По его мнению, единственным препятствием для такого контраргумента является невозможность доказать присутствие разных диалектов в геродотовских *Scythica*: «Aber beweisen läßt sich die Tatsache nicht, daß in Herodots *Scythica* verschiedene Dialekte zu unterscheiden seien». На мой взгляд, приведенных здесь данных достаточно для такого доказательства.

а значит соответствующая этимология должна быть отвергнута⁸². Взамен он предлагает обратиться к работам еще одного ученого «опередившего свое время», Ф. Корнийо (ошибочно именуемого Кулландой Корнильо)⁸³.

Корнийо производит название скифов и сколотов от иран. *skauba- – «головной убор, колпак» (по его мнению, сохранилось в ваханском названии тюбетейки skīd – и ни в одном другом иранском языке) > *skōda- > *skūda-, которое якобы сосуществовало с обычной иранской формой *хауда- (ср. авест. хаода- и др.-перс. Sakā tīgra-*haudā*, «саки острошляпочные»)⁸⁴. Имя Колаксия он возводит к третьему варианту того же слова со значением «колпак», который восстанавливает на основе среднеперсидского kulāf и его соответствий в новоперсидском, курдском, а также ваханском, пашто и др. (отсюда же русское «колпак»). Он предполагает праформу *kṛθawan-, которая якобы дала *kulāw, отразившееся в Колα- в имени Колаксия. Эта конструкция крайне уязвима в каждом своем элементе, и неудивительно, что Р. Шмитт оценивает ее как «sprachgeschichtlich ganz verfehlt Hypothese»⁸⁵. Правда, С.В. Кулланда оказывается не в состоянии правильно пересказать точку зрения своего предшественника и приписывает ему предположение о том, что «речь идет об иранском *хауда «шапка, шлем»», горячо поддержав его. Ф. Корнийо, однако, прямо пишет: «Каким бы соблазнительным ни могло показаться решение, которое состояло бы в возведении этого элемента (т.е. первого элемента имени Колаксия. – А.И.) к древнеиранскому хаода-, синониму skūda... его следует исключить, поскольку исходное х не может преобразоваться в к [?! – А.И.]»⁸⁶. В трактовке Ф. Корнийо, как и в несколько искажающей ее версии С.В. Кулланды, имя Колаксия, таким образом, должно означать «Царь-колпак» (С.В. Кулланда заменяет его на более благозвучное «владыка шлемов»). Это объяснение, согласно мнению С.В. Кулланды, в отличие от этимологии В.И. Абаева и Э.А. Грантовского, «не входит в противоречие с законами скифской фонетики» (читая эту фразу, следует помнить, что упомянутые «законы» в действительности – ни что иное, как воспринятые С.В. Кулландой гипотезы К. Витчака). Проблема, однако, в том, что зато это объяснение противоречит имеющимся данным о фонетике иранской. Прежде всего оно предполагает очень ранние (ранее 670-х годов до н.э. для названия скифов и второй половины VII в. до н.э. для имени Колаксия) монофтонгизацию au > ō и следующий за ней переход ō > ū. Датировать эти фонетические процессы столь ранним временем нет оснований⁸⁷. Кроме того, в любом случае эти этимологии предпо-

⁸² Кулланда. *Lingua scythica*... С. 203–204 = Кулланда. *Scythica obsoleta*... С. 205–206. Никаких новых данных, которые не были бы известны авторам этой этимологии, он не приводит, так что ссылка на то, что она была предложена тогда, «когда фонетика скифского языка была еще недостаточно изучена», выглядит странно.

⁸³ Cornillot F. L'origine du nom des Scythes // *Indo-Iranian Journal*. 1981. 23. P. 29–39; *idem*. De Skythēs à Kolaxais // *Studia Iranica*. 1981. 10. P. 7–52.

⁸⁴ Речь идет об s-mobile, см. Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999. С. 312, s.v.

⁸⁵ Schmitt. Die skythischen Personennamen... S. 10. Anm. 34.

⁸⁶ Cornillot. De Skythēs à Kolaxais. P. 48. С.В. Кулланда то ли не дочитал статью до конца (он ссылается на с. 9–11, где, впрочем, о слове хауда тоже нет речи), то ли не вполне понял ее автора.

⁸⁷ См. Тохтасьев. Проблема... С. 69. Прим. 58; он же. *Sauromatae*... С. 296–297. Кстати, в греческом *омега*, вопреки мнению Кулланды, передает не дифтонг -au-, а происходящее от этого дифтонга ō; появление соответствующих форм у Геродота как раз и свидетельствует о начале монофтонгизации в древнеперсидском в это время.

лагают, что первый гласный как в скифском этнониме, так и в имени Колак-сая должен быть долгим, а он в обоих случаях краткий, чему ни Корнийо, ни следующий за ним Кулланда напрасно не придают значения⁸⁸.

Таким образом, если перифразировать полюбившуюся С.В. Кулланде цитату из Т. Хаксли (Кулланда предпочитает устаревшую транскрипцию Гексли)⁸⁹, речь идет не о трагическом убийстве красивой гипотезы безобразным фактом, а лишь о неудачном покушении на убийство красивой гипотезы гипотезой безобразной, что, несомненно, неприятно, но отнюдь не трагично. Следует заметить при этом, что «красивая гипотеза», согласно которой в начале IV книги Геродота содержится пересказ двух версий скифской легенды о происхождении человека и человеческого общества, причем каждый из трех братьев является мифическим предком одного из сословий этого общества, ассоциировавшегося с одним из космических горизонтов, отнюдь не опирается только на этимологии имен сыновей Колак-сая. В пользу такой интерпретации существуют многочисленные независимые данные, в том числе происходящие из иных иранских традиций⁹⁰, а упомянутые этимологии являются лишь дополнительным аргументом в пользу этой интерпретации. То же касается и предложенной мной реконструкции мифологических образов коней в скифском фольклоре («колаксаев конь», солнечные и водные кони). В свою очередь, реконструкция скифской легенды может служить аргументом в пользу предложенных В.И. Абаевым и Э.А. Грантовским этимологий имен ее персонажей, поскольку их семантика прекрасно соответствует этой легенде. Хорошо известно, что семантика этимологизируемого слова является одним из основных факторов, которые необходимо учитывать при подборе ему объяснений.

Имеющиеся факты, связанные с переходом $\delta > l$, могут иметь два объяснения. Согласно первому, среди скифов Северо-Западного Причерноморья, живших по соседству с Ольвией (именно к ним восходит практически вся сохраненная Геродотом информация), были представлены носители двух диалектов, в одном из которых δ сохранялось, а в другом переходило в l . Согласно второму, язык этих скифов был более или менее гомогенным, а переход $\delta > l$ в нем был не регулярным, а спорадическим. Не исключено и то, что этого перехода вообще не было, а l , зафиксированное в первую очередь в именах, связанных с этнонимом Σκολοτοί, имело иное происхождение⁹¹.

Преувеличение значения перехода $\delta > l$ в скифском языке и признание за ним статуса маркера этого языка приводят С.В. Кулланду к весьма ответственному выводу: он заключает, что скифский язык относился к иранским языкам не северо-восточной группы (сарматский, аланский, осетинский, согдийский и др.), как обычно считается; а юго-восточной (вместе с бактрийским, пушту, мунджанским, йидга). Чтобы это утверждение было верным, надо предполагать, что соответствующий переход произошел еще во времена су-

⁸⁸ Это было отмечено уже в рецензии *Gignoux Ph.* Рец.: *Szemerényi. Four Old Iranian Ethnic Names...* // *Studia Iranica*. 1981. 10. P. 154, опубликованной в том же номере журнала, что и вторая статья Ф. Корнийо, но неизвестной Кулланде.

⁸⁹ *Кулланда. Lingua scythica...* С. 203 = *Кулланда. Scythica obsoleta...* С. 205–206.

⁹⁰ См. подробно с предшествующей литературой *Ivantchik. Une légende...* P. 141–192.

⁹¹ Ср., например, данные о том, что среди древнеиранских диалектов был «l-Dialekt», в котором * l сохранялось, в отличие от хорошо засвидетельствованных древнеперсидского и авестийского, в которых оно развилось в r : *Schmitt R. Andere altiranische Dialekte // Compendium Linguarum Iranicarum / Hrsg. R. Schmitt. Wiesbaden, 1989. S. 90–91, ср. Грантовский. Ранняя история...* 1970. С. 100–101 (= 2007². С. 113–114); *Mayrhofer M. Onomastica Persepolitana. Wien, 1973. S. 301.*

ществования единства юго-восточных иранских языков и слова с *l* были ими унаследованы от общего предка. Однако это противоречит фактам: сам С.В. Кулланда признает, что этот переход не был известен в скифском еще в середине VII в. до н.э., когда их название засвидетельствовано в аккадских текстах. В бактрийском же он происходил еще позже, не ранее ахеменидской эпохи⁹². Таким образом, и в скифском, и в бактрийском (а также, вероятно, и в предках других юго-восточных языков) переход *d > l* не был унаследованной от общего предка чертой, позволяющей объединить эти языки в рамках одной группы, а инновацией, развивавшейся независимо. При этом и в скифском, и в бактрийском этот переход был или не вполне регулярным, или охватил не все диалекты⁹³. Более того, этот переход, возможно, известен и в согдийском языке, и там он тоже носил то ли нерегулярный, то ли диалектальный характер⁹⁴. Поскольку принадлежность согдийского к северо-восточной группе вряд ли можно оспорить, наличие перехода *d > l* нельзя считать диагностирующим признаком, позволяющим разделять северные и южные языки внутри восточноиранской группы. Более того, С.В. Кулланда признает наличие в скифском языке показателя множественности *-ta*⁹⁵, как делает и К. Витчак⁹⁶, очевидно, не замечая того, что тем самым противоречит собственному выводу. В самом деле, этот показатель характерен именно для иранских языков северо-восточной группы (согдийского, осетинского) и является одним из важнейших для нее диагностирующих признаков; следовательно, если он присутствовал в скифском языке, то этот язык придется отнести к северо-восточной группе⁹⁷. Таким образом, гипотеза К. Витчака – С.В. Кулланды о принадлежности скифского языка к юго-восточной группе оказывается построенной на песке⁹⁸.

⁹² См. Тохтасьев. Проблема... С. 99–100. Прим. 232.

⁹³ Примеры для бактрийского, а также пушту см. Там же. С. 99.

⁹⁴ Этот факт отметил уже Р. Готье: *Gauthiot R. Essai de grammaire Sogdienne. 1ère partie. Phonétique (Mission Pelliot en Asie Centrale, série petit in-octavo, 1). P., 1914–1923. P. II, V–VI, 123–124, 139, который полагал, что переход *δ > l* характерен для восточной и южной разновидности согдийского («согдийского манихейского») в отличие от северной и западной. В недавнее время см. *Sims-Williams N. Sogdian // Compendium Linguarum Iranicarum. Wiesbaden, 1989. S. 173, 177; idem. The Sogdian Sound-system and the Origins of the Uyghur Script // JA. 1981. 269. P. 347–360, ср. Лившиц В.А., Хромов А.Л. Согдийский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981. С. 406–407; Лившиц В.А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб., 2008. С. 302 слл.**

⁹⁵ Кулланда. *Lingua scythica*... Р. 200, с загадочным добавлением «Что это показатель множественности, видно и из того, что у слова Σκόλοτοι в греческом нет единственного числа». Что имеется в виду, непонятно – что такая форма не засвидетельствована в дошедших текстах? Но это ни о чем не говорит, поскольку геродотовский текст – единственный в греческой литературе, где этот этноним упоминается. Кроме того, сам же Кулланда несколькими строками ниже возводит имя Скила к единственному числу этого этнонима. Наконец, С.В. Кулланде неизвестно граффито из Ольвии, где, по всей видимости, упоминается слово Σκολοτῆς (см. выше).

⁹⁶ Витчак. Скифский язык... С. 53.

⁹⁷ С.Р. Тохтасьев, однако, оспорил сам факт наличия этого показателя множественности при этнонимах не только в скифском, но и в сарматском и осетинском (Проблема... С. 72–84).

⁹⁸ Дело осложняется еще и свидетельствами существования в скифском перехода *θ < праиран. *ś (*ć). Эта черта объединяет его с западноиранским древнеперсидским и также не соответствует его «юго-восточной» атрибуции, см. Грантовский. Ранняя история... 1970. С. 162 (= 2007². С. 184); Витчак. Скифский язык... С. 55–56; Тохтасьев. Проблема... С. 99–100.

Одним из существенных недостатков построений К. Витчака – С.В. Кулланда о скифском языке является недостаточно строгий отбор «скифского» материала, на котором они строят свои выводы. О «скифских» глоссах Гесихия уже говорилось. Но и в других случаях они готовы считать скифскими все те имена, которые античные авторы относят к «скифам», не пытаясь выяснить, какой именно реальный народ имеет в виду источник в каждом конкретном случае и игнорируя тот факт, что этот этноним часто употреблялся расширительно. Так, С.В. Кулланда без всяких оговорок считает скифским материал, относящийся к «скифам» Средней Азии⁹⁹, хотя речь здесь, безусловно, должна идти о саках (также собирательное название центральноазиатских ираноязычных кочевников). В то же время нет никаких оснований предполагать более близкое родство между саками и геродотовскими скифами, чем между геродотовскими скифами и савроматами, отделявшими их от саков. С археологической точки зрения, во всяком случае, культура скифов Причерноморья существенно отличается от культур саков Средней Азии и Казахстана. Более того, сакский материал, о котором говорит Кулланда, датируется гораздо более поздним временем, чем геродотовские скифы. Таким образом, С.В. Кулланда совершает ту же ошибку, за которую упрекает своих предшественников: он смешивает языковые явления, относящиеся к разным эпохам и разным территориям, только место сарматов у него занимают столь же поздние саки, населявшие к тому же, в отличие от последних, территории весьма удаленные от причерноморской Скифии.

Обсуждая проблему скифского языка, некорректно также не проводить никакого различия между «поздними скифами» Крыма и геродотовскими скифами. Дело не столько в хронологическом промежутке, разделяющем «геродотовских скифов» и «поздних скифов» Крыма (хотя и это нельзя игнорировать), сколько в том, что принадлежность этих двух народов к одному этносу отнюдь не доказана. Во всяком случае, практически общепризнанно отсутствие преемственности между скифской археологической культурой VII–IV вв. до н.э. и крымской «позднескифской» культурой II–I вв. до н.э.¹⁰⁰ По-видимому, немалый вклад в сложение «позднескифской» культуры внесли западные, в частности латенские, предположительно фракийские или даже кельтские элементы. Конечно, нельзя исключать преемственности между двумя этносами, в том числе и на уровне царской династии, несмотря на различие их археологической культуры, однако рассматривать «поздних скифов» как прямое продолжение «геродотовских скифов» с точки зрения языка по меньшей мере неосторожно. Соответственно, касающиеся их данные должны быть объектом отдельного изучения и при анализе четко отделяться от геродотовских.

Проблема, однако, не только в том, что К.Т. Витчак и С.В. Кулланда не замечают того факта, что термин «скифы» употреблялся в античной литературе расширительно и для реконструкции скифского языка готовы использо-

⁹⁹ См., например: Кулланда. Еще раз... С. 220 = он же. *Thraco-Scythica*... Прим. 11: Σατράκης, царь «азиатских скифов» (*Arr.* IV. 4. 8); Кулланда. *Scythica obsoleta*... С. 208: «скифы Арахозии», относящиеся к тому же ко II–I вв. до н.э.

¹⁰⁰ См. обзор основной литературы: Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Варварские погребения Крыма 2 в. до н.э. – 1 в. н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к V Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 174–204; Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007. С. 9–14.

вать все слова, которые источники приписывают «скифам». В некоторых случаях С.В. Кулланда относит к скифскому языку и те имена, которые скифам не приписывают никакие источники и которые вовсе не имеют к ним никакого отношения. Так, вслед за В.И. Абаевым он считает скифским имя Σατραβατης из гермонасской надписи первой половины IV в. до н.э. КБН 1066¹⁰¹. В то же время персидская атрибуция этого имени, как и имени отца Сатрабата Σπιθαμης, надежно обоснована с лингвистической и исторической точек зрения и вряд ли может вызывать серьезные сомнения¹⁰². Здесь же С.В. Кулланда приписывает скифам этноним саев (Σαλων) и производное от него имя их царя Сайтафарна (Σαταφορνου) из знаменитого ольвийского декрета в честь Протогена, следуя предположению В. Томашека, сделанному на заре изучения древней истории Северного Причерноморья¹⁰³. В действительности нет оснований сомневаться в практически общепринятом отнесении саев к сарматам; среди прочего об этом свидетельствует и тот факт, что скифы упомянуты в том же декрете (В, 9) отдельно от саев и в контексте, исключающем их отождествление. С.В. Кулланду опять подводит незнание источников и специальной литературы, которое и приводит его к убеждению в том, что эта «надпись не может иметь отношения к сарматам, появляющимся в Восточной Европе... не ранее II в. до н.э.». В действительности, хотя сарматская археологическая культура в самом деле распространяется в причерноморских степях во II в. до н.э., это отнюдь не означает того, что сарматы не совершали набегов на эти территории в более ранний период, ни того, что они не имеют отношения к гибели Великой Скифии в начале III в. до н.э. Убеждению Кулланды противоречит и прямое свидетельство херсонесского декрета IOSPE I². 343, где говорится о набеге сарматов в окрестностях Херсонеса ок. 280 г. до н.э.¹⁰⁴, таким образом, нет никаких оснований говорить о невозможности появления сарматского племени, царь которого вымогал у Ольвии «подарки», в окрестно-

¹⁰¹ Кулланда. Еще раз... С. 220 = он же. *Thraco-Scythica*... Прим. 11. Хотя Кулланда ссылается на КБН, вряд ли он к нему обращался: в противном случае трудно объяснить тот факт, что он повторяет за В.И. Абаевым (Скифский язык. С. 189) ошибочную атрибуцию надписи Фанагории (в КБН она атрибутирована правильно). Перед нами очередной случай использования источников из вторых рук.

¹⁰² См. уже IOSPE II. 381; *Vasmer. Untersuchungen*... S. 51, 53; *Robert L. Noms indigènes dans l'Asie Mineure gréco-romaine*. P., 1964. P. 539; *Тохмасьев С.П.* Из ономастики Северного Причерноморья. XIX: Малоазийские имена на Боспоре (V–IV вв. до н.э.) // ВДИ. 2007. № 1. С. 193–194. № 38. То же имя носил сатрап Экбатан в эпоху Александра (*Athen.* 538a) и один из командиров конницы Дария III (*Satrapates: Curt.* 4. 9. 7, 25). Ни эти источники, ни соответствующая литература С.В. Кулланде неизвестны: здесь он полностью зависит от В.И. Абаева.

¹⁰³ *Tomaschek. Kritik*... I. S. 721. С.В. Кулланде не мешало бы объяснить, почему, вопреки общепринятой практике, он ставит ударения и тремы в этих именах, сохранившихся лишь в эпиграфическом памятнике, а также и чем объясняется выбор места этих ударений: тот же В. Томашек, например, в названии саев ставит ударение на *альфу*, а не на *иоту*. Кроме В. Томашека С.В. Кулланда ссылается еще на книгу И.В. Куклиной (Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985. С. 110. Прим. 77), полную ошибок и неточностей; в соответствующем пассаже И.В. Куклина подробно излагает совершенно фантастические ономастические построения Г. Котте: *Kothe H. Die königlichen Skythen und ihre blinden Knechte* // *Veröffentlichungen des Instituts für Orientforschung*. 1968. 69. S. 97 ff.

¹⁰⁴ *Виноградов Ю.Г.* Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I². 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. С. 104 слл.

стях этого города примерно 80 годами позже¹⁰⁵. Кстати говоря, в пользу сарматской принадлежности саев свидетельствует и производное от этнонима имя Σαος, засвидетельствованное в пантикапейской и танаисской надписях II в. н.э. (КБН 88, 1267)¹⁰⁶.

Впрочем, отнесение к скифскому языку имен, в действительности к нему не принадлежавших, – это еще полбеды. Гораздо хуже то, что С.В. Кулланда на основании этих двух (!) примеров¹⁰⁷, один из которых в действительности относится к персидскому, а другой, скорее всего, к сарматскому языку, выводит новый фонетический закон, якобы характеризовавший скифский язык, а именно переход начального *xš- > s-. Но и на этом С.В. Кулланда не останавливается. На основе открытого им «закона» он объявляет все иранские слова, ассирийские, эламские или греческие передачи которых содержат начальный s-, соответствующий этимологическому *xš-, скифскими заимствованиями. Соответственно скифскими заимствованиями оказываются такие слова, как «сатрап», а также ряд иранских имен, засвидетельствованных в ассирийских текстах второй половины IX в. до н.э. Даже придя к столь абсурдному выводу, С.В. Кулланда не усомнился в справедливости своих предположений, а, напротив, предложил пересмотреть «хронологию и степень влияния скифских походов в Передней Азии»¹⁰⁸.

В действительности нет ни малейших оснований отказываться от традиционной интерпретации этого феномена, хорошо известного в аккадских текстах IX–VIII вв. до н.э.¹⁰⁹: речь идет об одном из применявшихся аккадскими писцами способов передать невозможное в семитском биконсонантное начало иностранного слова или имени. Как известно, для этого добавлялся протетический гласный (чаще всего a- или i-), или гласный вставлялся между двумя начальными согласными, или первый согласный отбрасывался. При этом для передачи одного и того же имени или его элемента зачастую использовались параллельно разные способы. То же характерно и для эламского. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить разные передачи иранских слов и имен, начинающихся на *xšay- и *xšaθra- (др.-перс. *xšaça-), например, *xšaθra-pāna- – «Reichsbeschützer, сатрап» (как аппелятив и как личное имя):

¹⁰⁵ См. подробно с литературой об этой проблеме: Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб., 2003. С. 250–251; Виноградов Ю.А. О двух волнах сарматских миграций в причерноморских степях доримского времени // Херсонесский сборник. 2004. 13. С. 20–28; Тохтасьев. *Sauromatae*... С. 292, 294–295.

¹⁰⁶ Правда, в одной из своих работ С.В. Кулланда и эти имена объявляет скифскими (Thraco-Scythica... Прим. 11). Аргумент такой атрибуции единственный: «Примеры эти хронологически и/или географически не могут быть соотношены с сарматами». Если иранские имена II в. н.э. из Пантикапея и Танаиса не могут быть отнесены к сарматам, то имена какого времени и откуда должны к ним относиться?

¹⁰⁷ В последней по времени публикации статье (Thraco-Scythica... Прим. 11) С.В. Кулланда добавил к ним третий пример, Впрочем, также не имеющий отношения к скифам: речь идет об имени Σατρακης, которое носил царь так называемых азиатских скифов, т.е. саков (Arr. An. IV. 4. 8). Не лучше обстоит дело и с примерами, которые С.В. Кулланда приводит для подтверждения своего тезиса о том, что в скифском языке в отличие от сарматского, не было метатезы θг > гθ. Это все те же два имени, не имеющих отношения к скифскому, хотя С.В. Кулланда именует их «бесспорно скифскими»: Сатрабат и Сатрак.

¹⁰⁸ Kullanda S.V. Scythian Wordstock in Cuneiform Sources // Scythians, Sarmatians, Alans: Iranian-Speaking Nomads of the Eurasian Steppes. Abstracts. Barcelona, 2007. P. 28. В ближайшее время следует ожидать публикации полного текста этого труда.

¹⁰⁹ См., например: Грантовский. Ранняя история... 1970. С. 73–74 (= 2007². С. 84–85).

позднеав. ah-šá-ad-ra-pa-nu, ah-šá-da-ra-p/ba-(an)-nu (АНw. I. 21); аккад. Sa-tar-p/ba-nu (несколько лиц в текстах эпохи Саргона II)¹¹⁰; элам. Ša-ak-ša-ba-nu-iš/Ša-ut-ra-ba-nu-iš (*xšaça-/xšaθra-pāna- или °-bānu-)¹¹¹; иран. *xšaça-/xšaθra-ka: элам. Ik-šá-šá-qa параллельно с Šá-ak-šá-qa и Šá-áš-šá-ak-qa, Šá-ut-ra-qa¹¹² (сюда же греч. Σατρακής); перс. Xšayāršan-, Ксеркс: аккад. Hi-ši-a'-ar-ši, Hi-ši-i'-áš-šu и под., Ak-ši-ri-áš-ri, Ak-ši-ia-ar-ši и под., элам. Ik-še-ir-(iš)-ša и т.д.¹¹³ Совершенно аналогичным образом те же иранские слова передавались и в арамейском: с протетическим гласным – 'hšdṛpnym (Esr 8, 36; Esth 3, 12; 8, 9; 9, 3; Dn 3, 2, 3, 27; 6, 2–5, 7–8) – «сатрапы», 'hšwṛwš (Esr 4, 6; Esth 1, 1 etc; Dn 9, 1) – Ксеркс; со вставным гласным – ḥštrpn – «сатрап»¹¹⁴, ḥštrpty – *xšaθrapati-, «Аполлон»¹¹⁵; с утратой первого согласного – štr (Esth 1, 14) – *Xšaθra-, ššmṛ – *xšaçahmāra- – «Reichsfinanzkammer»¹¹⁶.

Э.А. Грантовский, останавливаясь на передачах хš- в качестве š- в аккадских текстах VIII–V вв. до н.э., осторожно обсуждал возможность того, что хš- «быть может уже произносилось с ослабленным х- или некоторой степенью ассимиляции». В пользу этого предположения может свидетельствовать то, что в эламских текстах хš- наиболее часто соответствует š- (хотя иногда, как мы видели, и i/ukš-) и обилие греческих передач хš- *сигмой* вместо *кси*. Впрочем, сам Э.А. Грантовский все же склонялся к тому, что это следует приписывать главным образом аккадским передачам, ссылаясь при этом на аналогичные передачи в именах II тыс. до н.э., где, в частности, (š)šatar передает kšatra¹¹⁷.

Итак, возможно, что некоторые передачи иранского хš- как s- действительно отражают начало ассимиляции, происходившей в части иранских языков, включая персидский, однако здесь можно опираться главным образом на свидетельства греческих передач, поскольку передачи иранских слов в семитских

¹¹⁰ Там же. С. 323–324 (= 2007². С. 370); Levine L.D. Two Neo-Assyrian Stelae from Iran (Royal Ontario Museum. Occasional Papers, 23). Toronto, 1972. P. 49. Стк. 61.

¹¹¹ Mayrhofer. Onomastica... S. 229, 232, № 8.1480, 8.1522.

¹¹² Ibid. 162, 229, 230, 231. № 8.561, 1481, 1508, 1520.

¹¹³ См. материал: Hinz W. Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975. S. 134–137.

¹¹⁴ Засвидетельствовано несколько раз, в том числе в параллельных текстах с греческим, где ему соответствуют формы ξαδράλης и σαδράλησιν, ссылки на публикации см. Hoftijzer J., Jongeling K. Dictionary of the North-West Semitic Inscriptions. Vol. I. Leiden–New York–Köln, 1995. P. 412.

¹¹⁵ В трилингве из Ксанфа этот иранский титул («Herr der Herrschermacht»), засвидетельствованный и в Авесте и предположительно бывший эпитетом Митры, упомянут в арамейской версии в паре с именем Артемиды; в греческом и ликийском текстах им соответствуют «дети Лето», см. Metzger H., Laroche E., Dupont-Sommer A., Mayrhofer M. La stèle trilingue du Létôon (Fouilles de Xanthos. VI). P., 1979. P. 33, 54, 76–77, 137, 155–156, 185. Упоминавшееся выше имя Σατραβατης, безусловно, восходит к тому же слову.

¹¹⁶ Hinz. Altiranisches Sprachgut... S. 134–135; Hoftijzer, Jongeling. Dictionary... Vol. II. P. 1178.

¹¹⁷ Грантовский. Ранняя история... 1970. С. 73–74 (= 2007². С. 84–85). Очевидно, он имел в виду имена миттанийских царей XV в. до н.э. Parsašatar и Sauššatar (ср. Там же. С. 71 = 2007². С. 83). Правда, форма этих имен засвидетельствована ненадежно: для первого из них, наряду с чтением Pár/Bar-sa-ša-tar, возможно и Pár/Bar-sa-ta-tar, для второго засвидетельствованы формы Sa-uš-ša-tar, Sa-uš-ta-at-tar, Sa-uš-sa-ta-at-tar, ср. Гиндин Л.А. Некоторые ареальные характеристики хеттского. I // Этимология 1970. М., 1972. С. 287–288, с предшествующей литературой.

языках и в эламском в этом отношении непоказательны. Впрочем, и в греческом нельзя исключать в ряде случаев заимствования из арамейского, а не напрямую из персидского. Но в любом случае нет никаких оснований связывать это развитие именно со скифами и объявлять его исключительной особенностью скифского языка. Следуя своей логике, С.В. Кулланда должен углубить хронологию скифских походов в Переднюю Азию не только в IX в. до н.э., но и глубоко во II тыс. до н.э., основываясь на упомянутой выше передаче $-(š)šatar < kšatra$ – скифы в таком случае заместили бы переднеазиатских ариев.

Абсурдность построений С.В. Кулланды становится особенно очевидной, если вспомнить о том, что одно из немногих надежно идентифицируемых слов скифского языка как раз содержит $xš-$, переданное *кси*. Речь идет о второй части имен трех сыновей Таргитая в легенде, пересказанной Геродотом (IV. 5–6): $-ξοῖς$ по общепринятому мнению передает $*xšaya-$ – «Herrscher»¹¹⁸. Не спасает положения и возможное соображение о том, что здесь $-xš-$ сохранилось потому, что находится в инлауте, где оно сохраняется дольше, чем в начальной позиции. В действительности здесь $*xšaya-$ не является частью настоящего композитного имени, в котором значение каждого элемента могло не осознаваться. Это, собственно, титул, прибавленный к личному имени, значение которого было вполне очевидно (*nachgesetzter Titel*, по выражению Ф. Юсти) – как ни толковать первые части этих трех имен, речь идет о Лило-царе, 'Арпо-царе и Кола-царе. Естественно, что слово «царь», если оно в это время произносилось как $*šaya-$ или под., должно было сохранять свою форму и в этой позиции, а не восстанавливать утраченное $*xš-$. Именно так происходило и в других иранских языках, в частности в персидском, в котором часто употребляются аналогичные «псевдокомпози́ты» с постпозитивным титулом $šāh$ ¹¹⁹. Это слово сохраняется без изменений в том числе и в позиции после краткого гласного ($Čangāšāh$, $Xusrōišāh$), в которой $-xš-$ в обычных словах, в том числе и в обычных композитных именах, сохраняется (ср.-перс. $axšīrak$ – «ребенок, отнятый от груди», $šīg$ – «молоко», ср.-перс. имена $Abdvaxš$, $Burzātāxš$, $Mihrdānaxš$ и др.)¹²⁰. Таким образом, нет никаких оснований предполагать в скифском языке развитие $xš-$ > $š-/s-$.

Итак, С.В. Кулланда (а отчасти и его предшественник К. Витчак) игнорирует общепринятые процедуры критики источников и часто пользуется ими из вторых рук, в результате чего нередко занимается этимологизированием несуществующих слов или их форм. В других случаях скифам неоправданно приписываются слова, в действительности принадлежавшие языкам других народов. Из единичных фактов (или даже гипотетических реконструкций) делают далеко идущие выводы чуть ли не глобального масштаба. Все это напоминает другую попытку произвести переворот в изучении древней исто-

¹¹⁸ Видимо, объяснение впервые предложено: *Ebel H. Scythische Namen // Kuhns Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. 1857. 6. S. 400, и с тех пор является общепринятым.

¹¹⁹ См., например, список: *Justi F. Iranisches Namenbuch*. Marburg, 1895. S. 509.

¹²⁰ *Расторгуева В.С., Молчанова Е.К. Среднеперсидский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки*. М., 1981. С. 41; *Gignoux Ph. Noms propres sassanides en Moyeu-Perse épigraphique (Iranisches Personennamenbuch. II. 2)*. Wien, 1986. № 8, 235, 641.

рии Северного Причерноморья: разрабатывавшуюся О.Н. Трубачевым теорию об индоарийском элементе среди его населения¹²¹, разумеется, с поправкой на разницу масштаба исследователей. Критика этой теории была дана, в частности, в одной из статей Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского¹²². Удивительно, что С.В. Кулланда, написавший несколько статей в соавторстве с Д.С. Раевским и подготовивший посмертное издание книги Э.А. Грантовского¹²³, так и не усвоил тех методических требований, которые они предъявляли к работе с источниками. Хотя С.В. Кулланда, кажется, разделяет критическое отношение к теории О.Н. Трубачева, в собственной работе он делает те самые ошибки, из-за которых она была подвергнута критике и признана неубедительной. Соответственно попытка С.В. Кулланды преподнести историкам урок использования лингвистических данных или объяснить, как «стать скифологом», оборачивается фиаско, а менторский тон его статей делает это фиаско особенно комичным. Если эти статьи и можно рассматривать как урок историкам, то скорее урок того, как *не надо* использовать лингвистические данные. Таким же конфузом завершается и попытка С.В. Кулланды вторгнуться в другую, еще менее известную ему область, скифскую археологию¹²⁴. Из его рассуждений следует, что он всерьез считает, будто между этнонимом «скифы» и археологическим понятием «скифская культура» существует однозначное соответствие и что все носители этой культуры называли себя скифами¹²⁵. Возможно, отчасти этим наивным представлением объясняется его недоумение по поводу того, каким образом можно видеть истоки раннескифской археологической культуры и скифского звериного стиля в центральноазиатских памятниках конца IX в. до н.э. (Аржан 1), в то же время считая, что во второй половине VIII в. до н.э. в Северном Причерноморье, включая его за-

¹²¹ Трубачев. *Indoarica...*

¹²² Грантовский Э.А., Раевский Д.С. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология*. М., 1984. С. 47–66, см. также Тохтасьев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. I: Πάτρως, Πάτρας, Πατραεύς // *Проблемы античного источниковедения*. Л., 1986. С. 70–71; он же. Из ономастики Северного Причерноморья. II: Фракийские имена на Боспоре // *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья*. СПб., 1992. С. 198–199. Прим. 88, 90, 93 сл.; Откупщиков Ю.В. К вопросу об индоариях в Крыму и в Причерноморье // *Он же. Opera philologica minora*. СПб., 2001. С. 431 сл.; он же. Древнейшая греческая ономастика Северного Причерноморья // *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира*. СПб., 1999. С. 92–100.

¹²³ Грантовский Э.А. *Иран и иранцы до Ахеменидов*. М., 1998.

¹²⁴ Кулланда. *Scythica obsoleta...* С. 210.

¹²⁵ Это его убеждение столь сильно, что не позволяет ему заметить противоположных утверждений даже в прямо цитируемых им работах. В самом деле, как раз в обсуждаемом им пассаже моей книги (*Иванчик. Накануне колонизации...* С. 66), где подводится итог рассмотрению проблемы гомеровских «гиппемолгов», говорится: «Нам неизвестно, использовал ли этот народ самоназвание «скифы» или подобные ему, однако в современной археологической условной терминологии речь идет именно о ранних скифах». Это не мешает С.В. Кулланде считать, что речь здесь идет о «носителях этнонима “скифы”». Впрочем, что уж говорить обо мне, если даже его собственным соавторам, Д.С. Раевскому и М.Н. Погребовой, специально писавшим о недопустимости столь однозначного использования термина «скифы» (*Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток*. М., 1992) не удалось поколебать этой наивной уверенности С.В. Кулланды.

падную часть, присутствовали носители этой культуры, в том числе, возможно, и называвшие себя скифами. Полагаю, это недоразумение рассеялось бы, если бы автор дал себе труд познакомиться с посвященной этому вопросу специальной литературой¹²⁶.

Прочитав статьи С.В. Кулланды, вспоминаешь написанные по другому поводу слова С.Р. Тохтасьева, который выражал беспокойство тем, что «наша наука все более переходит в руки профессиональных дилетантов» и, если так пойдет дальше, рискует превратиться в «своего рода паноптикум»¹²⁷. Тот факт, что эти статьи публикуются во вполне почтенных научных изданиях, увы, представляет собой очередной шаг в этом нежелательном направлении.

ON THE PROBLEM OF THE SCYTHIAN LANGUAGE

A. I. Ivantchik

The author turns to some recent hypotheses, which imply a revision of the existing ideas of the Scythian language, its origin and relation to other languages. He underlines the fact that the Scythian language was not homogenous and had dialects, sometimes considerably dissimilar. Certain linguistic characteristics, which were considered regular and proper to the Scythian language as a whole in the frame of the hypotheses in question, are in fact sporadic and dialectal. This applies to the transition *d > *δ > *l in intervocalic position and at the beginning of words, which cannot be regarded as a marker of Scythian. This process did not touch all the Scythians, not even all those living around Olbia. The suggestion that the Scythian language knew the transitions -nt- > -d-, *xš- > s- and some other processes is based on a misinterpretation of sources and is to be rejected. There is no sufficient evidence to affirm that the Scythian language (unlike Sarmatian) belonged to the southeastern group of the Iranian languages.

¹²⁶ Например, с моими представлениями о раннескифской культуре (в частности, и о том, что ее носителями были и исторические киммерийцы) и ее хронологии С.В. Кулланда мог бы ознакомиться в специально посвященной этому вопросу книге (Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. М., 2001), вместо того чтобы обращаться к краткому введению к публикации статьи М.И. Ростовцева. Не мешало бы также называть по именам авторов, которых С.В. Кулланда именует «петербургскими археологами», а еще полезнее было бы прочитать их работы.

¹²⁷ Тохтасьев С.Р. Еще раз о синдских монетах и синдском царстве // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции. Ч. 1. СПб., 2001. С. 64.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ НАДПИСЕЙ ИЗ ПРОХОРОВКИ*

Могильник у с. Прохоровка, расположенный на территории современного Шарлыкского района Оренбургской области, на возвышенности, у водораздела рек Салмыш и Сухая Дема, стал эпонимным для сарматской археологии памятником после выхода в свет монографии М.И. Ростовцева¹. Напомним, что в этой книге он опубликовал научный отчет С.И. Руденко о исследовании им курганов, разграбленных местными крестьянами в 1911 г., и, проведя анализ собранных находок, связал памятник с сарматами письменных источников. История ограбления и события, связанные с экспедицией С.И. Руденко, подробно, с использованием архивных материалов описаны в монографии В.Ю. Зуева², что избавляет нас от необходимости излагать ее вновь. В контексте нашей работы важно лишь отметить, что датировка могильника в работах М.И. Ростовцева неоднократно менялась³.

В кургане, обозначенном С.И. Руденко под номером 1, который находился в южной части группы, в его центральном погребении, были найдены, в частности, две серебряные чаши с нанесенными на них двумя пуансонными надписями. Впервые эти надписи были изучены П.К. Коковцовым⁴. На одной из чаш Коковцов «под оболочкой арамейского письма» прочитал иранские слова, которые перевел как «чаша Атромитра». Надпись на другой фиале состояла, по его мнению, из одних лишь «цифровых знаков и аббревиатур», которые обозначали вес чаши. Коковцов также отметил, что «обе надписи писаны тем общеарамейским письмом позднейших времен, наиболее древним представителем которого можно считать надписи на монетах сатрапов последних ахеменидов, а наиболее поздним – пехлевийское письмо двух первых серий так называемых персеполитанских монет (времени аршакидов)». Особое внимание исследователь акцентировал на семитическом стиле написания буквы *алеф* и датировал надписи в пределах III–II вв. до н.э., указывая на затруднительность более точной даты из-за «скудости эпиграфического материала, имеющегося для данной эпохи в распоряжении арамейской палеографии».

К сожалению, на протяжении последующих восьмидесяти лет прохоровские надписи, если не считать глухих ссылок в работах В.Б. Хеннинга⁵ и Д.Н. Мак-

* Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ № 05-01-011597а.

¹ *Ростовцев М.И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пг., 1918. II (МАР. № 37).

² *Зуев В.Ю.* Материалы к истории изучения Прохоровских курганов в Оренбуржье. СПб., 2003.

³ См. *Ростовцев.* Курганные находки... С. 79: III–II вв. до н.э.; он же. Скифия и Боспор. Т. I. Л., 1925. С. 611: II–I вв. до н.э.; *Rostovtzeff M.* *Iranians and Greeks in South Russia.* Oxf., 1922. P. 124: IV–III вв. до н.э.

⁴ *Коковцов П.К.* О надписях на серебряных блюдах // *Ростовцев.* Курганные находки... С. 82–83.

⁵ *Henning W.B.* A Sasanian Silver Bowl from Georgia // *BSOAS.* 1961. 24. P. 355. Not. 6.

Кензи⁶, оставались вне поля зрения ведущих отечественных и зарубежных иранистов. И только появление недавних исследований В.А. Лившица⁷ придало изучению данной проблемы новый импульс. Решая вопрос о хронологии надписей на прохоровских фиалах, выполненных, по его мнению, на парфянском языке, В.А. Лившиц исходил из следующих наблюдений. Во-первых, в палеографическом отношении прохоровские надписи близки к ранним парфянским текстам II в. до н.э. – II в. н.э.⁸ Во-вторых, «псевдопадажная» форма *išty* с конечным -у в надписи на фиале № 1 находит многочисленные параллели в остраках из Старой Нисы, самый ранний из которых датируется 151/150 г. до н.э.⁹ Все это вместе взятое позволило В.А. Лившицу придти к выводу о сравнительно поздней – в интервале от рубежа II–I вв. до н.э. до I в. н.э. – дате прохоровских надписей¹⁰.

Однако данное мнение представляется нам далеко не бесспорным. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что утверждение В.А. Лившица о парфянском языке прохоровских надписей ничем, по сути, не аргументировано. Попытка же опереться на замечание П.К. Коковцова¹¹, согласно которому форма *алефа* в первой прохоровской надписи позволяет отнести ее ко времени «возникновения древнейшего пехлевийского письма первых веков парфянского господства»¹², не может быть признана удачной, так как парфяне упоминаются им исключительно в хронологическом, а не в языковом плане.

Можно ли придти к определенному выводу о характере языка первой прохоровской надписи на основе анализа ее синтаксиса, лексики и орфографии? Исползованный вид определительной связи – постпозиция определения, выраженного существительным, – скорее говорит против возможности использования здесь одного из восточноиранских языков¹³, чем конкретно свидетельствует в пользу парфянского: в последнем не менее часто применялась и препозиция определения¹⁴. К тому же аналогичные по типу определительные конструкции характерны не только для парфянского, но и для древнеперсидского¹⁵, где они рассматриваются как пример влияния мидийского синтаксиса¹⁶, а также для некоторых современных иранских языков и диалектов северо-западной группы¹⁷.

⁶ MacKenzie D.N. Some Names from Nisa // Переднеазиатский сборник. Вып. IV. М., 1986. Р. 107.

⁷ Лившиц В.А. О датировке надписей на серебряных сосудах из кургана 1 у деревни Прохоровка // Боспорский феномен. Материалы международной научной конференции. СПб., 2001. Ч. 2. С. 160–170; Лившиц В.А., Зуев В.Ю. О датировке парфянских надписей на фиалах из кургана 1 у деревни Прохоровка // ВДИ. 2004. № 2. С. 3–11.

⁸ Лившиц, Зуев. О датировке... С. 8.

⁹ Там же. С. 9.

¹⁰ Там же. С. 10.

¹¹ Там же. С. 7.

¹² Коковцов. О надписях... С. 83.

¹³ См. Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков: Морфология. Элементы синтаксиса. М., 1990. С. 253.

¹⁴ Дьяконов И.М., Лившиц В.А. Документы из Нисы I в. до н. э. Предварительные итоги работы. М., 1960. С. 42.

¹⁵ Соколов С.Н. Древнеперсидский язык // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979. С. 269.

¹⁶ Kent R.G. Old Persian. Grammar, Texts, Lexicon. New Haven, 1950. Р. 95.

¹⁷ Дьяконов И.М., Дьяконов М.М., Лившиц В.А. Парфянский архив из древней Нисы // ВДИ. 1953. № 4. С. 121. Прим. 2.

Переходя от синтаксиса к лексике надписи, нужно отметить следующее. Имя владельца чаши – *Ātarmihr* – в парфянских текстах не встречается. В нисийских остраках зафиксирован лишь суффиксальный дериват этого имени – *Ātarmihrak*¹⁸. Такое же имя – *Ādur-Mihr* – известно и в среднеперсидском¹⁹. Что же касается названия сосуда, то использование аналогичного апеллятива наблюдается в авестийском²⁰, хорезмийском²¹ и среднеперсидском языках²². Следовательно, у нас нет никаких оснований рассматривать личное имя владельца и название сосуда²³ как парфянские *par excellence*.

Наиболее существенные, хотя и носящие негативный характер, выводы о языке первой прохоровской надписи можно сформулировать на основе анализа ее орфографии. Во-первых, написание имени *Ādur-Mihr* в среднеперсидском²⁴ отличается от того, что мы видим на фиале из Прохоровки. Во-вторых, хотя в северо-западных языках, включая и парфянский, общеиранское **št* обычно переходило в *-št*²⁵, слово «чаша» в парфянских манихейских текстах представлено как *tāst*²⁶. О влиянии среднеперсидского, в котором общеиранское **št* > древнеперсидское *-št* закономерно дает *-st*²⁷, говорить в данном случае не приходится, поскольку в пехлеви слово «чаша» писалось как раз через *-št*. Возможно, что произошедший своеобразный «обмен» между среднеперсидским и парфянским является еще одним примером столь часто встречающихся в иранских языках перекрестных изоглосс²⁸. Но, как бы то ни было, данные орфографии позволяют утверждать, что язык, на котором была выполнена надпись, вряд ли мог быть среднеперсидским или парфянским. Принимая во внимание все сказанное выше, можно лишь предположить, что он, скорее всего, принадлежал к группе северо-западных языков.

Но если орфография не может дать нам точного ответа о языке надписи, то, может быть, она способна пролить свет на ее датировку? Напомним, что, согласно мнению В.А. Лившица, «псевдопадажная» форма *tšty* объясняется тем, что существовавшая в парфянском у существительных в единственном

¹⁸ MacKenzie. Some Names... P. 107.

¹⁹ Gignoux Ph. Noms propres sassanides en moyen-perse épigraphique. Wien, 1986. P. II/37. 68.

²⁰ Bartolomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. 2. unveränderte Auflage. B., 1961. Sp. 646.

²¹ Лившиц В.А. Три серебряные чаши из Исаковского могильника № 1 // ВДИ. 2002. № 2. С. 44.

²² MacKenzie D.N. A Concise Pahlavi Dictionary. L., 1971. P. 82; Nyberg H.S. A Manual of Pahlavi. II. Wiesbaden, 1974. P. 192.

²³ Высказанное в статье В.А. Лившица (О датировке надписей... С. 167) утверждение, будто данное название встречается в парфянской надписи на фиале из коллекции Мохсена Форуги, не соответствует действительности и было опровергнуто самим автором годом позже (Три серебряные чаши... С. 45. Прим. 7). К сожалению, эта информация по недоразумению вновь воспроизводится в статье 2004 г. (Лившиц, Зуев. О датировке... С. 9).

²⁴ MacKenzie. Some Names... P. 107: (*t)wry(mt)ry; Gignoux. Noms propres... P. II/37. 68: *twry(mt)ry.

²⁵ Расторгуева В.С. Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков. Фонология. М., 1990. С. 211.

²⁶ Boyce M. A Word-List of Manichaean Middle Persian and Parthian. Téhéran-Liège, 1977. P. 86: t'st; Durkin-Meisterernst D. Dictionary of Manichaean Middle Persian and Parthian. Brepols, 2005. P. 322.

²⁷ Расторгуева. Сравнительно-историческая грамматика... С. 135.

²⁸ См. Абаев В.И. О перекрестных изоглоссах // Этимология. 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов. М., 1968. С. 247–255.

числе древнеиранская шестипадежная система флексий во второй половине III – начале II в. до н.э. редуцировалась в трехпадежную. Затем в первой половине II в. до н.э. категория падежа полностью исчезает, а окончания начинают выписываться нерегулярно как орфографический архаизм²⁹. Таким образом, первая прохоровская надпись не может быть старше второй половины II в. до н.э.

Что можно заметить по данному поводу? Прежде всего, хотя говорить теперь исключительно о парфянском характере языка первой прохоровской надписи не представляется возможным, было бы неверным полностью сбрасывать его со счетов. Однако для правильной оценки выдвинутых В.А. Лившицем аргументов необходимо помнить, что если при характеристике парфянского языка второй половины II – I в. до н.э. мы можем опираться на огромный материал старонисийского архива, то источников по предыдущему периоду (III – первая половина II в. до н.э.) в нашем распоряжении крайне мало. Поэтому уже а priori можно утверждать, что на сегодняшний день любые предположения о состоянии падежной системы в эту эпоху неизбежно будут носить сугубо предварительный характер.

Тем не менее у нас есть определенные данные, позволяющие считать, что в парфянском на среднеиранской стадии его развития омертвление падежных окончаний и превращение последних в орфографические архаизмы произошло в более раннюю эпоху, чем первая половина II в. до н.э. Так, на двух монетных выпусках Аршака I имеется двуязычная легенда, арамейскографичная часть которой читается как *krny*³⁰. В литературе уже давно высказывается мнение, что под арамейской оболочкой скрывается иранское слово «каран»³¹. Данный термин в греческой транслитерации сохранился у античных авторов (Xen. Hell. I. 4. 3; Et. Gud. 378), которые переводили его как «κύριος» или «δεσπότης», т.е. «господин, владыка». В пользу правильности именно такого понимания этого термина говорит и то обстоятельство, что в монетных легендах Аршака I арамейскографичное *krny* соответствует греческому ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ³². Очевидно, что данное слово является патронимическим титулом и совпадает с известным из табличек «крепостной стены» именем Kaṛā-pa³³, которое представляет собой образованный при помощи суффикса *-āpa древнеиранский патронимик от *kāga- (или *kāra-) – «народ, войско»³⁴.

Чем вызвано появление конечного -у в слове *krny*? Один из авторов статьи обратился к В.А. Лившицу с вопросом: можно ли считать данный формант одним из «паразитических» окончаний, многочисленные примеры употребления

²⁹ Лившиц, Зуев. О датировке... С. 9.

³⁰ Sellwood D.G. An Introduction in the Coinage of Parthia. L., 1980. P. 23/3, 24/4.

³¹ Bivar A.D.H. A Satrap of Cyrus the Younger // NC⁷. 1961. Vol. 1. P. 123. Not. 5; Sellwood D.G. Parthian Coins // CHIr. Vol. III. 1983. P. 280; Alram M. Nomina propria iranica in nummis. Wien, 1986. S. 122. Anm. 482; Koch H. Heimat und Stammvater der Arsakiden // AMI. 1993. Bd 26. S. 171; Bernard P. L'Asie Centrale et l'Empire Seleucide // Topoi. Orient-Occident. 1994. T. 4(2). P. 500. Not. 3.

³² Sellwood. An Introduction... P. 21/1, 22/2.

³³ Hallock R.T. Persepolis Fortification Tablets. Chicago, 1969. P. 710a.

³⁴ См. Gershevitch I. Amber at Persepolis // Studia Classica et Orientalia A. Pagliaro oblata. Roma, 1969. Vol. II. P. 200; Mayrhofer M. Onomastica Persepolitana. Wien, 1973. S. 177. Последний, правда, полагает, что за *krny* может скрываться имя Karina. О сопоставлении двух этих имен см. Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895. S. 157; Hallock. Persepolis... P. 710. Следует обратить внимание и на упоминаемое Э.А. Грантовским (Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970. С. 267) имя *Kāraka- – «глава народа, войска».

которых дают нам нисийские остраки и парфянские варианты сасанидских надписей. В.А. Лившиц любезно сообщил нам, что не исключает такой возможности³⁵.

В связи с вышеизложенным огромную важность приобретает вопрос о том, как датировать эти монеты. В науке долгое время вообще отвергалась возможность того, что парфянская чеканка возникла уже при Аршаке I³⁶. И только введение в научный оборот буджнурдского клада³⁷ поставило точку в этой дискуссии: монеты с двуязычной легендой были прочно атрибутированы Аршаку I и стали датироваться временем его правления³⁸. Однако, как нам уже приходилось отмечать³⁹, период выпуска Аршаком I своих монет был значительно короче, чем это обычно принято думать. Он начался только в 217 г. до н.э., когда под влиянием поражения Антиоха III в битве при Рафии Аршак I отложился от державы Селевкидов и в знак своей полной независимости приступил к монетной чеканке, и продолжался до его смерти ок. 214 г. до н.э.⁴⁰

Естественно, что между возникновением в языке того или иного явления и его фиксацией в письменной форме проходит промежуток времени, о продолжительности которого остается лишь гадать. Тем не менее ясно, что в парфянском языке превращение флексии в орфографический архаизм произошло уже в III в. до н.э.

Однако «паразитический» конечный -у вовсе не является исключительной монополией парфянского языка. Так, в выполненных на среднеперсидском языке монетных легендах правителя Парса Ардашира I (первая половина II в. до н.э.) его имя воспроизводилось то с конечным -у⁴¹, то без этого форманта⁴². Аналогичное явление наблюдается и в более раннюю эпоху. В надписи Ашоки Лагман II (50-е годы III в. до н.э.) иранское слово *māh* (месяц) представлено без конечного -у⁴³, а в надписи на гробнице Дария I из Накш-и Рустема⁴⁴ псев-

³⁵ Личное сообщение В.А. Лившица от 4 ноября 2004 г.

³⁶ Историю вопроса см. Кошеленко Г.А. Некоторые вопросы истории ранней Парфии // ВДИ. 1968. № 1. С. 53–68.

³⁷ *Abgarians M.T., Sellwood D.G. A Hoard of Early Parthian Drachms* // NC⁷. 1971. Vol. 11. P. 103–118.

³⁸ *Sellwood. An Introduction...* P. 20: 238–211 гг. до н.э.; *Afram. Nomina...* S. 123: 238–217/14 гг. до н.э.

³⁹ Балаханцев А.С. Селевк II Каллиник и Парфия // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. С. 215.

⁴⁰ См. *Wolski J. Arsace II et la généalogie des premiers Arsacides* // *Historia*. 1962. Bd XI. P. 145; *Le Rider G. Suse sous les Séleucides et les Parthes*. P., 1965. P. 300. Not. 8.

⁴¹ *Afram. Nomina...* S. 166: 'rthštry.

⁴² *Balcer J.M. Parthian and Sasanian Coins and Burials* (1976) // *Iran*. 1978. Vol. 16. P. 88: 'rthštr.

⁴³ *Davary D.G., Humbach H. Eine weitere aramäo-iranische Inschrift der Periode des Aśoka aus Afghanistan*. Mainz, 1974. S. 9–10: m'h.

⁴⁴ Следует заметить, что, начиная с В.Б. Хеннинга, эту надпись датировали либо первой половиной III в. до н.э. (*Henning W.B. Mitteliranisch* // *Handbuch der Orientalistik*. Abt. I. Bd IV. Abs. 1. Leiden–Köln, 1958. S. 24; *Greenfield J.C. Aramaic in the Achaemenian Empire* // *CHIr*. Vol. II. 1985. P. 712), либо концом IV в. до н.э. (*Altheim F., Stiehl R. Die aramäische Sprache unter den Achämeniden*. Lief. 1–3. Frankfurt am Main, 1961–1962. S. 11; *Лившиц В.А., Шифман И.Ш.* К толкованию новых арамейских надписей Ашоки // ВДИ. 1977. № 2. С. 24). В настоящее время наиболее обоснованной кажется датировка, принадлежащая Р. Фраю, согласно которому надпись относится к правлению Артаксеркса II или его сына Артаксеркса III. См. *Frye R.N. The «Aramaic» Inscription on the Tomb of Darius* // *IA*. 1982. Vol. XVII. P. 90.

допадежное окончание в нем присутствует⁴⁵. Данные факты свидетельствуют в пользу справедливости мнения И.М. Дьяконова об интенсивном процессе отмирания флексий, происходившем в древнеперсидском языке уже с конца V в. до н.э.⁴⁶ Если же ко всему сказанному выше прибавить то, что в разных иранских языках исчезновение падежной системы шло с различной степенью интенсивности⁴⁷, то становится ясным, что датировка надписи, основанная на присутствии в ней «паразитического -у», будет слишком широкой. Так, форма *lšgu* по этому признаку может датироваться по меньшей мере со второй половины IV в. до н.э. по III в. н.э.

Что же касается второй прохоровской надписи, то прежде чем высказывать предположение об использованном здесь языке, следует уточнить ее перевод. В.А. Лившиц читает надпись следующим образом: *k 5 s 2 ZWZ' 1* — «5 к<аршей>, 2 с<ататера>, 1 драхма»⁴⁸. Казалось бы, такое понимание текста является безупречным: аббревиатура *k* еще в арамейских папирусах V в. до н.э. обозначала карш⁴⁹, *s* (в чем согласны все исследователи) соответствовала стате-ру⁵⁰, а за *ZWZ* скрывается драхма⁵¹. Однако в таком случае вторая прохоровская фиала должна весить 453.85 г.⁵² В действительности ее вес составляет 436 г. Вряд ли можно списать пропавшие 18 г на три пары отверстий, проделанных новыми хозяевами чаши при превращении ее в фалар. Но если вместо статера (16.5 г), мы введем в наши вычисления сикль (8.33 г), то рассчитанный вес фиалы (437.51 г)⁵³ практически полностью совпадет с реальным. Разумеется, для обозначения «сикля» применялась аббревиатура *š*, а вовсе не *s*⁵⁴, однако ошибки в написании этого слова нередки и встречаются даже в пределах одного и того же текста⁵⁵.

К сожалению, основываясь на имеющихся у нас данных, о языке второй прохоровской надписи нельзя сказать ничего определенного. Во всяком случае ничто не мешает нам считать его арамейским. Но даже если язык надписи

⁴⁵ *Frye*. The «Aramaic» Inscription... P. 89: m'hy.

⁴⁶ Дьяконов И.М. История Мидии. М.–Л., 1956. С. 369. См. также *Kent*. Old Persian... P. 24; *Соколов*. Древнеперсидский язык. С. 255.

⁴⁷ *Оранский И.М.* Иранские языки в историческом освещении. М., 1979. С. 102.

⁴⁸ *Лившиц, Зуев*. О датировке... С. 10.

⁴⁹ *Cowley A.* Aramaic Papyri of the Fifth Century B.C. Oxf., 1923. № 22:123; 36b; 42:9; *Винников И.Н.* Словарь арамейских надписей // ПС. 1962. Вып. 9. С. 141.

⁵⁰ См. *Henning*. A Sasanian Silver Bowl... P. 354; *Frye R.N.* Sasanian Numbers and Silver Weights // JRS. 1973. № 1. P. 2; *Skjærvø P.O., Harper P.O.* The Earliest Datable Inscription on a Sasanian Bowl. Two Silver Bowls in the J. Paul Getty Museum // BAI. N.S. 1993. Vol. 7. P. 188; *Brunner C.J.* Middle Persian Inscriptions on Sasanian Silverware // Metropolitan Museum Journal. 1994. Vol. 9. P. 110, 120.

⁵¹ *Bivar A.D.H.* Achaemenid Coins, Weights and Measures // CHIr. Vol. II. 1985. P. 636. А. Коули (Aramaic Papyri... P. 198) полагаю, что *ZWZ* едва соответствует четверти шекеля, однако поскольку в папирусе 81 одна из денежных сумм составляет 24 *ZWZN* и 1 «четвертак», его мнение не может быть принято.

⁵² Приводимая в статье 2004 г. (*Лившиц, Зуев*. О датировке... С. 11) цифра 425 г является, безусловно, ошибочной.

⁵³ Следует подчеркнуть, что примерно такой вес – 436 г – фигурирует в одном из подсчетов П.К. Коковцева. См. *Лившиц, Зуев*. О датировке... С. 3.

⁵⁴ *Винников И.Н.* Словарь арамейских надписей // ПС. 1965. Вып. 13. С. 241.

⁵⁵ См. *Cowley*. Aramaic Papyri... P. 30, 31; *Kraeling E.G.* The Brooklyn Museum Aramaic Papyri. New Documents of the Fifth Century B.C. from the Jewish Colony at Elephantine. New Haven, 1953. P. 148.

действительно является парфянским⁵⁶, то это вряд ли может служить основанием для омолаживания данного памятника: наличие исторических написаний, о которых шла речь выше, свидетельствует против того, что парфянская письменность возникла только во второй половине III в. до н.э.⁵⁷ Как отмечал в свое время И.М. Дьяконов, если орфография передает более древнее состояние языка, то это значит, что она сложилась гораздо раньше⁵⁸.

Переходя к анализу палеографических аргументов и обратившись к материалу, суммированному в составленной В.А. Лившицем таблице⁵⁹, можно без труда обнаружить, что в ней абсолютно не отражена арамейская палеография IV – первой половины II в. до н.э. Этот, если воспользоваться столь любезным В.Ю. Зуеву термином, хиатус в значительной степени подрывает палеографическую составляющую вывода о достаточно поздней дате нанесения надписей на прохоровские фиалы. Заявление же В.А. Лившица о возникновении парфянской письменности только во второй половине III в. до н.э. не является достаточным основанием для того, чтобы отказываться от анализа палеографии надписей более ранней эпохи. Во-первых, как мы уже показали выше, арамейскографические записи слов на парфянском языке должны были появиться еще до возникновения державы Аршакидов, да и вероятность того, что язык первой прохоровской надписи – парфянский, ничтожна мала. Во-вторых, арамейская графика стала использоваться для записи отдельных иранских слов и выражений уже в V в. до н.э.⁶⁰, а в IV в. до н.э. появляются и целые арамейскографические тексты на иранском языке: уже упоминавшаяся надпись из Накш-и Рустема и так называемое «письмо Оронта»⁶¹. В-третьих, поскольку при палеографическом анализе арамейскографических памятников главную роль играет не их язык, а начертания букв, то следует учитывать палеографию и тех надписей, которые выполнены и не на иранских языках.

При обсуждении палеографии собственно прохоровских надписей необходимо иметь в виду, что для установления хронологии эпиграфических памятников, выполненных арамейским письмом, наиболее важны формы букв *алеф*, *самех* и *пэ*⁶². Поскольку последней буквы в прохоровских надписях нет⁶³, а *самех* присутствует только во второй, начать лучше всего с *алефа*. Лапидарная

⁵⁶ В среднеперсидском для слова «драхма» использовалась гетерограмма ZWZN. См. Henning. A Sasanian Silver Bowl... P. 353; Gignoux Ph. Coupes inscrites de la collection Mohsen Foroughi // Monumentum H.S. Nyberg. I. Leiden, 1975. P. 271/3, 274/8.

⁵⁷ Лившиц, Зуев. О датировке... С. 8.

⁵⁸ Дьяконов. История Мидии. С. 369.

⁵⁹ Лившиц, Зуев. О датировке... С. 5.

⁶⁰ Дьяконов И.М. О гетерографии и ее месте в истории развития письма // Переднеазиатский сборник. Вып. IV. М., 1986. С. 14.

⁶¹ Данное письмо, будто бы отправленное сатрапом Армении Оронтом своему другу Певкесту, на самом деле было сфабриковано Эвменом. Если учесть, что оно было написано «сирийскими буквами» (Diod. XIX. 23. 3), а Певкест стал единственным из приближенных Александра, выучившим персидский язык (Arr. Anab. VI. 30. 3; VII. 6. 3), то, несмотря на возражения Г.А. Тирацияна (Tiratsian G.A. Some Aspects of the Inner Organisation of the Armenian Satrapy // AAASH. 1981. T. 29. P. 159–161), этот документ следует отнести к числу арамейскографических иранских памятников.

⁶² Лившиц, Зуев. О датировке... С. 8. Ср. Skjærvø P.O. The Joy of the Cup. A Pre-Sasanian Middle Persian Inscription on a Silver Bowl // BAI. N.S. Vol. 11. 1997 (2000). P. 95.

⁶³ Отсутствие *пэ* особенно затрудняет проведение палеографического анализа. См. Лившиц В.А. Парфянский алфавит // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981. С. 154.

форма *алефа*, аналогичная той, которая представлена на первом сосуде, встречается в надписях из Сари и Хасан-кефа (конец III – начало II в. до н.э.)⁶⁴, в зангезурской надписи Арташеса I (ок. 188–160 гг. до н.э.)⁶⁵, в надписи Митридата I из Хунг-и Ноурузи (ок. 140 г. до н.э.)⁶⁶, на монетах правителя Парса Ардашира II (вторая половина I в. до н.э.)⁶⁷, экбатанских драхмах царя Парфии Митридата IV⁶⁸ (ок. 130–147 гг. н.э.)⁶⁹ и монетах царя Элимаиды Орода II (первая половина II в. н.э.)⁷⁰, в надписи на статуе Геракла из Селевкии-на-Тигре (150/151 г. н.э.)⁷¹, в надписи из Дура-Европос (начало III в. н.э.)⁷² и в легендах сасанидских монет III⁷³ и даже V в. н.э.⁷⁴

Как видно из приведенных выше примеров, форма *алефа* из надписи на фиале № 1 не фиксируется в эпиграфике ранее 200 г. до н.э. Но следует ли на этом основании датировать саму надпись непременно более поздним периодом? Мы склонны ответить на этот вопрос отрицательно, и вот почему. Во-первых, в IV в. до н.э. правая наклонная гаста у лапидарного *алефа* начинает сдвигаться вправо от левой вертикальной черты⁷⁵, а затем левая вертикаль укорачивается настолько, что – как и у *алефа* в первой прохоровской надписи – уже не опускается ниже горизонтальной гасты. Такая же особенность в написании *алефа* отмечается в надписях из Пул-и Дарунта⁷⁶ и Закавказья (Иберия, Армения)⁷⁷, которые отстоят друг от друга на тысячи километров. Есте-

⁶⁴ См. Pognon H. Inscriptions sémitiques de la Syrie, la Mésopotamie et de la région de Mossoul. P., 1907. P. 112, 115; Периханян А.Г. Арамейская надпись из Гарни // ИФЖ. 1964. № 3. С. 127.

⁶⁵ Периханян А.Г. Арамейская надпись из Зангезура // ИФЖ. 1965. № 4. С. 111. Рис. 1–2.

⁶⁶ См. Harmatta J. Parthia and Elymais in the 2nd Century B.C. // AAASH. 1981. Т. 29. P. 200–201. Fig. 13–14. Автор, отмечая плохую общую сохранность надписи, тем не менее подчеркивает, что *алеф* читается достаточно ясно.

⁶⁷ Alram. Nomina... S. 173. Taf. 19, 568–578.

⁶⁸ Его теперь, после появления в списке парфянских царей одноименного сына и наследника Митридата II (Simonetta A.M. A Proposed Revision of the Attributions of the Parthian Coins Struck during the So-called 'Dark Age' and its Historical Significance // EW. 2001. Vol. 51. P. 78–79), следует считать Митридатом V.

⁶⁹ Sellwood. An Introduction... P. 264; Alram. Nomina... S. 131. Taf. 13, 416.

⁷⁰ Alram. Nomina... S. 149. Taf. 16, 478. В.Б. Хеннинг (Henning W.B. The Monuments and Inscriptions of Tang-i Sarvak // Asia Major. 1952. P. 166. Not. 1) определил язык монетных легенд как парфянский.

⁷¹ Pennacchietti F.A. L'iscrizione bilingue greco-partica dell'Eracle di Seleucia // Meso-potamia. 1987. Vol. 22. P. 173. Fig. B.

⁷² Delaunay J.A. L'araméen d'empire et les débuts de l'écriture en Asie centrale // Commémoration Cyrus. Hommage universel. II. Téhéran–Liège, 1974. Pl. XI. Fig. 26.

⁷³ Ibid. Pl. XIII. Fig. 29.

⁷⁴ Malek H.M. A Fifth Century Hoard of Sasanian Drachms (A.D. 399–460) // Iran. 1995. Vol. 33. P. 73. Tabl. I.

⁷⁵ См. Naveh J. The Development of the Aramaic Script. Jerusalem, 1970. P. 53, 57–58.

⁷⁶ Benveniste É., Dupont-Sommer A. Une inscription indo-araméenne d'Asoka provenant de Kandahar (Afghanistan) // JA. 1966. Т. 254. Fig. 2.

⁷⁷ Гагошидзе Ю.М., Цоцелия М.В. Костяные пластинки с арамейскими надписями из Дедоплис-гора // Проблемы истории Закавказья. Тбилиси, 1991. С. 47–78 (на груз. яз.); Gagoshidze I. A Royal Palace in First-Century Iberia // The Royal Palace Institution in the First Millenium BC. Athens, 2001. P. 268; Караханян Г. Две новонайденные арамейские надписи // ИФЖ. 1971. № 3. С. 274–276 (на арм. яз.). Иберийские надписи датируются со II в. до н.э., а армянские принадлежат Арташесу I. Следует подчеркнуть, что *алеф* закавказских надписей испытал явное влияние курсива, выразившееся в изогнутости горизонтальных и вертикальных гаст.

ственно объяснить возникновение этой новой черты в палеографии *алефа* наличием общего источника и отнести ее возникновение к периоду, когда территории нынешнего Афганистана и Закавказья входили в состав одного государства – державы Ахеменидов. Следовательно, мы вправе предположить, что данная форма лапидарного *алефа* появилась уже в конце ахеменидской эпохи.

Во-вторых, как в свое время отмечал Ю.Г. Виноградов⁷⁸, датировка любого эпиграфического источника является обоснованной лишь в том случае, если палеографический анализ основывается на изучении эволюции как можно большего числа букв, не упускает из виду всей совокупности шрифта надписи и учитывает особенности развития эпиграфики того региона, откуда происходит сам памятник. Соблюдение последнего условия особенно необходимо при анализе арамейскографических надписей послеахеменидского времени, когда на основе прежде единого имперско-арамейского письма в различных областях бывшей империи стали складываться местные среднеиранские письменности со своими особенностями как в графике, так и в отборе арамейских форм для идеограмм⁷⁹. Если же выполнить данные условия невозможно и исследователь пытается датировать надпись всего лишь по одной или даже нескольким буквам, формы которых пребывали неизменными в течение столетий, то ему легко ошибиться. Так, если бы в надписях Ашоки из Таксилы⁸⁰ и Пул-и Дарунта не сохранилось имя царя, то по палеографии первый памятник вполне можно было отнести к V в. до н.э., а второй – к IV в. до н.э.⁸¹

Все вышесказанное позволяет, на наш взгляд, прийти к выводу, что при сегодняшнем уровне наших знаний датировать – хотя бы в пределах одного столетия – первую прохоровскую надпись по палеографическим данным не представляется возможным. К сожалению, данная ситуация в изучении арамейскографических надписей является достаточно типичной⁸². Вместе с тем следует заметить, что наблюдения над формой *алефа* из надписи на фиале № 1 позволяют выдвинуть определенные предположения относительно места изготовления самой чаши. *Алеф* подобной формы не характерен для территорий, расположенных восточнее Каспийских ворот⁸³, но зато постоянно встречается в Армении, Месопотамии и прилегающих к ней областях Ирана: Мидии, Элимаиде и Парсе. Учитывая сделанное нами выше предположение о принадлежно-

⁷⁸ См. Виноградов Ю.Г. Синопа и Ольвия в V в. до н. э. Проблема политического устройства // ВДИ. 1981. № 2. С. 72.

⁷⁹ См. Борисов А.Я. Надписи Артаксия (Арташеса), царя Армении // ВДИ. 1946. № 2. С. 98–99; Лившиц. Три серебряные чаши... С. 48.

⁸⁰ См. Humbach H. The Aramaic Aśoka Inscription from Taxila // German Scholars on India. Vol. II. New Delhi, 1976. P. 118–130.

⁸¹ См. Naveh. The Development... P. 51.

⁸² См., например: Delaunay J.A. A propos des Aramaic Ritual Texts from Persepolis de R.A. Bowman // Commémoration Cyrus... P. 195; Gignoux. Coupes inscrites... P. 509.

⁸³ Насколько мы можем судить, его нет в позднеахеменидской Бактрии (Shaked S. Le satrape de Bactriane et son gouverneur. Documents araméens du IVe s. avant notre ère provenant de Bactriane. P., 2004. P. 53. Fig. 2), Кумисе (Bivar A.D.H. The Second Parthian Ostraca from Qūmis // Iran. 1981. Vol. 19. P. 81–84. Pl. 1a) и Коша-депе (Лившиц В.А. Парфянские остраки из Коша-депе // СА. 1980. № 4. С. 232–243), он очень редко встречается в Нисе (Дьяконов И.М., Лившиц В.А. Новые находки документов в Старой Нисе // Переднеазиатский сборник. Вып. II. М., 1966. Табл. IXa; Livshits V.A., Pilipko V.N. Parthian Ostraca from the Central Building Complex of Old Nisa // Ancient Civilizations. [2004]. 10, 1–2. P. 167. Fig. 10), причем так же, как в Иберии, несет отпечаток явного влияния курсива.

Рис. 1. Надпись на фиале № 2 из Прохоровки. Фото

сти языка надписи к северо-западной группе, Мидия, которая славилась своей торевтикой еще во времена Дария I⁸⁴, выглядит наиболее предпочтительным вариантом.

Что же касается второй прохоровской надписи, то сначала ее палеографическому анализу препятствовало качество имевшейся в нашем распоряжении фотографии. Дело в том, что хотя В.Ю. Зуев еще в 1997 г. сфотографировал и эстампировал данную надпись, но в совместной с В.А. Лившицем статье почему-то было воспроизведено фото А.В. Попова, сделанное в 1916 г.⁸⁵ Правда, В.Ю. Зуев именует эту фотографию «весьма четкой»⁸⁶, но на самом деле его утверждение далеко от истины: стоящий в конце надписи *алеф* виден очень плохо. Поэтому возникла необходимость сделать новую фотографию надписи на втором прохоровском фиале (рис. 1), которая и публикуется нами вместе с прорисовкой (рис. 2)⁸⁷.

Курсивная форма *алефа* второй прохоровской надписи начинает употребляться еще в конце V в. до н.э.⁸⁸ и активно используется на протяжении всего IV в. до н.э.⁸⁹ Кроме этого, она несколько раз встречается в найденных в Афганистане арамейских надписях Ашәки⁹⁰ и на происходящем с территории

⁸⁴ Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977. С. 30.

⁸⁵ Лившиц, Зуев. О датировке... С. 11. Рис. 4.

⁸⁶ Там же. С. 7.

⁸⁷ Мы считаем своим долгом выразить глубокую благодарность сотруднику Оренбургского областного краеведческого музея В.Е. Трегубову и сотруднику Оренбургского государственного педагогического университета Л.А. Краевой за содействие в получении фотографии надписи.

⁸⁸ Clay A.T. Business Documents of Murashû Sons of Nippur Dated in the Reign of Darius II (424–404 B.C.). Philadelphia, 1904. P. 74.

⁸⁹ Naveh. The Development... P. 46.

⁹⁰ Filliozat J. Graeco-Aramaic Inscription of Asoka Near Kandahar // Epigraphia Indica. 1961–1962. Vol. XXXIV. P. 1–8. Pl. I; Benveniste, Dupont-Sommer. Une inscription... Fig. 2.

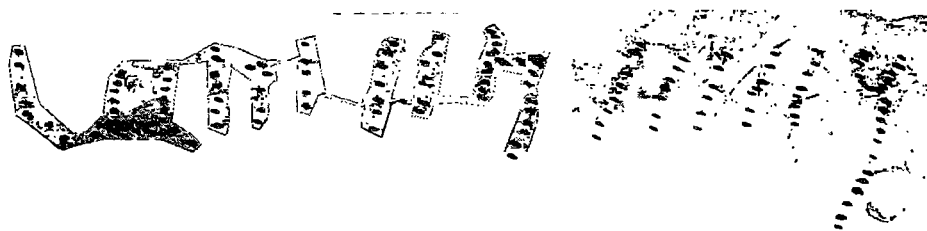

Рис. 2. Надпись на фиале № 2 из Прохоровки. Прорисовка

Ближнего Востока рельефе жреца Филоты (250–150 гг. до н.э.)⁹¹. Что же касается курсивного *самеха*, то он имеет типичную имперско-арамейскую форму, характерную для V–III вв. до н.э. и исчезающую в более позднее время⁹². Все эти факты, разумеется, никак не могут свидетельствовать в пользу необходимости датировать вторую прохоровскую надпись периодом начиная с конца II в. до н.э.

В целом ни языковые, ни палеографические особенности прохоровских надписей не препятствуют отнесению их к последней трети IV–III в. до н.э. Более того, имеющиеся в нашем распоряжении факты свидетельствуют как раз в пользу более ранней даты. Так, относительно первой прохоровской надписи можно заметить, что в ней, во-первых, нет арамейских гетерограмм, а это позволяет сблизить данный памятник с надписью из Накш-и Рустема. Во-вторых, формуляр первой прохоровской надписи – название сосуда и имя владельца – не имеет ничего общего с тем, что мы видим на произведениях торевтики более поздней эпохи⁹³. Что же касается второй прохоровской надписи, то палеографические и метрологические⁹⁴ данные не позволяют отнести ее к периоду позже III в. до н.э. Однако всего этого все-таки недостаточно для того, чтобы датировать прохоровские надписи с необходимой точностью.

Поэтому логичным представляется вывод о том, что датировка фиал и надписей на них нуждается в уточнении с использованием данных археологии. Попытка датировать комплекс находок из центрального погребения кургана 1 уже предпринималась в серии работ В.Ю. Зуева, но наиболее последовательно его точка зрения по этому поводу была изложена в развернутой статье, опубликованной в 2000 г.⁹⁵ Эта точка зрения состоит в том, что курганы 1 и 2 Прохоровки («южная группа» по Зуеву), «датируются концом II – рубежом II–I вв. до н.э. (с возможным омоложением даты до первых десятилетий I в. до н.э.)»⁹⁶.

⁹¹ Bordreuil P., Gatier P.-L. Le relief du prêtre Philôtas // Syria. 1990. Т. 67. Р. 333. Fig. 3.

⁹² Naveh. The Development... Р. 28, 48; Лившиц, Зуев. О датировке... С. 5.

⁹³ Лившиц В.А., Луконин В.Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах // ВДИ. 1964. № 3. С. 157, 161–176; Gignoux. Coupes inscrites... Р. 270–276; Gunter A.C., Jett P. Ancient Iranian Metalwork in the Arthur M. Sackler Gallery and The Freer Gallery of Art. Washington, 1992. Р. 98, 143, 191–192, 195; Pfrommer M. Metalwork from the Hellenized East. Malibu, 1993. Р. 112, 134, 136, 138, 142, 186, 190; Skjærvø. The Joy... Р. 93; Лившиц. Три серебряные чаши... С. 44, 53, 54.

⁹⁴ Сочетание каршей, сиклей и драхмы характерно для конца ахеменидской и начала эллинистической эпохи. См. Cowley. Aramaic Papyri... Р. 196; Kraeling. The Brooklyn Museum... Р. 39.

⁹⁵ Зуев В.Ю. Проблемы хронологии прохоровской культуры и курганы у деревни Прохоровка // ΣΥΣΤΙΓΙΑ. СПб., 2000. С. 304–330.

⁹⁶ Там же. С. 327.

Отвлекаясь сейчас от далеко идущих выводов петербургского исследователя об отсутствии погребений, которые можно датировать III в. до н.э. не только в Прохоровском могильнике, но и во всем Волго-Уральском регионе⁹⁷, обратимся вновь к сопровождающему инвентарю из погребения 1 кургана 1.

При ограблении кургана в 1911 г. здесь были найдены, помимо фиал, железная кираса-торакс, медная, обложенная золотом гривна с зооморфными окончаниями, деревянные ножны кинжала, обложенные золотыми пластинами, бронзовый браслет, длинный железный меч, железные черешковые наконечники стрел, бронзовое дисковидное зеркало.

Недавно группа авторов⁹⁸ проанализировала эти находки с точки зрения их хронологической атрибуции. Было установлено, в частности, следующее. Железная кираса так называемого мускульного типа⁹⁹ имеет полную аналогию в погребении 4 кургана 4 V Бердянского могильника, который авторы раскопок¹⁰⁰ датировали в пределах III в. до н.э. Комплекс инвентаря из этого погребения, в свою очередь, находит близкие аналогии в другом южноуральском памятнике – в кургане 10 Переволочанского могильника, датированного второй половиной – концом IV в. до н.э.¹⁰¹ Эти аналогии не исключают для Бердянского погребения и IV в. до н.э. В античном мире железные кирасы мускульного типа существовали по меньшей мере с третьей четверти IV в. до н.э.¹⁰² Фрагмент нагрудной части торакса с Кампыр-тепе, по мнению Б.А. Литвинского аналогичного прохоровскому и бердянскому, стратиграфически относится ко времени не позже III – первой половины II в. до н.э., а может быть, и более раннему¹⁰³. Кирасу из Продроми, которую В.Ю. Зуев приводит в качестве аналогии прохоровской¹⁰⁴, ее публикатор датировал третьей четвертью IV в. до н.э.¹⁰⁵ Другие исследователи предлагают несколько более поздние даты, не выходящие при этом за первую половину III в. до н.э.¹⁰⁶

⁹⁷ Критику его концепции см. *Клепиков В.М.* Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград, 2002; *Клепиков В.М., Скрипкин А.С., Мошкова М.Г.* Об одной попытке модернизации сарматской периодизации // РА. 2002. № 1; *Федоров В.К.* О датировке Прохоровских курганов // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов Международной научной конференции 17–21 апреля 2001 г. Оренбург, 2001; *Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В.* Основные результаты археологического исследования могильника у деревни Прохоровка // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.

⁹⁸ *Мещеряков Д.В., Федоров В.К., Яблонский Л.Т.* Старая коллекция находок из Прохоровки в свете новейших археологических исследований // РА. 2006. № 1.

⁹⁹ *Ростовцев.* Курганные находки... Рис. 15–16.

¹⁰⁰ *Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В.* «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // АПО. Вып. III. Оренбург, 1999. С. 125–127.

¹⁰¹ *Пшеничнюк А.Х.* Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995. С. 62–96.

¹⁰² *Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. С. 310.

¹⁰³ Там же. С. 343–344.

¹⁰⁴ *Зуев.* Проблемы... С. 312. Табл. II, 2.

¹⁰⁵ *Choremis A.* Metallic Armour from Tomb at Prodromi in Phesprotia // Athens Annals of Archaeology. 1980. Т. XIII. P. 15–16, 18.

¹⁰⁶ *Dintsis P.* Hellenistische Helme. Bd 1. Roma, 1986. S. 276: конец IV – начало III в. до н.э.; *Виноградов Ю.А.* О погребении воина у Карантинного шоссе под Керчью // STRATUM+ Петербургский археологический вестник. СПб.–Кишинев, 1997. С. 76: первая треть III в. до н.э.

По поводу деревянных ножен с золотыми обкладками¹⁰⁷ следует вспомнить мнение М.И. Ростовцева, который называл мечи и ножны, украшенные золотом, «прямыми потомками старых иранских акинаков»¹⁰⁸. Мечи и кинжалы «переходного» типа, декорированные золотом, известны, в частности, по раскопкам той же Филипповки¹⁰⁹. Полную аналогию узорам с прохоровских ножен представляют золотые подвески из погребения 5 кургана 4 V Бердянского могильника. Это одно из погребений, которые датируются временем не позднее III в. до н.э.¹¹⁰

Головы животных, изображенные на концах гривны из 1-го Прорхоровского кургана¹¹¹, имеют значительное сходство с изображениями голов на бердянских браслетах¹¹². Близкая аналогия таким изображениям обнаруживается в Сибирской коллекции Петра I – это шарнирная, состоящая из трех полых золотых трубок гривна¹¹³. Сейчас Санкт-Петербургскими специалистами эта находка датируется V–IV вв. до н.э.¹¹⁴

Серебряные фиалы-фалары имеют многочисленные аналогии, происходящие с территорий бывшей Ахеменидской державы. Хотя Абка и-Хавари датирует прохоровские фиалы в пределах III–II вв. до н.э.¹¹⁵, согласиться с этим мнением нельзя, так как иранский исследователь основывается на «их плоской, почти тарелкообразной форме», чего в действительности нет. Между тем уже Г. Лушей относил фиалы к рубежу IV–III вв. до н.э.¹¹⁶ Наконец, М.Ю. Трейстер недавно убедительно показал, что фиала № 1 может датироваться даже второй половиной V в. до н.э., а фиала № 2 – второй половиной IV в. до н.э.¹¹⁷

Наиболее «поздними» элементами сопровождающего инвентаря в погребении 1 Прохоровского могильника можно было бы считать железные трехлопастные черешковые наконечники стрел. Такие наконечники традиционно не датируют обычно временем ранее III–II вв. до н.э. Однако аналогичные наконечники встречаются уже в кургане 2 могильника Урнек (конец V – IV в. до н.э.)¹¹⁸. Встречаются они и в погребении 2 кургана 25 могильника Лебедевка VI, которое относится к IV в. до н.э.¹¹⁹ В погребении 3 кургана «Б» Прохоровского мо-

¹⁰⁷ Ростовцев. Курганные находки... Табл. III, 1.

¹⁰⁸ Там же. С. 51.

¹⁰⁹ Золотые олени Евразии. СПб., 2001. Кат. № 6, 121, 136.

¹¹⁰ Моргунова, Мещеряков. «Прохоровские» погребения... Рис. 11, 1.

¹¹¹ Ростовцев. Курганные находки... Табл. II, 1.

¹¹² Моргунова, Мещеряков. «Прохоровские» погребения... Рис. 11, 4.

¹¹³ Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // САИ. Вып. ДЗ-9. М.–Л., 1962. С. 46. Табл. XVIII, 8.

¹¹⁴ The Golden Deer of Eurasia: Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes. N.Y., 2000. P. 285–286. № 208. Мнения специалистов в области искусства звериного стиля по поводу датировки прохоровской гривны см. подробнее: Мещеряков, Федоров, Яблонский. Старая коллекция... С. 112.

¹¹⁵ Abka 'I-Khavari M. Die achämenidischen Metallschalen // AMI. 1988. Bd 21. S. 107.

¹¹⁶ Luschey H. Die Phiale. Bleicherode am Harz, 1939. S. 54.

¹¹⁷ Трейстер М.Ю. Произведения торевтики ахеменидского стиля и на «ахеменидскую тему» в сарматских погребениях Прохоровского и Филипповского курганных могильников в Южном Приуралье // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008. С. 154.

¹¹⁸ Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994. С. 56. Табл. 50. № 24–26.

¹¹⁹ Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М., 2006. С. 26, 38. Рис. 56, 16.

гильника более 110 таких наконечников были найдены вместе с импортной серебряной чашей, которая по средиземноморским аналогиям датируется серединой – третьей четвертью IV в. до н.э.¹²⁰ Дискovidное зеркало¹²¹ датируется в достаточно широком временном интервале, но дата в пределах IV–III вв. до н.э. для него не исключена.

Таким образом, анализ старой коллекции из Прохоровки вполне допускает хронологическую атрибуцию погребения 1 кургана 1, а следовательно, и найденных в нем фиал-фаларов в пределах конца IV – III в. до н.э. Эта дата синхронизирует данное захоронение с большинством погребений в Прохоровском могильнике¹²². Следует признать, однако, что все перечисленные вещи были получены в результате ограбления могилы и не имеют поэтому строгого археологического контекста. Так, В.Ю. Зуев¹²³ приводил ряд соображений о том, что опросный список распределения находок по курганам, составленный в 1911 г., не всегда является точным. Это обстоятельство допускает маловероятную, но все же принципиальную возможность того, что и в случае с погребением кургана 1 мы имеем дело с хронологически неоднородным комплексом, а это затрудняет строго доказательную датировку фиал.

Но после доследования кургана 1 в 2003 г. появилась возможность датировать его с использованием материалов, происходящих из «закрытых» археологических комплексов¹²⁴.

Границы раскопа С.И. Руденко кургана 1 имели в плане прямоугольные очертания. В 2003 г. они были прослежены на уровне горизонтальных зачисток погребенной почвы, материка и предматерикового горизонта (рис. 3). Длина раскопа составляла ок. 12 м, а ширина – 6 м. Длинной осью раскоп был ориентирован строго меридианально. К северной его части примыкала поисковая траншея С.И. Руденко шириной 2 м. В южной части кургана поисковая траншея четко не прослеживалась, поскольку дно ее не заглублялось в толщу погребенной почвы и материка, а слои насыпи здесь были переотложены распашкой. Тем не менее можно предполагать, что сначала Руденко проложил через центр насыпи меридианально направленную траншею шириной 2 м и длиной около 17 м, т.е. она проходила через всю поверхность насыпи. Траншея в северной части имела глубину 11 см, прорезая, таким образом, толщу погребенной почвы, но в южной в нее не заглублялась. Отсюда можно сделать вывод о том, что раскопки начинались в направлении с севера на юг. Поисковой траншеей была обнаружена яма центрального погребения и после этого

¹²⁰ Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т. Серебряная чаша из Прохоровки // РА. 2006. № 1. С. 104–105. Само погребение можно отнести к концу IV – первой половине III в. до н.э.

¹²¹ Ростовцев. Курганные находки... Табл. II, 3.

¹²² Мещеряков, Федоров, Яблонский. Старая коллекция... С. 113–114.

¹²³ Зуев. Проблемы... С. 318, 325.

¹²⁴ Яблонский Л.Т. Прохоровская эпопея: момент истины // Від Кіммерії до Сарматії. Київ, 2004; Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. Могильник у с. Прохоровка и проблемы хронологии раннесарматской (прохоровской) культуры // II Международная конференция «Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э.», посв. памяти Б.Н. Гракова. Тезисы докладов. Азов–Ростов-на-Дону, 2004; Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В., Вальчак С.Б., Тришина И.В. Могильник Прохоровка 1 – эпонимный памятник сарматской археологии (по результатам археологических раскопок) // ВРГНФ. М., 2004. № 4 (37). С. 118–129.

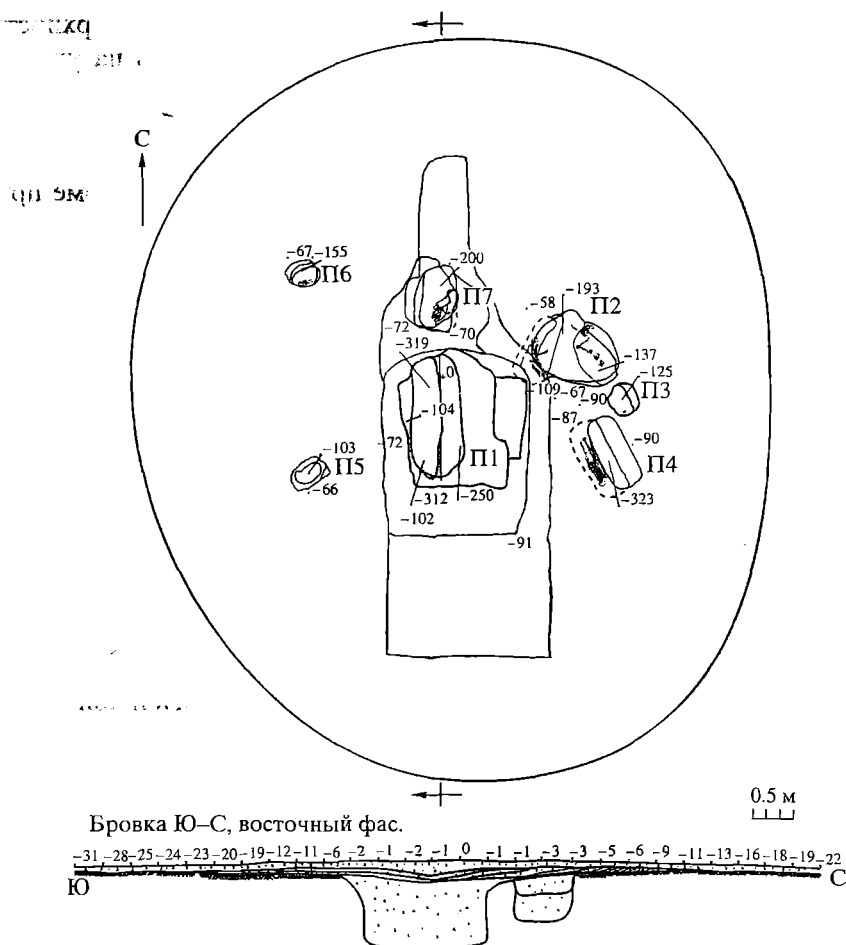

Рис. 3. Кургan 1: общий план и профиль бровки

она была продолжена в южном направлении, но глубиной только до поверхности погребенной почвы.

Другая поисковая траншея проходила через центр кургана в широтном направлении. Ее границы фиксировались от восточного борта раскопа С.И. Руденко. Траншея имела длину 2.5 м от восточного борта могильной ямы при ширине 3 м. У могильной ямы она имела глубину 22–25 см от поверхности погребенной почвы. К западу от могильной ямы следы этой траншеи не прослеживались. Отсюда можно сделать вывод о том, что работы в поисковой траншее велись в направлении с востока на запад и были прекращены после обнаружения контура центральной могильной ямы.

После этого границы раскопа в центральной части кургана были расширены так, что расстояние от южного борта могильной ямы до южного борта раскопа составило 2 м, от северного борта ямы до северного борта раскопа – 1.7 м, от западного борта ямы до западного борта раскопа – 1 м и от восточного борта ямы до восточного борта раскопа – 2.5 м. Глубина раскопа С.И. Ру-

денко на разных участках составила от 10 до 15 см от уровня поверхности погребенной почвы, и дно раскопа, таким образом, находилось на уровне поверхности материка.

Внутри раскопа Руденко целиком попали также борта грабительского перекопа 1911 г. Границы этого перекопа были отслежены при горизонтальной зачистке дна раскопа 1916 г. (рис. 3). Грабительский раскоп по форме приближался к прямоугольнику с неровными бортами с общими размерами $5 \times 3,5$ м. Длинной осью этот раскоп был ориентирован меридианально. Грабители рыли яму в центральной части насыпи и сразу попали в заполнение основной могильной ямы.

В процессе раскопок 2003 г. в кургане было обнаружено семь могильных ям, включая и раскопанную С.И. Руденко центральную могилу. Оказалось, что шесть впускных погребений окружали центральное захоронение и располагались вблизи краев насыпи.

Раскоп С.И. Руденко прорезал западный угол подбойной ниши погребения 2, а могильная яма погребения 7, ориентированная строго меридианально, целиком помещалась в пределах северной части его поисковой траншеи, но не была им вскрыта. Остальные могильные ямы, находившиеся под насыпью кургана, располагались за пределами раскопа 1916 г.

Погребение 1 (основное) находилось в центральной части кургана и было описано С.И. Руденко как катакомбное. Пятно от этой могильной ямы было выявлено при зачистке поверхности дна раскопа 1916 г.

По форме яма погребения 1 (рис. 4) приближалась к вытянутому овалу или прямоугольнику с сильно скругленными углами. Длинной осью могила была ориентирована строго меридианально. Общие размеры ямы 430×190 см. Вдоль ее восточного борта прослеживалась ступенька шириной 80 см. Глубина ступеньки у северного борта ямы – 142 см от поверхности дна раскопа 1916 г., у южного – 142 см. Поверхность ступеньки имела наклон в сторону продольной оси могильной ямы. Перепад высот составляет 19 см. Стенки ямы вертикальные, ровные, лишь западная стенка имеет рваные края и выбоины по всей плоскости.

Вдоль западной стенки могильной ямы располагалась, очевидно, подбойная ниша, свод которой был полностью разрушен при ограблении могилы в 1911 г. Длинная ось ниши проходила параллельно длинной оси входной ямы. Ширина ниши – 110 см от края ступеньки, глубина у северного борта ямы – 212 см от уровня дна раскопа 1916 г., у южного – 204 см. Таким образом, дно подбойной ниши, как и дно впускной ямы, имеет слабый наклон в направлении с севера на юг. В южном борту подбоя располагалась ниша с аркообразным сводом глубиной 15 см от плоскости южного борта подбоя. Ширина ниши по линии стенки подбоя составляла 50 см. Дно этой ниши находилось на высоте 28 см от дна подбоя. По словам грабителей, внутри этой ниши ими была найдена «железная кираса». По-видимому, именно наличие этой ниши заставило думать С.И. Руденко, что могила содержала катакомбу. Заполнение ямы состояло из рыхлого черного гумуса, перемешанного с мелкими обломками мергеля и аргиллита белого, зеленоватого и красноватого цветов. В нижних слоях заполнения ямы был найден фрагмент концевой части железного обоюдоострого меча и фрагмент железного панциря (рис. 4) – утраченные части предметов,

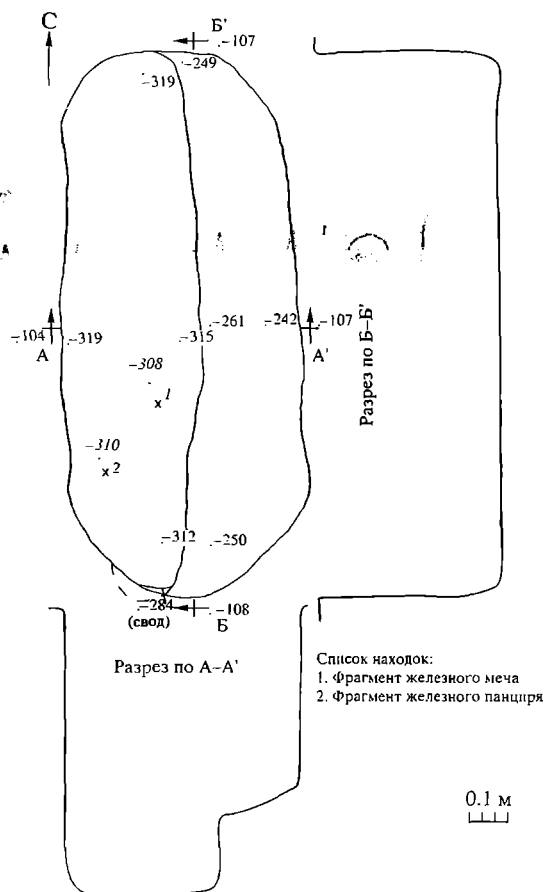

Рис. 4. Курган 1, погребение 1. План и разрезы погребальной камеры

найденных крестьянами в 1911 г., и подтверждающие их происхождение именно из этого погребения.

В контексте темы, затронутой в этой статье, специально отметим захоронение воина в погребении 4 кургана 1, в котором были найдены длинный железный меч и два кинжала с серповидными наконечниками, свыше сорока бронзовых наконечников стрел и круговая светлоангобированная хумча среднеазиатского производства (рис. 5).

Все наконечники (37 шт.) бронзовые (рис. 6). Среди них выделяются экземпляры со скрытой втулкой (подавляющее большинство) и с выступающей втулкой. Последние типологически аналогичны тем, что были найдены в погребении 2 кургана 2 Прохоровки¹²⁵. Длинный меч (рис. 7, 7) имеет прямое перекрестие и слабо изогнутое серповидное навершие. Оба кинжала имеют прямые перекрестия (рис. 7, 5–6). У одного из них навершие почти не сохранилось, но у другого оно прямое.

¹²⁵ Мещеряков, Федоров, Яблонский. Старая коллекция... С. 109.

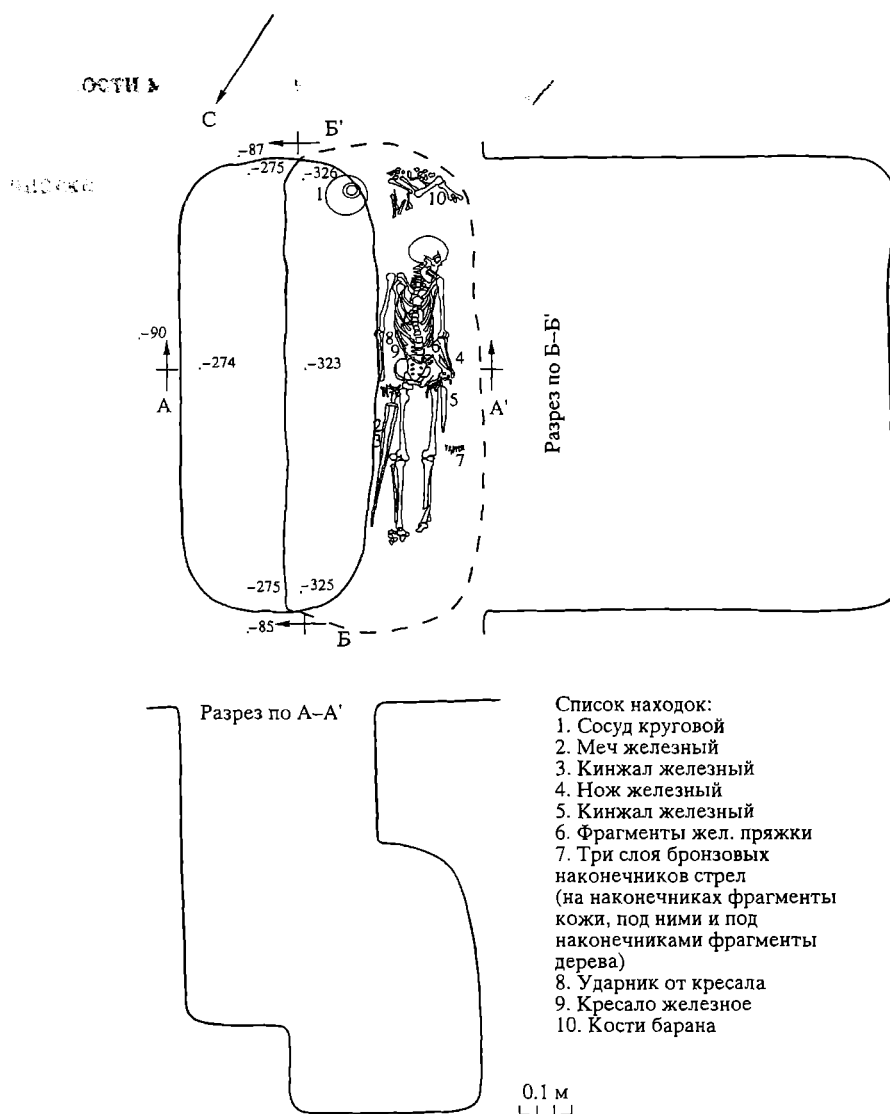

Рис. 5. Курган 1, погребение 4. План и разрезы погребальной камеры

Кинжал с прямым перекрестьем и прямым навершием имеет многочисленные аналогии в южноуральских комплексах, датируемых IV – началом III в. до н.э.¹²⁶ Есть они и в Поволжье, где также датируются рубежом IV–III вв. до н.э.¹²⁷

¹²⁶ Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975. Рис. 41, 4, 7; 42, 6; 51, 2; Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М., 1994. Рис. 90, 15; Пишеничнюк. Переволочанский могильник. Рис. 12, 15; Моргунова Н.Л. Курганы у сел Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе // АПО. Оренбург, 1996. Рис. 10, II–I; Мещеряков Д.В. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на реке Илек // АПО. Оренбург, 1996. Рис. 9, 2; Родионов В.В., Гуцалов С.Ю. Материалы погребений и случайных находок савромато-сарматского времени из фондов Актюбинского краеведческого музея // УАВ. Уфа, 2000. Вып. 2. Рис. 6, 1.

¹²⁷ Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В. Раскопки у с. Лятошинка // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград, 1995. Рис. 4, 1.

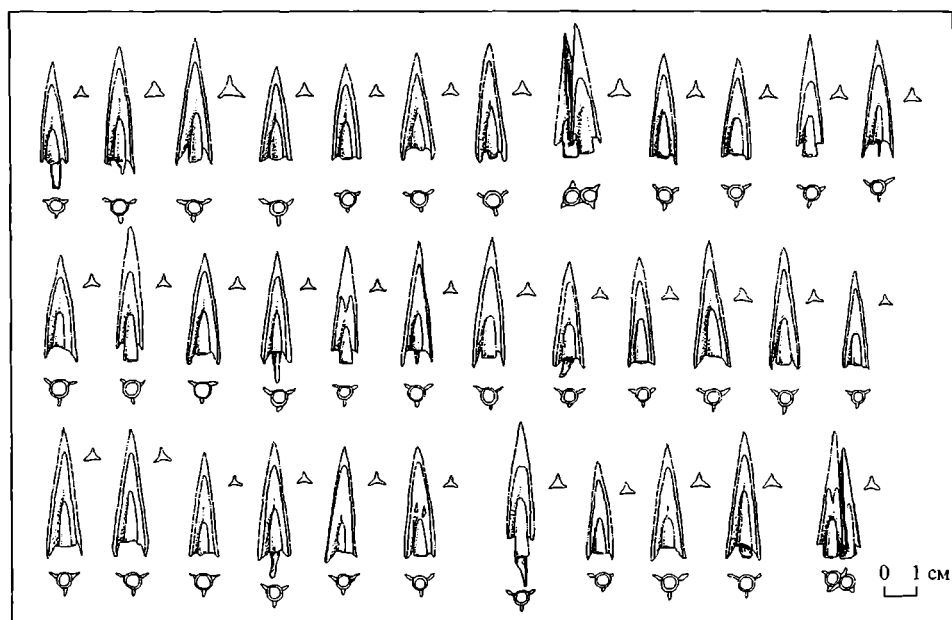

Рис. 6. Курган 1, погребение 4. Бронзовые наконечники стрел

В погребении 2 второго прохоровского кургана (синхронного кургану 1) был обнаружен меч с расширяющейся в средней части клинком, слабо изогнутым серповидным навершием и прямым, овальным в сечении перекрестием. Этот меч имеет важный с точки зрения его хронологической атрибуции признак – двутавровую рукоять (рис. 7, 9). В.С. Горбунов и Р.Б. Исмагилов¹²⁸ приводят аргументы в пользу ранней даты кинжала с двутавровой рукоятью из Талалаевки и датируют его IV в. до н.э. В закрытых археологических комплексах мечи и кинжалы с двутавровыми рукоятями встречены лишь в нескольких случаях – Бердянка V, курган 4 погребение 2 и курган 5 погребение 5¹²⁹, Шумаево II, курган 9 погребения 13 и 18¹³⁰, Охлебинино–441¹³¹, Агалыксай, курган 10¹³². Везде сопутствующим материалом они датируются временем не позднее III в. до н.э.¹³³

Все признаки позволяют отнести меч и кинжалы из погребения 4 кургана 1 к раннесарматскому типу и с учетом характерного набора наконечников стрел

¹²⁸ Горбунов В.С., Исмагилов Р.Б. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. 1976. № 3. С. 244.

¹²⁹ Моргунова, Мещеряков. «Прохоровские» погребения... С. 125. Рис. 2, 2.

¹³⁰ Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. Оренбург, 2003. Рис. 79, 4; 101, 9.

¹³¹ Пишеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. С. 38–39. Рис. 5, 1–2; 9, 10.

¹³² Обельченко О.В. Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. 1978. № 4. С. 116–117. Рис. 1, 2.

¹³³ Федоров В.К. Клинковое оружие и колчанные наборы IV–III вв. до н.э. О времени появления на Южном Урале мечей и кинжалов прохоровского типа // МАВДС. Вып. 1. Волгоград, 2001.

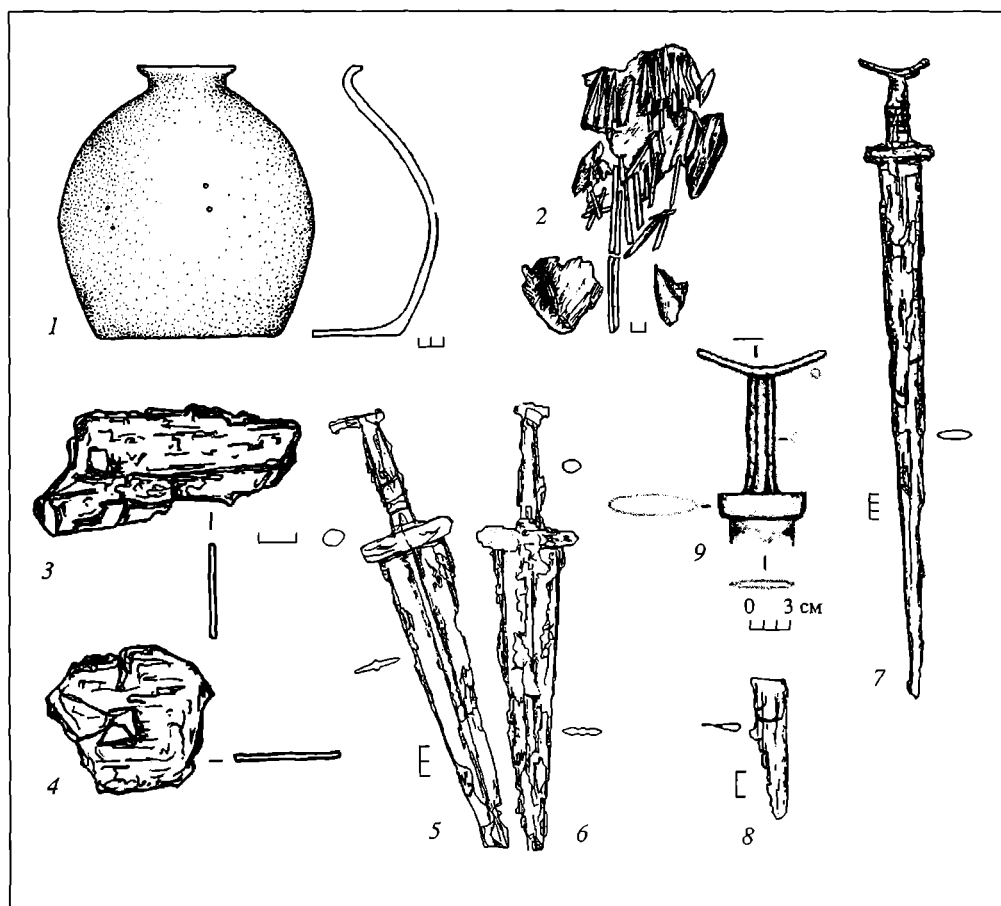

Рис. 7. Инвентари курганов 1 и 2: 1 – круговая хумча; 2 – остатки колчана со стрелами; 3 – обломок железного меча; 4 – фрагмент железной кирасы; 5, 6 – железные кинжалы; 7 – железный меч; 8 – железный нож; 9 – рукоять железного меча. 3, 4 – из погребения 1 кургана 1; 9 – из погребения 2 кургана 2; остальное – из погребения 4 кургана 1

датировать их временем не позже III в. до н.э. Такая датировка не противоречит и общему облику хумчи «раннекангюйского» типа из погребения 4 кургана 1 (рис. 7, 1).

Таким образом, погребение 1 кургана 1 Прохоровки по совокупности находок в этом кургане (учитывая и впускные, относительно более поздние захоронения) должно датироваться временем от конца IV и не позже конца III в. до н.э. Очевидно, что именно эта дата – конец III в. до н.э. – и является *terminus ante quem* для надписей на фиалах из Прохоровки.

ONCE MORE ON THE DATING OF TWO INSCRIPTIONS FROM PROKHOROVKA

A. S. Balakhvantsev, L. T. Yablonsky

The authors analyze two inscriptions in Aramaic script on the silver cups found in 1911 during an illegal excavation of Kurgan 1 in Prokhorovka (Southern Urals). Paleographic and linguistic data as well as new archaeological material discovered in this kurgan in 2003 make it possible to date the inscriptions to a period before the end of the 3rd c. BC.

БУСЫ, ПОДВЕСКИ И АМУЛЕТЫ: ВЕРА В СГЛАЗ У ГРЕЧЕСКОГО И МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ ТАВРИКИ

Если древняя литературная традиция, надписи и монеты, а также находки культовой скульптуры проливают некоторый свет на религиозную жизнь городского населения греческих колоний Северного Причерноморья, то о мировоззрении сельского населения мы знаем еще недостаточно¹. Наша осведомленность оставляет желать лучшего, когда речь заходит о неофициальных культах или древних народных поверьях и предрассудках, материальные следы которых, как правило, редки и иллюзорны.

Предлагаемый вниманию читателей материал частично заполняет этот пробел. Речь пойдет о коллекции бус и подвесок из некрополя Панское I, обработанной в ходе подготовки этого памятника к публикации². Данная выборка любопытна тем, что дает основание для уточнения хронологии отдельных разновидностей бус, и этот, на первый взгляд обычный, материал вводит нас в круг религиозных представлений и суеверий древнего населения херсонесской хоры.

Бусы и подвески во все времена представляли собой наиболее распространенный и легко доступный тип женских украшений, хотя иногда их носили также мужчины и дети³. Но только ли об украшениях здесь может идти речь? Как известно, изначальной функцией украшений было не только удовлетворение эстетических запросов. Рассматриваемый ниже материал лишний раз подтверждает, что эти предметы играли зачастую и другую, более серьезную роль.

Прежде всего на эту мысль наталкивает дистрибуция находок. Общее количество бус, найденных на некрополе Панское, сравнительно невелико. 64 известных на данный момент экземпляра происходят из 13 погребений. При том, что бусы сопровождают иногда захоронения молодых женщин в возрасте от 18 до 25 лет (грунтовые могилы M02 и M039), они характерны в основном для детских погребений. Единичная гагатовая бусина происходит из погребения женщины (K32 M2), умершей в возрасте около 30 лет. Некоторую неясность оставляет могила K2 M1, где кости скелета не сохранились, и женский костяк в могиле K42 M1, возраст которого не определен. Любопытно, что в материалах некрополя не отмечено ни одного случая, когда бусы были бы связаны с погребениями младенцев в амфорах. Из-за крайне плохой сохранности костей детей и подростков лишь в редких случаях возможно установить, входили найденные бусины в состав низки, ожерелья, браслета или же использовались в

¹ В этой связи следует всячески приветствовать выход двух новых книг А.А. Масленникова, посвященных сельским святилищам Боспора и отчасти заполняющих этот пробел. См. *Масленников А.А. Античное святилище на Меотиде*. М., 2006; *он же. Сельские святилища Европейского Боспора*. М., 2007.

² *Rogov E.Ya., Stolba V.F. Panskoye I. Vol. 2. The Necropolis*. Aarhus, 2008.

³ См. дискуссию по этому вопросу: *Hughes-Brock H. Mycenaean Beads: Gender and Social Contexts* // *OxfJA*. 1999. 18. P. 277–278.

орнаментации одежды⁴. Как увидим ниже, подобное половозрастное распределение находок очень показательно и едва ли случайно. Однако прежде чем попытаться объяснить эту картину, остановимся на характеристике самих бус.

Морфологически все стеклянные бусы коллекции представлены семью разновидностями, из которых биконические, цилиндрические, а также изделия в форме уплощенной сферы с широким центральным отверстием наиболее многочисленны. Все биконические бусы изготовлены из прозрачного темно-синего или желтоватого стекла и имеют единственное коническое отверстие, просверленное с одной стороны (№ 10 [А–О]). Исключение составляет лишь бусина № 12 из погребения К2 М1, сформованная из непрозрачного⁵ зеленого стекла и имеющая слегка витую поверхность по обе стороны от центрального ребра. За исключением последнего экземпляра все они происходят из женского безкурганного погребения М039. Данная разновидность бус хорошо известна в Причерноморье, она представлена на таких памятниках античной эпохи, как Николаевка⁶, могильники Мамай-Гора⁷, Пичвнари⁸ и др.

Группа цилиндрических бус довольно разнообразна и распадается на три различных типа: а) короткие, формованные на стержне цилиндры с округлыми краями и большим отверстием для подвешивания, изготовленные из прозрачного (№ 5 [А–В], № 11 [А]) или глухого (№ 11 [В]) синего стекла; б) более длинные и узкие цилиндры из глухого темно-синего стекла (№ 11 [С]); в) крупные подцилиндрические пронизы из непрозрачного коричневого или коричнево-черного стекла (№ 1 [В], № 2 [А–С], № 8 [А]). В отличие от двух предшествующих последний тип украшен нитью желтовато-белого непрозрачного стекла, обвивающей пронизь от одного конца до другого и образующей две зоны фестонов. Подобный тип пронизей получил название «wire-drawn beads»⁹. Другая разновидность представлена бусами в виде уплощенной сферы. Наряду с простыми бусами из глухого или прозрачного синего стекла (№ 4 [С–Д], № 7 [В–С, Е–F]), а также одной зеленой бусиной № 11 (Е) эта группа включает четыре сформованных на стержне экземпляра из темно-синего непрозрачного стекла, украшенные слоистым глазчатым орнаментом (№ 1 [С],

⁴ Как показывают многочисленные примеры скифских погребений IV в. до н.э., бусы и подвески нередко использовались в браслетах и украшении одежды. См., например: Яковенко Э.В. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма (Предскифский период и скифы). Киев, 1970. С. 125–126. Рис. 14, 3; Ковпаненко Г.Т., Яковенко Э.В. Скифские курганы на юге Херсонщины // Скифские древности. Киев, 1973. С. 258; Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н. Скифские курганы Никопольщины / Там же. С. 149, 163; они же. Скифский курганный могильник Гайманово Поле // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 159; Кубышев А.И., Николова А.В., Полин С.В. Скифские курганы у с. Львово на Херсонщине // Древности степной Скифии. Киев, 1982. С. 138.

⁵ Иногда в литературе для обозначения глухого, непрозрачного стекла некорректно используется термин «паста». О различии между этими терминами см. Eisen G. The Characteristics of Eye Beads from the Earliest Times to the Present // AJA. 1916. 20. P. 2; Beck H.C. Classification and Nomenclature of Beads and Pendants // Archaeologia. 1928. 77. P. 54–55; Деоник В.Б. Классификация бус Северного Кавказа IV–V вв. // СА. 1959. № 3. С. 54. Прим. 51.

⁶ Мелюкова А.И. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М., 1975. С. 257. Рис. 59, 3.

⁷ Андрух С.И. Могильник Мамай-Гора. II. Запорожье, 2001. С. 51–52. Рис. 20, 6.

⁸ Vickers M., Kakhidze A. Pichvnari. Vol. 1. Pichvnari 1998–2002. Greeks and Colchians on the East Coast of the Black Sea. Tbilisi, 2004. P. 399. Fig. 242.

⁹ Beck. Classification... P. 49, 66–67, группа XLVII A.7.d.

№ 3, № 8 [D–E]). Подобный орнамент создавали путем последовательного нанесения на еще мягкую матрицу капель белого и синего стекла с последующей их прокаткой¹⁰. Сферическая бусина № 2 (D) демонстрирует иной тип «глазков», также темно-синего стекла, где маленькие синие точки размещены группой на белом поле. Еще одна сферическая бусина, но из простого прозрачного стекла (№ 7 [D]), найдена в курганном погребении K48 M2.

Последние три разновидности стеклянных бус из некрополя Панское I представлены двумя рубчатými бусами (№ 4 [B] и № 5 [C]), одной боченовидной бусиной (№ 11 [D]), а также подвеской белого прозрачного стекла, сформованной в виде амфорки (№ 2 [E]), которая входила в низку бус, найденную в погребении K39 M5. Три гагатовых бусины, обнаруженные на некрополе, имеют разные типы. Две из них – боченовидная (№ 8 [B]) и кубическая (№ 8 [C]) – происходят из одиночного погребения K56 M2, а короткая цилиндрическая (№ 7 [A]) найдена в составе низки в могиле K48 M2. Форма четвертого, также, по-видимому, гагатового экземпляра из K32 M2 (№ 13), не зафиксирована.

Немаловажное значение имеет и цвет бус. При том, что в выборке представлены изделия зеленого, желтоватого и прочих оттенков, синие бусы преобладают. Синий цвет проще всего можно было получить в стеклодельной мастерской¹¹, но технологический аспект играл, очевидно, лишь второстепенную роль в популярности синих и голубых бус.

С древнейших времен голубой цвет имел символическое значение, чем объясняется его регулярное использование в различного рода амулетах¹². Судя по многочисленным этнографическим данным, в Средиземноморье и за его пределами этот цвет тесным образом ассоциируется с верой в сглаз, т.е. разрушительную силу дурного взгляда, вызывающего порчу¹³.

¹⁰ О различных способах производства глазчатых бус см. *Eisen. The Characteristics...* P. 3–24; *Beck. Classification...* P. 63–65; *Деоник. Классификация...* С. 56–59; *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья (САИ Г1-12). М., 1975. С. 51–56. Ср. *Küçükerman Ö. Glass Beads. Anatolian Glass Bead Making. The Final Traces of Three Millennia of Glass Making in the Mediterranean Region.* Istanbul, 1988. P. 63.

¹¹ См. *Küçükerman. Glass Beads...* P. 81.

¹² О символизме голубого цвета в Микенской Греции см. *Hughes-Brock. Mycenaean Beads...* P. 285–286. Для бронзового века Британии ср. *Grinsell L.V. Early Funerary Superstitions in Britain // Folklore.* 1953. 64/1. P. 274. О его значении в современных Греции, Египте и Марокко см. соответственно *Dionisopoulos-Mass R. The Evil Eye and Bewitchment in a Peasant Village // The Evil Eye / Ed. C. Maloney. N.Y., 1976. P. 42, 48, 50; Hildburgh W.L. Notes on Some Cairene Personal Amulets // Man.* 1916. 16. P. 82; *idem. Images of the Human Hand as Amulets in Spain // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes.* 1955. 18. P. 73. Not. 5; *Westermarck E. Ritual and Belief in Morocco. Vol. 1. L., 1926. P. 439–440.* Следует отметить, что в отдельных регионах аналогичные апотропеические свойства приписываются и красному цвету, возможно, в силу ассоциации с кровью. Этим объясняется также популярность коралла и изделий из этого материала в качестве действенных амулетов от сглаза и колдовства. Похоже, однако, что это сравнительно поздняя традиция, заимствованная с Востока. См., например: *Plin. NH. XXXII. 10 (Mayhoff): «surculi infantiae adalligati tutelam habere creduntur»;* *Seligmann S. Die magischen Heil- und Schutzmittel aus der unbelebten Natur mit besonderer Berücksichtigung der Mittel gegen den bösen Blick.* Stuttgart, 1927. S. 200–205; *Callisen S.A. The Evil Eye in Italian Art // The Art Bulletin.* 1937. 19. P. 454–461; *Hildburgh W.L. Some Spanish Amulets connected with Lactation // Folklore.* 1951. 62. P. 434, 438.

¹³ О психологических, а также социо-культурных и антропологических аспектах этого поверья см. *Siebers T. The Mirror of Medusa.* Christchurch, 2000. P. 57–86.

Как образно отметил Александр Дюма, «вера в сглаз не является изобретением сегодняшнего дня... это наказание, завещанное древними современному миру... это цепь, которая тянется через века и к которой каждый век добавил звено... вера в сглаз родилась на Олимпе»¹⁴. Действительно, благодаря свидетельствам Теокрита, Плутарха, Гелиодора, Плиния Старшего и ряда других авторов¹⁵, не вызывает сомнений тот факт, что это поверье было широко распространено уже в античную эпоху. Современный этнографический материал свидетельствует, что с тех пор эти представления не претерпели сколько-либо существенных изменений. М. Харди, исследовавший это универсальное поверье среди сельского населения Греции, отмечает, что мужчины и женщины открыто признают существование дурного глаза и их собственный страх перед ним¹⁶. Эти древние, глубоко укоренившиеся представления не ограничиваются лишь сельской местностью, прекрасным доказательством чему служат примеры относительно аналогичных предрассудков в среде образованного городского населения середины XX в., приведенные Габбинсом, Малони и др.¹⁷ В Греции, Египте, Израиле, на Кипре и во многих других странах синие бусы из стекла и бирюзы по-прежнему активно используются как предохранение от сглаза и злых наговоров¹⁸. Особого упоминания заслуживает западное побережье Турции, являющееся одним из основных центров подобных верований и знаменитое в наше время своим производством так называемых *paazar boncuğu* – апотропеических глазчатых амулетов из голубого стекла.

¹⁴ *Dumas A. Le Corricolo. P., 1872. P. 178, цит. по Berry V. Neapolitan Charms against the Evil Eye // Folklore. 1968. 79/4. P. 250.*

¹⁵ Подборку и анализ античных источников см. *Jahn O. Über den Aberglauben des bösen Blicks bei den Alten // Berichte der Königl.-Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. 1855. 17. S. 32–40.*

¹⁶ *Hardie M.M. The Evil Eye in Some Greek Villages of the Upper Haliakmon Valley in West Macedonia // The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1923. 53. Jan.–Jun. P. 160.* О вере в сглаз как одном из основных элементов венгерского фольклора см. *Röheim G. The Evil Eye // American Imago. 1952. 9. P. 352–55*, который дает интересную подборку и по другим регионам. Украинский материал представлен: *Koenig S. Magical Beliefs and Practices among Galician Ukrainians // Folklore. 1937. 48. P. 67.* О географическом ареале этого поверья см. прежде всего: *Seligmann S. Der böse Blick und Verwandtes. Ein Beitrag zur Geschichte des Aberglaubens aller Zeiten und Völker. Bd 1–2. B., 1910. Bd 1. S. 11–47*, а также *Roberts J.M. Belief in the Evil Eye in World Perspective // The Evil Eye / Ed. C. Maloney. N.Y., 1976. P. 234; Maloney C. Introduction // Ibid. P. xi* (со ссылкой на: *Seligmann S. Die Zauberkraft des Auges und das Berufen: Ein Kapitel aus der Geschichte des Aberglaubens. Hamburg, 1922*), а также карты дистрибуции на страницах xii–xii.

¹⁷ *Gubbins J.K. Some Observations on the Evil Eye in Modern Greece // Folklore. 1946. 57/4. P. 195–198; Maloney C. Don't Say «Pretty Baby» Lest You Zap It with Your Eye – The Evil Eye in South Asia // The Evil Eye. P. 146.*

¹⁸ См., к примеру: *Thompson M.S. Notes from Greece and the Aegean. Evil Eye Charms // Folklore. 1908. 19/4. P. 469; Hildburgh W.L. Some Cairene Amulets for Houses and for Horses and Donkeys // Man. 1913. 13. P. 2–3; Hardie. The Evil Eye... P. 162; Coote Lake E.F. Some Notes on the Evil Eye Round the Mediterranean Basin // Folklore. 1933. 44/1. P. 93–96; Gubbins. Some Observations... P. 197; Grinsell. Early Funerary Superstitutions... P. 274; Moss L.W., Cappannari S.C. Mal'occhio, Ayin ha ra, Oculus fascinus, Judenblick: The Evil Eye Hovers Above // The Evil Eye. P. 7; Dionisopoulos-Mass. The Evil Eye. P. 49, 51, 57. Fig. 4, 1–2 на P. 48; Spooner B. The Evil Eye in the Middle East // The Evil Eye. P. 80; Maloney. Don't Say «Pretty Baby»... P. 119, 143; Lykiardopoulos A. The Evil Eye: Towards an Exhaustive Study // Folklore. 1981. 92/2. P. 226–227.*

В Средиземноморье и Южной Азии, где преобладает население с темным цветом глаз, специфические защитные и антимагические свойства голубого или синего цвета связаны с представлением о том, что именно голубоглазые, выделяющиеся из основной массы чужестранцы являются наиболее вероятными обладателями «дурного глаза»¹⁹. У более северных народов мы точно так же находим аналогичные предрассудки относительно темноглазых инородцев, например цыган (ср. русское «черный глаз» = «дурной глаз»)²⁰. Следуя принципам симпатической магии, глазчатые бусы или изображения глаза должны были восприниматься в качестве наилучшей защиты от сглаза и злой магии. Именно эта функция, а не просто орнаментальный мотив, придавалась изображению этого человеческого органа на носовых частях древнегреческих кораблей, на боевых щитах, в вазовой росписи (часто наряду с горгонеями) и целом ряде других предметов²¹. В этой связи нужно упомянуть и финикийские стеклянные подвески VI–IV вв. до н.э. с изображением человеческих лиц, известные на значительной территории от Испании до Южной России²². Две подобные подвески были обнаружены в здании У6 на поселении Панское I²³. Несмотря на попытки связать их с почитанием умерших, с культом Диониса-Сабазия и культом плодородия в целом²⁴, подобная связь далеко не очевидна. Эти изделия должны были иметь также апотропеическое значение, как и

¹⁹ *Seligmann*. Der böse Blick... Bd 1. S. 69; *Barth F.* Nomads of South Persia. L., 1961. P. 145; *Spooner*. The Evil Eye... P. 80; *Maloney*. Don't Say «Pretty Baby»... P. 108. Ср. *Moss*, Capparelli. Mal'occhio... P. 8–9.

²⁰ *Seligmann*. Der böse Blick... Bd 1. S. 68–69 сообщает об аналогичном предубеждении в отношении черных глаз среди жителей Померании (ср. его S. 86 относительно широко распространенной ассоциации цыган со сглазом и колдовством). Насколько мне известно, кроме русского, термины, связанные с этим поверьем (ср., например, греч. βάσκανος/φθονερός/κακό ματί / > βασκανία/μάτιασμα, лат. oculi maligni/invidi, итал. jettatura/malocchio, нем. böser Blick/böses Auge/Zauberauge, англ. evil/bad/ill eye, франц. mauvais oeil, тур. nazar, араб. aîn, ивр. ayin ha'ra, датск. et ondt øje, польск. złe oko, финск. paha silmä и др.), не относятся напрямую к цвету глаз.

²¹ См. *Jahn*. Über den Aberglauben... S. 63–66; *Kuhnert*. Fascinum // RE. 1909. Bd 6. Sp. 2010; *Seligmann*. Der böse Blick... Bd 2. S. 144–164. Abb. 85–102, 105–119, 133; *Hildburgh W.L.* Apotropaism in Greek Vase-Painting // Folklore. 1946. 57. P. 154–166; *Steinhart M.* Das Motiv des Auges in der griechischen Bildkunst. Mainz, 1995, passim.

²² Об этих подвесках-личинах, известных так же, как «Gesichtspierlen», см. *Seefried M.* Les pendentifs en verre façonnés sur noyau du Musée National du Bardo et du Musée National de Carthage // Karthago. 1976. 17. P. 37–66; *eadem*. Glass Core Pendants Found in the Mediterranean Area // JGS. 1979. 21. P. 17–26; *Havaernick T.E.* Gesichtspierlen // MM. 1977. 18. P. 152–231. См. также дискуссию: *Tatton-Brown V.* Rod-formed Glass Pendants and Beads of the 1st Millennium BC // Greek and Roman Glass in the British Museum. Vol. 1. Core- and Rod-Formed Vessels and Pendants and Mycenaean Cast Objects. L., 1981. P. 143 и доказательства в пользу их скорее финикийского, нежели карфагенского производства.

²³ О подобных подвесках, найденных на поселении Панское I, см. *Ščeglov A.N.* Cult Sculpture, Altars, Sacred Vessels and Votives // Panskoye I. Vol. 1. The Monumental Building U6 / Ed. L. Hannestad, V.F. Stolba, A.N. Ščeglov. Aarhus, 2002. P. 217–220, 223. № G 18–19; *Гилевич А.М.* О культе Сабазия в Херсонесе // Древний Восток и античная цивилизация. II., 1989. С. 72, 128. Рис. 2.

²⁴ *Ščeglov*. Cult Sculpture, Altars... P. 220. Ср., кроме того, *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья (САИ Г1-12). М., 1982. С. 34; *Гилевич*. О культе Сабазия... С. 72. Высказывалась также догадка, что подобные подвески могут изображать финикийского бога Мелькарта. См. *Froehner W.* Catalogue des antiquités grecques et romaines, Musée de Marseille. P., 1897. P. 104. №. 285.

глазчатые бусы²⁵. Судя по условиям их находки на Панском, обе личины, скорее всего, подвешивались вертикально и были укреплены на одной из стен помещения²⁶. Точно так же в современных Турции, Греции, Италии и других странах на стенах или дверных рамах подвешиваются глазчатые амулеты и прочие обереги (клешни ракообразных, когти хищников, вязки чеснока, дырявые камни и т.п.), предназначенные охранять жилище от дурного глаза. Едва ли случайно, что глаза этих людей, как правило, голубого цвета.

Веру в сглаз невозможно рассматривать вне связи с таким психологическим и культурно-социологическим явлением, как зависть, что дает ключ к пониманию данного феномена. Практически все, что может служить предметом зависти других людей – человек, животное или неодушевленный предмет – подвержено риску сглаза. Однако во всех странах и во все времена малолетние дети считались к этому наиболее восприимчивыми²⁷. Любопытно, что за исключением беременных женщин, рожениц или кормящих матерей²⁸, а также невест, которые могли стать бесплодными²⁹, женщины в целом, похоже, не считались особо подверженными подобному влиянию³⁰. То же самое можно сказать о младенцах, которым ничто не угрожало до тех пор, пока они не были крещены³¹.

Интерпретация археологических объектов по этнографическим данным безусловно требует осторожности. Однако сходство с той картиной, которую мы наблюдаем на некрополе Панское I, поразительно. Характерное половозрастное распределение погребений с бусами, многочисленные примеры глазчатых бусин, а также преобладание голубого цвета дают основание думать, что некоторые, если не большинство найденных здесь стеклянных бус, могли служить амулетами, а не просто украшениями. То же самое, по-видимому, справедливо и в отношении бус из гагата – материала, которому приписывают целебные и защитные свойства и который также часто используется для изготовления различного рода амулетов³².

²⁵ Ср. уже *Havaernick. Gesichtspierlen. P. 170; Seefried. Glass Core Pendants... P. 26; Гороховская Л.П., Циркин Ю.Б. Северное Причерноморье и Карфаген // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 207.*

²⁶ *Ščeglov. Cult Sculpture, Altars... P. 227. Not. 61.*

²⁷ *Seligmann. Der böse Blick... Bd 1. S. 190; Hardie. The Evil Eye... P. 161; Jeffreys M.D.W. Cowry, Vulva, Eye // Man. 1942. 42. P. 120; Hildburgh. Images of the Human Hand... P. 68; Röheim. The Evil Eye... P. 352, 357; Dionisopoulos-Mass. The Evil Eye... P. 45; Teitelbaum J. The Leer and the Loom – Social Controls on Handloom Weavers // The Evil Eye / Ed. C. Maloney. N.Y., 1976. P. 64; Spooner. The Evil Eye... P. 80; Maloney. Don't Say «Pretty Baby»... P. 105, 120–123; Lykiardopoulos. The Evil Eye... P. 224. Ср. также Coote Lake. Some Notes... 95.*

²⁸ *Hardie. The Evil Eye... P. 161; Hildburgh W.L. Some Spanish Amulets Connected with Lactation // Folklore. 1951. 62. P. 431; Röheim. The Evil Eye... P. 358; Spooner. The Evil Eye... P. 80; Maloney. Don't Say «Pretty Baby»... P. 105–106.*

²⁹ *Durham M.E. The Meaning of the Cowrie: Stylized Cowrie-Pendants // Man. 1941. 41. P. 24. Ср. также Dionisopoulos-Mass. The Evil Eye... P. 57.*

³⁰ *Lykiardopoulos. The Evil Eye... P. 224. Ср., впрочем, Teitelbaum. The Leer... P. 64, для тунисской версии «злого глаза».*

³¹ *Hardie. The Evil Eye... P. 161. В Индии, однако, младенцы считаются восприимчивыми к сглазу, так как еще не обладают внутренней силой личности, чтобы ему противостоять. См. Maloney. Don't Say «Pretty Baby»... P. 105.*

³² *Grinsell. Early Funerary Superstitions... P. 274; Hildburgh. Images of the Human Hand... passim.*

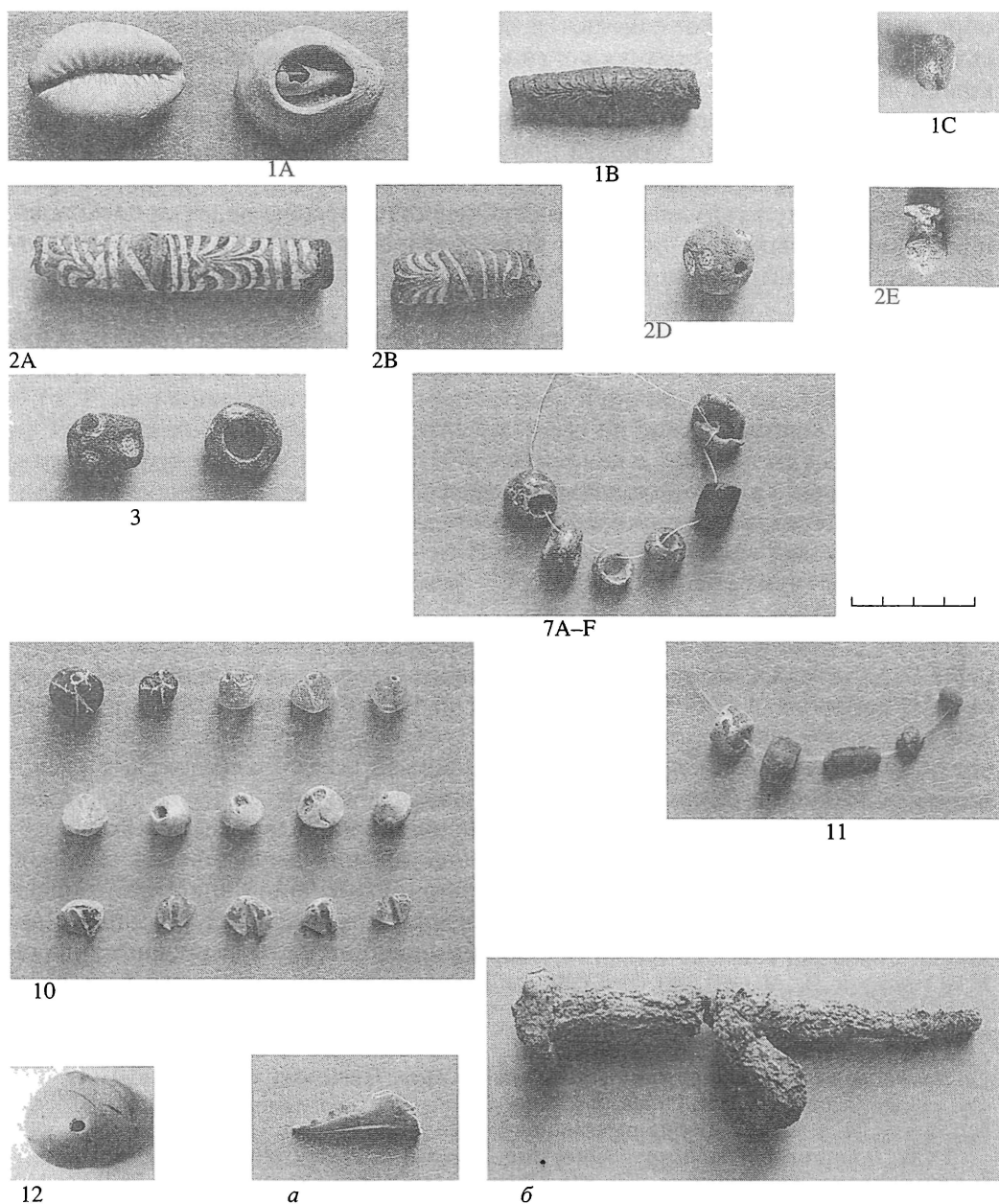

Рис. 1. Бусы, подвески и амулеты из некрополя Панское I. Номера соответствуют номерам каталога

Некоторые предметы в могилах некрополя Панское, чье появление там трудно объяснить иначе, также, по-видимому, играли роль оберегов. К их числу относится клешня краба в погребении К43 МЗ (рис. 1, а), которое наряду с женским скелетом содержало также захоронение ребенка. В современных Греции, Италии, на малоазийском побережье Эгейды клешни рако-

образных традиционно считаются действенным оберегом (phylakto) от сглаза³³. В различных странах когти или зубы крупных кошачьих хищников, клыки дикого кабана и т.п. зачастую служили теми же амулетами³⁴, вероятно, в силу ассоциации с идеей защиты. К этой же группе оберегов от сглаза следует, видимо, отнести популярные итальянские амулеты в виде витого рога (так называемые cornicelli) из коралла, рога, серебра, латуни, пластмассы или других материалов³⁵. Очевидно, отсюда ведет происхождение и популярный жест-оберег в виде «рогатой руки» (mano cornuta) с согнутыми большим, средним и безымянным пальцами, вытянутыми указательным пальцем и мизинцем³⁶.

В той же апотропеической связи следует, возможно, рассматривать и находки единичных железных гвоздей в могилах Панского и других некрополей. Некоторые из них сильно и неестественно деформированы (рис. 1, б), в силу чего их использование по прямому назначению маловероятно. Судя по этнографическим данным, в современной Италии, как и в ряде других стран, железу, очевидно в силу надежности и прочности, издавна приписывались защитные свойства, а прикосновение к железным предметам (tossa ferro) считалось столь же эффективной защитой от сглаза, как и прикосновение к собственным гениталиям. Согласно С. Зелигманну³⁷, железным гвоздям и иглам отводилась в этом особая роль.

Наконец, особого внимания здесь заслуживает подвеска из раковины каури № 1 (А), которая наряду с тремя стеклянными бусинами была найдена в курганном погребении К39 М4³⁸. Несмотря на то, что ее верхний свод пробит для подвешивания, характерный золотистый ободок на дорсальной поверхности не оставляет сомнений в принадлежности этого экземпляра к разновидности *Monetaria* (*Cypraea*) *annulus* L., ареал обитания которой ограничен главным образом районом Омана и восточно-африканского побережья.

Использование каури в качестве украшений или амулетов как людьми, так и для животных имеет давнюю историю и необычайно широкую географию, распространяющуюся далеко за пределы естественного обитания моллюска этого вида. В Северном Причерноморье они часто встречаются в со-

³³ См. *Seligmann. Der böse Blick...* Bd 2. S. 124 (он же отмечает использование клешней для детских амулетов); *Dionisopoulos-Mass. The Evil Eye...* P. 48–50. Fig. 4, 1. Ср. также *Hildburgh W.L. Notes on Some Cairene Personal Amulets* // *Man*. 1915. 15. P. 178 и pl. N. 5, который приводит аналогичные примеры из Египта.

³⁴ См., например: *Thompson. Notes from Greece...* P. 469; *Hardie. The Evil Eye...* P. 162; *Spooner. The Evil Eye...* P. 81; *Maloney. Don't Say «Pretty Baby»...* P. 118, 142; *Lykiardopoulos. The Evil Eye...* P. 227.

³⁵ Менее вероятно предположение, что cornicelli лишь подменяют собой итифаллические амулеты, сохраняя все ту же фаллическую коннотацию (см., например, *Berry. Neapolitan Charms...* P. 252).

³⁶ Об этом жесте как одном из наиболее эффективных способов защиты от сглаза в современной Италии см., например: *Potts W.J. The Evil Eye* // *The Journal of American Folklore*. 1890. 3. P. 70; *Hauschild Th. Der böse Blick. Ideengeschichtliche und sozialpsychologische Untersuchungen*. Hamburg, 1979. S. 182.

³⁷ *Seligmann. Der böse Blick...* Bd 1. S. 273–275; *idem. Die magischen Heil- und Schutzmittel...* S. 161–169.

³⁸ Об этой находке см. предварительное сообщение: *Столба В.Ф. Каури и прочие амулеты в погребальном обряде некрополя Панское I* // *Боспорский феномен*. СПб., 2007. Ч. 2. С. 154–162.

ставе ожерелий и браслетов, найденных в погребениях греческого и особенно местного населения³⁹.

³⁹ Далеко не полная сводка этих находок включает в себя такие памятники, как некрополи Аполлонии (*Младенова Я.* Предметы от стькло и алабастр от некрополя на Аполония // *Аполония*. София, 1963. С. 310–311. № 1001. Табл. 165), Нимфея (*Грач Н.Л.* Некрополь Нимфея. СПб., 1999. С. 71. Рис. 30; IV в. до н.э.), Ольвии, Пантикапея, Фанагории (*Алексеева*. Античные бусы... 1982. С. 30, тип 7а), Тирамбы (*Коровина А.К.* Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970) // *СГМИИ*. 1987. 8. С. 17. Рис. 14), сельского некрополя Лагерная Коса (*Буйских С.Б., Никитин В.И.* Охраняемые раскопки могильника IV–III вв. до н.э. Лагерная Коса // *Археология*. 1988. №. 63. С. 87), тризну у могилы 1 Кульчукского некрополя (*Дашевская О.Д.* Первые исследования Кульчукского некрополя // *СА*. 1978. № 3. С. 212, 207. Рис. 7, 5), сельские некрополи Ак-Таш (*Бессонова С.С., Буянтян Е.П., Гаврилюк Н.А.* Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев, 1988. С. 151. Рис. 7, 5. С. 153. Рис. 9, 4. С. 173. Рис. 29, 15) и Стоячий Камень в Восточном Крыму (*Масленников А.А.* Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н.э.) // *Боспорский сборник*. 1995. 8. С. 84. Рис. 8, 17. С. 99. Рис. 23, 9), погребение 1 Старшего Трехбратнего кургана (*Трейстер М.Ю.* Гарнитур украшений из погребения 1 Старшего Трехбратнего кургана // *Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н.э. Материалы международной научной конференции, Тамань (Россия), октябрь 2000*. СПб., 2006. С. 175. Рис. 20), погребение 3 у Ильичево (*Яковенко*. Рядовые скифские погребения... С. 125–126. Рис. 14, 3), скифский курган у с. Камкалы в Северном Крыму (*Скорый С.А.* Скифский курган с катакомбами в Северном Крыму // *Древности степной Скифии*. Киев, 1982. С. 235. Рис. 5, 4; IV в. до н.э.), курган 15/погр. 53 Уляпского некрополя в Прикубанье (*Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р.* Меоты Закубанья в середине VI – начале III века до н.э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. М., 2005. С. 177. Рис. 205, 3), курган 3 у Хаджидера в Нижнем Поднестровье (*Субботин Л.В., Островерхов А.С., Охотников С.Б., Редина Е.Ф.* Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья. Киев, 1992. С. 45. Рис. 20, 5–9), курган 447 у Пастырского (*Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А.* Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев, 1989. С. 130. Рис. 41, 42; IV в. до н.э.), скифские погребения Никопольского курганного поля (*Граков Б.Н.* Скифские погребения на Никопольском курганном поле // *МИА*. 1962. 115. С. 93; *Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В., Мозолевский Б.Н.* Скифские курганы Никопольщины // *Скифские древности*. Киев, 1973. С. 130. Рис. 15, 2), курганы 91 и 107 некрополя Мамай-Гора (*Андрух*. Могильник Мамай-Гора. С. 133–134. Рис. 54, 8. С. 162. Рис. 67, 6; IV в. до н.э.), курган 4 у села Дудчаны (*Фридман М.И.* Скифские курганы у с. Дудчаны на Херсонщине // *Древнейшие скотоводы степей юга Украины*. Киев, 1987. С. 167. Рис. 5, 5; IV в. до н.э.) и курган 2 у Первомаевки на Херсонщине (*Евдокимов Г.Л., Фридман М.И.* Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине // *Курганы степной Скифии*. Киев, 1991. С. 77. Рис. 4, 4), многие другие. Для ожерелий из раковин каури, найденных в Лесостепи, см. также *Петренко В.Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V–IV вв. до н.э. (САИ Д1-4). М., 1967. С. 34. Табл. 23, 21а; *Ильинская В.А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968. С. 32, 39. Табл. 11, 27; 25, 16 и 54, 12; *Галанина Л.К.* Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга) (САИ Д1-33). М., 1977. С. 29. Табл. 14, 11; *Ковпаненко Г.Т.* Курганы скифского времени у с. Медвин в Поросье // *Скифы и сарматы*. Киев, 1977. С. 46. Рис. 3, 1. С. 47. Рис. 4, 17. Примеры таких находок в таврских (кизил-кобинских) некрополях крымских предгорий см. *Колотухин В.А.* Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начала железного века. Киев, 1996. С. 148. Рис. 48, 29–31 (Дружное 1). 149. Рис. 49, 46. С. 150. Рис. 50, 31–32. С. 152. Рис. 52, 5. С. 153. Рис. 53, 19 и 53, 32. С. 155. Рис. 55, 40 (Дружное 2). С. 156. Рис. 56, 41–42 (Капак-Таш). Находки раковин каури на памятниках раннескифской культуры собраны в работе *И.В. Бруяко (Bruyako I.V.* Seashells and Nomads of the Steppes (Early Scythian Culture and Molluscs of the *Cyprea* Family in Eastern Europe) // *ACSS*. 2007. 13. Fig. 1, 236–237).

Исключительная популярность каури у разных культур и в различные эпохи, их своеобразная форма с длинным узким отверстием на нижней стороне стали причиной жарких дебатов, развернувшихся в конце 1930-х – начале 1940-х годов, относительно их назначения и представлений, связанных с их использованием⁴⁰.

Сходство нижней части раковин с полузакрытым человеческим глазом дало основание предположить, что они обладали защитными свойствами от глаза⁴¹. Многочисленные примеры их использования именно в этом значении в современной Греции и других европейских странах собраны в обстоятельной работе В. Хилдбурга⁴². Предпринимались также попытки рассматривать каури как символ женственности, плодородия, рождения и достатка⁴³, главным образом по причине сходства отверстия раковины с женскими *rudenda*. Несмотря на документированные находки подобных раковин в античных греческих святилищах и ритуальном контексте, как, например, при исследовании алтаря Афродиты Урании в Афинах⁴⁴, эта гипотеза все же уязвима, а приведенные свидетельства не играют здесь решающей роли. Причиной служит прежде всего тот факт, что каури, судя по всему, носили не столько мужчины, сколько женщины, а также их надевали на животных мужского пола и кастрированных животных⁴⁵, и это подтверждает материал из погребений⁴⁶.

В нашем случае существенно то, что не только ассоциация каури с глазом, но и многократно предлагавшаяся ассоциация с вульвой может также указывать на их апотропеическое значение. Присутствие среди находок огромного количества экземпляров с куполом, пробитым для подвешивания, свидетельствует о том, что не верхняя, а именно нижняя часть раковины, на которой расположено входное отверстие, являлась в представлении древних наиболее важным и действенным ее элементом. С древнейших времен человеческие гениталии, а также рука, сложенная в виде кукиша (*mano fica*) и имеющая несомненную образную связь как с вульвой, так и с фаллосом⁴⁷, являлись неотъемлемой частью различного рода амулетов, прежде всего оберегов от

⁴⁰ См. *Murray M.A.* The Meaning of the Cowrie-Shell // *Man*. 1939. 39. P. 167; *idem.* The Meaning of the Cowrie // *Man*. 1940. 40. P. 15–16; *Sheppard T.* The Meaning of the Cowrie-Shell // *Man*. 1939. 39. P. 200; *Driberg J.H.* The Meaning of the Cowrie // *Man*. 1940. 40. P. 175–176; *Durham M.E.* Cowries in the Balkans // *Man*. 1940. 40. P. 79; *idem.* The Meaning of the Cowrie... P. 24; *Hutton J.H.* Cowries in the Naga Hills // *Man*. 1940. 40. P. 79; *Jeffreys.* Cowry, Vulva, Eye. P. 120; *idem.* Cowry and Vulva Again // *Man*. 1943. 43. P. 144; *Hildburgh W.L.* Cowrie Shells as Amulets in Europe // *Folklore*. 1942. 53/4. P. 178–195.

⁴¹ *Murray.* The Meaning of the Cowrie-Shell. P. 167.

⁴² *Hildburgh.* Cowrie Shells as Amulets in Europe, *passim*. См. также *Durham.* Cowries in the Balkans. P. 79.

⁴³ *Sheppard.* Meaning of the Cowrie Shell. P. 200; *Hutton.* Cowries in the Naga Hills. P. 79; *Jeffreys.* Cowry, Vulva, Eye. P. 120. Ср. *Grinsell.* Early Funerary Superstitions... P. 276.

⁴⁴ См., например: *Reese D.S.* Faunal Remains from the Altar of Aphrodite Ourania, Athens // *Hesperia*. 1989. 58. P. 68. Pl. 16, d–e.

⁴⁵ *Murray.* The Meaning of the Cowrie-Shell. P. 167; *idem.* The Meaning of the Cowrie. P. 16; *Driberg.* Meaning of the Cowrie. P. 175; *Hutton.* Cowries in the Naga Hills. P. 79. Наряду с этнографическими данными этот подтверждается их находками в мужских и женских погребениях. См. *Grinsell.* Early Funerary Superstitions. P. 275–276.

⁴⁶ См. *Grinsell.* Early Funerary Superstitions. P. 275–276.

⁴⁷ *Elworthy F.T.* The Evil Eye. An Account of this Ancient and Widespread Superstition. L., 1895. P. 255; *Seligmann.* Der böse Blick... Bd 2. S. 184; *Roheim.* The Evil Eye. P. 359.

сглаза⁴⁸. Археологических и этнографических примеров тому более чем достаточно.

Свойство подобных амулетов отвращать зло объясняет их большую популярность в среде римских солдат, подтверждаемую нередкими находками фаллических подвесок на месте военных гарнизонов в римских провинциях⁴⁹. Впрочем, спрос на них не ограничивался одной лишь армией. Римское божество *Fascinus*, под особой протекцией которого находились младенцы, суть не что иное, как деифицированный фаллос. Варрон настоятельно рекомендует носить фаллические амулеты на шею маленьких мальчиков с целью уберечь их от зла (*Var. Ling. Lat.* 7. 97; ср. *Plin. NH.* XXVIII. 8). Находка маленькой фаллической подвески вместе с другими амулетами в погребении младенца в римской Британии⁵⁰ подтверждает их использование именно с этой целью, нежели просто как символ плодородия. Наконец, известно, что изображение фаллоса (*fascinum*) укреплялось на триумфальных колесницах римских военачальников, чтобы охранять их от зависти и дурного глаза⁵¹.

В Италии подобные фаллические амулеты, известные также по находкам в Помпеях и Геркулануме⁵², пользовались популярностью еще в XIX в. Согласно данным, собранным в итальянской глубинке Л. Моссом и С. Каппанари, прикосновение к собственным гениталиям также является эффективной защитой от порчи злым глазом⁵³. Любопытно, что во многих местах (Германия, Румыния, Шотландия, Силезия, Италия и др.) действенным амулетом от сглаза и наговоров считаются камни с дефектами или куски дерева с отверстиями от сучков. Процедура же очищения часто заключается в пропускании жидкости (молока или урины) через эти отверстия или через обручальное кольцо, раскаленную подкову и т.п.⁵⁴ Как показал Г. Рохайм, в данном случае также налицо ассоциация всех этих отверстий с гениталиями, а именно с вульвой ведьмы, а пропускание через них жидкости должно символизировать коитус на прегенитальном уровне⁵⁵.

Учитывая вышеизложенное, амулет из раковины каури из кургана К39, как и глазчатые бусины, может служить свидетельством широко распространен-

⁴⁸ *Jahn. Über den Aberglauben...* P. 70–82; *Turnbull P. The Phallus in the Art of Roman Britain* // *Bulletin of the Institute of Archaeology University of London.* 1978. 15. P. 199–206. О вероятной мифологической подоплеке выбора фаллических образов в качестве оберегов от сглаза в античной культуре см. *Dumas. Le Corricolo.* P. 179; *Berry. Neapolitan Chrams...* P. 251.

⁴⁹ Например: *Greep S. Military Equipment* // *The Roman Small Finds from Excavations in Colchester 1971–79.* Colchester, 1983 (*Colchester Archaeological Report.* 2). P. 139–140; *Crummy N. Roman Small Finds from the Culver Street Site Category 13: Military Equipment* // *Excavations at Culver Street, the Gilbert School, and Other Sites in Colchester 1971–85* / Ed. N. Crummy. Colchester, 1992 (*Colchester Archaeological Report.* 6) P. 191.

⁵⁰ *Johns C., Wise P.J. A Roman Gold Phallic Pendant from Braintree, Essex* // *Britannia.* 2003. 34. P. 275–276.

⁵¹ *Plin. NH.* XXVIII. 8 (Mayhoff): *illos (infantes) religione tutatur et fascinus, imperatorum quoque non solum infantium custos, qui deus inter sacra romana a vestalibus colitur, et curtus triumphantium sub his pendens defendit, medicus invidiae.*

⁵² *Gusman P. Pompeii: The City, Its Life and Art.* L., 1900. P. 127; *Jashemski W.F. The Excavation of a Shop-House Garden at Pompeii* (I. XX. 5) // *AJA.* 1977. 81. P. 218–221; *Maiuri A. Ercolano: I nuovi scavi 1927–1958.* Roma, 1958. P. 458.

⁵³ *Moss, Cappannari. Mal'occhio...* P. 10.

⁵⁴ Примеры тому собраны у Г. Рохайма (*Roheim. The Evil Eye.* P. 360–361) и Ф. Элворси (*Elworthy F.T. On Perforated Stone Amulets* // *Man.* 1903. 3. P. 17–20.

⁵⁵ *Róheim. The Evil Eye.* P. 361.

ной веры в сглаз среди жителей поселения Панское I и сельской округи Херсонеса в целом. Думается, что каури, обнаруженные в греческих, а равно и варварских погребениях Северного Причерноморья, имели аналогичное апотропеическое значение – функция, которую они должны были выполнять как при жизни их владельцев, так и после их смерти.

Хронология. Вопросы хронологии представляют собой одну из основных трудностей при работе с изделиями из стекла, в особенности с бусами. Материал из Панского существенно не решает этой проблемы. Заслуживает внимания, впрочем, контекст курганного погребения К39 М5, позволяющий синхронизировать некоторые разновидности бус. Определенную важность представляют также бусы из погребений К41 М3, К42 М1 и М039А, сопровождавшиеся импортной керамикой, а также некоторые другие комплексы, позволяющие внести поправки в абсолютную хронологию.

Бусы со слоистым глазчатым орнаментом. Подобные бусы в форме уплощенной сферы и изготовленные из глухого темно-синего стекла имеют очень широкий ареал находок. Некоторые из них происходят из надежно датированных комплексов. Экземпляры, аналогичные нашим № 1 (С) и № 3, неоднократно встречаются в скифских погребениях у пос. Новое в Северо-Западном Приазовье⁵⁶, в Николаевском некрополе в Нижнем Поднестровье⁵⁷ и в Прикубанье⁵⁸. Многочисленные примеры таких находок дают также погребения Гайманова Поля⁵⁹ и других скифских некрополей Нижнего Поднепровья⁶⁰. Их находка в кургане К39 некрополя Панское (могилы 4 и 5) указывает на то, что хронология этой разновидности глазчатых бус должна примерно соответствовать датировке амфоровидных подвесок светлого прозрачного стекла. Это подтверждают также многочисленные примеры их совместных находок на Гаймановом Поле⁶¹. Эти находки дают привязку и для абсолютной даты. Погребение 4/курган 27 этого скифского некрополя наряду с бусами содержало чернолаковый канфар с «литым» венцом (moulded rim kantharos в соответствии с западной терминологией), аналогичный канфару В 59 из погребения К48 М1 некрополя Панского, датирующемуся 360–350 гг. до н.э.⁶² Тем же или чуть более ранним временем должен датироваться сетчатый лекиф, найденный вместе с глазчатой бусиной в одном из погребений Николаевского некрополя⁶³. Важна в этой связи находка из кургана 4/погр. 4 у Первомаевки, кон-

⁵⁶ Фялко Е.Е. Скифские курганы у с. Новое // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев, 1987. С. 172. Рис. 1, 1.

⁵⁷ Мелюкова. Поселение и могильник... С. 257. Рис. 59, 26.

⁵⁸ Смирнов К.Ф. Меотский могильник у станицы Пашковской // МИА. 1958. 85. С. 279. Рис. 5, 17. С. 286. Рис. 8, 3. С. 291. Рис. 10, 7.

⁵⁹ Тереножкин, Ильинская, Мозолевский. Скифский курганный могильник Гайманово Поле. С. 164. Рис. 13, 20. С. 176. Рис. 28, 6. С. 184. Рис. 37, 8.

⁶⁰ Евдокимов Г.Л., Фридман М.И. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987. С. 106. Рис. 17, 4.

⁶¹ Тереножкин, Ильинская, Мозолевский. Скифский курганный могильник Гайманово Поле. С. 159, 155. Рис. 3, 23–24 (курган 4). С. 164. Рис. 13, 20 (курган 16). С. 186, 184. Рис. 37, 11 и 37, 16 (курган 27).

⁶² Ср. Robinson D.M. Excavations at Olynthus. Pt XIII. Vases found in 1934 and 1938. Baltimore, 1950. Nos. 522A–B. Pl. 190, 192; Sparkes B.C., Talcott L. The Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. Princeton, 1970 (The Athenian Agora. XII). № 698. Pl. 29.

⁶³ Мелюкова. Поселение и могильник... С. 74, 244. Рис. 46, 7. С. 257. Рис. 59, 26 (погребение 9).

текст которой дает дату – начало второй четверти IV в. до н.э.⁶⁴ Эти наблюдения вполне согласуются с датировкой, предложенной мной для бусины № 3 на основании сероглиняного гуттуса В 125, найденного вместе с ней в погребении К41 МЗ.

Шаровидную глазчатую бусину № 2 (D) из погребения К39 М5 следует, по всей видимости, относить примерно к тому же времени, что и описанную разновидность. Аналогичная бусина была найдена в кургане 13 Дубасарского некрополя вместе с аттическим чернолаковым скифосом, аналогичным № 350 (= 375–350 гг. до н.э.), по Спарксу и Талькотт в каталоге материалов Афинской агоры⁶⁵. В кургане 27 (погр. 4) Гайманова Поля похожий экземпляр сопровождался чернолаковым канфаром 360–350 гг. до н.э.⁶⁶ Бусина из кургана 1 (погр. 2) у Капуловки также полезна для уточнения хронологии данной разновидности⁶⁷. Несмотря на то, что она происходит из разграбленного погребения, ее *terminus ante quem* надежно определяется чернолаковым канфаровидным киликом середины IV в. до н.э.⁶⁸, найденным в стратиграфически более позднем другом погребении из того же кургана. Менее надежен контекст многогорового захоронения в кургане 44 Акташского некрополя с останками пяти погребенных. Наряду с аттической солонкой 375–350 гг.⁶⁹ эта могила содержала и более поздний материал, включая гераклейскую клейменую амфору последней четверти IV в. до н.э.⁷⁰

Крупные цилиндрические пронизы (№ 1 [B], № 2 [A–C], № 8 [A]). При том, что ареал распространения подобных пронизей довольно широк, лучше всего они представлены в скифских погребениях Нижнего Поднестровья и Нижнего Поднепровья. Семь аналогичных пронизей происходят из погребения девочки-служанки в царском скифском кургане Толстая Могила⁷¹. В отличие от многих других разновидностей бус этот тип, похоже, встречается и в мужских захоронениях, насколько можно судить по погребению подростка в кургане 112/погребение 3 некрополя Мамай-Гора, где наряду с браслетом из бус и цилиндрическими пронизями были обнаружены также 19 наконечников стрел⁷².

⁶⁴ Евдокимов, Фридман. Скифские курганы... С. 100–115. Клейменные гераклейские амфоры из тризны, а также внутри одной из могил позволяют отнести сооружение кургана к концу первой – началу второй четверти IV в. до н.э. Несмотря на большое количество погребений внутри этого кургана, все они укладываются в довольно узкий хронологический период. На это указывает аттический килик из стратиграфически наиболее позднего погребения 1, который аналогичен сосудам из некрополя Панское (см. Rogov, Stolba. Panskoje I. № В 51 и В 53) и должен датироваться примерно 390–375 гг. до н.э. Об этом комплексе см. также Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов, 1999. С. 255–258, который также отмечает его очень узкую дату.

⁶⁵ Chettraru N., Serova N. Necropola aristocrației scitice de la Dubăsari (sec. V–IV î.e.n.). Chișinău, 2001. P. 59. Fig. 29, 2–3. Для параллелей из Пичвнари см. Vickers, Kakhidze. Pichvnari. P. 399. Fig. 242 (погребение 79).

⁶⁶ Тереножкин, Ильинская, Мозолевский. Скифский курганный могильник Гайманово Поле. С. 184. Рис. 37, 13. Для формы канфара ср. сосуд В 59 из некрополя Панское I (Rogov, Stolba. Panskoje I).

⁶⁷ Тереножкин и др. Скифские курганы Никопольщины. С. 130. Рис. 15, 2.

⁶⁸ Ср. Athenian Agora XII. № 658 и канфаровидный килик В 72 из некрополя Панское I (Rogov, Stolba. Panskoje I).

⁶⁹ Ср. Athenian Agora XII. № 944.

⁷⁰ Бессонова, Бунятян, Гаврилюк. Акташский могильник... С. 45, 174. Рис. 30.

⁷¹ Мозолевский Б.Н. Товста Могила. Киев, 1979. С. 122–123. Рис. 105, 12.

⁷² Андрух. Могильник Мамай-Гора. С. 177–180. Рис. 74, 8–9.

В то время как последнее погребение мало что дает для хронологии данного типа пронизей, находка из Толстой Могила весьма показательна, так как позволяет предложить их датировку в пределах второй четверти IV в. до н.э.⁷³ Эта дата хорошо согласуется с контекстом погребения 2 в кургане 5 у с. Широкое, который будет рассмотрен ниже⁷⁴, кургана 20/погребение 1 у Холодного Яра⁷⁵, а также некоторыми другими комплексами, где были найдены аналогичные бусы⁷⁶.

Амфоровидная подвеска № 2 (Е) прозрачного белого стекла из детского погребения К39 М5 – единственная подобного рода находка в некрополе Панское I. Остатки бронзовой проволоки, сохранившиеся в отверстии, могут указывать на ее использование в качестве подвески в ожерелье и в качестве серьги.

Амфоровидные подвески из прозрачного белого или, что реже, голубоватого или зеленоватого стекла, соответствующие типу 193д классификации Е.М. Алексеевой⁷⁷, представляют собой разновидность, ассоциирующуюся обычно с женскими погребениями⁷⁸. Их популярность не ограничивалась черноморским регионом, а простиралась далеко за его пределы – от Южного Урала на востоке⁷⁹ до Адриатического побережья и Среднего Подунавья на западе⁸⁰. Их находки чаще всего зафиксированы в Северном Причерноморье, где они лучше всего представлены в скифских погребениях Нижнего Подне-

⁷³ Несмотря на определенные разногласия относительно времени сооружения этого кургана (см., к примеру: *Брашинский И.Б.* К вопросу о датировке кургана Толстая Могила // *Археологические исследования на Украине, 1976–1977.* Киев, 1978. С. 67–69; *Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб., 2003. С. 263–264), середина – начало третьей четверти IV в. до н.э., первоначально предложенные Б.Н. Мозолевским (Товста Могила. С. 229), представляют наиболее вероятной датой. Эта же дата поддержана недавно С.В. Полиным (*Мозолевский Б.Н., Полин С.В.* Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева Могила). Киев, 2005. С. 362–364). Амфорные находки и импортная чернолаковая керамика из этого комплекса в целом более раннего времени. Так, например, чернолаковая миска из женского захоронения в кургане аналогична сосуду с Афинской агоры, отнесенному Спарксом и Талькотт к 380 гг. до н.э. (Athenian Agora XII. № 803) (ср. *Olynth XIII.* Pl. 219. № 755; *Ivanov T.* La céramique antique de la nécropole d'Apollonia // *Apollonia. Les fouilles dans la nécropole d'Apollonia en 1947–1949* / Ed. I. Venedikov. Sofia, 1963. Pl. 115–116. Nos. 535, 542a). Об амфорных находках из кургана см. *Брашинский.* К вопросу... С. 67–69; *Мозолевский.* Товста Могила. С. 22–25, 67, 194.

⁷⁴ *Ковпаненко, Яковенко.* Скифские курганы на юге Херсонщины. С. 260. Рис. 3, 12.

⁷⁵ *Петренко.* Правобережье Среднего Приднепровья... С. 82. Табл. 23, 13; *Ковпаненко, Бессонова, Скорый.* Памятники скифской эпохи... С. 130, 132. Рис. 41, 34. Вместе с крупной цилиндрической пронизью в этом погребении найден канфаровидный килик, аналогичный сосуду В 72 (*Rogov, Stolba.* Panskoye I) из некрополя Панское (*Петренко.* Правобережье Среднего Приднепровья... С. 135. Табл. 13, 6).

⁷⁶ Ср. *Субботин, Островерхов, Охотников, Редина.* Скифские древности... С. 41. Рис. 16, 7–8 (курган 20 некрополя Дивизия в Нижнем Поднестровье). При том, что курган 20 содержал шесть последовательных захоронений, они, как показывает клейменный амфорный материал из тризны во рву, окружающем насыпь, похоже, не выходят за середину IV в. до н.э.

⁷⁷ *Алексеева.* Античные бусы... 1978. С. 74. Табл. 34, 40. Ср. группу XXII В.2.b у Бека (*Beck.* Classification... Р. 23. Fig. 20).

⁷⁸ Погребение 6/1949 Пашковского могильника, в котором наряду с амфоровидной подвеской было найдено копье (*Смирнов.* Меотский могильник... С. 288–290), дает, однако, основания думать, что подобные подвески носили и мужчины.

⁷⁹ *Смирнов К.Ф.* Сарматы на Илеке. М., 1975. С. 131–133. Рис. 31Б.1–2.

⁸⁰ *Porović P.* Les perles de verre en forme de vase ou d'amphore sur l'espace entre la mer Adriatique et le Danube // *Starinar.* 1997. 48. Р. 165–171. Для дистрибуции находок см. карту (Р. 169. Fig. 2).

стровья⁸¹, Поднепровья⁸² и Нижнего Подонья⁸³, нежели в греческих некрополях. Изредка подобные подвески встречаются и в Лесостепи⁸⁴.

Взгляды на датировку этой разновидности бус довольно противоречивы. В то время как Е.М. Алексеева предполагает их использование в пределах IV–III вв. до н.э., а также в I в. н.э.⁸⁵, исследователи, опирающиеся главным образом на скифские комплексы, в значительной степени оставленные без внимания в ее сводке, предлагают дату в пределах конца V – IV в. до н.э.⁸⁶

Внешний вид нашей подвески № 2 (Е) (широкий дисковидный верх, высокая и сравнительно узкая шейка, шарообразное тулово с маленьким, ныне отсутствующим соском), напоминающий золотые амфоровидные подвески V в. до н.э. из Македонии⁸⁷, явно указывает на раннюю дату в сравнении с более деградированными экземплярами, известными в находках из других мест.

Упомянутые выше комплексы, в которых амфоровидные подвески синхронизируются с глазчатыми бусами глухого синего стекла, имеют важное значение для установления хронологии первых. В некоторых случаях их датировка может быть откорректирована благодаря находкам вместе с импортной греческой керамикой. Так, в кургане 18 у с. Львово на Херсонщине⁸⁸ амфоровидная подвеска была найдена вместе с тонкостенным киликом типа *cup-skyphos*, датирующимся по материалам Афинской агоры ок. 380–375 гг. до н.э.⁸⁹ В кургане 5 близ с. Широкое аналогичная подвеска сопровождалась аттическим сетчатым лекифом⁹⁰. Близкую дату можно предложить на основании материала из

⁸¹ Например, некрополь у с. Николаевка. См. Мелюкова А.И. Население Нижнего Поднепровья в IV–II вв. до н.э. // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 52. Рис. 7, 7; она же. Поселение и могильник... С. 257. Рис. 59, 20.

⁸² Граков. Скифские погребения... С. 107. Рис. 6, 10b (курган 2, мог. 2); Андрух. Могильник Мамай-Гора. С. 81–82. Рис. 34, 19 (курган 67, погр. 7).

⁸³ Алексеева Е.М. Классификация античных бус // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 76. Рис. 4, 12 (Беглицкий некрополь). Для крымских находок см., например: Колтухов С.Г. Курган IV Аккайского (Белогорского) курганного могильника // Древности Боспора. 2006. 9. С. 239, 259. Рис. 17, 11.

⁸⁴ Несмотря на утверждение А.С. Островерхова (Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии // ВДИ. 1985. № 3. С. 100), что подобные находки не известны в Лесостепи, три амфоровидных подвески были обнаружены в кургане 460/погр. 1 у местечка Турия Кировоградской области, раскопанном в 1905 г. графом А.А. Бобринским (см. Петренко. Правобережье Среднего Приднепровья... Табл. 23, 16). Дата V в. до н.э., предложенная для этого погребения Ковпаненко, Бессоновой и Скорым (Памятники скифской эпохи... С. 312. № 153), кажется сильно заниженной. Еще три таких подвески отмечены на севере Одесской области (см. Редина Е.Ф. Скифский могильник у с. Неделково на севере Одесской области // *Stratum plus*. 1999. 3. С. 77, 79. Рис. 3, 7 (курган 9/погр. 1)).

⁸⁵ Алексеева. Античные бусы... 1978. С. 74.

⁸⁶ Островерхов. Фаянсовые и стеклянные бусы... С. 100.

⁸⁷ Ср. Despoine A. // *Συνδος. Κατάλογος της εκθεσης*. Αθήνα, 1985. Ρ. 220–221. № 350 (ок. 450–440 гг. до н.э.). Ρ. 294–294. № 483 (ок. 450 г. до н.э.).

⁸⁸ Кубышев, Николова, Полин. Скифские курганы... С. 133–140. Рис. 6, 9 и 6, 21.

⁸⁹ Athenian Agora XII. № 608–609. Ср. также аналогичный сосуд из некрополя Панское I (380–360 гг. до н.э.; Rogov, Stolba. Panskoye I. № B 57).

⁹⁰ Ковпаненко, Яковенко. Скифские курганы на юге Херсонщины. С. 260. Рис. 3, 8. С. 262. Рис. 6. Несколько гераклейских амфор с клеймами магистрата Βισσάν(ος) (он отсутствует в сводке В.И. Каца (Kac V.I. A New Chronology for the Ceramic Stamps of Herakleia Pontike // The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A.N. Ščeglov on the Occasion of his 70th Birthday / Ed. P.G. Bilde, J.M. Højte, V.F. Stolba. Aarhus, 2003. Ρ. 275–277) – ср. аналогичное клеймо из некрополя Панское: Rogov, Stolba. Panskoye I. № Ab 40) – найдены в тризне стратиграфически более раннего погребения 1 и дают *terminus post quem* для погребения 2.

погребения 1 Кульчукского некрополя, где две амфоровидные подвески, опять-таки в сочетании с глазчатой бусиной глухого синего стекла, найдены вместе с аттической чернолаковой тарелкой, аналогичной № 1051–1052 каталога Спаркса и Талькотт⁹¹. Погребение в Мелитопольском кургане, в котором наряду с бусами других разновидностей обнаружены 44 амфоровидных подвески⁹², должно, вероятно, датироваться 340-ми годами до н.э.

Наконец, нельзя не упомянуть комплекс так называемой «лавки ювелира» (строительный комплекс XVIII) на Елизаветовском городище⁹³. Раскопки этого погибшего внезапно в пожаре здания дали большое количество столовой импортной посуды и клейменого амфорного материала, а также внушительную коллекцию стеклянных бус, включая амфоровидные подвески. По совокупности этот материал позволяет относить прекращение функционирования данного комплекса к началу второй четверти IV в. до н.э. Наряду с аттическим краснофигурным киликом находки на полу здания включали почти целиком сохранившийся скифос группы «Fat Boy», а также чернолаковый килик (skyphos) с массивным округлым венцом⁹⁴. Крышка леканы⁹⁵ из того же помещения находит параллели в материалах из Олинфа⁹⁶. Параллелью служит также сосуд из Елизаветовского некрополя, отнесенный И.Б. Брашинским к первой четверти IV в. до н.э.⁹⁷ Эти находки хорошо согласуются с датировкой

⁹¹ Дашевская. Первые исследования Кульчукского некрополя. С. 208, 213, 207. Рис. 7, 3 (подвеска). Рис. 7, 2b (тарелка). Как отмечает О.Д. Дашевская (С. 209), небольшая чернолаковая мисочка на широкой подставке может относиться и к более ранней группе погребений (скопление А). Однако, насколько можно судить по опубликованному ею плану могилы 1, эта миска принадлежит скорее погребению 8 (скелет III), которое было здесь предпоследним по времени. Это значительно лучше согласуется с прочим инвентарем, найденным рядом со скелетом III, а также с тем фактом, что подошва кольцевого поддона данной миски также покрыта лаком. Последняя особенность указывает на более позднюю дату сосуда, чем та, что предполагалась Дашевской.

⁹² Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. Киев, 1988. С. 78. № 20д. С. 82–84. Рис. 85; 86, 1; 87. С. 105. Рис. 117.1п. С. 108–109. № 89п. Рис. 119. С. 110. № 90л. С. 111–113. Рис. 121–123. Опираясь на форму одиннадцати мендеевских амфор из дромоса женского погребения, С.Ю. Монахов (Греческие амфоры в Причерноморье... С. 402–405) датирует курган в пределах 340–330 гг. до н.э., что было принято другими исследователями (ср. Алексеев. Хронография... С. 265–266). Между тем аттическая керамика этого комплекса в основе древнее середины IV в. до н.э. Так, например, болсал, украшенный на дне четырьмя крестообразно расположенными штампованными пальметами внутри круга из насечек (Тереножкин, Мозолевский. Мелитопольский курган. С. 80. Рис. 83, 2. С. 116. Рис. 126), представляет собой поздний вариант данного типа, датирующийся ок. 380–350 гг. (ср. Athenian Agora XII. № 558–560). К этому же времени может быть отнесена и крышка леканы с двумя парами женских голов (Тереножкин, Мозолевский. Мелитопольский курган. С. 80. Рис. 83, 5. С. 115. Рис. 125), имеющая параллели с двумя экземплярами с Афинской агоры (ср. Moore M. Attic Red-Figured and White-Ground Pottery. Princeton, 1997 (The Athenian Agora. XXX). № 1121, 1135).

⁹³ Яковенко Э.В. «Лавка ювелира» на Елизаветівському городищі // Археологія. 1987. № 60. С. 83–91.

⁹⁴ Там же. С. 87. Рис. 3, 1–3; Marčenko K.K., Žitnikov V.G., Kopylov V.P. Die Siedlung Elizavetovka am Don. Moskau, 2000 (Pontus Septentrionalis II. Tanais 2). Abb. 64, 3 и 65, 6.

⁹⁵ Яковенко. «Лавка ювелира». С. 87. Рис. 3, 4; Marčenko, Žitnikov, Kopylov. Die Siedlung Elizavetovka... Abb. 48, 4.

⁹⁶ Robinson. Excavations Olynthus... XIII. P. 322–323. № 638. P. 395. № 956A, 956B. Pl. 221.

⁹⁷ Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л., 1980. С. 141. № 241. Табл. 19, 21.

по амфорному материалу. Согласно Э.В. Яковенко, которая, в свою очередь, опирается на отчет И.Б. Брашинского, ни одно из десяти обнаруженных здесь гераклейских клейм не выходит за пределы середины IV в. до н.э.⁹⁸ Приведенные ею экземпляры имеют имена магистратов Кромния и Аристона⁹⁹.

Все рассмотренные находки дают дату в пределах второй четверти IV в. до н.э. или чуть позднее, а три деградированные амфоровидные подвески белого и светло-зеленого прозрачного стекла, найденные на поселении Панское I во дворе и в помещении 12 монументального здания У6, с этой хронологией не согласуются¹⁰⁰. Поскольку сооружения здания У6 относятся примерно к 320 г. до н.э.¹⁰¹, эти находки дают основание предполагать более длительный период производства данной разновидности бус, если, конечно, они не являлись семейной реликвией. Такую возможность нельзя не принимать в расчет, учитывая хорошо известную традицию передавать бусы и прочие украшения от одного поколения к другому¹⁰². Однако совместные находки амфоровидных подвесок с латенскими фибулами LT В1 и В2 на территории Северо-Западных Балкан и Среднего Подунавья, похоже, также указывают на возможность более длительного времени их производства¹⁰³.

Где именно их производили – вопрос в значительной степени открытый. Совместные находки и сходство химического состава со стеклянными подвесками в виде личин послужили основанием для предположения об их карфагенском происхождении¹⁰⁴. Необычайно широкий ареал распространения амфоровидных подвесок дает, однако, основания думать, что центров производства могло быть несколько. Свидетельства в пользу возможного северопонтийского происхождения этих подвесок были рассмотрены А.С. Островеховым¹⁰⁵. Несмотря на то что на Ягорлыцком поселении в устье Днепра стеклодельная мастерская возникла уже в VI в. до н.э.¹⁰⁶, аргументы, выдвинутые в пользу местного ольвийского происхождения этого типа бус, не убедительны. От-

⁹⁸ Яковенко. «Лавка ювелира»... С. 85.

⁹⁹ Там же. С. 88. Рис. 4, 1–3.

¹⁰⁰ Rogov E.Ya. Glass Objects // Panskoye I. Vol. 1. The Monumental Building U6 / Ed. L. Hannestad, V.F. Stolba, A.N. Ščeglov. Aarhus, 2002. P. 277. № N 9–11.

¹⁰¹ Hannestad L., Stolba V.F., Ščeglov A.N. Conclusion // Panskoye I. Vol. 1... P. 281; Hannestad L. The Dating of the Monumental Building U6 at Panskoye I // Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC / Ed. V.F. Stolba, L. Hannestad. Aarhus, 2005. P. 180.

¹⁰² О подобной традиции см., к примеру: Eisen. The Characteristics... P. 2 (с литературой); Coote Lake. Some Notes... P. 96; Davison C.C., Clark J.D. Transvaal Heirloom Beads and Rhodesian Archaeological Sites // African Studies. 1976. 35. P. 123–137. Относительно семейных реликвий и их идентификации в археологическом материале см. полезную дискуссию: Lillios K.T. Objects of Memory: The Ethnography and Archaeology of Heirlooms // Journal of Archaeological Method and Theory. 1999. 6. P. 235–262.

¹⁰³ Popović. Les perles de verre... P. 166–168. Fig. 1.

¹⁰⁴ См., например: Островехов А.С. Стекло и фаянс как источник для изучения экономических связей и идеологических воззрений скифов в V–III вв. до н.э. // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов Всесоюзного семинара, посвященного памяти А.И. Тереножкина. Кировоград, 1987. Ч. 2. С. 39. См., однако, выше прим. 22, о возможном финикийском происхождении подвесок с личинами.

¹⁰⁵ Островехов. Фаянсовые и стеклянные бусы... С. 100–101; он же. Стекло и фаянс как источник... С. 39.

¹⁰⁶ Он же. Антична склоробна майстерня на Ягорлицькому поселенні // Археологія. 1978. № 25. С. 41–49; он же. Древнейшее античное производство стеклянных бус в Северном Причерноморье // СА. 1981. № 4. С. 214–228.

крытые на Ольвийской агоре¹⁰⁷, а также при раскопках греческого эмпория на Елизаветовском городище в дельте Дона¹⁰⁸ остатки лавок, специализирующихся на продаже бус и прочих украшений, подсказывают, что по крайней мере посредническая роль Ольвии и других греческих центров Северного Причерноморья в проникновении данной разновидности бус, как и других импортных товаров, в степные районы Скифии должна была быть велика.

КАТАЛОГ*

1. К39, мог. 4. Оп. 2/74–76. 1973. Рис. 1.

Низка из трех бусин и одной подвески.

А: Подвеска из раковины каури (*Monetaria annulus* L.). Размер 2.5 × 1.9. Купол пробит для подвешивания.

В: Цилиндрическая пронизь. Коричневатое черное глухое стекло. Украшена фестонами из белого непрозрачного стекла.

Аналогична № 2(А). Ср. также *Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский*. Скифские курганы Никопольщины. С. 164. Рис. 43, 2.

D 0.65–0.8; L 3.1.

С: Глазчатая бусина в виде уплощенной сферы. Синее глухое стекло. Синие глазки, окруженные белыми кольцами. Большое отверстие.

Аналогична № 3.

D 0.9; L 0.7.

Ср. *Смирнов*. Меотийский могильник... С. 279. Рис. 5, 17. С. 286. Рис. 8, 3. С. 291. Рис. 10, 7; *Младенова*. Предметы от стекла... С. 311. Табл. 166–167; *Алексеева*. Античные бусы... 1975. Табл. 15, 6; *Фиалко*. Скифские курганы... С. 172. Рис. 1, 1; *Андрух*. Могильник Мамай-Гора. С. 162. Рис. 67, 9. С. 192. Рис. 79, 8–9.

Д: Бусина черного глухого стекла. Форма и размеры не зафиксированы.

Датировка: ок. 375–350 гг. до н.э.

2. К39, мог. 5. Оп. 2/79, 82–83, 85–86. 1973. Рис. 1.

Низка из пяти бусин.

А: Большая подцилиндрическая пронизь. Глухое коричнево-черное стекло. Украшена спиралью и фестонами глухого желтовато-белого стекла.

D 0.8–1.0; D отверстия 3.5; L 4.9.

Ср. *Ильинская*. Скифы днепровского лесостепного Левобережья... Табл. 11, 24; *Мозолевский*. Товста Могила. С. 122–123. Рис. 105, 12; *Андрух*. Могильник Мамай-Гора. С. 178. Рис. 74, 8.

В–С: Два фрагмента цилиндрических пронизей, аналогичных А.

L (сохран.) 2.4 и 2.2.

Д: Глазчатая бусина правильной сферической формы. Синее глухое стекло. Маленькие синие глазки, размещенные группами на белом поле.

D 1.2; D отверстия 0.2.

Ср. *Eisen*. The Characteristics... Pl. 1, 55 (V в. до н.э.); *Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский*. Скифские курганы Никопольщины. С. 130. Рис. 15, 2; *Бессонова, Бунятян, Гаврилюк*. Акташский могильник. С. 174. Рис. 30, 8–9; *Chetraru, Serova*. Necropola... P. 59. Fig. 29, 2; *Vickers, Kakhidze*. Pichvnari. P. 399. Fig. 242.

Е: Амфоровидная подвеска. Прозрачное желтовато-белое стекло. Следы бронзовой проволоки внутри отверстия.

H 1.1; D отверстия 0.1.

Ср. *Мелюкова*. Поселение и могильник... С. 257. Рис. 59, 20; *Дашевская*. Первые исследования... С. 208, 207. Рис. 7, 3; *Андрух*. Могильник Мамай-Гора. С. 81–82. Рис. 34, 19; *Rogov*. Glass Objects. P. 276. Nos. N 9–11.

Датировка: ок. 375–350 гг. до н.э.

* 3. К41, мог. М3. Оп. 18/17. 1972. Рис. 1.

Глазчатая бусина в виде уплощенной сферы. Очень большое центральное отверстие. Глухое синее стекло. Синие глазки, окруженные белыми кольцами.

Аналогична № 1(С).

D 1.2; D отверстия 0.6; L 0.9.

* Н – высота; D – диаметр; L – длина основной оси (см).

¹⁰⁷ Он же. Торговля бусами в эллинистической Ольвии // Тезисы докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры», 19–24 сентября 1988 г. Симферополь, 1988. С. 262–263.

¹⁰⁸ Он же. Фаянсовые и стеклянные бусы... С. 101; *Яковенко*. Рядовые скифские погребения... С. 83–91; *Marčenko, Žitnikov, Kopylov*. Die Siedlung Elizavetovka... S. 112–115. Abb. 48, 1–3.

Ср. Младенова. Предметы от стъкло... С. 311. Табл. 166–167; Андрух. Могильник Мамай-Гора. С. 47. 162, 192. Рис. 18, 6; 67, 9; 79, 8–9; Vickers, Kakhidze. Pichvnari. P. 400. Fig. 244.

Датировка: ок. 375–350 гг. до н.э.

4. K41, мог. M4. Оп. 4/58. 1976.

Набор из четырех бусин.

А: Цилиндрическая пронизь глухого стекла.

В: Рубчатая бусина. Обломана. Большое центральное отверстие. Глухое желтое стекло.

С: Бусина в виде уплощенной сферы. Большое центральное отверстие. Прозрачное синее стекло.

Д: Бусина в виде уплощенной сферы. Большое центральное отверстие. Глухое синее стекло.

Датировка: ок. 375–350 гг. до н.э.

5. K42, мог. M1. Оп. 13. 1971.

Низка из трех бусин.

А–В: Бусины в виде короткого цилиндра с округленными краями. Прозрачное голубое стекло.

D 0.7–0.8; L 0.5; D отверстия 0.3.

С: Рубчатая бусина глухого синего стекла.

D 1.0; D отверстия 0.3; L 0.8.

Ср. Бессонова, Буянтян, Гаврилюк. Акташский могильник... С. 154. Рис. 10, 5. С. 156. Рис. 12, 3 и 12, 5. С. 178. Рис. 34, 21.

Датировка: ок. 400–370 гг. до н.э.

6. K42, мог. M2. Оп. 13/26–27. 1971.

Низка из трех бусин.

А–В: Две бусины в виде короткого цилиндра с округленными краями. Глухое синее стекло.

Ср. № 11 (А).

С: Бусина из прозрачного желтоватого стекла. Форма и размеры не зарегистрированы.

Датировка: 400–370 гг. до н.э.

7. K48, мог. M2. Оп. 16/6–7. 1986. Рис. 1.

Набор из восьми бусин.

А: Бусина в виде короткого цилиндра с большим центральным отверстием. Гагат.

D 0.6; L 0.7; D отверстия 0.25.

В: Бусина в виде уплощенной сферы. Большое отверстие. Прозрачное синее стекло.

D 0.8; L 0.6; D отверстия 0.35.

С: Бусина в виде уплощенной сферы. Очень большое отверстие. Прозрачное синее стекло. Обломана.

D 1.0; D отверстия 0.5.

Д: Сферическая бусина. Большое отверстие. Прозрачное синее стекло.

D 0.9; D отверстия 0.4.

Е: Бусина в виде уплощенной сферы. Большое отверстие. Прозрачное голубое стекло.

D 0.7; L 0.4; D отверстия 0.4.

Ф: Бусина в виде уплощенной сферы. Большое отверстие. Прозрачное синее стекло.

D 0.7; L 0.4; D отверстия 0.3.

Г–Н: две цилиндрические пронизы глухого стекла.

Датировка: 375–350 гг. до н.э.

8. K56, мог. M2. Оп. 7/24–25, 27–28. 1974.

Низка из пяти бусин.

А: Цилиндрическая пронизь. Глухое коричневое стекло, украшенное спиральной нитью непрозрачного желтоватого стекла.

D 0.8; L (сохр.) 4.0; D отверстия 0.25.

Ср. Яковенко. «Лавка ювелира»... 1987. С. 86. Рис. 1.

В: Боченовидная бусина. Гагат.

D 0.6; L 0.6; D отверстия 0.15.

С: Бусина в виде усеченной пирамиды. Гагат (?). Отверстие не по центру.

L 0.7; D отверстия 0.1.

Д: Глазчатая бусина в виде уплощенной сферы. Большое центральное отверстие. Глухое синее стекло.

D 0.7; L 0.30; D отверстия 0.25.

Е: Бусина, аналогичная предыдущей. Фрагмент.

Датировка: ок. 325–300 гг. до н.э.

9. Мог. M02. Оп. 6/9. 1972.

Низка из девяти бусин.

А–Н: Восемь одинаковых бусин глухого синего стекла.

І: Бусина из прозрачного желтоватого стекла.

Форма и размеры не зарегистрированы.

Датировка: 400–300 гг. до н.э.

10. Мог. M039. Оп. 14/3–4. 1980. Рис. 1.

Низка из 15 биконических бусин.

А: Прозрачное лиловое стекло с белыми прожилками.

D 0.9; D отверстия 0.1.

Ср. Смирнов. Меотский могильник... С. 286. Рис. 8, 3.

В–С: Аналогичны предыдущей, но мельче.

D 0.7; D отверстия 0.1–0.2.

Д: Аналогична предыдущим. Обломана.

* D 0.8; D отверстия 0.1.

Е–К: Прозрачное желтоватое стекло.

D 0.7–0.8; D отверстия 0.1–0.2.

Ср. Смирнов. Меотский могильник... С. 281, 279. Рис. 5, 17.

Л–О: Аналогичны предыдущим. Обломаны.

Датировка: 400–350 гг. до н.э.

11. K36, мог. M1. 1977. Рис. 1.

Набор из пяти бусин.

А: Бусина в виде короткого цилиндра с округленными краями. Большое центральное отверстие. Прозрачное голубое стекло.

D 0.7; L 0.5; D отверстия 0.35.

Ср. № 6 (А–В).

В: Форма аналогична предыдущей. Глухое синее стекло.

D 0.8; L 0.5; D отверстия 0.4.

С: Цилиндрическая бусина. Глухое темносинее стекло.

D 0.4; L 1.0; D отверстия 0.2.

Д: Боченковидная бусина. Глухое темносинее стекло.

D 0.4; L 0.4; D отверстия 0.2.

Е: Бусина в виде уплощенной сферы. Непрозрачное зеленое стекло.

D 0.4; L 0.25; D отверстия 0.2.

12. К2, мог. М1. Оп. 6/2. 1970. Рис. 1.

Крупная биконическая бусина; слегка закручена выше и ниже центрального ребра.

Глухое зеленое стекло.

D 1.6; D отверстия 0.2.

Датировка: ок. 375–325 гг. до н.э.

13. К32, мог. М2. Оп. 6/12. 1974.

Одиночная гагатовая (?) бусина.

D 0.7.

Non vidimus. Описание согласно полевой описи.

Датировка: ок. 350–325 гг. до н.э.

BEADS, PENDANTS AND CHARMS: THE EVIL EYE BELIEF AMONG THE GREEK AND INDIGENOUS POPULATION OF TAURICA

V. F. Stolba

The article concerns the collection of beads and charms found at the necropolis of Panskoye I, the rural Greek site in the distant *chora* of Tauric Chersonesos. Their peculiar distribution pattern, with the majority of the finds deriving from child burials, as well as the prevalence of blue and eyed beads suggest that their role was hardly limited to serving as simple personal adornment. The archaeological and ethnographic data available indicate that these finds may be regarded as important evidence for deep-rooted religious superstitions (such as the evil-eye belief) among the ancient population of the northern Black Sea littoral. The cowrie-shell pendant which was found in child grave K39 M4 along with three glass beads furnishes further proof of this superstition. The shell, whose dome was broken off for suspension, belongs to the *Monetaria* (*Cypraea*) *annulus* L. species, also known as gold-ring cowrie, which is generally restricted to the Oman and East African coasts. Despite the attempts to view such shells as a symbol of womanhood, fertility, birth and wealth, the resemblance of their undersides to a half-closed human eye and the repeatedly suggested association of cowries with the vulva point towards their apotropaic purpose: to avert the influence of the evil eye. Other cowries found in the Greek and indigenous graves of the Pontic area most likely served as charms too – a function which they were supposed to have both during the lifetime of their owner and in the afterlife. The author argues that an apotropaic value might have also been tributed to a single crab's claw found in grave K43 M3 of the Panskoye I Necropolis as well as to isolated finds of unnaturally deformed iron nails.

Basing his work on the closed deposits and associated finds, the author suggests a number of adjustments to the chronology of several bead varieties.

АРТАШЕС I И СОЗДАНИЕ ДРЕВНЕАРМЯНСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АРМИИ

В истории любого государства и народа всегда особое место занимало создание национальной профессиональной (постоянной) армии. Как известно, на заре цивилизации армия не была профессиональной, а имела в основном ополченческий характер, но именно в те времена начался процесс создания профессиональных армий. Еще Саргон Аккадский (2316–2261 гг. до н.э.) имел отряд телохранителей, которые были обучены как профессионалы¹. Подобный отряд был и у афинского тирана Писистрата (VI в. до н.э.). Этот список можно продолжить, однако отряд телохранителей-профессионалов с армией в целом, конечно, отождествлять нельзя. Интересен факт создания больших регулярных армий: в Ассирии ее создал Тиглатпаласар III (745–727), в Ахеменидском Иране, – по-видимому, Дарий I (522–486), в Македонском государстве – Филипп II (359–336)². Создание профессиональной армии в древней Армении (равно как и восстановление самого царства Великой Армении) связывается в армянской исторической традиции с именем одного из армянских царей – Арташеса I (189–ок. 160), основателя Арташесидской династии (189–1 г. до н.э.).

Одно из первых упоминаний о древнеармянской армии сохранилось у Моисея Хоренаци, отца армянской историографии (V в. н.э.). Историк свидетельствует: «...собирает (родоначальник Арам. – А.А.) множество храбрых соплеменников – лучников и искуснейших копейщиков, юношей и зрелых, ловких в схватках, отважных сердцем и готовых к сражениям – числом *около пятидесяти тысяч* (курсив наш. – А.А.)»³. В рамках данной статьи мы не будем подробно останавливаться на личности Арама, так как по этому вопросу существуют различные точки зрения. Иногда его отождествляют с царем Араме (859–843), который является основателем государства Урарту⁴. Здесь нас интересует упомянутое число солдат – «около пятидесяти тысяч». Это совпадает с упоминанием о численности армянского войска в «Киропедии» Ксенофонта. Там дважды упоминается армия царей династии Оронтидов (Ервандидов) в VI в. до н.э. В одном случае говорится о половине армии в 4 тысячи всадников и 20 тысяч пехотинцев, которую царь Ерванд как вассал мидийского царя Астиага должен был представить последнему в случае войны. Во втором упоминании дано более подробное описание древнеармянской армии пе-

¹ См. Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке/Отв. ред. И.А. Стучевский. М., 1987. С. 15–16; История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия / Под. ред. И.М. Дьяконова. М., 1983. С. 238 слл.

² См. История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй / Под. ред. А.В. Седова. М., 2004. С. 354–357, 652 слл.; История древней Греции / Под. ред. В.И. Кузищина. М., 2001. С. 229–231.

³ *Моисей Хоренаци. История Армении* / Пер. с древнеарм. Г.Х. Саркисяна. Ереван, 1990. I. 13.

⁴ Об Араме более подробно см. *Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту)*. М., 1959. С. 54–59.

риода правления ахеменидского царя Кира II Великого (550–529). На армянском престоле в то время находился сын Ерванда – Тигран. Ксенофонт пишет: «А как велика численность твоего войска, – спросил Кир, – и сколько денег имеется у тебя в наличии? – Всадников-армян всего 8 тысяч, пехотинцев же до 40 тысяч. Что же касается денег, то вместе с сокровищами, оставленными моим отцом, общая сумма составляет, если перевести на серебро, более 3 тысяч талантов»⁵. При всех ограничениях, налагаемых на использование «Киропедии» характером этого памятника, основываясь на этих фразах, можно предполагать, что при Астиаге и Кире II у древних армян существовало какое-то постоянное войско. Упоминание воинов-армян вместе с казной в ответе армянского царя Киру косвенно говорит в пользу данного предположения (по крайней мере, в пользу того, что так представлял себе армянскую армию VI в. Ксенофонт полутора веками позже). Основание же вполне профессиональной армии в древней Армении однозначно можно связать с деятельностью Арташеса I.

К такому выводу позволяет прийти анализ сообщений античных авторов (Страбона, Плиния Старшего и др.) и утверждений Мовсеса Хоренаци на фоне внешнеполитической и внутривосточной ситуации в Армении к моменту восшествия на престол Арташеса I.

В конце III в. до н.э. армянский ареал был разделен на четыре самостоятельных образования: Великую Армению, Малую Армению, Софену (Цопк) и Коммагену. Раздробленность страны способствовала завоеванию этих территорий Селевкидским государством. В 201 г. до н.э. в Армении был низвержен последний Оронтид – Ерванд IV (220–201), который своей недальновидной внутренней политикой вызвал крайнее негодование армянской аристократической верхушки. В тот же период в Софене был низвержен представитель местной династии Ксеркс⁶. Эти перевороты были совершены стратегами селевкидского царя Антиоха III Великого – Арташесом и Зарехом. В это же время Антиох III завоевал Коммагену и Малую Армению, где у власти оказались его ставленники – Птолемей и Митридат. Таким образом, все четыре армянских государства попали под власть Селевкидов, а Арташес, Зарех, Птолемей и Митридат стали править как наместники-стратеги Антиоха III.

Это продолжалось до 190–188 годов до н.э., когда Антиох потерпел сокрушительное поражение от римлян при Магнесии и был заключен так называемый Апамейский мирный договор. Этим воспользовались селевкидские стратеги Арташес и Зарех. В 189 г. до н.э. они провозгласили себя царями соответственно Великой Армении и Софены⁷. Птолемей в Коммагене и Митридат в Малой Армении также стали независимыми. Последний участвовал в войне

⁵ Хен. Сур. II. 1. 6; III. 1. 33 (пер. В.Г. Боруховича и Э.Д. Фролова).

⁶ Как сообщает Полибий (VIII. 25), Антиох III выдал свою сестру Антиохиду замуж за Ксеркса и с ее помощью отравил последнего.

⁷ История армянского народа. Т. I; Армения в эпоху первобытнообщинного и рабовладельческого строя / Под ред. С.Т. Еремяна. Ереван, 1971. С. 510–517, 521–526; Саркисян Г.Х. Антиох III Селевкид и армянские государства // Вестник ЕГУ. 1969. № 1. С. 55 сл.; Манандян Я.А. Труды. Т. I. Критический обзор истории армянского народа (с начала до основания Аршакидов в Армении – 66 г. н.э.). Ереван, 1977 (на арм. яз.). С. 104–120; Эльчибемян Ж.Г. Армения и Селевкиды. Ереван. 1979 (на арм. яз.). С. 46–56; Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 230–231, 245; Schmitt H.H. Untersuchungen zur Geschichte Antiochos des Grossen und seiner Zeit. Wiesbaden, 1964. S. 42 f.

183–179 годов до н.э. между малоазийскими царствами Пергамом, Вифинией, Каппадокией, с одной стороны, и Понтом – с другой и был упомянут в мирном договоре 179 г. до н.э. как союзник понтийского царя Фарнака I⁸.

Ведущую роль в этих процессах играли Арташес и Зарех, они действовали сообща, видимо, сознавая, что их сила в единстве. Несмотря на то что наши источники ничего не сообщают о лидерстве Арташеса, представляется совершенно очевидным, что «дирижерская палочка» находилась именно в руках последнего. Благоприятная внешнеполитическая ситуация способствовала укреплению позиций отложившихся от Антиоха III стратегов в Армении. Последний Оронтид, Ерванд IV, как уже было отмечено, своей внутренней политикой вызвал всеобщее недовольство (Хоренаци. II. 44–46). К тому же он был потомком перса Гидарна⁹. Арташес же, напротив, за годы своего правления (201–189) сумел завоевать большой авторитет и любовь у населения. Поэтому освобождение от селевкидского господства произошло гладко, без особых потрясений и кровопролития, что подтверждает большой авторитет Арташеса. Без внутренней поддержки он не смог бы претворить в жизнь планы создания независимого государства в Армении. Эта поддержка продолжалась и в последующие годы, когда он воссоединил территориально большую часть армянского ареала (из 15 областей Великой Армении при нем были присоединены 14).

О восшествии Арташеса I на армянский престол сообщает Страбон (XI. 14. 5): «Далее рассказывают, что Армении, в прежние времена бывшую маленькой страной, увеличили войны Артаксия и Зариадрия. Они были первоначально полководцами Антиоха Великого, а впоследствии после его поражения стали царями (первый – царем Софены, Акисены, Одомантиды и некоторых других областей, а последний – царем страны вокруг Артаксаты); они расширяли совместно свои владения, отрезав часть областей окружающих народностей, а именно: у мидян они отняли Каспиану, Фавнитиду и Басоропеду; у иберов – предгорье Париадра, Хорзену и Гогарену, которая находится на другой стороне реки Кира; у халибов и мосиенков – Каренитиду и Ксерксену, которая граничит с Малой Арменией или является ее частью; у катаонов – Акилисену и область вокруг Антитавра; наконец, у сирийцев – Таронитиду» (пер. Г.А. Страгановского). Воссоединить все вышеупомянутые территории без хорошо подготовленной профессиональной армии представляется невозможным, несмотря на то что все эти земли были армянскими, а население говорило на армянском языке¹⁰.

Параллельно с воссоединением армянских земель вокруг своего царства Арташес I провел крупные административно-территориальные реформы. Моисес Хоренаци упоминает о двух из них. Они касались как кардинальных административных делений, так и затрагивали частные и общинные земли. В начале своего повествования Хоренаци пишет об административном делении на местах: «По совершении всех доблестных и полезных дел Арташес приказывает определить межи деревень и агараков...»¹¹. На первый взгляд данная ре-

⁸ См. *Polyb.* XXV. 2; *Diod.* XXXI. 19. Эти события подробно проанализированы С.Ю. Сапрыкиным (*Сапрыкин С.Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 186–199; *он же.* Понтийское царство. М., 1996. С. 74–75).

⁹ *Strabo.* XI. 14. 15; *Herod.* III. 70. О Гидарне (Видарне) более подробно см. *Дандамаев М.А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. С. 79–85.

¹⁰ О языковой ситуации в Армении см.: *История Древнего мира* / Под ред. И.М. Дьяконова. Т. II. М., 1988. С. 396; Т. III. С. 276, 282.

¹¹ *Хоренаци.* II. 56. Далее историк подробно описывает эти межи. В настоящее время найдено уже 14 межей Арташеса.

форма Арташеса I носила социально-экономический характер, так как царь не допустил верхушку общества овладеть общинными землями простых крестьян. Своей реформой Арташес I ввел административные изменения и не допустил распада общин, поскольку они платили не только львиную долю налогов в государственную казну, но и поставляли основную часть воинов. К сожалению, пока не удалось установить, что лежало в основе деления общинных земель: численность населения, площадь обрабатываемой земли или территориальный признак. Источники об этом умалчивают. Хоренаци (II. 53) упоминает и о другой реформе Арташеса I: «Арташес разделяет на четыре части также начальство над войском: восточную рать оставляет за Артаваздом, западную отдает Тирану, южную вверяет Смбути и северную – Зареху». Он также указывает, что Артавазд был первым среди этих четырех правителей и впоследствии его стали именовать «спарпет» – главный военачальник.

В сообщениях Хоренаци имеется определенный пробел, так как между общинами и организацией четырех пограничных княжеств, которые назывались *питиаххствами* (руководитель – *питиахх* или *бдешх* на древнеармянском)¹², должен был быть по меньшей мере еще один уровень административного деления. Именно о нем сообщает римский историк I в. н.э. Плиний Старший, который говорит: «Армения разделена на префектуры, которые также называются стратегиями, некоторые из которых ранее были царствами. Их сейчас сто двадцать и носят варварские названия» (NH. VI. 10. 27). Это свидетельство достаточно подробно изучено С.Т. Еремянном, который убедительно доказал, что оно относится к эпохе Арташеса I. Однако он не смог раскрыть смысл и значение цифры 120, упомянутой Плинием Старшим, выдвинув лишь предположение, что здесь имела место ошибка, которая вкралась при переписке источника¹³. Но это не проливает света на решение вопроса. Согласно армянской географии «Ашхарацуйц» (ранее считалось, что данный источник относится к VII в., а авторство приписывалось Ананию Ширакаци, однако Б.А. Арутюнян убедительно доказал принадлежность вышеупомянутого труда к V в. и авторство Мовсеса Хоренаци¹⁴), Великая Армения имела 15 областей (*наханг*), которые в свою очередь делились на уезды или провинции (*гавар*). В 15 областях их общее количество составляло от 190 до 195. С.Т. Еремян пытался доказать, что вместо цифр 12 (10 или 20) писцы по ошибке записали 120, что впоследствии использовал Плиний Старший¹⁵.

¹² В армяно-русском словаре А. Худабашян неверно переводит эту должность, называя бдешха консулом, старшиной в городе (Худабашян А. Армяно-русский словарь. Ч. 1. М., 1839. С. 235). Нередко данный термин отождествляется со словом *vi-taxa*, которое Аммиан Марцелин трактует как «начальник конницы» (XXIII. VI. 14). На наш взгляд, бдешх – это букв. «владелец пограничной области в древней Армении», т.е. правитель каждой из указанных четырех частей.

¹³ См. История армянского народа. Т. 1. С. 836–842.

¹⁴ Арутюнян Б.А. Система административно-территориального деления царства Великой Армении по «Ашхарацуйц»-у. Ереван, 2001. С. 5–42; он же. Атлас истории Армении. Ч. 1. Ереван, 2004 (на арм. яз.). С. 42–43 и карта: Армения по «Ашхарацуйц»-у.

¹⁵ История армянского народа. Т. 1. С. 840–841.

На наш взгляд, для постижения истины первоочередной задачей является определение значений слов *стратегия* и *префектура*. Первое имеет греческое происхождение, второе – латинское. В сущности смысл обоих слов почти совпадает, а фактически префектуры и стратегии представляли собой военно-административные единицы. Возникает правомерный вопрос: как могут сосуществовать на первый взгляд противоречащие друг другу свидетельства древнеармянского историка Хоренаци (о четырех частях Армении), сведения из «Ашхарауц» и античного историка Плиния Старшего? В поисках ответа обратимся к территориальному делению Армении.

В Армении в эпоху эллинизма было организовано трехступенчатое территориальное деление: 1) сельские общины (возможно, и городские, но о них Хоренаци не упоминает)¹⁶; 2) префектуры или стратегии; 3) *пятиахшества*, т.е. четыре пограничные стороны государства (север, юг, восток и запад). Как же могли существовать одновременно 120 «префектур» (по Плинию) и 190–195 уездов (по географии «Ашхарауц»)? «Ашхарауц» был написан, как было отмечено, в V в. А переход в древней Армении к отношениям феодального типа приходится в основном на IV век н.э. Учитывая обычно сопутствующее развитию таких отношений усиление раздробленности, можно прийти к заключению, что именно благодаря ему на основе 120 централизованных префектур в древней Армении в эпоху Арташесидов там впоследствии могло образоваться от 190 до 195 уездов¹⁷.

Теперь попытаемся найти связь между административно-территориальными реформами Арташеса I и организацией им профессиональной армии. Поскольку Арташес I провел много лет на службе в Селевкидском царстве, ему были хорошо известны принципы организации и система укомплектования селевкидской армии.

Историки, которые занимались изучением армии и военного дела у Селевкидов, затрагивали в основном вопрос о наемничестве. Им, к сожалению, не удалось пролить свет на систему организации призывов в армию, а также определить контингент ее служащих. Современные авторы зачастую приводят лишь сведения источников, не подвергая их какому-либо анализу. Однако в ряде работ, в частности в монографии Э. Бикермана, высказана мысль о том, что костяком селевкидской армии было сельское население¹⁸.

Поворотным в вопросе об организации армии Селевкидов можно считать подход М. Лоней, который считает, что набор в войска был организован как из числа горожан, так и из тех, кто имел статус катойков¹⁹. Спустя более чем

¹⁶ Единственным упоминанием о городской общине является надпись, найденная в Тигранакерте (см. *Саркисян Г.Х.* Тигранакерт. Из истории древнеармянских городских общин. М., 1960).

¹⁷ О возникновении феодализма в Армении см. *Манандян Я.* Феодализм в древней Армении. Труды. Ереван, 1977. Т. IV. С. 187–436 (на арм. яз.); *Адонц Н.* Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971. С. 236–321; *Джавахов И.* Государственный строй древней Грузии и древней Армении. СПб., 1905. С. 100–110, 126, 132–134; *Новосельцев А.П.* Генезис феодализма в странах Закавказья (опыт сравнительно-исторического исследования), М., 1980. С. 75–81, 105–112.

¹⁸ *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 131–166; *Tarn W.* Hellenistic Military and Naval Development. Cambr., 1930; *Ранович А.Б.* Эллинизм и его историческая роль. М.–Л., 1950. С. 97–107, 143–146; *Левек П.* Эллинистический мир. М., 1989. С. 87–92; *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985. С. 50–99.

¹⁹ *Launey M.* Recherches sur les armées hellénistiques. V. I. P., 1949. P. 51 suiv.

25 лет историк Б. Бар-Кохва сделал вывод, что резервом для воинского контингента Селевкидов были в равной степени городские общины и деревенские²⁰. Однако представляется совершенно необоснованным заключение автора о том, что в селевкидской армии в коннице служили жители исключительно восточносредиземноморских районов.

Решение вопроса об организации армии и взаимоотношения царей и полисов получило развитие благодаря герменевтическому подходу Г.А. Кошеленко. Анализируя данные первоисточников в сопоставительном анализе с результатами археологических раскопок в Дура-Европос, Сузах и др., исследователь сделал вывод: «...мы можем утверждать, что восточноэллинистический полис представлял особое социальное образование, порожденное своеобразными условиями эллинистического государства. Продолжая оставаться полисом, он в то же время испытывал серьезные изменения в очень важной сфере – сфере отношений собственности: над коллективом собственников, т.е. полисом, появляется верховный собственник земли, т.е. царь. Собственность коллектива становится условной, полис взамен полученной земли обязан военной службой царю»²¹.

Города в Селевкидском царстве делились на две категории: доэллинистические и эллинистические. К числу первых относятся финикийские, малоазийские и вавилонские города гражданско-храмового типа²², население которых не было представлено в составе контингента селевкидской армии. После распространения эллинизма на Ближнем Востоке полисы греческого типа стали мощной опорой Селевкидов в деле становления и укрепления своей власти. Поэтому в государственном аппарате и армии практически все посты были заняты македонянами и греками. Греко-македонские переселенцы (во всяком случае их основная часть) жили в ими же основанных городах, а туземцы оставались в своих деревенских общинах и именовались *λαοί*²³.

В период правления Арташеса I ничего общего между армянскими общинами (как деревенскими, так и городскими) и селевкидскими не наблюдалось. Армения и Закавказье в целом остались вне пределов походов Александра и македонского завоевания. Арташес I и его предшественники Оронтиды не вели завоевательных войн, поэтому в Армении в то время не было ни греко-македонских переселенцев, ни попавших в страну военнопленных. Этнически со-

²⁰ Bar-Kochva B. The Seleucid Army. Organization and Tactics in the Great Campaigns. Cambr., 1976. В последние годы написано еще несколько монографий по этой тематике. См. *Secunda N.V.* Seleucid and Ptolémaic Armies 168–145 B.C. V. I–II. Dewsbury, 1994–1995; *Spence G.* The Cavalry of Classical Greece. Oxf., 1993.

²¹ Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 239. См. также: Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма) / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1982. С. 130 слл. Когда на смену Селевкидам пришли парфяне, города потеряли свое значение и военном аспекте и комплектование войск стало осуществляться за счет аристократии. Об этом более подробно см. Кошеленко. Греческий полис... С. 282–287.

²² См. Кошеленко. Греческий полис... С. 240–241.

²³ История Древней Греции / Под ред. В.И. Кузищина. С. 313; см. также Зельин К.К., Трофимова М.К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1969; *Sherwin-White S., Kuhrt A.* From Samarkhand to Sardis. A New Approach to the Seleucid Empire. L., 1993; *Cohen G.M.* The Seleucid Colonies. Studies in founding, Administration and Organization. Wiesbaden, 1978; *Will E.* Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.). P., 2003.

став населения был практически монолитным и состоял в основном из армян²⁴. Именно поэтому Арташес I не придавал особого значения вопросу, какая часть населения (городская или деревенская) будет в большем количестве представлена в армянской армии. Первоочередным для него было другое – обеспечить определенное количество призывников. Поэтому, пойдя по стопам эллинистических правителей, и в первую очередь Селевкидов, Арташес I провел трехступенчатое административно-территориальное деление Армении. Можно предполагать, что поскольку ко II в. до н.э. Армения оставалась государством с преимущественно сельским населением (основная часть жителей проживала в деревнях), то армянское войско комплектовалось именно за счет деревенского населения.

После смерти Александра Македонского города, как основанные им самим, так и его преемниками – диадохами и эпигонами, стали опорой для новоявленных эллинистических правителей. Это, в первую очередь, касается Египта и государства Селевкидов. Поэтому в царстве Селевкидов костяк армии состоял из городского населения, в основном из переселившихся на Восток греков и македонян²⁵. Подобного явления не было в эллинистической Армении как в эпоху Оронтидов, так и при Арташесе I.

В Селевкидском государстве местные жители, как и прежде, жили в деревнях. В арташесидской Армении основная часть населения также проживала в сельской местности, поэтому Арташес I искал опору в первую очередь среди сельского населения. Для этого он сделал его материально заинтересованным, разделив общинные земли и частные. Однако, переняв общие селевкидские принципы организации призыва, Арташес, в отличие от них, сделал акцент на сельское население. Не исключено, что среди городских жителей имели место негодование и даже выступления против Арташеса I, так как во второй половине своего правления (после воссоединения армянских земель) он стал именовать себя потомком Оронтидов. А аристократическая верхушка Армении, как говорилось выше, была негативно настроена против последнего Оронтида – Ерванда IV. Вероятно, ее негодование еще более возросло, когда из политических соображений корни своего происхождения Арташес I довел до Ахеменидов, более двух веков владычествовавших на Ближнем Востоке, от Индии и Средней Азии до Египта и Эгейского побережья Малой Азии. Его полная титулатура звучала так: Арташес I, сын Зареха, Оронтид, Евсебий, Венценосец, Ахеменид²⁶. Народ еще не забыл ни Ерванда IV, ни Ахеменидов, которые принесли ему много страданий, а правление их считалось бесславленным.

Почему же Арташес I пошел на этот шаг? Нам кажется, что после восстановления царства Великой Армении он попытался дать понять, в первую очередь Зареху Софенскому, что главенство принадлежит именно ему, поэтому и назвал себя потомком Оронтидов, которые долгое время были царями Вели-

²⁴ См. Кркияшарян С.М. Государственное устройство древней Армении (VI в. до н.э.–IV в. н.э.). Ереван, 2005 (на арм. яз.). С. 201–216; он же. Очерки истории городов древней Армении и Малой Азии. Ереван, 1970 (на арм. яз.).

²⁵ Welles S.B. Royal Correspondence in the Hellenistic Period. A Study in Greek Epigraphy. New Haven, 1934.

²⁶ Более подробно см. Эльчибекийн. Ук. соч. С. 63; История армянского народа. Т. 1. С. 528–529, 536–539.

кой Армении. А возведя родословную к Ахеменидам, он хотел доказать, что именно ему принадлежит все царство и, в отличие от Зареха, только он один имеет царское происхождение. Можно предположить, что именно этим обусловлено основание во второй половине царствования Арташеса I города Арташата в Араратской долине, где до него еще царями государства Урарту было построено множество городов и особой необходимости в новом городе не было. Однако Арташат основывался прежде всего как оплот царской власти.

Административно-территориальные реформы Арташеса I носили политический и военный характер. Как и подобные преобразования, проведенные в древневосточных государствах, они преследовали в сущности две основные цели: 1) укрепление армии как средства защиты собственных границ и освобождение своих территорий (как и Арташес I) или завоевание других земель (что имело место после реформ Тиглатпаласара III, Дария I и др.); 2) централизация управления государством, особенно в далеких от центра (столицы) пограничных районах, и унификация управления на всей территории. Это касалось налогообложения, территориального деления, воинского призыва гражданского населения. К сожалению, мы не знаем, как выглядело армянское войско в эпоху правления Арташеса I, поскольку античные историки (Полибий, Страбон, Диодор Сицилийский, Плутарх, Аппиан, Иосиф Флавий, Иероним и др.) освещают в основном внешнюю политику царя Великой Армении. До нас дошли лишь скудные сведения Мовсеса Хоренаци. В разных главах своего повествования (II. 38–60) он лишь упоминает о воинских подразделениях (армия, полк, рота, конница и пехота, копейщики, лучники, мечники), дважды – о трубачах и в одном случае говорит, что они оповещали о начале военных действий.

Трудно делать определенные выводы о численности постоянной армии, однако известно, что в начале правления внука Арташеса – Тиграна II Великого (95–55) – Армения имела 100-тысячную постоянную армию, а после его завоеваний и увеличения территории соответственно утроилось и число солдат, стали более разнообразными и роды войск. В Армении появились тяжеловооруженная конница, пехота и пращники, даже саперы, стала использоваться осадная техника. Однако нельзя утверждать, что все это существовало именно при Арташесе I. Силловые структуры, естественно, совершенствовались с течением времени и согласно обстоятельствам, и вполне определенно можно говорить о том, что армия Арташеса I, как и другие армии стран древнего Востока, состояла из двух частей: профессионалов и ополчения. Лишь на рубеже II–I вв. до н.э. началось создание стопроцентной профессиональной армии, но это имело место только в Риме.

При воссоединении армянских земель и восстановлении прежних границ государства на востоке и западе никаких вооруженных столкновений не было, чего нельзя сказать о северных и южных границах. На севере после воссоединения Гогарены (совр. Гугарк) произошли два столкновения между армянами и коахами, которым оказали военную помощь аланы. Об этом сообщает грузинский источник XI в. «Картлис Цховреба» («Житие Картлы»), согласно которому границы между ними остались неизменными. Более того, коахи (ибе-

ры) и аланы обязались оказывать армянам военную помощь, а также чеканить монеты с изображением Арташеса I²⁷.

Сложнее обстояло дело на южном направлении, где после воссоединения Таронитиды в правление в Селевкидском царстве Антиоха IV началась армяно-селевкидская война. Все античные историки (Диодор, Аппиан и др.) сообщают о победе Антиоха IV. Однако при этом говорят о неизменности границ Армении и Селевкидов. Исследования Г.Х. Саркисяна, проанализировавшего свидетельства Иеронима (IV в.), который указывает, что Антиох после сражения отступил на самый юг Месопотамии (в местность Апедон), позволяют сделать вывод о том, что Арташес I понес в этой войне большие потери, однако ему удалось удержать границы²⁸. Благодаря основанной Арташесом I профессиональной армии вновь были воссоединены все 14 областей Великой Армении, кроме Софены (Цопка), где правил царь Зарех – его младший союзник и сподвижник. В 94 г. до н.э. Тигран II присоединил Цопк к Армении. А Великая Армения оставалась на исторической арене до 387 г. до н.э., когда произошел первый раздел армянского царства между Римом и Сасанидским Ираном.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что армия Арташеса I была вполне боеспособна и на профессиональном уровне решала поставленные перед ней задачи.

Хоренаци (II. 60) так описывает похороны царя Арташеса I: «Корона покоилась на голове, золотое оружие было сложено перед ним. Ложе окружали сыновья и толпа сородичей, а за ними тянулись сановники и военачальники, родовладыки и сонм нахараров вместе с полками воинов; все – в полном вооружении, как если бы шли на войну в боевом порядке. Впереди трубили в медные трубы, позади (шли) одетые в черное голосистые девушки...». На основании этого свидетельства можно сделать вывод, что на похоронах в основном присутствовали люди военной профессии, и Арташеса похоронили со всеми воинскими почестями.

ARTAXIAS I AND THE ORGANIZATION OF THE ANCIENT ARMENIAN PROFESSIONAL ARMY

A. Arutyunian

Analyzing the data given by Movses Khorenatsi and other sources concerning Artaxias I's political and military activities, the author comes to the conclusion that together with administrative reforms Artaxias carried out a military reform and created a professional and well-organized army. Its organization was deliberately conceived as closely connected with territorial administration.

²⁷ Меликсет-Бек Л. Грузинские источники об Армении и армянах. Т. I (V–XII вв). Ереван, 1934 (на арм. яз.); С. 158–160. О «Картлис Цховреба» см.: Очерки истории Грузии. Т. 1. Грузия с древнейших времен до IV века / Под ред. Г.А. Меликишвили, О.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1989. С. 20–26; Источниковедение истории древнего Востока / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1984. С. 197; о грузино-армянских взаимоотношениях см.: История Грузии. Т. 1. С. 262, 272–273.

²⁸ Более подробно см.: История армянского народа. Т. 1. С. 548.

ОСТРОВА ЭГЕЙСКОГО МОРЯ И ПРОВИНЦИЯ АЗИЯ

Какие острова Эгейского моря входили в состав провинции Азия в период от установления римского владычества до провинциальной реформы Диоклетиана? В историографии преобладает мнение¹, что все острова, входившие в диоклетиановскую *provincia Insularum* (засвидетельствованную в составе *dioecesis Asiana* с 294 г. н.э.)², составляли часть провинции Азия с самого момента ее организации Манием Аквиллием в 129–26 годах до н.э.³ В этой статье мне хотелось бы показать, что данная точка зрения неверна для времени до середины II в. н.э.

Начнем с двух свидетельств античных авторов, которые показывают, соответственно, наименьшую и наибольшую островную территорию провинции Азия. С одной стороны, в «Географии» Клавдия Птолемея, в которой материал дан по римским провинциям, к Азии отнесены только Пороселена⁴ (Ptol. Geogr. V. 2. 4), Тенедос, Лесбос, Икария, Самос, Аморг, Кос, Астипалея, Сима, Касос, Карпаф и Родос (V. 2. 19). Сведения Птолемея (или, вернее, его источника, Марина Тирского) в ряде случаев доказуемо относятся ко времени около 110 г. н.э.⁵ Помимо того, А.Х.М. Джонс убедительно показал, что по край-

¹ Вопрос оставлен без обсуждения в стандартных работах по административному устройству провинции Азия. Часто повторяемые аргументы в пользу того, чтобы рассматривать острова Эгейского моря как часть этой провинции, восходят к исследованию выдающегося немецкого эпиграфиста Ф. Хиллер фон Герtringена по истории острова Фера: *Hiller von Gaertringen F. Thera, Untersuchungen, Vermessungen und Ausgrabungen in den Jahren 1895–1898. Bd 1. B., 1899. S. 174.* Единственной работой, в которой предлагается систематическая критика тезиса Хиллера фон Герtringена, остается монография С.А. Жебелёва, к сожалению, практически не известная западной науке (характерно, что страницы оксфордского экземпляра оставались неразрезанными, когда я раскрыл его в 2006 г.): *Жебелёв С.А. АХАИКА. В области древностей провинции Ахаии.* СПб., 1903. С. 75, 188–190, прим. 1 (с дополнениями на с. 377). Хорошее собрание материала есть в важной работе Пантелиса Нигделиса по истории Киклад в эллинистический и римский периоды: *Νίγδελης Π.Μ. Πολίτευμα καὶ κοινὴν τῶν πόλεων τῶν Κυκλάδων κατὰ τὴν ἐλληνιστικὴ καὶ αὐτοκρατορικὴ ἐποχὴ. Θεσσαλονίκη, 1990. Σ. 101 sqq., 219 sqq.* Костас Бураселис в своей монографии, посвященной истории острова Кос, придерживается, как кажется, взглядов, сходных с выдвигаемыми здесь, но подробно их не аргументирует: *Buraselis K. Kos between Hellenism and Rome. Philadelphia, 2000. P. 144–145.*

² О создании этой провинции см. *Wilkes J. Changes in Roman provincial organisation, A.D. 193–337 // CAH². Vol. 12 / Ed. by A.K. Bowman, P. Garnsey, A. Cameron. 2006. P. 709.* Датировка ее самого раннего упоминания – в рескрипте Диоклетиана и Максимиана Диогену, президиу Островов (*praeses Insularum*), 294 г. не вполне надежна: возможны также 300, 302 и 305 г. (см. стандартный справочник: *PLRE. Vol. 1. P. 255*); аргументы в защиту традиционной датировки см. *Barnes T.D. The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambr. Mass., 1982. P. 157.*

³ О его роли в организации провинции см. *Gray E.W. M'. Aquillius and the Organization of the Roman Province of Asia // Proceedings of the Xth Intern. Congress of Classical Archaeology. Ankara, 1978. P. 965–977.*

⁴ Русская транскрипция названий островов дана по «Географии» Страбона в пер. Г.А. Стратановского (М.–Л., 1964).

⁵ См., например, *Berggren J.L., Jones A. Ptolemy's Geography: An Annotated Translation of the Theoretical Chapters. Princeton, 2000. P. 23* (с дальнейшей библиографией).

ней мере информация Птолемея о δήμοι Азии (Geogr. V. 2. 13, 15, 18) восходит к официальным перечням⁶. Однако определить источник и датировку сведений Птолемея в каждом конкретном случае затруднительно⁷, и а priori датировать его сведения об административной принадлежности островов правлением Траяна было бы ошибкой.

С другой стороны, согласно «Синекдему» Гиерокла (Hier. Synecd. 686.1–687. 6), информация в котором обычно считается в большей своей части восходящей к источнику времен царствования Феодосия II (408–450 гг.), в составе *provincia Insularum* числились Родос, Кос, Самос, Хиос, Митилена и Мефимна на Лесбосе, Петелос (название испорчено, и удовлетворительного объяснения до сих пор предложено не было), Тенедос, Пороселена, Андрос, Тенос, Наксос, Парос, Сифнос, Мелос, Иос, Фера, Аморг и Астипалея⁸. Эти два текста – единственные античные источники, в которых дается список островов провинции Азия, претендующий на полноту. Сведения Плиния Старшего (к которым мы вернемся ниже), нашего важнейшего источника по административному устройству этой провинции в эпоху Раннего принципата, в этом пункте неполны. Простейшим заключением из них было бы, что до определенного момента в истории Ранней Римской империи (возможно, даже позднее правления Траяна) островная часть провинции Азия сводилась к островам, перечисленным у Птолемея, а Кикладские острова были включены в ее состав позднее⁹. Как мне представляется, этот вывод можно подтвердить и дополнить сведениями из других источников.

⁶ Jones A.H.M. *The Cities of the Eastern Roman Provinces*. 2nd ed. Rev. by M. Avi-Jonah et al. Oxf., 1971. P. 509. К аналогичному официальному источнику могут восходить сведения Птолемея о Галатском и Полемоновом Понте: Ramsay W.M. *The Historical Geography of Asia Minor*. L., 1890. P. 69, 447.

⁷ Рэмзи весьма скептичен в отношении ценности сведений Птолемея для других регионов Малой Азии (*The Historical Geography...* P. 68 – по поводу ошибок в Птолемеевом описании Пафлагонии; P. 69, 372 – аргументы в пользу датировки описания Каппадокии и Киликии принципатом Гая (Калигулы); ср., однако, аргументацию С. Дмитриева (*Dmitriev S. Observations on the Historical Geography of Roman Lycaonia // GRBS*. 2000. 49. P. 366 ff.), который датирует это описание правлением Адриана.

⁸ Исчерпывающие примечания к данному списку даны в изд.: Le Synekdomos d'Hiéroclès et l'opuscule géographique de Georges de Chypre / Texte, introduction, commentaire et notes par E. Honigmann. Bruxelles, 1939. P. 32. Сведения Гиерокла удобно представлены в виде таблицы в кн.: Jones. *The Cities...* P. 525 (анализ источников и ценности информации Гиерокла см. P. 514 ff.); сводка сведений прочих позднеантичных источников об островах Эгейского моря дана Й. Кодером: TIB. Bd 10: Aigaion Pelagos (Die nördliche Ägäis) / Hrsg. von J. Koder. 1998. S. 73. Пропуск Симы, Карпафа и Касоса в списке Гиерокла едва ли значим, так как предположительно они в этот период все еще были «приданы» Родосу: см. Fraser P.M., Bean G.E. *The Rhodian Peraea and Islands*. Oxf., 1954. P. 154. Not. 2.

⁹ Пропускам мелких островов в Додеканезах в обоих списках, по всей видимости, не следует придавать большого значения. Некоторые из них, возможно, были пропущены источниками Птолемея, так как не были самоуправляющимися полисами (так, Калимна в период Раннего принципата принадлежала Косу: о датировке калимнийских официальных документов по косским эпонимным магистратам, монархам см. Newton C.T. // *GIBM*. II. P. 92), а списки Гиерокла печально известны своей неполнотой (см. также предыдущее прим.). По убедительной догадке А.Х.М. Джонса (*The Cities...* P. 77), эта группа мелких островков входила в конвент (судебный округ) Алабанды. То, что Патмос также находился под властью наместника Азии, является естественным выводом из его географического положения и, возможно, подтверждается легендой об изгнании на этот остров св. Иоанна Богослова из Эфеса (см. Ramsay W.M. *The Letters to the Seven Churches of Asia*. L., 1904. P. 83 ff.): римский наместник, как о том свидетельствуют Ульпиан (D. 48. 22. 7. 1 = Lenel, Pal., Ulp. 2243) и Модестин (D. 48. 19. 31. 1 = Lenel, Pal., Modest. 163), не имел права карать ссылкой на остров за пределами своей провинции без императорской санкции.

Аргументы против того, что Киклады находились под управлением проконсула Азии в эпоху Поздней республики и в первый век существования империи носят в основном негативный характер. Во-первых, еще в эпоху Северов Эфес сохранял привилегию быть первым городом провинции Азия, к которому проконсул причаливал по прибытии в провинцию¹⁰. Трудно понять, каким образом подобная привилегия могла зародиться, если Киклады составляли часть провинции с самого начала: свидетельства остановок, сделанных проконсулами Азии по пути в провинции на Делосе, священном острове Аполлона, весьма многочисленны, а Делос никогда не принадлежал эфесцам¹¹.

Во-вторых, очевидно, что острова не составляли судебного округа (*conuentus*)¹² сами по себе, и ни один реестр *iurisdictiones* провинции Азия в литературных или документальных источниках не включает никаких островных полисов, не вошедших в Птолемеев список. Плиний Старший упоминает только Эрес на Лесбосе (в составе Адрамитийского округа: Plin. NH. V. 123), а знаменитая надпись из Эфеса – фрагмент полного списка общин провинции Азия по конвентам, датируемый примерно 75 г. н.э. (I Eph. Ia [IK 11] 13), свидетельствует, что Самос в эпоху Флавиев входил в Милетский округ (стб. I, стк. 36), Хиос (стб. II, стк. 8) и Митилена (стб. II, стк. 9) в Пергамский (если подзаголовок в начале столбца II восстановлен Х. Хабихтом верно)¹³, а Кос в Галикарнасский (стб. II, стк. 16)¹⁴. Включение Киклад было бы для любого из округов весьма значительным расширением, и его затруднительно согласовать с числом общин в каждом округе, которое дает Плиний Старший. Было бы проще найти им место в провинции Ахайя, судебно-административное устройство которой остается нам неизвестным. Впрочем, трудно понять и то, каким образом такие знаменитые полисы, как Хиос и Митилена, могли быть помещены в категорию *aliaeque inhonoraе ciuitates* (Plin. NH. V. 126)¹⁵.

¹⁰ Эта привилегия была подтверждена императором Каракаллой (D. 1. 16. 4. 5 = Lenel, Pal., Ulp. 2142; см. об этом тексте: Hurler F. Le proconsul et le prince d'Auguste à Dioclétien. Bordeaux, 2006. P. 248–249).

¹¹ См. о Делосе подробнее ниже.

¹² О судебных округах провинции Азия см. Mitchell S. The Administration of Roman Asia from 133 BC to AD 250 // Lokale Autonomie und römische Ordnungsmacht in den kaiserzeitlichen Provinzen vom 1. bis 3. Jahrhundert/Hrsg. von W. Eck. München, 1999. P. 22–29.

¹³ Habicht Chr. New Evidence on the Province of Asia // JRS. 1975. 65. P. 78.

¹⁴ А.Х.М. Джонс (The Cities... P. 79, 85) предлагал отнести Хиос к Смирнийскому округу, а Лесбос (на основании сведений Плиния Старшего об Эресе) и Пороселену к Адрамитийскому. Его догадка должна быть верна в отношении Пороселены. Возможно, Эрес и Митилена относились к разным конвентам (см. Habicht. New Evidence... P. 80), или информация Плиния устарела к моменту составления эфесского списка. Старое предположение, что остановка Цицерона на Самосе по пути в Киликию (Cic. Fam. 70 [III.8]. 4; Att. 106 [V. 13]. 1) свидетельствует о статусе центра судебного округа для Самоса, очевидно неверно; см. Marshall A.J. Governors on the Move // Phoenix. 1966. 20. P. 234. Nov. 12.

¹⁵ Плиний упоминает (NH. V. 132), что Родос, Самос (V. 135) и Хиос (V. 136) имели статус *ciuitates liberae*, но не связывает их ни с какой провинцией. Объяснение, что как “свободные города” они были исключены из *formula prouinciaе*, списка входивших в провинцию общин не убедительно: Плиний упоминает Афродисиаду в *conuentus* Алабанды (NH. V. 109), хотя нам достоверно известно из письма Траяна смирнийцам (AR 14; I Smyrna I [IK 24.1] 593; GCERE 48), что этот город в *formula prouinciaе* не входил. Помимо этого, Астипалея могла быть частью Азии в правление Августа (по возможной интерпретации императорского судебного решения: GCERE 6), а Кос определенно был подвластен наместнику Азии ко времени принципата Клавдия, как явствует из знаменитого письма проконсула Гн. Домиция Корбулона (Iscr. Cos. ED43). Более вероятно, что для описания островов Плиний пользовался иным источником, чем для большей части Азии. Аналогичная гипотеза уже предлагалась для объяснения отсутствия в его труде административных сведений о Милете и близлежащих городах (Habicht. New Evidence... P. 70–71).

В-третьих, по-видимому, не наблюдается никакой связи между монетной системой провинции Азия и монетой, имевшей хождение на островах¹⁶. Хотя этому аргументу и не следует придавать чрезмерного значения, в силу закрытого характера монетной системы Азии и ее возможных связей с системой судебных округов¹⁷ он может иметь определенный вес в ряду других.

В-четвертых, из *lex portorii provinciae Asiae*, найденного в Эфесе, ясно, что в 75 г. до н.э. никакие острова, кроме лежащей совсем близко к берегу Малой Азии Пороселены (SEG XXXIX. 1180, стк. 24), не принадлежали к таможенной зоне провинции. На этом основании первые издатели эфесской надписи предположили, что до этой даты никакие острова в состав Азии не входили¹⁸. Однако этот вывод отнюдь не надежен. Альтернативная гипотеза С. Митчелла¹⁹, что острова Эгейского моря могли быть своего рода «оффшорной зоной», так как к 62 г. н.э., когда таможенный устав был опубликован, к списку гаваней не было сделано никаких добавлений, представляется более привлекательной.

В-пятых, заслуживает внимания, что в 29 г. до н.э. знаменитая делегация островитян Гиароса (предположительно относившегося к той же провинции, что и все Киклады), встреченная Страбоном (X. 5. 3, р. 485С), отправилась просить Октавиана о снижении подати именно тогда, когда он был в Коринфе, а не в то время, когда он находился в провинции Азия ранее, в тот же год (по всей видимости, намного дольше, чем в Коринфе: Cass. Dio LI. 18. 1; 20. 6–21. 1). Впрочем, их решение могло, конечно, мотивироваться и условиями навигации в тот год.

Рассмотрим теперь аргументы в пользу противоположной точки зрения. Наиболее полно их дает французский исследователь Ролан Этьенн в своей книге об истории острова Тенос²⁰. Его основные доводы таковы. Во-первых, он обращает внимание на изобилие надписей в честь наместников Азии и их подчиненных на Кикладах. В исчерпывающем перечне кикладских надписей в честь римских должностных лиц, который он дает в своей книге²¹, одиннадцать относятся к служившим в Азии, и только два – к тем, кто служил в Македонии. Во-вторых, он связывает создание так называемого «объединенного собрания» на Делосе (включавшего, кроме афинских граждан, и прочих рези-

¹⁶ В описании сироссской чеканки времен Флавиев Э. Бернетт, М. Амандри и И. Каррадайс (RPC. II. 1. Р. 66) утверждают, что этот остров был частью Азии, но они делают этот вывод не на основании сиросских монет, а просто принимают аргументы Р. Этьенна, о которых см. ниже. Гипотеза, что монетный двор для чеканки кистофоров (азийской провинциальной монеты) существовал на Хиосе, была убедительно опровергнута Хамфри Сазерлендом (*Sutherland C.H.V. The Cistophori of Augustus. L., 1970. P. 91*).

¹⁷ См. об этом *Mileta C. Zur Vorgeschichte und Entstehung der Gerichtsbezirke der Provinz Asia // Klio. 1990. 72. S. 427–444*.

¹⁸ *Engelmann H., Knibbe D. Das Zollgesetz der Provinz Asia. Eine neue Inschrift aus Ephesos // EA. 1989. 14. S. 62*. См. выше о сведениях Плиния Старшего (если принять ту точку зрения, что и в этой своей части они основывались на каталоге, составленном при Августе для Агриппы).

¹⁹ *Mitchell S. Geography, Politics and Imperialism in the Asian Customs Law // The Customs Law of Asia / Ed. by M. Cottier, M.H. Crawford, C.V. Crowther et al. Oxf., forthcoming 2008*. Я чрезвычайно благодарен Ч. Краутеру за возможность ознакомиться с этим изданием до его выхода в свет.

²⁰ *Étienne R. Ténos II: du milieu du IVe siècle av. J.-C. au milieu du IIIe siècle ap. J.-C. P., 1990. P. 127–134*.

²¹ *Ibid. P. 253–264*.

дентов острова), впервые упоминаемого в 126/5 г. до н.э. (I Delos 1645), – с завершающим этапом в деятельности Мания Аквиллия по организации провинции Азия. Наконец, в-третьих, на основании составленного им крайне полезного каталога приглашений «зарубежных судей» из островных полисов²², Этьенн приходит к выводу, что их услуг «в особенности искали в Малой Азии»²³.

Ни одно из этих доказательств, однако, не убеждает в полной мере. Нет никаких оснований думать, что «зарубежные судьи» обязательно приглашались из той же самой провинции даже и в период империи: например, в серии надписей в честь зарубежных судей из храма Зевса Осого в Миласе (городе провинции Азия), относящейся к началу II в. н.э., часто упоминаются судьи из провинции Ликия-Памфилия (I Mylasa I [IK 34] 361, 362, 366, 367, 369, 370, 372)²⁴, Алабанда около того же времени пригласила как «ксенокрита» (ξενοκρίτης) Эвдокима, сына Дамократа, из Спарты (SEG XI. 491), совершившего также поездку на Самос в качестве «зарубежного судьи», а Спарту, в свою очередь, около 150 г. н.э. посещали как «зарубежные судьи» некие Исохрис, сын Исохриса (SEG XI. 493), и Эвтих, сын Эвтиха (SEG XI. 526), оба из провинции Азия. Аналогичные примеры для позднереспубликанского времени (к которому относится большая часть наших источников по этому вопросу) слишком многочисленны для того, чтобы приводить их здесь. Хронологическое совпадение конституционных изменений на Делосе и *lex provinciae* Мания Аквиллия также не доказывает существования причинной связи, а надписи должностных лиц провинции Азия, останавливавшихся на Кикладах (особенно на Делосе) по пути в Эфес, следует отличать от надписей, упоминающих об их власти над островами, которые, как мы увидим, появляются в основном только во II в. н.э. Здесь стоит отметить также, что хотя флот, действовавший из Азии, по очевидным причинам преследовал пиратов по всему Эгейскому морю²⁵, в речи Цицерона в защиту Флакка (27–32), в которой можно было бы ожидать упоминания этого факта, при обсуждении мер, предпринятых Флакком по подготовке флота, нигде не говорится, что наместнику Азии было поручено защищать от пиратов острова или что острова принимали участие во взносах на строительство флота. Из событий более позднего времени известно, что даже наместник Галатии-Памфилии мог действовать вооруженной рукой в Эгейском море, если ему случилось оказаться на месте в подходящий момент: смотри рассказ Тацита о захвате Луцием Кальпурнием Нонием Аспренатом Лженерона на Кифне (Hist. II. 9).

В недавнем исследовании статуса Афин²⁶ в период действия *lex Clodia de provinciis consularibus* высказывается также предположение, что посвящение храма Гермеса на Делосе, датируемое в посвяtitельной надписи «L. Cal[pur]nio L. f. | Pisone proco[s] | [ἐ]πι [ἄ]νθυλάτου Λευκίου | Καλλορνίου

²² Лучшим введением в проблемы изучения этого эллинистического института остается работа Луи Робера: *Robert L. Les juges étrangers dans la cité grecque // Xenion. Festschrift für Pan. J. Zepos. Bd 1. Athen, 1973. P. 765–782 = idem. Opera minora selecta. Vol. 5. Amsterdam, 1989. P. 137–154.*

²³ *Étienne. Ténos II... P. 132.*

²⁴ См. Кантор Г.М. Провинция Ликия: отеческие законы под римской властью // ВДИ. 2006. № 4. С. 73.

²⁵ См., например, знаменитую группу надписей: I Delos 1855–1858.

²⁶ *Eilers C. Athens under the lex Clodia // Phoenix. 2006. 60. P. 122–132, особенно 123–127. Того же взгляда (без подробной аргументации) придерживается Этьенн, на работу которого Эйлерс не ссылается (Étienne. Ténos II... P. 255, № 4).*

τοῦ Λευκίου] | [Περίσωνος» (I Delos 1737, сткк. 4–5), должно быть отнесено не к наместничеству Луция Кальпурния Пизона Цезонина в Македонии в 57–55 годах до н.э., но к проконсульству в Азии его деда (консула 112 г. до н.э.), носившего тот же набор имен, ок. 115 г. до н.э.²⁷ Греческая форма патронима в стк. 4 (вместо Λευκίου υἱός по образцу латинского Lucii filius) представляется автору исследования более соответствующей эпиграфическому стилю II в. до н.э., к тому же времени он относит и активное присутствие на Делосе римских купцов, совершивших посвящение. Дана ссылка и на делийские надписи, сообщающие об остановках на острове должностных лиц провинции Азия. Все это направлено на то, чтобы отвергнуть данную надпись как доказательство кратковременной утраты Афинами в результате принятия lex Clodia статуса свободного города²⁸. Однако если мы примем этот документ как свидетельство того, что Делос был частью провинции Азия, то окажемся перед серьезным затруднением: Делос в это время был владением Афин, и, насколько мне известно, нет ни одного другого случая, в котором бы часть территории полиса, находящегося в одной римской провинции, была бы в юрисдикции наместника другой²⁹. Помимо этого, деятельность сообщества римских коммерсантов засвидетельствована на Делосе даже и позднее³⁰, что ослабляет наиболее важный аргумент против традиционной даты.

Рассмотрим теперь эпиграфические данные о прочих островах. Единственным свидетельством о *Мелосе* является сообщение на постаменте статуи неко-

²⁷ О дате наместничества Л. Кальпурния Пизона Старшего см. *Ferrary J.-L. Les gouverneurs des provinces romaines d'Asie Mineure (Asie et Cilicie), depuis l'organisation de la province d'Asie jusqu'à la première guerre de Mithridate (126–88 av. J.-C.)* // *Chiron*. 2000. 30. P. 192.

²⁸ Аргументация Эйлерса представляется мне избыточной: как показал Нисбет (M. Tulli Ciceronis in L. Calpurnium Pisonem oratio / Ed. with comm. by R.G.M. Nisbet. Oxf., 1961. P. 172–180), критику Цицерона в речи «О консульских провинциях» вызывает тот факт, что Пизону была дарована юрисдикция in populos liberos (Cic. Prov. cons. 7), а не тот, что Афины (или Византий, пример которого Эйлерс не считает параллельным) утратили свою свободу. Если бы Афины не имели статуса, отличного от других городов провинции, аргументы Цицерона утратили бы свою силу, так что нет никакой необходимости постулировать риторическое преувеличение в речи «Против Пизона» (Pis. 37) для того, чтобы объяснить, почему Афины вновь были свободным городом к 52 г. до н.э.

²⁹ Территорию полиса нужно, разумеется, отличать от земель в собственности полиса, которые вполне могли находиться в другой провинции (как, например, земли острова Кос на Кипре: AE. 1934. 86); см. об этом различии: *Jones A.H.M. The Greek City from Alexander to Justinian*. Oxf., 1940. P. 359. Not. 67. На том же основании, на каком здесь предлагается считать Делос частью Македонии (а впоследствии Ахайи), можно предположить, что в результате пожалования триумфиром Антонием Андроса, Теноса и Наксоса пострадавшему от Кассия Родосу (App. B.C. V. 7) эти острова стали частью Азии. Однако Аппиан сам отмечает, что пожалование было вскоре отменено, так что это не имеет большого значения для определения их статуса при Ранней империи (дарение Антония было, по-видимому, отменено Октавианом после победы над ним: *Fraser, Bean. The Rhodian Peraea*... P. 163. Not. 1; 173; *Erskine A. Rhodes and Augustus* // *ZPE*. 88. 1991. P. 274. Not. 19; Хиллер фон Гертринген выдвинул на основании серии дат по “жрецу нимфы Родос” в IG XII. v 38 догадку, что родосское владычество закончилось спустя всего четыре года, но, как показал Робер, этот документ происходит с Аморгы, а не с Наксоса (*Robert L. Trois inscriptions de l'Archipel* // *REG*. 1929. 42. P. 20–38.)

³⁰ *Ferrary J.-L. Délos vers 58 av. J.-C.* // *Insula Sacra: La loi Gabinia-Calpurnia de Délos* / Éd. par J.-C. Dumont et al. P., 1980. P. 37. То, что вышеупомянутый Пизон, будущий (на тот момент) наместник Македонии по lex Clodia, в бытность консулом выступил одним из rogatores закона о статусе Делоса (RS. I. 22), возможно, является дополнительным указанием на принадлежность Делоса к провинции Македония в эпоху Поздней республики.

его Сераподора (IG XII. iii. 1117)³¹, что его почитили статуей также и в Эфесе, впервые привлеченное Хиллером фон Гертрингеном. Как справедливо отмечает Жебелёв, мы даже не можем знать с уверенностью, был ли Сераподор уроженцем Мелоса, и в любом случае нет никакой нужды считать, что его могли почитать статуей только в его родной провинции.

Намного более надежные источники имеются об острове *Фера*. В начале III в. н.э. некто Т(ит) Фл(авий) Клитосфен Юлиан, родом с Феры, исполнял обязанности азиарха в провинциальном храме в Эфесе (IG XII. iii. 525, 526)³², что, между прочим, указывает на принадлежность Феры в этот момент к Эфесскому судебному округу. Более того, наместники, упоминаемые в надписях, свидетельствующих о постройках его деда, Тита Флавия Клитосфена Клавдиана, по-видимому, были проконсулами Азии. Строительный проект Клавдиана был одобрен, а самому ему были вотированы почести, 18 июля 149 г. при проконсуле, имя которого восстанавливают в лакуне как Попиллий Приск (IG XII. iii. 326, сткк. 32–33), отождествляя его с наместником, упомянутым в относящейся к тому же времени надписи Публия Ведия Антонина в Эфесе, а закончена работа был спустя примерно два года при проконсуле Муммии Сизенне (IG XII. iii. 325, стк. 8), котороо обычно отождествляют с Публием Муммием Сизенной, ординарным консулом 133 г. Хотя интервал между консульством и наместничеством в Азии, пожалуй, чрезмерно длинен, это, как показал Сайм, может объясняться задержкой на императорской службе в Сирии, а даты этих наместничеств хорошо ложатся в лакуны, остающиеся в фастах, которые можно создать на основании «Священных речей» Элия Аристида³³. Приведенная здесь датировка не абсолютно убедительна³⁴, но тот вывод, что в конце правления Антонина Пия Фера относилась к Азии

³¹ Пропущен в LGPN I (из-за сомнений в его мелосском происхождении?).

³² См. о poste азиарха: *Kearsley R.A. Asiarchs, Archiereis and Archiereai of Asia // GRBS. 1986. 27. P. 183–192; Friesen S.J. Asiarchs // ZPE. 1999. 126. P. 275–290.*

³³ О согласовании данных Аристида и надписей см. *Behr C.A. Aelius Aristides and the Sacred Tales. Amsterdam, 1968. P. 74–75. Not. 49.* О карьере П. Муммия Сизенны см. *Syme R. The Proconsuls of Asia under Antoninus Pius // ZPE. 1983. 51. P. 277 = idem. Roman Papers. Vol. 4. Oxf., 1988. P. 331–332; ср. также замечания Л. Петерсена: PIR² M710.*

³⁴ Доказательства существования Попиллия Приска не стопроцентно надежны: лакуна в надписи с Феры на рисунке в IG кажется слишком длинной для предлагаемой Хиллером реконструкции (фотографию см. *Hiller von Gaertringen. Thera... Taf. 14*, на нее дана ссылка в IG XII. iii. Suppl. P. 283, но она не позволяет уточнить это место надписи), и Жебелёв предложил читать в этом месте По. [Πε[τρών]ιου Πρεῖσκοῦ (возможно, отец одноименного члена коллегии Арвальских братьев; догадка не отмечена К. Вахтелем: PIR² P299). Что касается восстановления его имени в надписи из Эфеса (GIBM III. ii. 493; [I. Eph. V (IK 15) 1493]; GCERE 140, сткк. 17–18), то оно основывается только на не вполне надежном отнесении фрагментов, названных Хиксом f и g, к этой надписи (однако альтернативное решение, предложенное Ваддингтоном, – восстановить в этой надписи имя Гая Попиллия Кара Педона, сталкивается с непреодолимыми затруднениями, так как он не мог быть наместником Азии уже при Антонине Пии, см. замечания К. Вахтеля: PIR² P838). Более того, как отметил еще Хикс (GIBM III. ii. 493), если эта надпись следует хронологически за непосредственно предшествующей ей GIBM III. ii. 492 [= I Eph. V. 1492], то она должна относиться к событиям позднее 150 г., а как показал Глен Бауэрсок (*Bowersock G.W. The Proconsulate of Albus // HSCP. 1968. 72. P. 289–294*) некоторые надписи на постройках Ведия Антонина вполне могут относиться ко времени около 160 г. н.э., что не согласуется с датой ферской надписи. Что касается Муммия Сизенны, то Дитц (*Dietz K. Die beiden Mummii Sisennae und der Wiederaufbau der Basilike Stoa von Thera // Chiron. 1993. 23. S. 295–311*) предполагает, что это консул-суффект 146 г., сын предыдущего, который мог быть проконсулом Азии в 160/61 г. (его гипотеза одобрена Ф. Готье: *Bull. ép. 1994. 449*).

представляется надежным: нам неизвестен никакой Муммий Сизенна, который мог бы около этого времени быть наместником Ахайи.

Что касается *Наксоса*, то проконсул Кассиан, известный только из почетной надписи на этом острове (IG XII. v 58), обычно считается проконсулом Азии³⁵, но эта точка зрения основывается только на общих соображениях относительно границ провинций. В силу поздней даты надписи (в стк. 5 упоминается некий Марк Аврелий Эпиктет) это вероятно, но все же не несомненно: дата после создания *provincia insularum* и вообще много позднее эдикта Каракаллы (212 г.), предполагаемой в PLRE («III/IV s.»), может противоречить употреблению *M. Aür* вместо простого *Aür*, и было бы, возможно, поспешным считать, что все острова Кикладского архипелага были переведены в провинцию Азия одновременно.

Парос, вне всякого сомнения, засвидетельствован в провинции Азия в правление Септимия Севера, когда послание Севера и Каракаллы от 31 мая 204 г., известное из многочисленных надписей по всей провинции (GCERE. 256A), было высечено в камне на острове³⁶, но нет никаких надежных источников более раннего времени. Аргументом (никогда, насколько мне известно, не употреблявшимся) в пользу того, что Парос входил в провинцию Азия, может служить включение послания римского магистрата «Юлия Гая»³⁷ Παριανῶν относительно привилегий делийских иудеев в происходящее из этой провинции досье иудейских привилегий у Флавия Иосифа (Jos. A.J. XIV. 213–216). Однако К. Эйлерс доказал недавно³⁸, что еще один документ с островов в этом досье, ψήφισμα Δηλίων (Jos. A.J. XIV. 231–232), происходит не с Делоса и не является народным постановлением. Что же касается нашего документа, то он был отнесен не к Паросу, как это обычно делается вслед за Ж. Жюстером³⁹, а к Парию на Геллеспонте (что является наиболее естественным пониманием греческого текста) еще Омоллем⁴⁰. Как я надеюсь показать в другом месте, Парий мог быть в то время центром Геллеспонтийского судебного округа (см. Cic. Fam. 130 [XIII. 53]), а практически все документы в досье Иосифа происходят именно из центров судебных округов. В любом случае, трудно основывать твердые выводы на этом досье в его современном состоянии. Нет необходимости и связывать (как это делает Нигделис) экспроприацию знаменитой статуи Гестии Тиберием в 6 г. до н.э. (Cass. Dio LV. 9. 6; ср. также Plin. NH. XXXVI. 25) с провинциальной принадлежностью Пароса: империй Тиберия был действителен во всех восточных провинциях⁴¹.

³⁵ Groag E. Die römischen Reichsbeamten von Achaia bis auf Diocletian. Budapest, 1939. Sp. 111. Anm. 458; PIR² C468; PLRE. I. P. 184. Пропущен у Б. Томассона (Thomasson B. Laterculi praesidum. Göteborg, 1980–1990).

³⁶ Паросская копия издана Хиллером фон Гертрингеном: IG XII. v 132.

³⁷ Возможно, Цезаря: Pucci Ben Zeev M. Who wrote a letter concerning Delian Jews? // Revue biblique. 1996. 103. P. 237–243.

³⁸ Eilers C. A Decree of Delos Concerning the Jews? (Jos. AJ 14.231–232) // SCI. 2005. 24. P. 65–74.

³⁹ См., например: Schürer E. The History of the Jewish People in the Age of Jesus Christ (175 B.C. – A.D. 135) / Rev. and ed. by G. Vermes, F. Millar, M. Goodman. Vol. III.1. Edinburgh, 1986. P. 71.

⁴⁰ Homolle Th. Les Romains a Délos // BCH. 1884. 8. P. 150.

⁴¹ Νιγδελής, Πολίτευμα καὶ κοινὼν... Σ. 118. О статусе Тиберия см. Swan P.M. The Augustan Settlement. An Historical Commentary on Cassius Dio's *Roman History* Books 55–56. Oxf., 2004. P. 85, со ссылками на более раннюю литературу. О политическом контексте его действий см. Levick B.M. Tiberius the Politician. 2nd ed. L.–N.Y., 1999. P. 25.

Самое раннее свидетельство о принадлежности к Азии Сироса относится к тому же времени, что и для Пароса: послание Септимия Севера островитянам упоминает τὸν ἀν[θύ]πατον τῆς Ἀσίας (LBW 192; IG XII. v 658; GCERE 657, стк. 17; скептицизм Жебелёва представляется мне в данном пункте необоснованным). Письмо Адриана Сиросу (IG XII. v 657, не входит в собрание Оливера), к сожалению, обрывается сразу же после прескрипта и не содержит упоминания никаких наместников.

Что касается *Теноса*, то единственным возможным ранним свидетельством является надпись в честь римского префекта (ὁ ἐπαρχος) Квинта Кальпурния, сына Квинта (IG XII. v 841)⁴², которого Броутон относит, самое позднее, к 101 г. до н.э.⁴³ Однако более вероятно, что он служил под началом Квинта Кальпурния, консула 135 г. до н.э., (который мог – как единственный другой Квинт среди Кальпурниев – быть его отцом) в материковой Греции (где тот, по-видимому, был наместником преторского ранга: SIG³ 683, стк. 43), чем под началом Луция Кальпурния Пизона Старшего в его уже упомянутое наместничество в Азии⁴⁴.

На *Андросе* Публий Виниций, отец покровителя Веллея Патеркула, засвидетельствован как проконсул, патрон и эвергет (IG XII. v 756). Эту надпись обычно относят к тому времени, когда он был проконсулом Азии⁴⁵. Однако Веллей (II. 101. 3) сообщает, что ранее он служил в Ахайе, по всей вероятности, как наместник (по крайней мере, если судить по прочим назначениям, упомянутым в той же фразе), и, как отметил уже Жебелёв, нет никакой возможности определить, о каком из этих двух наместничеств идет речь⁴⁶.

Общая картина представляется ясной: не вызывающие сомнений документальные свидетельства принадлежности Кикладских островов к провинции Азия относятся, самое раннее, к середине II в. н.э. Это заключение можно подкрепить анализом свидетельств об изменениях в римской административной структуре в данном регионе именно в этот период.

Самая ранняя дата передачи островов в юрисдикцию проконсула Азии – это принципат Веспасиана, но источник, сообщающий ее, не вполне надежен. Руф Фест в своем «Бревиарии», преподнесенном императору Валенту в 370 г., говорит: «Таким образом, Родос и острова сначала пользовались свободой, а затем приобрели обыкновение соотноситься с милостивыми предложениями римлян и при принцепсе Веспасиане была создана провинция»⁴⁷. Разумеется, «провинция Островов» не могла быть создана при Веспасиане. Арнальдо

⁴² Я благодарен Аннелиз Каземир (Британская школа в Риме) за то, что она обратила мое внимание на эту надпись. Возможность, что Кальпурний мог быть *praefectus iure dicundo* (ср. FIRA I. 73, стк. 11), а не префектом флота, как кажется, до сих пор не обсуждалась.

⁴³ Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. 1. N.Y., 1951. P. 577.

⁴⁴ См. Münzer F. *Calpurnius* 17a // RE. Supplbd 3. 1918. Sp. 229–230.

⁴⁵ Hiller von Gaertringen. *Thera...* S. 174; Groag. *Die römischen Reichsbeamten...* Sp. 111; Eilers C. *Roman Patrons of Greek Cities*. Oxf., 2002. P. 209, № C32.

⁴⁶ На провинциальную принадлежность Андроса мог повлиять тот факт, что с 199 г. до н.э. он был частью Пергамского царства (см. Allen R.E. *The Attalid Kingdom: A Constitutional History*. Oxf., 1983. P. 74–75, 154–155). Однако Атталидам принадлежала (и с более раннего времени) также Эгина, которая, безусловно, вошла в состав провинции Македония, а затем Ахайи.

⁴⁷ «Ita Rhodus et insulae primum libere agebant, postea in consuetudinem parendi Romanis clementer prouocantibus peruenerunt et sub Vespasiano principe prouincia facta est» (*Fest. Brev.* 10. 3).

Момильяно в краткой заметке о статусе Родоса называет утверждение Феста «попросту загадочным»⁴⁸, но Марквардт⁴⁹ принимает это за свидетельство включения всей будущей *provincia Insularum* в состав Азии уже в это время. Следует отметить, что хотя Фест на всем протяжении своего труда говорит о постдиоклетиановских границах провинций, он любит начинать свое изложение с момента римской аннексии и, таким образом, может иметь в виду всего лишь утрату Родосом при Веспасиане статуса *ciuitatis liberae* (Suet. Vesp. 8; Oros. VII. 9. 10). Можно сравнить его замечание о создании провинции Ахайя: «Graecis in fidem nostram confugientibus ad Achaiam accessimus» (Fest. Brev. 7), с очевидностью неточное для республиканского времени. Другое решение предлагает Д. Мэйджи⁵⁰: рассматривать провинцию, упоминаемую Фестом, как финансовый округ, управляемый прокуратором, наподобие *provincia Helle-spontina*, известной со времени правления Домициана (ILS 1374, стк. 8)⁵¹.

Однако когда такой округ появляется в эпиграфических источниках, то он называется *regio Cycladica* (и то, что в него входил Родос, остается неподтвержденным). Самым ранним прокуратором провинции Азия, полномочия которого распространялись на Киклады, был Марк Ульпий Стефан, вольноотпущенник императора Траяна, *proc(urator) XX her(editatium) regionis Kariae et insularum Cycladum*, известный из надписи, найденной на острове Кос (*Nuova silloge epigrafica di Rodi e Cos*. 562; ILGR. 17; IK. 59. 100)⁵², чья служба прокуратором могла приходиться уже на принципат Адриана. Я не могу принять точку зрения Д. Поттера⁵³, что упоминание Киклад надежно датирует эту надпись правлением Марка Аврелия: она основана исключительно на гипотезе, что прокураторский округ Кикладских островов появился только при этом императоре. Как сам Стефан, так и его жена, Ульпия Верекунда, получили свободу от Траяна (т.е. до 117 г.), и, учитывая обычную продолжительность жизни в древности, предположение, что данный не слишком значительный и, возможно, первый пост в своей карьере он получил уже после 161 г., довольно рискованно: в классическом исследовании Пола Вивера показано, что императорские вольноотпущенники обычно получали свободу после установленного для получения римского гражданства по *lex Aelia Sentia* возраста 30 лет⁵⁴. Самая поздняя надежно датированная надпись с упоминанием вольноотпущенника Траяна, перечисляющая условия дара Сальвии Марцеллины и Публия Элия Зенона кол-

⁴⁸ Momigliano A. Rev. of Ch. Wirszubski, *Libertas as a Political Idea in Rome* // JRS. 1951. 41. P. 151. Аналогичное недоумение высказывает Гроар (*Die römischen Reichs-beamten...* Sp. 112).

⁴⁹ Marquardt J. *Die römische Staatsverwaltung*. Bd 1. Lpz, 1881. S. 348–349.

⁵⁰ Magie D. *Roman Rule in Asia Minor to the End of Third Century after Christ*. Princeton, 1950. Vol. 2. P. 1428. Not. 9.

⁵¹ См. Pflaum H.-G. *Subproc(urator) XX hereditatium regionis Hellepontiacae et Pergameiae* // ZPE. 1975. 18. P. 11–12.

⁵² См. об этой надписи: *idem*. Une inscription bilingue de Kos et la perception de la *vice-sima hereditatium* // ZPE. 1971. 7. P. 64–68; ср. также Robert J. et L. // Bull. ép. 1971. 490. Бураселис (Kos... P. 144) выдвигает предположение, что Кос мог служить резиденцией прокуратора Кариэ и Cycladum.

⁵³ Potter D. *Procurators in Dacia and Asia under Marcus Aurelius: A Case Study of Imperial Initiative in Government* // ZPE. 1998. 123. P. 271.

⁵⁴ Weaver P.R.C. *Familia Caesaris: a social study of the Emperor's freedmen and slaves*. Cambr., 1972. P. 103.

легии Эскулапа и Гигиен в память о покойном Ульпии Капитоне (ILS 7213), относится всего лишь к 153 г.⁵⁵

Следующий прокуратор, который нес ответственность за сбор налога на наследство на Кикладах, засвидетельствован только при Септимии Севере: Марк Косконий Фронтон, *procur. Augg. item l ad uectig. XX her. per A[s]iam, Lyciam, l Phrygiam, Galati[am], insulas Cycladas* (CIL X. 7584; [ILS 1359], сткк. 5–8), прокураторство которого Пфлаум относит к промежутку между 197–209 годами н.э.⁵⁶ Более того, в титулатуре его непосредственных предшественников Киклады не упоминаются: Гай Валерий Фуск, при Коммодe служил *per Asiam, [L]yciam, Pamphylia* (ILS 1426, сткк. 4–5), Квинт Петроний Новат – несколько ранее в правление Севера *per Asiam, Phrygiam, Lyciam, Galatiam* (AE. 1967. 644), а Марк Романий Ювенциан, который, по-видимому, жил примерно в то же время, что и Косконий Фронтон, был попросту *procur. XX. her. prou. Asiae* (I Eph. VII. 2 [IK 17, 2] 4335)⁵⁷.

Конечно, границы прокураторских округов вовсе не обязательно имели что-либо общее с границами провинций⁵⁸: Ликия-Памфилия и Галатия, по крайней мере, не были частью провинции Азия ни при Адриане, ни при Северах. Однако не слишком вероятно, что часть другой провинции (а не целая провинция) могла быть помещена под финансовым управлением прокуратора провинции Азия. К тому же должностные лица провинции Азия сенаторского ранга со специальной ответственностью за Киклады также известны уже в последние годы принципата Антонина Пия: некий Гай Веттий Сабиниан Юлий Хоспит засвидетельствован как *leg. l Aug. ad ordinandos status insularum l Cycladum* (ILAfr 281, сткк. 16–18)⁵⁹, а Луций Севиний Прокул как *leg. pro pr. Asiae et insul. l Cyclad.* (AE. 1969/70. 601, сткк. 6–7; ср. также I Eph. VII.1 [IK 17, 1] 3037)⁶⁰. Было бы соблазнительно связать изменения в статусе Киклад с их деятельностью, которая, по-видимому, носила экстраординарный харак-

⁵⁵ См. полный каталог свидетельств о вольноотпущенниках Траяна, доступный в Интернете: *Weaver P.R.C. Repertorium Familiae Caesarum et Libertorum Augustorum*. P. 188–222. <http://www.uni-koeln.de/phil-fak/ifa/altg/eck/weaver.htm>

⁵⁶ PIR² C1525; *Pflaum H.-G. Carrières procuratoriennes équestres sous le Haut-Empire romain*. Vol. 2. P., 1960. P. 706–708, № 264; *Bruun C. Adlectus Amicus Consiliarius // Phoenix*. 2001. 55. P. 353. Байэрсок (*Bowersock G.W. Martyrdom and Rome*. Cambr., 1995. P. 95) предлагает датировать его назначение в Малой Азии совместным правлением Марка Аврелия и Луция Вера, но это едва ли верно, так как вся засвидетельствованная карьера Коскония протекала в совместное правление неких двух императоров, а совместное правление Марка и Вера для этого слишком коротко.

⁵⁷ См. замечания А. Штробаха о дате: PIR² R78. Как это, так и более раннее прокураторство Ульпия Стефана не позволяют с уверенностью постулировать ясную линию развития от Валерия Фуска (Азия, Ликия, Памфилия) через Петрония Новата (Азия, Фригия, Ликия, Памфилия) к Косконию Фронтоу (Азия, Ликия, Фригия, Галатия, Киклады). Случаи Фуска, Новата и Фронтонa кратко рассматриваются Вернером Эком, который справедливо предостерегает, что простой ответ невозможен: *Eck W. Die politisch-administrative Struktur der kleinasiatischen Provinzen während der hohen Kaiserzeit // Oriente e Occidente. Indigeni, Greci e Romani in Asia minore/A cura di G. Urso*. Pisa, 2007. P. 206.

⁵⁸ См. о провинции Азия: *Drew-Bear Th., Naour Chr. Divinites de Phrygie // ANRW*. Bd II. 18. 3. 1990. P. 1974–1977.

⁵⁹ См. о дате (в конце правления Антонина Пия): *Hüttl W. Antoninus Pius*. Prag, 1933. Bd 2. S. 61.

⁶⁰ О дате его назначения (вероятно, уже при Марке Аврелии и Луции Вере) см. замечания А. Штробаха (PIR² S63, с дальнейшей библиографией).

тер⁶¹ (стоит отметить, что Веттий Сабиниан исполнял в правление Марка Аврелия целый ряд важных поручений, который был увенчан доверием ему попечения о столице в момент мятежа Авидия Кассия)⁶², но с этим вступают в противоречие датировка по проконсулу Азии на острове Фера уже в 149 г. н.э. и, особенно, название прокураторского поста Марка Ульпия Стефана. На этом основании можно предположить, что передача Кикладских островов в ведение проконсула Азии состоялась скорее в правление Адриана, который, как известно, принимал активное личное участие в делах этой части империи⁶³. Это подтвердило бы точность данных Марина Тирского, приведенных Птолемеем, для эпохи Траяна в данном случае. Однако в отсутствие новых открытий это может быть лишь гипотезой.

THE AEGEAN ISLANDS AND THE PROVINCE OF ASIA

G. M. Kantor

The accepted theory of the provincial affiliation of the Aegean islands, going back to the work of F. Hiller von Gaetringen, is that all the islands included in the Diocletianic *prouincia insularum* had formed a part of the province of Asia ever since its organisation by Manius Aquillius in 129–126 BC. In this article it is argued that it cannot apply to for the islands not mentioned as part of the *prouincia* Asia in the *Geography* of Ptolemy (with the possible exception of Andros) for the period before the mid-2nd century AD. when the procuratorial district of *Caria et Cyclades* appears. It is suggested that this change occurred in the reign of Hadrian, who is known to have made other territorial adjustments in the region and, therefore, should be considered separately from the reforms of the organisation of Asia that took place under Marcus Aurelius. The importance of this conclusion for our assessment of Ptolemy's data is emphasized.

⁶¹ Г. Бауэрсок связывает административные изменения в провинции Азия с парфянской войной 160-х годов (Martyrdom... P. 93 ff.). Д. Поттер (Procurators in Dacia and Asia... P. 270–274), кроме того, проводит связь между раздроблением крупных провинций под управлением наместника сенаторского ранга на прокураторские округа (которое он объясняет финансовыми затруднениями Марка Аврелия) и провинциальными реформами второй половины III в. н.э. Этот контекст вполне может быть верен в отношении внутренних областей провинции, но миссия Веттия Сабиниана в любом случае датируется слишком рано для этого.

⁶² ILAfr 281, сткк. 6–7: *missis... ad tutelam urbis* (с примечаниями Р. Канья и А. Мерлена ad loc.); см. подробнее о его карьере: Egger R. // Gnomon. 1942. 18. S. 328–329; Birley A.R. Marcus Aurelius. London–Boston, 1966. P. 324 (опущено во втором издании).

⁶³ Стоит также отметить, что именно при Адриане происходит децентрализация управления сбором *uicesimae hereditatum*: Pflaum H.-G. Les procurateurs équestres sous le Haut-Empire romain. P., 1950. P. 61.

М. Г. Раушенбах

КРАТКОЕ И ПРОСТРАННОЕ ТОЛКОВАНИЕ АВГУСТИНА НА ПСАЛОМ 21

Толкования на 21-й псалом входят в гомилетическое наследие Августина в составе корпуса *Enarrationes in Psalmos* («Толкования на псалмы»).

Августином была истолкована вся Псалтирь. Поссидий, ученик и биограф Августина, составил каталог «Толкований на псалмы» Августина; в него входят в числе прочих *psalmi expositi a primo usque ad tricensimum secundum; ex his in populo tractati sunt* XVIII, XXI, <XXV>, XXVI, XXVIII, XXX, XXXI, XXXII¹ («псалмы изъясненные с первого по тридцать второй; из них истолкованы устно 18, 21, 25, 26, 29, 30, 31, 32»). Из этого свидетельства следует, что в диктованных комментариях к псалмам (*psalmi expositi*) Августином были исследованы псалмы с 1-го по 32-й, причем восемь из этих псалмов были впоследствии истолкованы в форме проповеди (*in populo tractati*). Таким образом, они получили по два толкования: диктованное и гомилетическое.

Несмотря на то что в XX в. усилился интерес исследователей к экзегетическим произведениям христианских писателей IV в., в частности к гомилетическому наследию Августина, и появились фундаментальные труды, посвященные его «Толкованиям на псалмы», а также другим произведениям экзегетического содержания², сопоставление *Enarrationes*, имеющих одновременно краткий и пространный комментарий, еще никогда не проводилось систематически. Ни один исследователь не идет дальше простого замечания об отличиях между этими двумя группами толкований.

Между тем эта тема представляет собой несомненный интерес для исследований. При анализе кратких и пространных толкований нам предоставляется уникальная возможность проследить за тем, как тема толкования развивается в проповеди, а значит, подробнее изучить риторическую технику проповедника. Кроме того, данные, полученные в результате систематического сравнительного анализа дублированных толкований, можно использовать при издании кратких толкований. Конспективно изложенные, они зачастую дают нам недостаточно материала для того, чтобы понять, что подразумевал Августин при их составлении. Сопоставление экзегезы краткого и пространного толкований дает возможность раскрыть смысл, вложенный Августином в краткие комментарии на псалмы, а также составить комментарий, который поможет в понимании краткого толкования.

¹ Следует отметить, что название *Enarrationes in Psalmos* было дано этому корпусу не Августином, а Эразмом Роттердамским при издании этого собрания толкований. Августин определяет диктованные комментарии как *psalmi expositi*, а толкования в форме гомилии называет *tractatus, sermones, <psalmi> in populo tractati* и так далее.

² Pontet M. *L'exégèse de saint Augustin prédicateur*. P., 1946; Fiedrowicz M. *Psalmus vox totius Christi*. Studien zu Augustins «Enarrationes in Psalmos». Freiburg–Basel–Wien, 1997. Результаты современных исследований в этой области обобщены в двух статьях *Augustinus-Lexikon*: Fiedrowicz M. *Enarrationes in Psalmos*. В. Theologische Aspekte // *Augustinus-Lexikon*. Vol. 2. (Cor-Fides). Basel, 1996–2002. Sp. 838–858; Müller H. *Enarrationes in Psalmos* // *Ibid*. Sp. 804–838.

Для иллюстрации этих тезисов проведем краткое сопоставление толкований на 21-й псалом. Он был выбран по ряду причин:

1. Псалом 21 – один из самых известных «мессиянских псалмов», то есть псалмов, которые в христианской экзегезе толковались обычно как провозвестие явления Христа и Его жертвы. Не отступает от традиции и Августин³.

2. Гомилетическое толкование на псалом 21 – одно из немногих, имеющих твердую хронологию.

3. Из восьми псалмов, истолкованных Августином дважды, псалом 21 наиболее объемлен.

При толковании 21-го псалма Августин пользовался одним из вариантов латинского перевода Священного Писания, сделанного с Септуагинты, – так называемой *Vetus latina versio*. Этот перевод дошел до нас лишь в цитатах у тех христианских писателей, которые еще не пользовались иеронимовской редакцией перевода псалмов и его переводом с еврейского. Местами *Vetus latina* значительно отличается от *Vulgata versio*, созданной Иеронимом, и даже от его *Liber psalmodum juxta Septuaginta* – отредактированным переводом с греческого.

Текст «Толкований» приведен по основным изданиям *Enarrationes in Psalmos*. Самое раннее из них – в серии *Patrologia Latina*⁴ (J.-P. Migne), воспроизводящее бенедиктинское издание XVII в.; его главный недостаток в том, что оно не учитывает всего богатства рукописной традиции. В XX в. было принято издание «Толкований на псалмы» Августина в серии *Corpus Christianorum. Series Latina*⁵ (CCSL). Однако оно не стало решительно лучше; улучшен был текст цитат из Псалтири. В настоящее время предпринимается полное критическое переиздание трудов Августина в серии *Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum*⁶ (CSEL). В этой серии к настоящему времени выпущены только диктованные толкования, изданные Вайдманном, поэтому мы были вынуждены пользоваться в основном изданием из серии CCSL.

К тому времени как Августин создал свои *Enarrationes*, христианская традиция систематического толкования Псалтири насчитывала уже полтора столетия. Августин был знаком с трудами многих греческих и латинских толкователей. По утверждению Дюлаэ, источники толкований Августина на первые 32 псалма (т.е. источники диктованных толкований) были, безусловно, латинскими⁷. Это послужило основанием для обвинений, которые Иероним выдвинул против Августина, упрекая его в незнании греческих авторов (*Hier. Ep.* 105. 5). Для середины 390-х годов это утверждение верно. Но чем позднее толкование, тем больше в нем заметно знакомство Августина и с греческой традицией толкования псалмов.

Христианский писатель, оказавший важнейшее влияние на толкования Августина, в частности на толкование 21-го псалма, – это Евсевий Кесарийский. Августин был знаком с переводом его сочинений на латинский язык, сделан-

³ Cameron M. *Enarrationes in Psalmos // Augustine through the Ages* / Ed. A.D. Fitzgerald. Grand Rapids (Mich.), 1999. P. 290.

⁴ Sancti Aurelii Augustini *Enarrationes in Psalmos* (PL 36). P., 1841.

⁵ Aurelius Augustinus. *Opera*. 10.1: Sancti Aurelii Augustini *Enarrationes in Psalmos* 1–50 / Ed. E. Dekkers, J. Fraipont (CCSL 38). Turnhout, 1956.

⁶ Augustinus. *Enarrationes in Psalmos* 1–50, Pars 1A: *Enarrationes in Psalmos* 1–32 / Ed. C. Weidmann (CSEL 93/1A). Wien, 2003.

⁷ Dulaey M. *Recherches sur les sources exégétiques d'Augustin dans les trente-deux premières Enarrationes in Psalmos // L'esegesi dei padri latini dalle origini a Gregorio Magno*, 1. Roma, 2000. P. 285.

ным Евсевием Верцельским⁸. Также Августину были известны труды Оригена. Дюлаэ предполагает, что в эту пору Августин уже был знаком с Гомилиями Оригена на Евангелие от Луки⁹. В экзегетических трудах Августина прослеживается влияние также и других авторов, но что касается рассматриваемых в этой работе толкований на псалом 21, обоснованно можно предположить влияние на них только этих двух писателей; все остальное трудно отделимо от традиции.

Первое толкование на 21-й псалом относится к диктованным комментариям, своего рода конспектам, содержащим толкования на псалмы 1–32. Это самые ранние толкования Августина на псалмы; они диктовались Августином вскоре после рукоположения во пресвитеры¹⁰, в 394–395 годах. Есть основания полагать, что они распространялись по церквям в качестве руководства священникам для толкований на псалмы¹¹. Как считает Мюллер, комментарии на псалмы 15–32 приняли ту форму, в которой они дошли до нас, не позднее 700 года, однако изначально представляли собой связный текст, в котором цитата из псалма далеко не всегда предшествовала комментарию на стих. Затем, чтобы привести эти толкования к форме, которая делала бы их похожими на остальной корпус *Enarrationes*, в текст Августина были добавлены стихи псалма¹².

Для диктованных толкований, начиная с 15-го, характерен малый объем; как правило, Августин стремится ограничиться одним кратким пояснением к каждому стиху. Диктованные толкования сухи и сжаты; каждая деталь продумана, подчинена теме толкования, здесь нет ни одного постороннего элемента.

Совсем иначе выглядит второе толкование – проповедь. Она была произнесена Августином в Гиппоне и стенографирована. Лабоннардьер с достаточными основаниями датировала проповедь 10 апреля 407 г.¹³ Следовательно, произнесение проповеди пришлось на период самого напряженного противостояния с раскольниками-донатистами (в 404–405 годах правительство Гонория начинает издавать законы, направленные на преследование донатистов; принятие этих мер спровоцировало новое обострение конфликта), возглавленного гиппонским епископом, что не могло не отразиться на содержании гомилии. В 407 г. после Пасхи Августин произносит «Рассуждения на Послания Иоанна к Парфянам» с явно выраженной антидонатистской направленностью. Совсем незадолго до этого, на Страстной неделе, Августин произнес второе толкование на 21-й псалом.

Идеология борьбы Августина с донатистами имеет несколько важных пунктов. Любой раскол, в том числе и донатистский, был в глазах Августина направлен в первую очередь против единства Церкви. *Unitas* (единство) будет упомянуто в гомилетическом толковании на Пс 21. Второе опорное понятие – это терпимость к падшим. Августин не одобрял сепаратизм донатистов, отко-

⁸ Dulaey M. Recherches sur les premiers commentaires sur les Psaumes d'Augustin (1–32) // *Annuaire EPHE. Section sciences religieuses*. T. 106 (1997–1998). P. 348.

⁹ Dulaey. Recherches sur les sources exégétiques d'Augustin... P. 256.

¹⁰ Müller H. *Enarrationes in Psalmos*. A. Philologische Aspekte // *Augustinus-Lexikon*. Vol. 2 (Cor-Fides). Basel, 1996–2002. Sp. 806.

¹¹ Cameron. *Enarrationes in Psalmos*... P. 291.

¹² Müller. *Enarrationes in Psalmos*... Sp. 807.

¹³ La Bonnardière A.-M. *Recherches de chronologie augustinienne*. P., 1965. P. 52, 54–56.

ловшихся от кафолической церкви на том основании, что ее духовенство запятнало себя в годы гонений и предало христианскую веру. Поэтому донатисты не признавали ни кафолическое духовенство, ни таинства, совершаемые ими, в первую очередь рукоположение и крещение. Отсюда вытекает третья проблема, которую Августин также поднимет в проповеди на 21-й псалом, – необходимость признания единственного крещения. Донатисты перекрещивали людей, крещенных в кафолической церкви; кафолическая же церковь принимала донатистов, признавая крещение, совершенное над ними раскольниками. Все эти аспекты нашли свое отражение в гомилетическом толковании на псалом 21.

Но не только в особенностях исторического момента можно усмотреть различие между двумя толкованиями. В первую очередь бросается в глаза разница в объеме – объем гомилетического толкования более чем в три раза превышает объем диктованного. Проповедь отличается от краткого комментария необходимыми для устного жанра вступлением и заключительной частью, отступлениями и повторениями в экзегезе, а также многим другим.

Наблюдения над эволюцией экзегезы Августина представляют несомненный интерес как для изучения собственно наследия Августина, так и для исследования влияний и заимствований в традиции толкований на Псалтирь в III–V вв. Они могут оказаться полезными и интересными как филологу, так и богослову и историку.

На примере сравнения двух толкований на псалом 21 можно увидеть, в чем состоят отличия гомилии в разработке темы толкования. Почти все ядро *inventio* мы видим уже в кратком комментарии. Следовательно, проповедь является хотя бы отчасти риторической разработкой толкования, уже сформулированного в кратком виде в конспекте.

Проведенный в ходе исследования последовательный систематический анализ экзегетического содержания толкований, а также их формы, позволил сделать следующие наблюдения.

Стих псалма, истолкованный в кратком толковании, в пространном может получить дополнение к существующему комментарию в виде новой цитаты или примера, подтверждающего экзегезу. Августин может также в проповеди яснее выразить мысль, высказанную в диктованном толковании не вполне отчетливо (по крайней мере, для нас). Некоторые стихи, рассмотренные в одном толковании, остаются без комментария в другом, или же получают комментарий, не влияющий на понимание стиха: не объясняющий, а распространяющий. Наконец, экзегеза может и не измениться, что происходит в толкованиях примерно половины стихов. Все это разнообразие вариантов соотношения экзегезы в первом и втором толкованиях хорошо представлено в рассмотренных толкованиях на псалом 21.

Рассмотрим кратко все эти варианты¹⁴.

¹⁴ Следует отметить, что структура обоих толкований Августина на псалмы представляет собой, как правило, последовательное чередование стихов псалма и комментариев к ним. Наиболее удобным для исследования представляется сравнение двух толкований по следующему принципу. Под римской цифрой I приводится комментарий на данный стих, предложенный Августином в диктованном толковании, под римской цифрой II – комментарий гомилетического толкования. Арабская цифра – номер параграфа по традиционному делению, установленному в печатных изданиях. В квадратных скобках приведен номер стиха 21-го псалма. Текст псалма выделен курсивом.

Первый пункт нашей классификации отражает наиболее распространенное соотношение экзегезы обоих толкований – отсутствие значимых изменений. Около половины толкований, разработанных в конспекте, были сохранены Августином в том же виде и в гомилии. Более точную статистику привести затруднительно, поскольку часто совпадает толкование полустийши, а не целых стихов. Тем не менее даже при общем сохранении единства экзегезы в толкованиях некоторых стихов встречаются отличия, на основе которых стало возможным выделить следующие подтипы.

1. Есть стихи, разработка которых в кратком и в пространном толковании совершенно не отличается; примеры такого единства экзегезы, вплоть до детальных, даже терминологических совпадений в интерпретации стиха, можно найти в стихах 18-м и 20-м.

I. 18. [v 18.] *Dinumeraverunt omnia ossa mea: dinumeraverunt in ligno crucis extenta omnia ossa mea.* («Исчислили все кости мои: исчислили все кости мои, распростерты на древе креста».¹⁵)

II. 18. [v 18.] *Dinumeraverunt omnia ossa mea: quando pendens extensus erat in ligno.* («Исчислили все кости мои: когда висел, распростертый на древе».)

2. Некоторые стихи толкуются с некоторыми вариациями, но общий смысл остается тем же. Например, толкования 1-го и 3-го стихов в кратком толковании равноценны комментарию к этим же стихам в проповеди. То же самое можно отнести к комментарию на 7-й стих (первое полустийшие).

I. 7. [v 7.] *Ego autem sum vermis, et non homo: ego autem iam non ex persona Adam loquens, sed ego proprie Iesus Christus sine semine in carne natus sum, ut essem in homine ultra homines; ut vel sic dignaretur imitari humana superbia humilitatem meam.*

(«Я же червь, а не человек: ведь “я” уже не от лица Адама говорится, но “Я” – Сам Иисус Христос, без семени во плоти рожденный, чтобы быть в человеке... чтобы хоть так людская гордыня решила Моему смирению».)

II. 7. [v 7.] *Ego autem sum vermis, et non homo. Vermis, et non homo: nam est et homo vermis; sed ille, Vermis, et non homo. Unde non homo? Quia Deus. Quare ergo sic se abiecit ut diceret, Vermis? An quia vermis de carne sine concubitu nascitur, sicut Christus de Maria virgine? Et vermis, et tamen non homo. Quare vermis? Quia mortalis, quia de carne natus, quia sine concubitu natus. Quare non homo? Quia in principio erat Verbum, et Verbum erat apud Deum, et Deus erat Verbum.*

(«Я же червь, а не человек. Червь, а не человек: ведь и человек – червь; но Он – “червь, а не человек”. Почему не человек? Потому что Он Бог. Почему же Он так Себя умалает, что говорит о Себе – червь? Не потому ли, что червь от плоти без соития рождается, как Христос от Марии Девы? И червь, и все же не человек. Почему червь? Потому что смертен, потому что от плоти рожден, потому что без соития рожден. Почему не человек? Потому что в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».)

3. Другой вариант, также сохраняющий единство экзегезы, – это снабжение комментария на стих дополнительным пояснением, продиктованным в пропо-

¹⁵ Перевод цитат из Священного Писания и перевод обоих толкований Августина был выполнен автором работы, за исключением некоторых случаев, когда был использован Синодальный перевод. Псалом переводился в соответствии с тем толкованием, которое было вложено в него Августином. Задачей перевода было наиболее точное отражение мысли Августина, поэтому перевод буквальный, а не литературный.

веди, как правило, стремлением проповедника к поучению паствы. В диктованном толковании труднее определить причины таких отступлений; вероятно, это стремление превратить конспективное толкование в более или менее связный текст при помощи отсылок к предыдущим комментариям. Но не всегда возможно установить причину ввода дополнительного пояснения. Примеры таких отступлений мы найдем в стихе 2, а также в стихах 8 и 9.

I. 2. [v 2.] *Deus, Deus meus respice me, quare me dereliquisti longe a salute mea? longe factus a salute mea; quoniam longe est a peccatoribus salus. Verba delictorum meorum: nam haec verba sunt non iustitiae, sed delictorum meorum. Vetus enim homo confixus cruci loquitur; etiam causam ignorans quare eum dereliquerit Deus.*

(«*Боже, Боже мой, взгляни на меня, почему Ты меня оставил вдалеке от спасения моего? Далеко я оказался от спасения моего; ибо далеко от грешников спасение. Слова прегрешений моих: поистине слова эти – не праведности, но прегрешений моих. Ибо ветхий человек, пригвожденный к кресту, говорит это, не зная еще, почему Бог его оставил.*».)

II. 3. [v 2.] *Deus, Deus meus, respice me: quare me dereliquisti? Istum versum primum in cruce audivimus, ubi Dominus dixit: Eli, Eli; quod est, Deus, meus, Deus meus: Lama sabachthani? quod est, quare me dereliquisti Interpretatus est illud Evangelista, et dixit eum hebraice dixi se: Deus meus, Deus meus, quare me dereliquisti? Quid voluit dicere Dominus? Non enim dereliquerat illum Deus, cum ipse esset Deus; utique Filius Dei Deus, utique Verbum Dei Deus. Audi a capite illum evangelistam, qui ructabat quod biberat de pectore Domini, videamus si Deus est Christus: In principio erat Verbum, et Verbum erat apud Deum, et Deus erat Verbum. Ipsum ergo Verbum quod Deus erat, caro factum est, et habitavit in nobis. Et cum Verbum Deus factum esset caro, pendeat in cruce, et dicebat: Deus meus, Deus meus, respice me: quare me dereliquisti? Quare dicitur, nisi quia nos ibi eramus, nisi quia corpus Christi Ecclesia. Utquid dixit, Deus meus, Deus meus, respice me: quare me dereliquisti? nisi quodammodo intentos nos faciens et dicens, psalmus iste de me scriptus est? Longe a salute mea, verba delictorum meorum. Quorum delictorum, de quo dictum est: Qui peccatum non fecit, nec inventus est dolus in ore eius. Quomodo ergo dicit delictorum meorum; nisi quia pro delictis nostris ipse precatur, et delicta nostra sua delicta fecit, ut iustitiam suam nostram iustitiam faceret?*

(«*Боже, Боже мой, взгляни на меня, почему Ты меня оставил? Этот стих мы услышали первым, когда Господь на кресте сказал: Или, Или, то есть, Боже Мой, Боже Мой; Лама савахфани, что значит Почему Ты меня оставил? Евангелист переводит эти слова и говорит, что по-еврейски сказал <Господь>: Боже, Боже мой, почему Ты меня оставил? Что хотел сказать Господь? Ведь не оставил Его Бог, когда Он Сам – Бог; и как Сын Бога – Бог, и как Слово Бога – Бог. Выслушай (сначала) того Евангелиста, который поведал впитанное на груди Господа, и увидим, Бог ли Христос. В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Бог был Слово. Итак, Само это Слово, бывшее Богом, стало плотью, и обитало с нами. И когда Бог-Слово, ставший плотью, висел на кресте (был распят), говорил: Боже, Боже мой, взгляни на меня, почему Ты меня оставил? Почему говорится это, если не потому, что это мы там были, не потому, что Тело Христово – Церковь. И зачем сказал: Боже, Боже мой, взгляни на меня, почему Ты меня оставил? Если не неким образом делая нас сопричастными и говоря: «псалом этот обо Мне написан». Далеки от спасения моего слова прегрешений моих. Каких прегрешений, если сказано о Нем: Он не сотворил греха и не было лукавства в устах Его. Итак, почему же го-*

ворит *прегрешений моих*, если не потому, что о наших прегрешениях Он молится и наши прегрешения своими сделал, чтобы праведность Его нашей праведностью стала?»)

4. Комментарий на 13-й стих являет собой пример толкования, которое в проповеди разработано менее подробно, чем в конспекте, – хотя, казалось бы, следует ожидать обратного.

I. 13. [v 13.] *Circumdederunt me vituli multi: circumdedit me multitudo luxuriantis plebis. Tauri pingues obsederunt me: et principes eius de oppressione mea laeti, obsederunt me.*

(«*Окружило меня множество телят: окружила меня веселящаяся толпа. Тучные быки обступили меня: и вожди их, радуясь моему бедствию, обступили меня.*».)

II. 13. [v 13.] *Circumdederunt me vituli multi, tauri pingues obsederunt me: populus et principes; populus, vituli multi; principes, tauri pingues.*

(«*Окружило меня множество телят, тучные быки обступили меня: народ и вожди; народ – множество телят; вожди – тучные быки.*».)

5. В некоторых случаях разработка толкования в диктованном комментарии изложена настолько конспективно, что попытка уточнить предложенную Августином интерпретацию может вызвать затруднения. Если в пространном толковании экзегеза Августина в целом не претерпевает изменений, исследователю предоставляется возможность, не привлекая дополнительные источники, познакомиться с этим толкованием в более развернутой форме. Ярким примером подобных отношений между первым и вторым комментариями является толкование на первое полустишие стиха 16.

I. 16. [v 16.] *Exaruit velut testa virtus mea: exaruit passione virtus mea; non velut fenum, sed velut testa, quae fit igne firmior.*

(«*Высохла, как глиняный сосуд, сила моя: иссохла в страданиях сила моя; не словно сено, но словно глина, которая от огня становится крепче.*».)

II. 16. [v 16.] *Exaruit velut testa virtus mea: magnifice quod dixit, Firmius factum est nomen meum de tribulatione. Quomodo enim testa ante ignem mollis est, post ignem fortis; sic Domini nomen ante passionem contemnebatur, post passionem honorificatur.*

(«*Высохла, как глиняный сосуд, сила моя: прекрасны эти слова: Укрепилось Имя Мое в мучениях. Ведь как глина до обжига мягкая, а после становится твердой, так и Имя Господне до страданий поносилось, а после страстей прославилось.*».)

Мы рассмотрели примеры, иллюстрирующие сохранение Августином экзегетического единства в обоих толкованиях. Но можно выделить и другой тип соотношения экзегезы, когда диктованный комментарий и гомилия предлагают сходную трактовку, но очевидно, что в проповеди Августин не просто развернул, но и дополнил толкование, данное в конспекте. Такую эволюцию экзегезы, предложенной Августином, мы можем увидеть в толкованиях на стих 15. На те параллели и антитезы, что появляются в гомилетическом толковании, нет и намека в толковании диктованном.

I. 15. [v 15.] *Sicut aqua effusus sum, et dispersa sunt omnia ossa mea: sicut aqua effusus sum, ubi lapsi sunt persecutores mei; et timore dispersa sunt a me firmamenta corporis, hoc est Ecclesiae, discipuli mei. Factum est cor meum sicut cera liquescens, in medio ventris mei: sapientia mea, quae in sanctis libris de me conscripta est, tam-*

quam dura et clausa non intellegebatur; sed postquam ignis meae passionis accessit, tamquam liquefacta, manifestata est, et excepta est in memoria Ecclesiae meae.

(«Словно вода, разлился я, и рассыпались все кости мои: разлился, словно вода, и поскользнулись гонители Мои; и от страха рассеялись опоры тела Моего, то есть Церкви, – ученики Мои. Сделалось сердце мое словно воск тающий, в самом чреве моем: премудрость Мою, сокрытую (обо Мне) в священных книгах, как труднодоступную и закрытую, не понимали; но после того как подступило к ней пламя Моих страданий, словно расплавленная, прояснилась и сохранена была памятью Моей Церкви».)

II. 15. [v 15.] *Sicut aqua effusus sum, et dispersa sunt omnia ossa mea*: ossa sua, firmos suos dicit; ossa enim firma sunt in corpore. Quando dispersit ossa sua? Quando dixit illis: *Ecce ego mitto vos velut agnos in medio luporum*. Firmos suos dispersit, et sicut aqua effusus est: aqua enim quando effunditur, aut abluit, aut irrigat; effusus est Christus sicut aqua, abluti sunt sordentes, rigatae sunt mentes. *Factum est cor meum tamquam cera liquescens, in medio ventris mei*: ventrem suum dicit infirmos in Ecclesia sua. Quomodo cor ipsius factum est sicut cera? Cor ipsius Scriptura ipsius, id est, sapientia ipsius quae erat in Scripturis. Clausa enim erat Scriptura; nemo illam intellegebat: crucifixus est Dominus, et liquefacta est sicut cera, ut omnes infirmi intellexerent Scripturam; nam inde et velum templi scissum est, quia quod velabatur revelatum est.

(«Словно вода, разлился я, и рассыпались все кости мои: “кости мои” – о крепких Своих говорит; ибо кости опора телу. Когда рассыпались кости Его? Когда сказал Он: *Вот Я посылаю вас словно агнцев посреди волков*. Рассеялись крепкие Его, и разлился, словно вода: ведь вода, когда разливается, либо смывает, либо орошает. Разлился Христос, словно вода, смыто нечистое, орошены умы. Сделалось сердце мое словно воск тающий, в самом чреве моем: «чрево Мое» – о нетвердых в Церкви Своей говорит. Что же это, что сердце Его сделалось словно воск? Сердце Его – Писание Его, то есть премудрость Его, бывшая в Писании. Писание же было закрыто, никто не понимал его. Распят был Господь, – и растаяло, словно воск, чтобы все слабые смогли понимать Писание. Ведь тогда и завеса в храме разорвалась, чтобы скрытое открыто было».)

Эволюция экзегезы выражается не только в расширении существовавшего комментария. Нередко в пространном толковании на псалом 21 мы встречаем комментарии, отличные от тех, что были предложены этим же стихам в кратком толковании. Таким образом, около четверти стихов 21-го псалма получают новое, иногда радикально измененное толкование. К таким стихам относятся 4-й, 5-й, 10-й, 11-й, 12-й, а также стихи с 23-го по 25-й.

I. 5. [v 5.] *In te speraverunt patres nostri*: omnes iusti scilicet, non quaerentes suam laudem, sed tuam; *speraverunt, et eruisti eos*.

(«На тебя надеялись отцы наши: то есть все праведные, которые не своей славы ищут, но Твоей; надеялись, и избавил их».)

II. 6. [v 5.] *Et vide quid dicat: In te speraverunt patres nostri: speraverunt, et eruiisti eos*. Et novimus, et legimus quam multos patres nostros sperantes in se eruit Deus. Eruit ipsum populum Israel de terra Aegypti; eruit tres pueros de camino ignis; eruit Danieleм de lacu leonum; eruit Susannam de falso crimine. Omnes invocaverunt, et eruti sunt. Numquid defecit ad Filium suum, ut in cruce pendentem non exaudiret? Quare autem ipse non eruitur modo, qui dixit: *In te speraverunt patres nostri, et eruiisti eos*?

(«Смотри же, что говорит: *На тебя надеялись отцы наши; надеялись, и избавил их.* И знаем, и читаем, что многих отцов наших, полагавшихся на Бога, Он избавил. Избавил сам народ израильский из земли египетской; избавил трех отроков из огненной печи; избавил Даниила из рва львиного; избавил Сусанну от ложного обвинения. Все взывали к Нему, и спасены были. Неужели оставил Он Сына Своего, и на кресте распятого Его не услышал? Почему же Он Сам не избавлен тотчас, сказавший: *На тебя надеялись отцы наши; надеялись, и избавил их.*».)

Наконец, случается также, что комментарий на какой-либо стих в проповеди или в кратком толковании просто отсутствует. К таким стихам относятся 6-й, отчасти 17-й, а также 30–32-й стихи, комментарий на которые в гомилии заменен заключительной частью проповеди – обращением к донатистам. Комментарий к 19-му стиху, в свою очередь, отсутствует в кратком толковании.

Как правило, в комментарии на какой-либо стих, если его возможно разбить на полустиишия, присутствует несколько вариантов соотношения экзегезы в диктованном и гомилетическом толкованиях. К таким стихам относятся 18-й. Примером стиха, где разработка толкования обоих полустиишей в диктованном комментарии совпадает с толкованием проповеди, является 7-й стих.

Таким образом, при сравнении проповеди и диктованного толкования мы видим, что толкование Августина на разные стихи псалма в некоторых случаях остается прежним, а иногда кардинально меняется. Это дает нам возможность говорить как об эволюции, так и о единстве экзегезы.

На эволюцию экзегезы влияние оказали, насколько можно судить, внутрицерковная ситуация и отличия в жанрах толкований. Второе толкование и по жанру, и по обстоятельствам создания предоставляет, безусловно, больший интерес и материал для исследования, чем первое. Как уже было сказано, создание второго толкования приходится на разгар антидонатистской полемики. Августин, со всей своей страстностью вставший на защиту церкви от раскола, пылко защищает ее от донатистов, посягающих на церковное единство. Поэтому второе толкование направлено на аргументацию позиции Августина по отношению к раскольникам и на бескомпромиссную борьбу с расколом. Августин поручает защиту Церкви самому Христу, жениху ее. Свои аргументы он вкладывает в Его уста, пользуясь тем, что толкуемый псалом относится к числу мессианских, т.е. повествует о Христе-Мессии. Особенно удобен для полемики, организованной таким образом, именно этот, 21-й псалом – ведь, согласно толкованию Августина, он соответствует словам самого Христа во время распятия.

Построение проповеди вызывает особый интерес. Августин выстраивает толкование, безупречное с точки зрения логики. Предложенная слушателям почти в самом начале проповеди формула *quae et quare* оправдывает себя до конца. Проповедник не жалеет сил, чтобы обличить раскольников. Донатизм для него – не просто раскол, а ересь. Только таким эпитетом, если не считать не более щадящий эпитет *hostes Christi* («враги Христовы»), он награждает партию Доната. Если в начале проповеди Августин говорит о донатистах скрыто, намеками, то в конце проповеди он обращается с речью к воображаемому противнику и даже конструирует диалог с ним, предполагая его ответы.

Один из переломных моментов проповеди – толкование на стих 7, когда Августин начинает набирать материал для полемики с донатистами. Именно в толковании 7-го стиха впервые появляется формула *quae et quare*, которая

вновь возникает при толковании 23-го стиха. Но при изъяснении 7-го стиха Августин еще не обозначает так явно своих задач. Он неоднократно призывает прихожан запомнить предложенную им логическую пару «что и почему», не объясняя, впрочем, для каких целей им это пригодится. Он даже не упоминает явно донатистов, ограничиваясь намеком на врагов Христа, «которые признают, что Он столько претерпел, но отрицают то, ради чего претерпел» (*videamus quam sint hostes Christi, qui confitentur quia tanta passus est, et tollunt quare*). Скорее всего, слушатели понимают, на кого намекает проповедник, но не знают, каким образом он намеревается разгромить раскольников. Августин же держит это в тайне, идеально выдерживая свою логическую цепочку и не признаваясь, к какому умозаключению она приведет. С 7-го по 19-й стих псалма нам предстает, по толкованию Августина, описание страстей Христовых, т.е. первая часть предложенной формулы *quae et quare*. В связи с 19-м стихом вторично происходит перелом в толковании. Закончено описание страстей Христовых, и Августин перекидывает мостик ко второй половине формулы: «ради чего» Христос претерпел все эти мучения. По поводу 19-го стиха, как и 7-го, Августин снова призывает паству к вниманию: он формулирует, чего нет у еретиков и что есть у католической церкви: любовь, рождающая единство. Но и здесь он не называет прямо донатистов. Обличение донатистов берет начало из 23-го стиха, что подчеркивает вновь приведенная Августином формула *quae et quare*, которую слушатели все это время не знали, куда приложить и зачем было так необходимо ее запоминать. Это плацдарм, с которого Августин начинает наступление. В 24-м стихе будет наконец произнесено имя Доната, и вплоть до 28-го стиха Августин будет терпеливо приводить все новые и новые доводы, не спеша с громкими заключениями, – чтобы в толковании 28-го стиха победоносно обрушить на донатистов всю накопленную аргументацию.

Не только полемика с донатистами, но и специфика жанра повлияли на экзегезу второго толкования. Проповедь – устный жанр. Августин стремится к непосредственному общению с людьми, находящимися в храме. Это выражается не только в постоянных обращениях к прихожанам, которые могут быть исследованы в отдельной работе, и не только в строении проповеди, подразумевающим присутствие таких элементов, как вступление и заключительная часть, даже намек на которые отсутствует в диктованном толковании. Специфика проповеди влияет на строение самого толкования.

Августин считает необходимым постоянно напоминать слушателям, что речь идет не о чем-то абстрактном, а о важнейших вещах, которые касаются каждого из них, – отсюда естественные повторения, которых нет в диктованном толковании, и целые связующие абзацы: Августин произносит следующий стих, который собирается толковать, и возвращается к теме, которую только что раскрыл в предыдущем стихе. Повторив другими словами уже сказанное, при возможности подкрепив новыми доказательствами, проповедник возвращается к прочтенному только что стиху и дает толкованию на него уже другое, отличное от предыдущего звучание.

Иначе соединяет Августин толкования каждого стиха в связный текст в кратком толковании. Поскольку это не устный жанр, в нем нет постоянных возвращений к важной теме. Но чтобы толкование не распадалось, Августин связывает стих с каким-либо из предыдущих, опираясь в новом толковании на уже изложенное и доказанное.

Кроме того, диктованному толкованию свойственна сухость и краткость изложения, напоминающие доказательство теоремы. Диктованное толкование – конспект. Каждый стих получает комментарий, редко превышающий размеры одного предложения и толкующий, как правило, самое важное для Августина слово в процитированном стихе. Наоборот, гомилетическое толкование стремится по возможности развернуть толкование; оно ориентировано на слушателей. Августину важно, чтобы прихожане поняли его мысль и прониклись ею. Проповедь сказана не просто ученым-богословом, но и пастырем. Она стремится к наставлению, она приводит примеры из повседневной жизни, понятные слушателям. Августин не упускает возможности связать толкование на псалом не только с еретиками, но и с окружающими его людьми. Гомилетическое толкование рассчитано на обычных людей и обращено в первую очередь к ним. Это влияет на экзегезу псалма.

И наконец, некоторые изменения, произошедшие в экзегезе, нельзя объяснить особенностями жанра или историческими событиями. Это естественная эволюция взглядов толкователя, отражение которой мы видим на протяжении всего толкования.

Итак, следуя предложенной блаженным Августином формуле *quae et quare*, мы установили сначала, в чем состоят основные отличия в экзегезе псалмов, а также сделали предположения об их причинах. Мы убедились, что гомилетическое толкование не может быть названо более подробным вариантом толкования диктованного. Как видно из проведенного анализа, отношения между двумя толкованиями далеко не так просты. Нередко случается, что стих, разобранный в кратком толковании, в пространном разобран еще более кратко или лишен толкования вообще. Достаточно велик процент стихов, экзегеза которых в гомилии кардинально изменилась по сравнению с их разработкой в конспекте. Таким образом, как нам представляется, гомилетическое толкование нельзя считать всего лишь расширенным вариантом диктованного. Оно является самостоятельной разработкой толкования на 21-й псалом, хотя и опирающейся во многом на раннее краткое толкование.

Созданные в разное время и с разными целями, толкования на 21-й псалом предоставляют неоценимый материал для сравнения экзегезы, что позволяет предположить необходимость дальнейших исследований и сопоставлений и других парных толкований на псалмы Августина.

AUGUSTINE'S SHORTER AND LONGER ENARRATIO IN PSALMUM 21

M. G. Rauschenbach

The author compares two expositions of Psalm 21 by Augustine of Hippo: a shorter one dictated ca. 394 and a longer sermon pronounced in 407. She shows that the sermon was not just a more detailed exposition of the ideas already present in the dictated commentary, but was a result of considerable exegetical development distinctly coloured with anti-Donatist polemics.

Т. А. Артюхова

РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОСТИ В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ
АГИОГРАФИИ*(На материале Жития Феодора Сикеота)*

Пространное Житие Феодора Сикеота (ок. 530–613 гг.) (ВНГ 1748) – яркий образец ранневизантийской агиографии, созданный учеником святого Георгием в 640-х годах – охватывает более чем полувековой период истории Византии, непосредственно предшествовавший персидскому завоеванию, положившему конец господству Византийской империи в Малой Азии, где и развивается действие Жития. Уже одного этого обстоятельства (автор Жития смотрит на события, которые описывает, в отличие от своих героев прекрасно осознавая, что ждет малоазиатские провинции всего через несколько лет) было бы достаточно, чтобы памятник привлек пристальное внимание историков¹. Ценность Жития как исторического источника повышают и другие особенности: детальные описания позднеантичного сельского уклада и пристальное внимание автора к борьбе за императорский престол, в которую в какой-то мере оказался вовлеченным и св. Феодор.

Однако другие содержательные аспекты Жития остались вне сферы внимания исследователей. В то же время, на наш взгляд, именно анализ элементов, казалось бы, противопоставленных всякой исторической конкретике, может привести к результатам, небезынтересным и с исторической точки зрения. Речь идет о типологической классификации чудес, совершенных святым, описанию которых посвящена большая часть памятника. Именно в этой сфере можно проследить истинное отношение героев Жития и автора к античному наследию, с которым, как мы увидим, им приходилось регулярно вступать в тесный контакт. Необходимо оговориться, что наш анализ будет касаться исключительно восприятия античности, при этом античности языческой и соответственно понятой как нечто противоположное христианской империи, в которой осознают себя герои Жития. Несомненно, с точки зрения экономики и социальных отношений сельская община, описанная в Житии, представляет собой позднеантичный социальный институт, однако в сознании героев между далекой древностью языческих саркофагов, все еще встречающихся в окрестностях то одного, то другого села, и их реальной жизнью лежит непреодолимая пропасть. И тем не менее реальные отношения героев и автора с античностью не так однозначны, как могло бы показаться на первый взгляд.

¹ См., например: *Haldon J.F. Byzantium in the Seventh Century. The Transformation of a Culture. Cambr., 1990; Kaegi W.E. New Evidence on the Early Reign of Heraclius // Byzantinische Zeitschrift. 1973. 66. S. 308–330; Rosenqvist J.O. Asia Minor on the Threshold of the Middle Ages: Hagiographical Glimpses from Lycia and Galatia // Aspects of Late Antiquity and Early Byzantium. Papers Read at a Scandinavian Colloquium at the Swedish Research Institute in Istanbul 31 May 5 June 1992 / Ed. L. Ryden, J.O. Rosenqvist. Stockholm, 1993 (Swedish Research Institute in Istanbul, Transactions 4). P. 145–156.*

Одной из самых интересных тем Жития представляется деятельность Феодора в качестве *целителя*, и вообще тема болезней и отношения к ним автора произведения. Далее мы подробно рассмотрим, какие болезни описываются в Житии, кто и при каких обстоятельствах заболевает и выздоравливает, каковы, по мнению автора, причины тех или иных недугов и последователен ли он в своих суждениях, а также какое общее мнение высказывает Георгий о болезнях и способах лечения.

Тема болезней появляется уже в самом начале Жития: в гл. 8 рассказывается о том, как Феодор, еще будучи ребенком, заболел бубонной чумой, свирепствовавшей в деревне, и этот факт подается как нечто вполне естественное, что не было неожиданностью. А исцеление отрок получил от иконы Божией Матери, когда из этого образа на него упали капли влаги (8; 31)². И вторая болезнь Феодора исцеляется чудесным образом: ему помогает св. Георгий; однако причиной болезни на этот раз является «ненавидящий добро бес», он даже видится Феодору как некто черный, стоящий рядом с ним (17; 37).

Приведенных примеров достаточно, чтобы отметить определенную непоследовательность автора: в первом случае болезнь объясняется причинами естественного характера, а во втором рассматривается в мистической плоскости. Изучим подробнее, какими причинами может объясняться то или иное заболевание. Прежде всего болезнь может произойти от действия дьявола, но и здесь возможны два варианта. В одном случае дьявол просто насылает болезнь на человека, как в приведенном выше примере с болезнью Феодора. Аналогичным образом объясняются причины болезни в главах 89 («Один силентиарий, из первых, по имени Манна, имел страшный недуг, скрытый во внутренностях, от дьявольского воздействия» (89; 81)), 112 («Из храма святого мученика Георгия вышел ребенок и побегал туда, где оставил свои вещи. А поскольку путь его пролегал рядом с котлом, он на бегу под дьявольским воздействием упал в котел с кипятком» (112; 93)) и в некоторых других.

В другом же случае в человека вселяется бес, который скрывается под видом той или иной болезни, и проявляется этот нечистый дух только в присутствии Феодора, не вынося его святости. Подобных примеров в Житии гораздо больше, чем предыдущих. Так, в гл. 61 говорится о том, как Феодор исцелил немого мальчика; присутствовавший при этом диакон увидел «как бы огненное пламя, выходящее из уст отрока», и испугался, что покинувший мальчика таким образом бес может вселиться в него самого (61; 65). В гл. 71 рассказывается об изгнании беса из женщины и говорится так: «Некая женщина из этого села, по имени Ирина, долгое время имевшая скрытых духов и пораженная многими болезнями и напастями из-за их действия и не знавшая о действии духов...» (71; 69). Подобным же образом в гл. 86, 88, 108 и других повествуется о бесах, которые скрывались под видом различных недугов (болезнь сердца (86; 80), «болезнь головы и всех членов» (88; 80), паралич (108; 91) и т.д.). Еще один способ, которым дьявол может насылать на людей

² Здесь и далее в скобках указывается номер главы и страница русского издания: Афиногенов Д.Е. Житие преподобного Феодора, архимандрита Сикеонского. М., 2005. При необходимости будут указываться также страницы критического издания греческого текста: Festugière A.J. Vie de Théodore de Sykéon. I. Texte grec. II. Traduction, commentaire et appendice. Bruxelles, 1970 (Subsidia Hagiographica. 48).

болезни, – это воздействие на пищу; мы встречаем в Житии два подобных случая. Первый описан в гл. 124: речь идет о том, как в котел, где готовилась пища для Феодора и его гостей, «действием лукавого упала зеленая ящерица и сварилась вместе с варившимися там овощами» (124; 102). Однако в данном случае эта ядовитая ящерица по молитве святого не принесла людям никакого вреда, в отличие от истории, описанной в гл. 143; на этот раз были отравлены почти все жители села, а причиной оказалось «полчище бесов, прошедших через котел с мясом» (143; 113).

Здесь также следует упомянуть случаи совсем уж нетипичных заболеваний (т.е. даже и не являющихся таковыми по современным представлениям, но все же воспринимающихся автором как телесные недуги). В главах 91 и 123 описаны две похожих истории, когда бес каким-то образом забирается под кожу человека; при этом нечистый дух виден людям и бежит по руке, причем в одном случае даже уточняется, что он «был виден у него в теле под кожей, словно мышь» (123; 102), а в другом – рука вначале распухает, а затем начинает вертеться в разные стороны (91; 82). Сюда же относится и эпизод гл. 106: «Содержатель гостиницы Ферентин, услышав о его прохождении, послал встретить его, прося пойти в гостиницу и оставить ему молитву, потому что он долгое время лежал полумертвый и лицо его было вывернуто назад» (106; 89–90). Этот человек заболел такой удивительной болезнью из-за действия беса, который явился к нему в виде черной зевающей собаки³.

Однако, по представлениям автора Жития, причиной недугов может являться не только замысел дьявола, но и воля Божия. Больше всего примеров, подтверждающих это мнение, мы находим в сюжетах, касающихся жизни самого св. Феодора. Так, в гл. 20 повествуется о том, как после своего затворничества в пещере Феодор был практически мертв: абсолютно бессилен и весь покрыт страшными язвами; и это явно воспринимается как благодать не только самим Феодором, но и епископом Феодосием, который сразу же рукополагает его в пресвитеры (эту болезнь даже не нужно лечить, вероятно, она проходит сама собой). Наиболее показательны в данном случае гл. 105–106; в них автор прямо излагает свое мнение о причине болезней. Он говорит, что болезни нам посылает Бог и что не следует молиться Господу «об отвращении немощей от тела», так как «Бог особенно в таких вещах готовит для наших душ воздаяние» (105; 89). Здесь о недугах Феодора говорится именно для поучения, поведение святого приводится как пример единственно верного отношения к болезням. Один из недугов, язва на бедре, был дарован святому по его молитве и не проходил в течение всей его жизни.

Что же касается простых людей, то им Бог посылает болезни в назидание (т.е. чтобы они раскаялись в каком-либо совершенном грехе) или в наказание. Например, рассказывается о плотнике, который нарушил приказание Феодора не есть мяса в монастыре и тут же слег с горячкой (69; 68). В другом эпизоде речь идет об одном пресвитере, который был скрючен и не мог пошевелиться; причиной такой болезни оказывается его вражда с игуменом монастыря, и он получает исцеление только после примирения (81; 77). Еще один эпизод, иллюстрирующий подобного рода болезни, описывается в

³ Подобное представление беса в виде черной зевающей собаки, несомненно, заслуживает особого внимания, так как несет в себе явные фольклорные черты.

гл. 149: один человек не сдержал обещания, данного Феодору о том, что не будет плохо обращаться со своей женой; тогда он понес наказание от Бога, упав с коня и очень сильно повредив себе бедро; однако по молитве святого он все же не лишился ноги, но «в назидание» она усохла и стала короче другой (149; 117–118).

Крайне интересным представляется случай, о котором повествуется в гл. 156, так как там описывается ситуация, очень похожая на ту, которую мы уже встречали: Феодор исцеляет человека, у которого «лицо было вывернуто в обратную сторону». В рассмотренном выше случае, как уже говорилось, причиной этого недуга явилось действие беса, в то время как здесь болезнь объясняется абсолютно по-другому: «И взяв его с собой наедине в алтарь, сказал ему на ухо, за какой грех с ним случился этот недуг в назидание, и призвал впредь исправиться...» (156; 125–126). Итак, одна и та же болезнь может быть и от дьявола, и от Бога.

В некоторых случаях болезнь, посланная Богом, может являться просто предлогом и служить какой-то определенной цели. Такова история, приведенная в главе 156а, в которой повествуется об исцелении ребенка одного еврея. Здесь болезнь ребенка (он был слепым и глухим) – повод для того, чтобы его принесли к Феодору, который и крестил его после исцеления: «Бог привел его сюда под этим предлогом, чтобы он получил Печать Его» (156а; 126). Нечто похожее мы находим и в уже приводившейся гл. 108, когда человек был парализован из-за действия дьявола, и никак не мог исцелиться потому, что по замыслу Богородицы избавление от болезни должно было прийти именно через св. Феодора («причем нечистый дух много лет скрывался в нем и не проявлялся, потому что Богородица и Приснодева представляла такое чудо своему слуге» (108; 91)).

В тексте Жития мы также встречаем примеры того, как по молитве святого Бог посылает людям не выздоровление, а, напротив, смерть. Причем эта смерть – не наказание, а именно выполнение просьбы людей. Приведем два подобных эпизода. В одном из них женщина, узнав, что ее муж должен умереть раньше нее, никак не хотела с этим смириться, и тогда по молитве Феодора она скончалась раньше супруга (90; 81–82). В другом случае Феодор вымалчивает у Бога кончину для патриарха Фомы, который испугался предстоящих империи бед и не хотел дожить до этого момента (135; 108–109).

Проанализировав все приведенные выше эпизоды, мы видим, что они, при всем разнообразии и неоднородности, во многом отражают типичное для средневекового мировоззрения представление обо всех болезнях как появляющихся у человека по каким-то сверхъестественным причинам; при этом рассуждения находятся в рамках религиозных представлений о мире и его устройстве. Однако в пределы подобного мировоззрения не вписываются многие эпизоды, где акценты несколько смещены: речь идет о таких историях, в которых совсем ничего не говорится о причинах болезни человека, и эта болезнь, таким образом, кажется вполне естественной и не выступающей знаком чего-либо (например, совершенного человеком греха или козней дьявола). Один такой случай уже упоминался в самом начале – это болезнь Феодора во время эпидемии чумы; несмотря на то что исцеление было чудесным, можно сказать, что здесь проявляется другой взгляд на болезни,

другое отношение к ним, которое мы назовем «светским»⁴. Вероятно, такой подход может быть связан со светским и, возможно, столичным⁵ образованием, полученным Георгием в юности, когда он имел возможность в какой-то мере познакомиться с античной медицинской традицией.

Примеров, подтверждающих присутствие в Житии подобного отношения к болезням, можно привести довольно много. Так, в гл. 39 содержится рассказ еще об одном недуге Феодора: «Случилось ему заболеть безнадежной болезнью, так что он и святых ангелов увидел, пришедших к нему». Эта фраза кажется довольно характерной, здесь автор как будто не знает, что за этим вновь последует чудесное исцеление и сообщает о заболевании святого как о неожиданном, но нормальном факте. Очевидно, по мнению автора, Феодор к тому времени уже заслужил себе райскую жизнь, так как за его душой пришли ангелы и собирались взять его на небо. И только из-за того, что сам Феодор очень печалился о своей кончине и не хотел оставлять недавно созданный им монастырь, святые Косма и Дамиан вымолили ему у Бога продление жизни (39; 52). В качестве других примеров, выявляющих «светское» отношение к болезням, выступают многочисленные эпизоды, когда Феодор избавляет супружеские пары от бесплодия; очевидно, с этой болезнью никак не могут бороться врачи, и людям помогает только вмешательство святого, однако само это явление довольно распространено и за ним не скрывается ничего сверхъестественного⁶.

Обычно в подобных случаях автор более подробно говорит о самой болезни, описывает ее симптомы и часто приводит конкретные названия, которые подчас оказываются сложными для понимания. Так, в гл. 97 мы находим описание болезни, которой страдал сын императора: «Συνέβη δὲ τοῦ βασιλέως Μαυρικίου ἐν τῶν παιδίων πάθει ἀνιάτῳ περιπεσεῖν· ἦν γὰρ πολλὰ τραύματα ἐκβράσαν, ὥς δοκεῖν αὐτὸ ἐλέφαντιάσαι· ὅπερ πάθος οἱ μὲν φασὶ λέγεσθαι παυλάκιν, οἱ δὲ τὴν κλεοπάτραν» – «Случилось одному из детей императора Маврикия впасть в неизлечимый недуг – ибо на нем появилось много язв, так что у него, казалось, была «слоновая болезнь» (этот недуг одни называют «павлаки», а другие «клеопатрой»))» (97; греч. текст – р. 79; рус. текст – 85). Здесь, как мы видим, приводятся целых три варианта названия этого заболевания, причем очень сложно понять, о какой именно болезни идет речь. Аналогичный эпизод находим и в главе 111: «...καὶ ἐγένετο αὐτῷ εἰς τὸ χαλινὸν ἀνιάτον πάθος τὸ καλούμενον φαγέδαινα, καὶ ἤρξατο βρώσκεσθαι» – «...и у того под подбородком образовалась неизлечимая болезнь, называемая рак, и начала пожирать его» (111; греч. текст – р. 88; рус. текст – 92). В главе 156 го-

⁴ Очевидно, что автор агиографического сочинения был склонен усматривать духовную подоплеку во всех описываемых событиях; термин «светский» будет употребляться в узком значении: «светская» болезнь обрушивается случайно, произвольно, в то время как в религиозной системе ценностей болезнь всегда избирательна, т.е. настигает только того, кого надо.

⁵ В самом тексте Жития мы не находим этому прямых подтверждений, тем не менее множество точных деталей при описании константинопольской жизни и топографии, полностью соответствующих историческим реалиям, заставляет задуматься о личности автора и усомниться в его провинциальном происхождении (см. комментарии переводчика к тексту на с. 156, 159).

⁶ См., например, гл. 93, 140, 156.

ворится об излечении человека, больного водянкой (ὕδρωτικός) (156; греч. текст – р. 128; рус. текст – 125), а в гл. 121 не приводится название болезни, но она довольно подробно описана: «Прибыл некий асикрит из царствующего града, по имени Фока, у которого была страшная болезнь внутренностей, так что он извергал горлом и чревом много крови, и каждый раз лежал бледный и без сил» (121; 100). Таким образом, во всех приведенных эпизодах автор Жития выступает как человек, неплохо разбирающийся в медицине, способный описать симптомы и дать названия заболеваний. Отметим, что такие названия болезней, как φαγέδαινα, ἐλέφας и ὕδρωψ, являются вполне научными и их описание и способы лечения можно найти, в частности, в трактатах римского врача Галена (130–200 гг. н. э.)⁷.

Обратим внимание и на сходство лексики, используемой для описания симптомов болезни. Гален при перечислении различных видов язв говорит о том, что они получили свое наименование по разным причинам: рак (καρκίνος) – от сходства с животным, χειρώνειον – по происхождению врачей, впервые вылечивших ее (ἀπὸ τῶν πρῶτως ἰασαμένων), герпес (ἑρπης) – от сходства с движением пресмыкающегося (ἑρποντος θηρίου), которое переползает с одного места на другое. В свою очередь, болезнь, обозначенная как φαγέδαινα, названа так благодаря своим проявлениям, она «обязательно представляет собой язву, поедающую или пожирающую» (ἡ μὲν φαγέδαινα πάντως ἐστὶν ἕλκος ἐσθιόμενον ἢ ἀναβιβρώσκον)⁸. Именно этот глагол (в бесприставочной форме) был употреблен и автором Жития (см. выше).

Необходимо также отметить, что от приведенных выше эпизодов следует отличать другие, в которых причина болезни также не указана, но которые явно представляют собой аллюзии на евангельские сюжеты; в таких случаях причина заболевания не играет никакой роли, задача автора – представить своего героя, Феодора, подражателем Христа. Такие эпизоды мы находим во многих главах, например 31, 65, 67, 68, 72, 83, 96 и других, когда святой исцеляет прокаженного (31; 47), немого ребенка (65; 67), косноязычного (67; 68), парализованную женщину (68; 68), почти умершего ребенка (72; 70–71), слепого (83; 78) и кровоточивую (96; 85). В этих главах на параллели с Евангелием часто указывают не только сами болезни, но и прямые отсылки. Например, Феодор говорит умирающему мальчику, взяв его за руку: «Во имя Господа Иисуса Христа, воскресившего слугу сотника при кончине его, поднимись и стань здоров» (72; 71).

Таким образом, на основании проанализированных эпизодов мы можем сделать вывод о том, что в представлениях Георгия, автора Жития, присутствуют два различных взгляда на болезни: один обусловлен его религиозными воззрениями, а другой, который мы назвали светским, не усматривает в болезнях какой-либо сверхъестественной причины: в подобных случаях автор проявляет себя как человек, знакомый с различными заболеваниями и способный описать их симптомы. Такое отношение к болезням представляется крайне интересным, так как не является характерным для произведения агиографи-

⁷ См., в частности: Galeni Medici de temperamentis libri III // Claudii Galeni Opera omnia / Ed. C.G. Kuehn. Vol. 1. Lpz, 1823. P. 663, 14 – 664, 7; De tumoribus praeter naturam // Ibid. Vol. 7. P. 727. 15–18; De compositione medicamentorum secundum locos libri X // Ibid. Vol. 13. P. 256. 11–16.

⁸ Galeni Medici de methodo medendi libri XIV // Claudii Galeni Opera omnia. Vol. 10. P. 83, 9–84, 3.

ческого жанра, и в некотором смысле его можно считать противоположным взгляду, базирующемуся на религиозных представлениях.

Эта сторона познаний и воззрений автора наблюдается не только в том, как он объясняет или не объясняет причину того или иного заболевания, но и в высказываниях, касающихся врачей и методов лечения, что тоже представляется крайне интересным.

Чаще всего в тексте произведения мы встречаемся с чудесными исцелениями, совершаемыми главным образом самим Феодором. В одних случаях исцеление может произойти просто по молитве святого, как, например, в гл. 83: «Она же, пролежав однажды в параличе семь месяцев, немедленно встала в тот час, когда получила его молитву» (83; 78). Таким же образом Феодор помогает и императору Фоке, который страдал «болью в руках и ногах»: «Когда тот вошел к нему и положил на него руку и помолился, его болезнь стала легче» (133; 107). В других случаях молитва сопровождается определенными символическими действиями (Феодор дует или плюет на больное место, наступая ногой на исцеляемого или бьет его в грудь). В качестве примера приведем эпизод из главы 65: «Среди них пришла одна женщина, у которой был немой ребенок, и просила преподобного о нем. Открыв же свои уста, блаженный Феодор дунул на него и запечатлел его крестным знамением. И сразу же ребенок заговорил...» (65; 67). Согласно гл. 156, Феодор исцелил парализованного кабатчика, наступив на него ногой (156; 124), а гл. 160 служанка кабатчика избавилась от язвы на ноге, когда святой три раза плюнул на больное место (160; 133).

Исцеление может произойти также от благословенных масла, воды или вина, а в случаях избавления от бесплодия благословляются пояса супругов. Такие примеры можно найти в главах 68 (парализованная женщина исцеляется маслом из неугасимой лампы) (68; 68), 83 (слепой ребенок прозрел после того, как его умыли благословленной водой) (83; 78), 93 (благословленные пояса, данные бесплодной паре) (93; 83–84), 154 (исцеление патрикия Никиты елеем и вином) (154; 123) и многих других⁹.

Есть и несколько эпизодов, где исцеление должно произойти благодаря вере самого больного, когда Феодор никак явно в нем не участвует. Например, в гл. 121 рассказывается, как асикрит Фока избавляется от болезни внутренностей, и в гл. 122 – об исцелении слепого клирика. В обеих историях больные не хотят уходить из монастыря, не получив исцеления, но Феодор все-таки настаивает на этом, говоря, что это единственный способ обрести здоровье («...если ослушаешься меня, то даже если останешься здесь на всю оставшуюся жизнь, это тебе ничем не поможет» (121; 100); «...ты вскоре прозреешь, если послушаешься меня и уйдешь – а если не послушаешься, останешься как есть» (121; 101)). В гл. 110 мы встречаем аналогичный эпизод, когда Феодор отправляет домой женщину, пришедшую к нему с немым сыном, обещая, что юноша заговорит по дороге; только в данном случае женщина сразу же уходит, поверив святому, и не спорит с ним (110; 92).

В Житии описываются также случаи чудесного исцеления от иконы (это гл. 8 и 39, где говорится о болезнях самого Феодора (8; 31 и 39; 52)) или во сне благодаря помощи св. Георгия (гл. 17, в которой повествуется еще об одной

⁹ См также гл. 31, с. 47; гл. 67, с. 68; гл. 95, с. 84; гл. 97, с. 85 и др.

болезни Феодора, и гл. 88, когда св. Георгий явился во сне больному борцу и исцелил его (17; 37 и 88; 80)).

Однако, несмотря на то что в Житии мы встречаем множество примеров подобных чудесных исцелений, они не являются единственным способом избавления от болезни. Речь идет о том, что в Житии часто упоминаются врачи и «светские» методы лечения. Правда, часто врачи и их методы противопоставляются исцелениям Феодора, естественно, в пользу последнего. Так, в гл. 97, о которой уже шла речь и где говорится об излечении сына императора Фоки, есть комментарий о том, что «врачи, много о нем заботясь, ничем не помогли»; аналогичное суждение встречаем и в гл. 121, которая также уже упоминалась (исцеление асикрита): «Он много лечился у врачей и не получил никакой пользы». В гл. 156 мы наблюдаем еще более явное противопоставление; здесь сам Феодор запрещает больному обращаться к врачам (причем до этого они уже долго лечили его без всякой пользы): «Оставь врачей, не обращай больше к ним, ибо никакой помощи ты от них не получишь» (156; 125).

Однако в Житии мы находим также большой и подробный эпизод, повествующий о том, как Феодор часто назначал больным необходимое им лечение и направлял к нужному врачу: здесь автор называет всевозможные виды лечения, такие, как пластыри (ἐμπλάστρα), хирургия (χειρουργία), теплые ванны (τὰ θερμά), питьевые воды (τὰ πόσιμα), очистительное питье (πόσις καθαρτικῇ). Подробнейшим образом перечислены разнообразные варианты того, что в какой ситуации Феодор советовал или не советовал делать больным: «Если же кто нуждался и во врачебной помощи при каких-то недугах или в хирургии, или в употреблении очистительного питья, или теплых вод, то богодухновенный предписывал каждому, словно опытный врач, овладевший всем этим искусством, советуя одним подвергнуться хирургии, ясно называя по имени, к какому врачу следует прибегнуть, а другим, желавшим сделать хирургию или получить иную врачебную помощь, он не позволял, отговаривая их от того, а советовал лучше принимать теплые ванны, называя и теплые источники, которыми им следовало воспользоваться» (145–146; 114, греч. текст – р. 114–115).

Данный фрагмент можно трактовать на разных уровнях: с точки зрения построения агиографического произведения он вводит мотив веры святому, не требующей доказательств, и подчинения духовному авторитету. Вспомним, что если «кто-то из наставленных им пренебрегал этим и делал изменения в том, что ему было велено... то владевший им недуг становился трудноисцелимым, пока тот не переходил к предписанной святым помощи» (146; 114). В духовном плане врач приобретает способность исцелить не благодаря своему опыту и умению, а потому что святой указал на него. Способность исцелять как бы передается на время нужному человеку (пусть даже и врачу, в любой другой ситуации осуждаемому), чтобы испытать больного, готов ли он поверить и подчиниться Феодору.

Однако такая трактовка не представляется исчерпывающей: описание выглядит слишком тщательным для неспециалиста. Возможно, внимание к деталям и очень хорошее знание медицины именно как научной дисциплины характеризуют не самого Феодора, а Георгия, который на сей раз, вводя мотив подчинения авторитету, демонстрирует глубокие познания в областях, казалось бы, далеких от его жизни. Это еще раз заставляет задуматься об образо-

вании, полученном Георгием, и о его жизни в целом, сведения о которых в Житии чрезвычайно скудны.

Вышеприведенных примеров достаточно не только для того, чтобы получить представление о реальном уровне медицинской науки и врачебной практики в первой половине VII в. н.э. в малоазиатской провинции (а уровень этот, как мы видим, был достаточно высок), но также и для того, чтобы подтвердить высказанную гипотезу о сосуществовании в памятнике двух взаимодополняющих взглядов. Таким образом, никак не декларируемое внешне уважительное отношение к классической медицинской традиции далеко не исчерпывается терминологической преемственностью. Тема болезни, раскрывающаяся, как мы убедились, в Житии в диаметрально противоположных ключах, помогает нам провести границу между двумя пластами. Георгий, прославляющий своего наставника за исцеления, не вполне согласен с его негативным мнением относительно светской медицины и осторожно, предлагая вполне убедительное обоснование духовного порядка, делится с читателем своими соображениями о пользе тех или иных методов лечения.

Однако описанная схема не включает еще один компонент, который невозможно не учитывать. В произведении наряду с мировоззрением Феодора и Георгия можно усмотреть и следы народных представлений о жизни, проникшие в текст благодаря рассказам местных жителей, с которыми общался Георгий, составляя Житие. И в этом случае тема болезней помогает нам провести границу. Теперь речь идет уже не о религиозном или светском взгляде, а о суеверно-мистическом понимании болезни, которое нашло свое отражение во встречающихся в изобилии в Житии историях о колдунах.

В Житии мы находим такие эпизоды, где причина болезни объясняется колдовством. Сразу следует обратить внимание на терминологию, относящуюся к колдунам и их деятельности. Колдун может обозначаться словом *φάρμακός* (37; 32), и другим возможным переводом этого слова может быть «отравитель». В тексте используются два глагола (и производные от них) в значении «околдовывать кого-то»: *φάρμακεύω* и *τερικεύω*; у первого есть и значение «отравлять», в то время как второй в данном случае понимается вполне однозначно. Эту двойственность всегда отмечает в своем переводе Д.Е. Афиногенов, приводя оба возможных варианта. В любом случае, когда в переводе говорится «отравлен», а не «околдован», ясно, что речь идет не о простом отравлении (допустим, продуктами или водой), а именно о сознательной деятельности некоего колдуна, который мог приготовить специальный яд или же наслать болезнь на человека какими-то заговорами.

Итак, приведем примеры эпизодов, в которых в качестве причины болезни выступают колдуны. Первый колдун, которого мы встречаем, по имени Феодот, задумал отравить самого св. Феодора. Вначале он отправляет к святому бесов, которые ему подвластны, а после того, как они терпят неудачу, подкладывает яд в рыбу, которую ел Феодор. Однако на святого все это колдовство не действует, и тогда Феодот раскаивается и просит удостоиться крещения. Но для этого ему надо сжечь все свои книги, а также расколдовать всех тех, кого он околдовал: «Всякого человека, которого ты околдовал, или дом, или скотину, то есть все, освободи от колдовских пут» (38; 51). Мы не знаем точно, как именно действовало на людей колдовство Феодота, но можно предположить, что оно проявлялось и в виде телесных недугов, а также как беснование, если он посылал к человеку нечистых духов (про это мы знаем из гл. 35, в ко-

торой св. Феодор изгоняет из женщины беса, посланного именно этим колдуном Феодотом (35; 49)). В гл. 77 мы сталкиваемся с нетипичной ситуацией, когда Феодор все-таки был кем-то отравлен и три дня пролежал без голоса и движения, т.е. на сей раз он почему-то не смог противостоять какому-то колдовству. Вероятно, в данном случае автор объясняет причину заболевания, основываясь на переданных ему слухах, на мнении других людей, так как и сам он этому удивляется, говоря: «Случилось так, не знаю, каким образом, что преподобный был отравлен...» (77; 74). В следующий раз колдовство упоминается в гл. 87, в которой рассказывается об исцелении судовладельца: «Некий судовладелец, кем-то околдованный, был удручаем нечистым духом и страдал болями и дрожью членов и многими другими вещами, так что от этого даже впал в большую бедность» (87; 80). Феодор избавляет больного от недуга, дав ему благословленный елей, но при этом про колдуна больше ничего не сказано, он не был найден или наказан святым.

Аналогичный эпизод описывается и в гл. 154: «Никита же, преславнейший патрикий, бывший комит божественного экскувита, лежал парализованный, и о нем разошелся слух, что его отравили (околдовали)» (154; 122–123). Здесь снова колдовство указывается как причина болезни, но исцеление совершается обычным способом (благословленные масло и вино), и про человека, околдовавшего патрикия, никто не вспоминает. В гл. 143 мы также находим упоминания о какой-то «женщине, занимавшейся заговорами»: к ней обратился за помощью брат одного из заболевших страшной болезнью из-за того, что через котел с мясом прошли бесы. Однако вместо того, чтобы помочь своему брату, человек губит его, поскольку тот умирает сразу же, как только на него повязывают оберег, данный этой женщиной (143; 113). В гл. 156 история с колдуном описывается гораздо более подробно, и он не только околдовывает человека, но пытается не пустить его к св. Феодору, преграждая дорогу: «Когда же им повстречался тот, кого они подозревали в такой порче, тот, остановив упряжку быков, мешал им идти» (156; 124). И хотя больной певчий смог победить колдуна, пришел к Феодору и получил исцеление, опять-таки ничего не сказано, что стало с колдуном и был ли он наказан. Наоборот, в гл. 159 говорится об одном клирике, «про которого шла молва, что он колдун»; у него погибли оба сына, и Феодор, к которому этот человек пришел за помощью, не пытается ему помочь, а говорит: «Иди, другого [сына] ты найдешь мертвым в реке Псилис. И исправься, покайся перед Богом» (159; 130).

Как мы видели, понятие о причинах и методах лечения телесных недугов занимало важное место в мировосприятии автора. Также мы отмечали одну из трактовок болезни – религиозно-мистическую. С болезнью, понимаемой как результат действий темных сил, теснейшим образом связана тема *бесов*. Теперь речь идет уже не о заболевании какого-либо органа, а о бесновании, в его классическом, евангельском понимании.

Власть над нечистыми духами является важнейшим даром св. Феодора, который он получает еще в юности, сам став жертвой бесовского нападения и будучи исцелен св. Георгием: «А человеколюбивый Бог, давший святым Своим апостолам власть против нечистых духов и чтобы прогонять болезни, дал и ему благодать против бесов, чтобы извергать их из людей и исцелять недужных» (17; 37). Вскоре после этого Феодору впервые приходится применить свой дар на практике: к нему приходит человек с ребенком, в которого вселился бес. Отец сам дает указания Феодору, как следует вести себя с бе-

сом, но, несмотря на такую неопытность святого юноши, бес не выдерживает его святости и вынужден покинуть ребенка. Обратим внимание на речь, которую произносит нечистый дух перед тем, как выйти из мальчика. Он в достаточно изысканных выражениях предсказывает будущие чудеса Феодора и его власть над бесами, а также жалуется на свою горькую участь: «О, насилие Назарянина, поднявшего это против нас! Ведь с тех пор, как Он сошел на землю, Он вооружает против нас людей... Горе будет нашей природе от этого блудорожденного, потому что многих из нас он изгонит из людей» (18; 37).

В целом беседа святого с бесом, обладающим подчас яркой индивидуальностью, которая проявляется в манере речи и выбранном для разговора тоне, — необходимый элемент любого эпизода, посвященного борьбе с нечистыми духами. Как мы видели, бес может говорить со страхом и уважением, может, наоборот, спорить и препираться («О, насилие — зачем ты пришел сюда, железоед?.. Знаем, зачем ты пришел, но не послушаемся тебя, как те, что в Галатии, — ведь мы тверже их, а не мягче» (43; 55)), ставить свои условия и даже лгать святому. Последние два момента заслуживают особого внимания. В качестве условия выхода из человека дух может потребовать взамен какой-либо предмет, принадлежащий Феодору (так, в гл. 43 один упрямый бес согласился выйти из женщины только после того, как получил сандалию святого Феодора (43; 55)). Этот мотив кажется чрезвычайно странным и неожиданным, поскольку никак не объясняется автором. Эти случаи необходимо отличать от ситуаций, в которых беса изгоняет не сам Феодор, а его посланец, и духу необходима какая-либо часть одежды святого «в удостоверение», которая просто демонстрируется как знак воли Феодора, а сама никакой ценностью не обладает (162; 141). В интересующих нас случаях Феодор, напротив, лично отдает свою вещь бесу, который, покидая человека, забирает ее с собой.

Примером лжи беса может служить случай, описанный в гл. 84. Нечистый дух угрожал Феодору, что если он выйдет из служанки, то она умрет через три дня. Но святой не стал слушать беса, сказав: «Ты выходи, и да будет воля Господня. Ибо нельзя богочестивому человеку верить вам — потому что скверны и лживы ваши слова». И действительно, предсказание беса оказалось ложным, и девушка не умерла, а выздоровела (84; 78–79).

Несмотря на декларируемое Феодором недоверие к бесам, ряд глав свидетельствует о том, что ни автор, ни его герои не воспринимали нападения нечистых духов как нечто из ряда вон выходящее. Бес, в любой иной ситуации персонифицирующий абсолютное зло, может выступать как персонаж, с которым можно и иногда даже нужно договариваться. К нему необходимо относиться с опаской и недоверием, но в то же время стоит прислушиваться к его словам и, принимая в расчет его клятвы и обещания, идти на компромисс, выдвигая, в свою очередь, свои условия. Лучшим примером такого «договора» с бесом, который бы устраивал обе стороны, является эпизод из гл. 161, в которой Феодор изгоняет бесов из жителей города Гермии. Среди этих бесов обнаруживаются два, которые происходят совсем из другой области; они вселились в двух женщин гораздо раньше, чем раскопали холм, из которого вышли все остальные нечистые духи. Эти бесы просили Феодора не загонять их обратно в раскоп вместе со всеми остальными и клялись св. Георгием в правоте своих слов. Когда Феодор удостоверился, что они не лгут, то заключил с ними договор, скрепленный рукопожатием, о том, что

они придут в его монастырь и там покинут женщин (161; 138). В этом же эпизоде есть еще один пример некоей уступки Феодора бесам. Зная их привычку рвать одежды в момент выхода из людей, святой не запрещает им так поступить, но только велит не обнажать людей совершенно: «Святой же предписал им, чтобы в тот час, когда они будут выходить, они не рвали всю одежду, так что видна была бы нагота их, но оставить мужчин покрытых до штанов, а женщин – до платья» (там же).

С темой условия, выполнение которого требуется для освобождения от беса, связан мотив отсрочки. В ряде случаев он вводится, чтобы показать власть Феодора над бесами: святой точно указывает время, в которое бесу надлежит выйти (92–93). Более интересен другой вариант, когда отсрочка избавления объясняется пользой для человека. В гл. 46 к Феодору приносят ребенка, страдающего от нечистого духа; однако «святейший не торопился его побыстрее вылечить, говоря, что покамест тому такое мучение на пользу». Нечистый дух изгоняется только много лет спустя, после того как юноша по просьбе Феодора принимает постриг (46; 56–57).

Как мы видим, степень подчинения человека бесу, который в него вселяется, не всегда одинакова. Человек может не знать, что за недуг его мучает, и тогда только Феодор умеет разглядеть нечистого духа (в таких случаях говорится о «скрытом» бесе¹⁰). Бес может полностью подчинить волю человека, и в таком случае тот уже не самостоятелен в своих решениях и к Феодору доставляется через силу множеством людей. Так, в гл. 159 рассказывается о схоластике Феодоре, который помутился рассудком из-за беса, «в полдень и по ночам бродил, бегая и хватая палку, жестоко бил тех, кто ему попадался, и что находил, ломал, и творил много бесчинств и ущерба, крича громким голосом и произнося неприличные речи». К святому его привели жена и братья первой жены, притом, что он вырывался и не хотел идти (159; 130–131). С другой стороны, нередко и сам человек, и его близкие прекрасно осознают, что причиной страданий является бес, и тогда приход к Феодору оказывается сознательным решением (например, гл. 103).

До сих пор нас интересовало в первую очередь поведение бесов и способы их изгнания, сейчас мы попытаемся проанализировать представления о том, каковы были обычные места обитания духов и какие действия могли спровоцировать их нападения на людей. Вспомним, что святой спасает от одержимости не только отдельных людей: не менее шести раз описано массовое изгнание нечистых духов из жителей села или города (гл. 114–117 и др.). Как уже говорилось выше, бесы могут быть подвластны колдунам, и тогда они вселяются не по собственной воле, а направленные этими людьми (гл. 35). Однако в большинстве случаев бесы никому не подчинены и свободны в своих действиях. Тем не менее их деятельность всегда связана с каким-либо конкретным местом, откуда они происходят. Что это может быть за место? В двух случаях это места, где сохранились следы античного прошлого: в гл. 16 говорится о некоем месте, где жила «так называемая Артемида со множеством бесов» (τὴν λεγομένην Ἀρτέμιν μετὰ πολλῶν δαίμόνων) и они вместе вредили людям, нападая на них (16; 36; греч. текст – р. 13). В гл. 118 бесы выходят из античного саркофага, с которого сняли крышку: «В некоем месте в их пределах

¹⁰ Например, гл. 132, с. 106 (по пути в Константинополь Феодор оказывается на одном корабле с человеком, в котором уже много лет прячется бес, и только близость святого заставляет его проявиться открыто).

стоял мраморный саркофаг, в котором были погребения древних людей – язычников (Ἑλλήνων), охраняемых бесами» (118; 97–98; греч. текст – р. 94–95). Я.О. Розенквист рассматривает подобные эпизоды в свете страха средневекового человека перед античностью¹¹. Добавим, что этот страх тесно связан с недостаточностью знаний об античном прошлом, которая проявляется уже хотя бы в том, что автору известно слово «Артемиды», но он совершенно не представляет, кто или что именно имеется в виду.

Кроме того, нередко бесы скрываются в холмах или пещерах и выходят из своего укрытия, если местные жители раскапывают холм или вынимают какую-либо глыбу, которая преграждает им выход. В таких случаях демоны выходят в большом количестве и поражают всех людей села или города, а также животных и какие-то места, например, дороги (43, 54–55; 114–117, 93–97; 161, 134–139). Внимание автора к подобной тематике и обилие сцен массового изгнания бесов может трактоваться по-разному. На уровне отражения исторических реалий можно констатировать, что мотив раскопок является очень частым, поскольку в подобных случаях всегда возникало подозрение, что раскопки проводятся ради поиска сокровищ. В этом случае на найденный клад могло претендовать государство, и сокрытие найденного влекло за собой наказание, которое распространялось на всю общину¹². Гл. 114–115 наиболее показательны в этом отношении: социальная проблематика в них тесно переплетена с религиозной. В этих эпизодах прямо указывается на опасения жителей села, связанные с действиями одного домохозяина, который, раскопав холм, освободил множество бесов. Угроза вмешательства властей, начавших разбирательство о кладе, оказывается для жителей села едва ли не более страшной, чем нападения бесов. Только заступничество Феодора препятствует дальнейшему обострению конфликта.

С другой стороны, на уровне внутренней структуры и реализации авторского замысла эта особенность Жития может быть объяснена через задачу, которую ставил перед собой автор. Она заключалась в том, чтобы показать полный упадок во всех сферах жизни общества перед нашествием персов¹³.

Другими местами обитания бесов могли оказаться дом или дерево. В гл. 44 рассказывается о бесах, чье появление было спровоцировано неким «прокопом», сделанным в доме некоего ктитора (44; 55–56); согласно гл. 131, бесы досаждают одному дому, действуя самыми разнообразными способами, в частности проявляясь в виде множества мышей и змей и кидаясь камнями (131; 106). В гл. 155 говорится о том, как нечистый дух по ночам выходил из дерева, стоявшего у дороги, и бросался на прохожих (155; 123).

Помимо исцелений и изгнания нечистых духов в ряду чудесных деяний Феодора следует назвать чудеса, связанные с помощью в сельскохозяйственных работах и вообще его властью над природными явлениями. Это многочисленные эпизоды с избавлением какой-либо местности от засухи (гл. 51 и 101) или, наоборот, от наводнения (гл. 53) и града (гл. 52 и 144); уничтожение саранчи (гл. 115 и 36), жуков (гл. 118) и червей, вредящих посевам, виноградникам и огородам; помощь рыбакам, неводы которых не приносят улова (гл. 158) и т.д.

¹¹ См. раздел «Demons and Diggers» в: Rosenqvist. Asia Minor... P. 150–151.

¹² Ibid.

¹³ См., в частности: Афиногенов. Житие преподобного Феодора... С. 13.

Подобные чудеса занимают в Житии периферийное место, поскольку они не так значимы для прославления Феодора, известного в первую очередь благодаря дару исцеления. Поэтому рассказы о помощи земледельцам и другие подобные сообщения обычно не составляют отдельной главы, но добавляются в самом конце какого-либо другого эпизода как некий дополнительный материал о местности, где произошло основное чудо. Кроме того, такие чудеса не должны быть зрелищными и впечатляющими. Последнее приводит к довольно интересной особенности: иногда то, о чем молится святой, происходит не собственно чудесным (необъяснимым и сверхъестественным) образом, а (по крайней мере внешне) по вполне земной и понятной причине. Согласно гл. 28, Феодор, захотев добыть себе тяжелый панцирь для умерщвления своей плоти, сразу же получил его от некоего человека, который пришел и по собственному желанию принес ему кольчугу (28; 45). В гл. 104 повествуется о том, как во время голода, когда закончилась вся мука, по молитве Феодора пришли «издалека некие христоролюбивые мужи, везя ему тридцать кипрских мер муки» (104; 88–89). При этом все предыдущие действия Феодора, велевшего собрать все оставшиеся крохи и положить на блюдо, а после его молитвы поставить это блюдо под престол в храме, заставляли предположить, что мука появится чудесным образом в пустых чанах.

К чудесам святого следует отнести и многочисленные *предсказания*, касающиеся разных сфер жизни. Во-первых, это предсказания, относящиеся к императору и состоянию империи (о долголетнем царствовании Ираклия, о предстоящем нашествии персов, о нестроениях в государстве, о неудаче восстания куропалата Коментиола). Во-вторых, это предсказания личного масштаба (предвидение своей смерти и смерти пустытника Антиоха и т.п.¹⁴). В некоторых случаях можно говорить не о предсказании, а о своего рода «угадывании», как в эпизоде с ипатом Вунусом, когда Феодор, не глядя, сказал, сколько у того в руке монет. Это было сделано для того, чтобы ипат удивился и поверил в святость Феодора (142; 112).

Ранее уже говорилось о том, что в Житии нашел свое отражение народный мистицизм жителей сел, где в свое время творил чудеса Феодор, которые делились своими воспоминаниями с автором Жития. Несомненно, в данном случае следует говорить не просто о суевериях, а о своеобразном преломлении сложных представлений о мире, сформировавшихся в результате смешения древних легенд и сказок, смутных представлений об античности, вызывавшей трепет и в то же время болезненный интерес, и официальных религиозных установок.

В ряде эпизодов Жития можно усмотреть следы народных легенд, объясняющих то или иное явление действительности через обращение к чудесным деяниям святого, прославившего ту или иную местность, и в целом к событиям давних лет. Так, в гл. 118 приводится рассказ о крышке античного саркофага, которая использовалась в одном из окрестных сел в качестве поилки для скота вплоть до времен Георгия. Автор считает нужным специально объяснить, почему она там появилась: как оказывается, вскрытие саркофага привело к нападению бесов на село, которое было остановлено только вмешательством Феодора. При этом святой привел бесов в то место, где они прятались раньше, «не позволив даже вернуть духам взятую крышку саркофага,

¹⁴ Например, гл. 163, с. 141–142; гл. 73–74, с. 71–72 и др.

как те просили, чтобы ее вернули на место, но оставил ее, потому что она была полезна для службы...» (118; 97–98). Предмет, вызывающий удивление и необычный для самих жителей, нуждался в легенде, которая бы объясняла его появление, поэтому возникновение такого рода истории представляется оправданным.

Проведенная типологическая классификация чудесных деяний, описанных в житии, помогает нам прояснить сложное и, на первый взгляд, никак не сформулированное явно отношение героев и автора произведения к античному культурному и материальному наследию. Жители Византии на рубеже VI–VII вв. н.э., как они показаны в Житии, вынуждены были ежедневно сталкиваться с культурой, конкретные проявления которой еще не воспринимались ими как совершенно чуждые, но уже нуждалась в толковании и переосмыслении. При этом в бытовой сфере культурный разрыв оказывается весьма большим – следы древней цивилизации (саркофаги, языческие храмы и т.п.) постоянно на виду, но их предназначение совершенно неизвестно. Отдельные слова (названия, имена древних богов и т.п.) еще живы в людской памяти, но полностью утратили свое значение и никак не соотносятся с реальностью. С другой стороны, в сфере научного знания мы видим, вероятно, уже следующий этап освоения античного прошлого: медицинские познания автора, почерпнутые им из античных пособий, не вступают в противоречие с основным замыслом произведения, но, наоборот, служат той же цели – прославить св. Феодора как целителя. Автор способен совместить два разных подхода к болезням и избежать кажущегося противоречия, воспринимая их как принадлежащие различным уровням и благодаря этому взаимодополняющие друг друга.

THE PERCEPTION OF ANTIQUITY IN EARLY BYZANTINE HAGIOGRAPHY (The Case of the *Life of Saint Theodore of Sykeon*)

T. A. Artyukhova

The paper deals with one of the most unusual specimen of early Byzantine hagiography, the Greek *Life of Saint Theodore of Sykeon* (BHG 1748) composed in the mid-640's by his disciple George, and aims to examine in which way its protagonist as well as its author perceived and interpreted their common pagan past. The author focuses on such an overlooked literary aspect of the *Life* as typology of miracles (chiefly on various cases of miraculous healing and exorcism) and comes to the conclusion that the hagiographer's attitude towards ancient (i.e. pagan) medical science is not exclusively unfavorable, as it would be natural to assume. On the contrary, in several episodes, instead of condemning secular medicine, the saint praises it and the hagiographer uses ancient medical *termini technici* with freedom. These and other data presented in the paper provide us with new valuable information concerning the hagiographer's personality (education, etc.) and the perception of ancient cultural heritage in Asia Minor in Late Antiquity in general.

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ ХАДЖАРАЙН ДО ИСЛАМА?

В конце первой четверти VI в. трагические события, разгравившиеся на юго-западе Аравии, потрясли весь христианский мир. Жертвой религиозно-политических гонений узурпировавшего химйаритский престол иудея Йосефа Ас'ара Йас'ара, более известного под прозвищем зу Нувās, которое он получил в арабо-мусульманской традиции, стали тысячи местных христиан. Основное внимание в этой связи и агиографы, и исследователи уделяли преследованиям награнских мучеников во главе с этнархом и филархом Арефой в ноябре (или октябре) 523 г.¹ Действительно, среди жителей расположенного на северных рубежах Йемена крупного торгово-земледельческого поселения Нагрān (в классическом арабском произношении – Наджрān), которые почти поголовно исповедовали христианство монофизитского толка, оказалось больше всего погибших. В то же время в источниках встречаются скудные указания на то, что гонения не ограничивались Наджранским оазисом. Практически все они сходятся на том, что первыми от Йосефа пострадали христиане химйаритской столицы Зафāра, впрочем, весьма немногочисленные. Из оглавления «Книги химйаритов», фрагменты которой сохранились в составе обнаруженной в 1920 г. уникальной сирийской рукописи, стало впервые известно о том, что среди жертв гонений были жители Хадрамаута, одной из автономных историко-культурных областей Йемена². Заголовки двух глав этого сочинения, одна из которых, непронумерованная, является 29-й по счету, а вторая прямо обозначена как 30-я (Ⅹ), весьма показательны:

Мученичество Его святых мучеников, которые пострадали в городе Хадрамаут (الحمد لله الذي جعلنا من هذه المدينة مدينة الشهداء *).

¹ Подробно и всесторонне, с учетом практически всей предшествующей литературы, история награнских христиан, пострадавших от южноаравийских иудеев, рассмотрена в монографии: *Tardy R. Najrân. Chrétiens de l'Arabie avant l'islam*. Beyrouth, 1999 (Recherches publiées sous la direction de l'Institut de lettres orientales de Beyrouth, Faculté des lettres et des sciences humaines, Université Saint-Joseph. Nouvelle série: B. Orient chrétien. T. VIII). В отечественной литературе социально-экономическая подоплека этих событий досконально изучена Н.В. Пигулевской, причем выполненный ею анализ соответствующего материала до сих пор не утратил своего значения (*Пигулевская Н.* Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв. М.–Л., 1951. С. 215–384). Датировка преследования награнских мучеников 523 (а не 518) годом убедительно обоснована в работе: *Robin Ch.J., Beaucamp J., Briquel-Chatonnet F.* La persécution des chrétiens de Najrân et la chronologie himyarite // *ARAM Periodical*. Vol. 11 & 12: The Mandaeans, Antioch and Edessa & Cultural Interchange in the Arabian Peninsula. 1999–2000. P. 15–83. Ссылки на основные источники и их переводы (в том числе и на русский язык) приведены в статье: *Французов С.А., Лосева О.В., Никифорова А.Ю.* Арефа // *Православная энциклопедия*. Т. III. М., 2001. С. 215–216.

² Свое название эта область получила по южноаравийскому государству (и народу, сыгравшему ключевую роль в его образовании), которое с начала I тыс. до н.э. существовало на юго-востоке Йемена и было поглощено Химйаром в начале IV в. н.э. Большая ее часть, за исключением крайних западных земель, в настоящее время входит в провинцию Хадрамаут Йеменской Республики.

Сообщение, извещающее о сожжении святой церкви и о мученичестве тех, которые пострадали в городе Хадрамаут (ܚܕܪܡܘܬ ܗܝܡܝܪܝܬ / ܚܕܪܡܘܬ ܗܝܡܝܪܝܬ).³

Упоминание о «городе Хадрамаут» представляется явным недоразумением: это имя собственное могло обозначать область, государство, народ, но никак не населенный пункт⁴. Скорее всего, имелся в виду политико-административный центр Хадрамаута, однако нет уверенности в том, что в начале VI в. эту роль продолжала играть бывшая столица Хадрамаутского царства Шабва⁵, которая к этому времени должна была прийти в полный упадок⁶.

Следующая, 31-я (U), глава посвящена христианам, принявшим мученический венец в городе Марибе (ܡܪܝܒܐ / ܡܪܝܒܐ), бывшей столице Сабейского царства, а вот в заголовке 32-й (L) главы стершийся первый согласный в названии города пришлось реконструировать издателю, Акселю Мубергу:

Мученичество святых мучеников, которые пострадали [в] городе [Ха]гарейне (ܚܕܪܡܘܬ ܗܝܡܝܪܝܬ / ܚܕܪܡܘܬ ܗܝܡܝܪܝܬ).⁷

Идентификация данного топонима с названием хадрамаутского поселения ал-Хаджаран⁸, находящегося в низовьях вадй Дау'ан и впервые упомянутого в географическом сочинении «Описание Аравийского полуострова» йеменского ученого-энциклопедиста первой половины X в. н.э. ал-Хасана ибн Ахмада ал-Хамдани⁹, была предложена издателем с некоторыми сомнениями¹⁰, но вскоре стала общепризнанной. Так, Хаим Хиршберг в своем обобщающем

³ The Book of the Himyarites. Fragments of a Hitherto Unknown Syriac Work / Ed., with Introduction and Translation by A. Moberg. Lund-London-Paris-Oxford-Leipzig, 1924 (Acta Reg. Societatis humaniorum litterarum Lundensis. VII). P. 5 (сир. текст), СIII (англ. пер.).

⁴ Что касается ܚܕܪܡܘܬ, то этот термин мог иногда иметь значение «область, провинция», но в оглавлении «Книги химйаритов» во всех остальных случаях он употребляется только по отношению к городам.

⁵ Первым на возможность такого отождествления указал издатель, однако отнесся к нему весьма скептически: «Nothing in our text, however, indicates that this town is meant by the name Hadramaut» (The Book of the Himyarites... P. LIII).

⁶ История этого города и его окрестностей по эпиграфическим источникам реконструирована в работе: Pirenne J. Les témoins écrits de la région de Shabwa et l'histoire. Fouilles de Shabwa, I. P., 1990 (Institut français d'archéologie du Proche-Orient. Bibliothèque archéologique et historique. CXXXIV). О судьбе Шабвы и ее жителей незадолго до ислама и в раннемусульманскую эпоху см. Французов С. Та'рих Хадрамаут ал-иджтима'й ва-с-сийаси кубайла-л-ислам ва-ба'да-ху, ал-'усур ал-васита ал-мубаккара (ал-карн ар-раби' – ас-санй 'ашара ал-милāди) / Такдим ва-та'риб 'Абд ал-'Азиз Джа'фар Бин 'Акил. Сан'ā, 1425/2004. С. 43, 45, 46, 49, 52-55, 103, 122, 125, 167, 170.

⁷ The Book of the Himyarites... P. 5, СIII.

⁸ В буквальном переводе – «два города», «Двоеградье». Термин *hgr*, во всех южно-аравийских эпиграфических языках (включая сабейский и хадрамаутский) обозначающий «город», встречается в йеменской топонимике в форме Хаджар, причем его значение средневековым арабам было известно. Окончание *-ān* в классическом арабском является показателем им. пад. двойств. ч. (оно превращается в *-ayn* в косвенном падеже), но в диалектах, где двойств. ч. сохраняется хотя бы в виде рудиментов, оно всегда передается путем прибавления *-ayn*.

⁹ Al-Hamdani's Geographie der Arabischen Halbinsel / Hrsg. von D.H. Müller. Bd I. Leiden, 1884. S. 85.26–86.3, 86.5–14.

¹⁰ The Book of the Himyarites... P. LIII–LIV. Приведенное в переводе чтение [Ha]jaṛēn ориентировано на произношение, свойственное арабским диалектам, а не на классическую норму, причем, по мнению А. Муберга, первоначально *-ēn* служил не показателем двойств. ч., а окончанием, свойственным южноаравийским топонимам.

труде по истории йеменских иудеев достаточно уверенно писал о походе химйаритов на Хадрамаут при зṽ Нувāсе с целью взятия Хаджарайна¹¹. К сожалению, содержание всех вышеперечисленных глав «Книги химйаритов» не сохранилось и ничего конкретного о преследовании хадрамаутских христиан известно не было. Существование ал-Хаджарāна до ислама также оставалось не более чем гипотезой. Приводимые в этой связи ал-Хамдāни и другими арабомусульманскими авторами две стихотворные цитаты из поэтического наследия величайшего поэта доисламской Аравии Имру' ал-Қайса, жившего в первой половине VI в., ничего не доказывают, даже если безоговорочно признать их подлинность, так как в них упоминается топоним Даммун¹². Правда, согласно ал-Хамдāни, так называлась одна из двух частей, на которые делился ал-Хаджарāн¹³. Однако в Хадрамауте локализован еще один Даммун, расположенный в восточной части области, близ Тарима¹⁴, и нельзя исключать того, что именно его упоминал в своих стихах Имру' ал-Қайс. Во всяком случае, именно этот Даммун (*Dmn*) засвидетельствован в сабейской надписи Ig 32.36, которая датируется началом 20-х годов IV в. н.э.

Благодаря открытию Второго послания Симеона Бēt-Аршāmского стали известны некоторые подробности гонений, которым подверглись христиане в Хадрамауте, в частности, имена четырех пострадавших там священномучеников: Илии (ⲙⲓⲕⲁⲓ) и Фомы (ⲡⲟⲙⲁ), ставших монахами в северомесопотамских обителях Бēt Мār Аврахам, что близ Теллы, и Бēt Мār Антиохинā в Эдессе, Вā'ила (ⲱⲁⲓⲗⲁ), чье имя указывает на его местное происхождение, и еще одного Фомы из Наджрāна¹⁵. Впрочем, никаких новых данных по хадрамаутской топонимике в этом источнике выявлено не было. Лишь в поврежденной надписи на языке геэз из Мариба, найденной В. Мюллером в запасниках Национального музея в Сане, вновь встретилось упоминание Хаджарайна, но, к сожалению, во фрагментарном контексте (DJE 1 + 2 = RIE 195 II₁₆): «Его название – Хагарэйне, и он убил...» (ⲕⲁⲓⲁⲣⲉⲓⲛⲉ : ⲙⲕⲁⲧⲁ : ...) ¹⁶. Несмотря на отсутствие в этой надписи имен правителей, у исследователей нет сомнений в

¹¹ Хиришберг Х.З. Йисрā'ēл ба-'Арāv. Кōрōт ха-й-йēхūdīm бē-Химйар у-вē-Хиджāз мē-хурбāн байит шēни вē-'ад массе'ей ха-ц-целāv. Тēл-Авйв, 5706/1946. С. 101.

¹² Обе цитаты известны по десяткам источников. Их стандартный текст см., например: Ас-Саккāф, 'Абд ар-Рахмāн ибн 'Убайдаллāх. Му'джам булдāн Хадрамаут ал-мусаммā Идām ал-қūt фй зикр булдāн Хадрамūt / Тахкйк Ибрāхīm Ахмād ал-Макхāфй, 'Абд ар-Рахмāн Хасан ас-Саккāф. Сан'ā', 1423/2002. С. 134, 202.

¹³ Вторая именовалась Хайдун, или Хаудун. См. Al-Hamdānī's Geographie... S. 86.1–3.

¹⁴ Французов. Та'рих Хадрамаут... С. 42, 51, 78, 121 (прим. 3), 123 (прим. 11), 150.

¹⁵ *Shahīd I. The Martyrs of Najrān. New Documents. Bruxelles, 1971 (Subsidia hagiographica, № 49). Р. IV–V (сир. текст), 45 (англ. пер.). См. об этом: Французов. Та'рих Хадрамаут... С. 93; он же. Этнорелигиозная ситуация в Хадрамауте в VI–VII вв. // Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. М., 1995 (Труды Советско-йеменской комплексной экспедиции. Т. I). С. 321, 328 (прим. 52–53).*

¹⁶ Müller W.W. Zwei weitere Bruchstücke der äthiopischen Inschrift aus Märib // Degen R., Müller W.W., Röllig W. Neue Ephemeris für Semitische Epigraphik. Bd 1. Wiesbaden, 1972. S. 62–63. Taf. VIII, 23–24. Субъектом глагола ⲕⲁⲧⲁ – «убил», очевидно, выступает «низложенный царь Химйара» (ⲕⲓⲛⲁ : ⲕⲓⲛⲁ : ⲕⲓⲛⲁ :), упомянутый в следующей строке.

Русский перевод Г.М. Бауэра: «Услышь (голос) Хагарейна!» (Войны Аксума в первой четверти VI в. н.э. // История Африки в древних и средневековых источниках. Хрестоматия. М., 1990. С. 234) не верен и, очевидно, восходит к ошибочной интерпретации данного фрагмента Ж. Пиренн: *Pirenne J. (avec la collaboration de Gigar Tesfaye). Les deux inscriptions du négus Kaleb en Arabie du Sud // Journal of Ethiopian Studies. 1982. Vol. XV. August. P. 113 (ср. Войны Аксума... С. 206).*

том, что она представляет собой материальное свидетельство похода аксумского царя Калеба Элла Ацбэхи в Южную Аравию, в результате которого царь Йосеф Ас'ар Йас'ар был разгромлен, химйаритские мученики отомщены, а Химйар превращен в зависимое от Аксума христианское царство¹⁷. Ссылка на Хаджарайн, а двумя строками выше на Мариб (стк. 13), очевидно, призвана была напомнить о страданиях местных христиан.

Между тем Ж. Колен, переиздав южноаравийское граффито Weigall 2 со скалы Қаср ал-Банāt в верхнеегипетском вадй Ҳаммāmāt¹⁸, интерпретировал встречающуюся в нем нисбу *Hgry-hn* с явно хадрамаутским показателем определенного состояния *-hn* как производную от ал-Хаджарайн¹⁹. Его поддержал А.Г. Лундин²⁰, усмотревший в появлении хаджарайнца в Египте свидетельство существования обширных торговых связей у его родного города и объяснивший этим наличие в нем христианской общины²¹. Но эта заманчивая гипотеза не выдерживает критики, поскольку с чисто грамматической точки зрения *Hgry-hn* является именем относительным от формы ед. ч. (а не двойств. ч.!) *Hgr*, тогда как нисба от ал-Хаджарān, засвидетельствованная в арабо-мусульманской традиции, имеет форму ал-Хаджарānī²² (а не ал-Хаджарй).

Радикально пересмотреть толкование сирийского [Ха]гарейн и геэзского Хагарэйне предложил Кр. Робен. По его мнению, в обоих случаях речь идет не о хадрамаутском топониме, а о сабейском имени нарицательном в двойств. ч. определенного состояния *hgr-nhn*, которым были обозначены города Нашқ и Нашшān, расположенные рядом друг с другом в области ал-Джауф. Действительно, ему удалось найти один подходящий контекст в сабейской надписи начала IV в. н.э. Ja 665.20–21, где говорится об «экспедиционном корпусе обоих городов и Мариба» (*ms¹ b' /hgr-nhn /w-Mrb*), а несколькими строками выше (в сткк. 13–14) упоминаются «полноправные граждане Нашқа и Нашшāна» (*w-' b' /Ns² /q-m /w-Ns²-n*)²³.

При ближайшем рассмотрении становится очевидным, что это предположение Кр. Робена ни с исторической, ни с филологической точки зрения не может быть принято. Приведенный им пример из Ja 665 практически не имеет аналогов; даже с большой натяжкой нельзя утверждать, что в сабейской эпиграфике наметилась хоть какая-то тенденция к тому, чтобы *hgr-nhn* ассоциировалось с городами Нашқ и Нашшān. Кроме того, ни в одном источнике нет

¹⁷ См., например: *Frantsouzoff S.A. Inscriptions: Gə'əz inscriptions in South Arabia // Encyclopaedia Aethiopica / Ed. S. Uhlig. Vol. 3. Wiesbaden, 2007. P. 162–163.*

¹⁸ Первым его опубликовал В.С. Голенищев (Эпиграфические результаты поездки в Уади Хаммамāt // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. 2. 1887. СПб., 1888. С. 68. Табл. 1, 2), после чего до Ж. Колена оно издавалось неоднократно (см., в частности: *Weigall A.E.P. Travels in the Upper Egyptian Deserts. London–Edinburgh, 1909. Pl. IV, 14; Ryckmans G. Inscriptions sud-arabes. 8ème série // Le Muséon. 1949. 52. P. 57, 121).*

¹⁹ *Colin G. À propos des graffites sud-arabiques du ouādi Hammāmāt // BIFAO. T. 88. 1988. P. 35–36.*

²⁰ *Лундин А.Г. Хадрамаутское граффито из Египта // Петербургское востоковедение. Вып. 5. СПб., 1994. С. 303–304.*

²¹ Там же. С. 305.

²² *Arabische Texte zur Kenntnis der Stadt Aden im Mittelalter. Abū Maḥrama's Adengeschichte nebst einschlägigen Abschnitten aus den Werken von Ibn al-Muḡāwir, al-Ganādī und al-Ahdal / Mit Anmerkungen hrsg. von Oscar Lofgren. 2: Biographien, Glossar. Uppsala–Leiden, 1950. S. 158.14–15.*

²³ *Robin Ch.J. «Les Deux Villes» (Hagarəynē/Hgrnhn) sont-elles Nashshān et Nashq^{um}? // Arabia. 2004. Vol. 2. P. 119–120.*

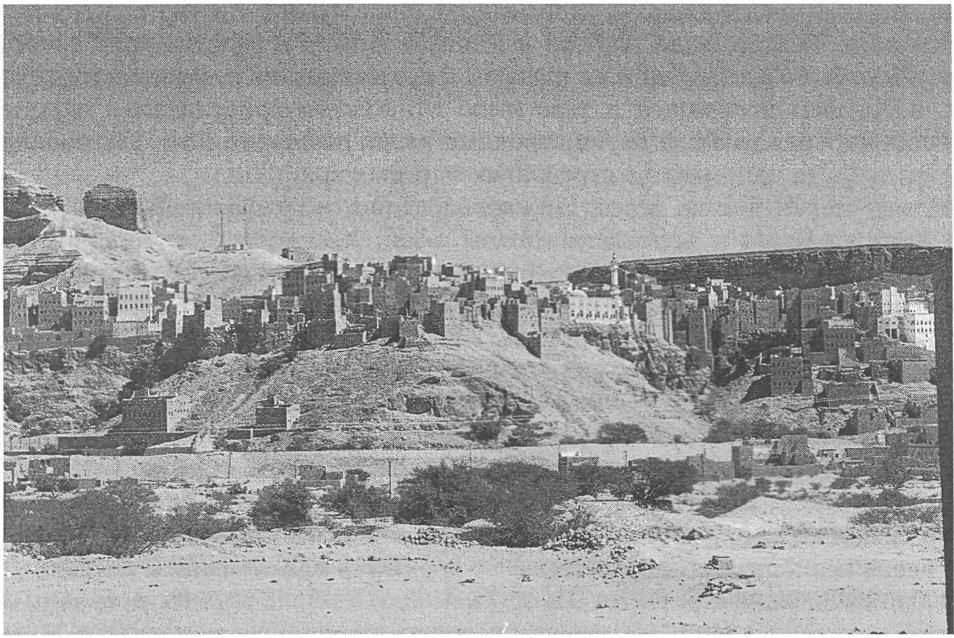

Рис. Общий вид современного поселения ал-Хаджарайн (ноябрь 2007 г.). Фотография автора

и намек на распространение христианства в ал-Джауфе. В «Книге химйаритов» термин /Ḥaḥarjān/ – «город», которым обозначен [Ха]гарейн, стоит в ед. ч. В RIE 195 П₁₆ к слову ḥarj – «имя, название» присоединен местоименный суффикс ж. р.²⁴ ед. ч. -ā; если бы городов было больше одного, то следовало употребить местоименный суффикс ж. р. мн. ч. -ōn, и вместо ḥarj перед ḥarjān стояло бы ḥarjōn. Между тем хоть Нашк и Нашшāн находились по соседству, в качестве одного города их никто никогда не воспринимал.

Несостоявшееся отождествление [Ха]гарейна (Хагарэйне) с Нашком и Нашшāном позволяет вернуться к прежней гипотезе, возводившей этот топоним к хадрамаутскому Хаджарайну. Однако для того чтобы окончательно ее доказать, аргументов пока не достаточно. Несмотря на то что в современном ал-Хаджарайне (см. рис.) с 2003 г. находится база Российской комплексной экспедиции в Йеменской Республике, археологическое обследование этого плотно застроенного поселения не представляется возможным. Сколько-нибудь значительный культурный слой ни в самом ал-Хаджарайне, ни рядом с ним образоваться не мог из-за регулярных селевых потоков. И все же в окрестностях ал-Хаджарайна обнаружены памятники древности: так, всего в 2 км от него, на склоне вāдī Габр, находится пещерный склеп ар-Рукба с гробничной надписью, которая палеографически датируется I в. до н.э. – I в. н.э.²⁵ Самого серьезного внимания заслуживает предположение А.Г. Лундина о том, что в качестве центра вāдī Дау‘ан (или уж во всяком случае его низовий) город Ха-

²⁴ В геэзе имена, обозначающие населенные пункты и территории, как правило, относятся к ж. р. (*Conti Rossini C. Grammatica elementare della lingua etiopica. Roma, 1941. P. 83. § 106*).

²⁵ *Frantsouzoff S.A. The Hadramitic Funerary Inscription from the Cave-tomb at al-Rukbah (Wādī Ghabr, Inland Ḥaḍramawt) and Burial Ceremonies in Ancient Ḥaḍramawt // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. 2003. Vol. 33. P. 251–261.*

гарайн/Хаджарайн стал непосредственным преемником Райбуна²⁶, располагавшегося в 15 км от него вниз «по течению» крупного земледельческого оазиса, который состоял из поселений, усадеб и храмовых комплексов и был уничтожен на рубеже нашей эры²⁷.

Вполне вероятно, что первоначальная форма этого топонима звучала как Хагарайн и означала «Двоеградье», поскольку в хадрамаутском языке окончание *-у(һ)л* служило показателем двойств. ч. определенного состояния²⁸. После прихода арабов они добавили к ней свой определенный артикль *ал-* и стали иначе произносить второй корневой согласный. В раннеисламское время филологи-пуристы изменили окончание *-айн* на *-ән*, которое по правилам классического языка указывает на им. пад. двойств. ч., но это совершенно искусственное изменение не прижилось, и для местных жителей древний Хагарайн был и остается ал-Хаджарайном.

Сиглы цитированных надписей

Ir 32 – Müller W.W. Das Ende des antiken Königreichs Hadramaut. Die sabaische Inschrift Schreyer-Geukens = Iryani 32 // Al-Hudhud. Festschrift Maria Höfner zum 80. Geburtstag/Hrsg. von R.G. Stiegner. Graz, 1981. S. 225–256.

Ja 665 – Jamme A. Sabaean Inscriptions from Mahram Bilqīs (Mārib). Baltimore, 1962 (Publications of the American Foundation for the Study of Man. III). P. 169–172.

RIE 195 II – Bernard E., Drewes A.J., Schneider R. Recueil des inscriptions de l'Éthiopie des périodes pré-axoumite et axoumite / Introduction de Fr. Anfray. P., 1991. T. I: Les documents. P. 285–288. T. II: Les planches. Pl. 144.

HAJARAYN, DID IT EXIST BEFORE ISLAM?

S. A. Frantsouzzoff

The persecution of South Arabian Christians by the Jewish king of Himyar Yosef As'ar Ath'ar in AD 523 is usually associated with the inhabitants of the oasis of Najrān. However, in the table of contents of the Syriac hagiographic work known as the «Book of the Himyarites» there are some references to the martyrs who suffered in Hadramawt from the same ruler. In one of those contexts the editor managed to restore the name of *[Ha]gareyn*, which he proposed to identify with the town of al-Hajarān/al-Hajarayn localized in the lower reaches of the wādī Daw'an, in the western part of inland Hadramawt, and mentioned first by the Moslem scholar al-Ḥasan al-Hamdānī in the early 10th century AD. Another form of the same toponym, *Hagarayne*, may be attested in a fragmentary Ethiopic inscription (RIE 195 II) originated in Marib and connected with the victorious campaign of the Aksumite king Kaleb against the king Yosef. Nevertheless in South Arabian epigraphic documents there is no mention of this town. Therefore Christian Robin tried to interpret *Hagareyn/Hagarayne* as a transcription of the Sabaic common noun *hgr-nhn* the «two towns» and to identify it with Nashq^{um} and Nashshān situated in the region of al-Jawf. The detailed analysis of the sources from the historical and linguistic points of view demonstrates that this identification can not be accepted. In all probability, in the early 6th century AD the town of Hagarayn/Hajarayn existed in Hadramawt and there was a Christian community in it.

²⁶ Лундин. Хадрамаутское граффито... С. 305.

²⁷ Об обстоятельствах гибели Райбуна, раскопки которого отечественные археологи ведут с 1983 г., см. Frantsouzzoff S.A. Temples, Tribes, Rulers and Military Campaigns of Ancient Hadramawt: Harmony and Disagreement between Archaeological Material and Epigraphic Data // Arabia. 2004. Vol. 2. P. 76.

²⁸ Beeston A.F.L. Sabaic Grammar. [Manchester], 1984 (Journal of Semitic Studies Monograph. № 6). P. 68. § H 13:2–3.

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

© 2009 г.

С. Ю. Гуцалов

ВОСТОЧНЫЕ ИМПОРТЫ В ПОГРЕБЕНИЯХ КОЧЕВНИКОВ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА СЕРЕДИНЫ I ТЫС. до н.э.

Южное Приуралье, занимая выгодное стратегическое положение, будучи на стыке нескольких историко-географических областей, с момента формирования здесь в середине I тыс. до н.э. кочевой культуры, находилось в тесной связи со многими смежными и отдаленными регионами (рис. 1). К числу таковых относятся Средний и Ближний Восток, контакты с которыми надежно подтверждаются находками вещей восточного происхождения в могилах древних кочевников южноуральских степей¹. На это обстоятельство неоднократно обращал внимание К.Ф. Смирнов², относя восточные древности к VI–IV вв. до н.э., связывая их с политическими и культурными контактами урало-казахстанских кочевников с Ахеменидской державой. На рубеже XX–XXI столетий количество таких предметов среди древностей исследуемого региона значительно возросло³ и введение их в научный оборот способствовало бы более ясному пониманию специалистами сложных процессов культурогенеза, протекавших в степях Евразии в скифскую эпоху, а также характера связей между указанными регионами.

В частности, целый ряд предметов восточного происхождения был обнаружен в начале XXI в. при проведении археологических раскопок на территории Западно-Казахстанской области Республики Казахстан⁴. Все они совершены в крупных по своим размерам курганах (от 1.5 до 5 м в высоту и диаметром от 25 до 50 м), в неординарных по обряду и сопровождающему инвентарю погребениях. Один из наиболее ярких комплексов, где присутствовали восточные импорты, исследован в курганный группе Кырык-Оба II.

Могильник Кырык-Оба II расположен на обширной равнине левого берега р. Урал в 10 км к югу от его русла, в 80 км к западу от Уральска и в 5 км к северу от «царских курганов» Кырык-Оба. Некрополь состоял не менее чем из 26 земляных курганов, растянувшихся по цепочке с запада на восток на расстояние до 3 км. Насыщенным восточными древностями оказался курган 23. Его насыпь была высотой 1.65 м и диамет-

¹ См., например: *Мошкова М.Г.* Комплекс находок с ритонизмом из Уральской области // *СА. 1981. № 4. С. 171–185*; *Пшеничный А.Х.* Раскопки «Царского» кургана на Южном Урале. Препринт. Уфа, 1989.

² *Смирнов К.Ф.* Сарматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. С. 281–283. Рис. 32, 1е; *Савельева Т.В., Смирнов К.Ф.* Ближневосточные древности на Южном Урале // *ВДИ. 1972. № 3. С. 106–123.*

³ См., например: *Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т.* Ахеменидская эмаль из Филипповки (проблема хронологии памятника) // *РА. 2007. № 1.*

⁴ Предварительная публикация материалов состоялась в малоизвестных российских изданиях, к числу которых, например, относится монография: *Сдыков М.Н., Гуцалов С.Ю., Бисембаев А.А.* Сокровища скифов Западного Казахстана. Уральск, 2003.

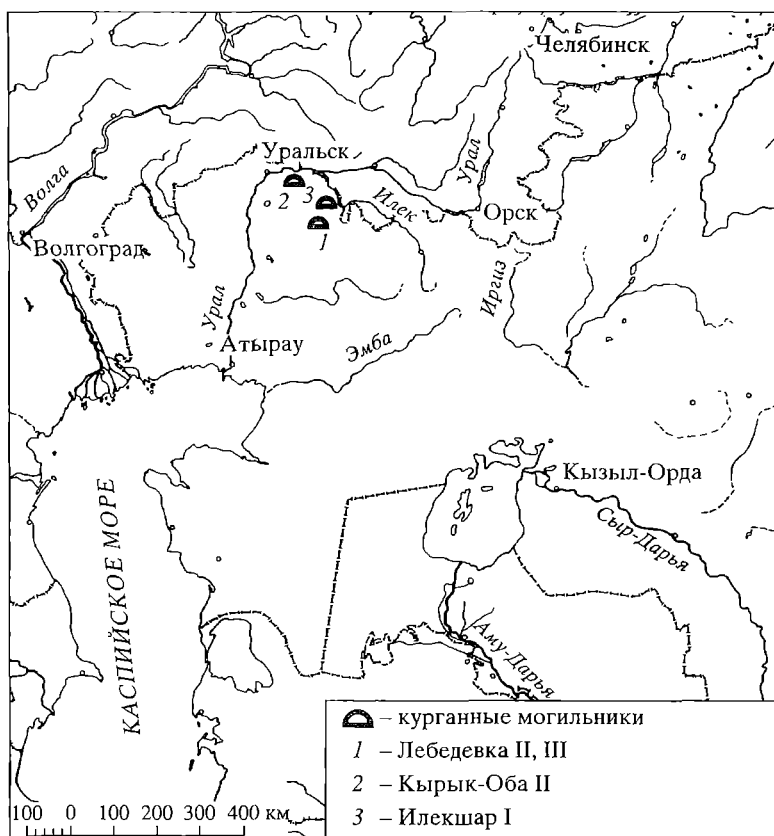

Рис. 1. Карта расположения могильников, где обнаружены погребения с восточными импортами

ром 36 м. Вокруг кургана визуально наблюдался кольцевидный ров шириной до 5 м и глубиной до 0.5 м.

Под северной полой насыпи на глубине 0.9 м от ее поверхности был обнаружен опрокинутый вверх дном каменный жертвенник прямоугольной формы (размеры ложа 45×60 см) на четырех ножках, оформленных в виде голов козлов (?) (рис. 2, 1). Оконечности ножек, к сожалению, были сбиты еще в древности. На обратной стороне ложа жертвенника рельефно выделяется орнамент в виде прямоугольника⁵. Кроме того, по центру кургана на уровне погребенной почвы встречались кости лошади – остатки жертвенного захоронения жеребенка. Последнее было совершено на деревянном настиле в 1–1.5 м к востоку от могилы. Судя по положению челюстей, животное было обращено мордой к северу. Возле него обнаружена бронзовая пронизь, увенчанная изображением головы верблюда (рис. 3, 1б). В изголовье лежали железная уздечная пряжка, обтянутая золотой фольгой (рис. 2, 3) и коническая подвеска из минерала зеленовато-голубого цвета (рис. 2, 2).

На погребенной почве в 7–8 м к востоку от могилы были обнаружены остатки захоронения крупной птицы.

На погребенной почве на периферии фиксировался вал до 28 м в поперечнике (шириной от 2 до 3 м и высотой 0.2–0.4 м) из желтой материковой глины восьмигранной в плане формы. Данный вал обтекала небольшая прослойка гумуса. В южной части ва-

⁵ Как выяснилось позднее, данный каменный жертвенник находился в грабительском ходе, и, скорее всего, был брошен здесь в ходе ограбления.

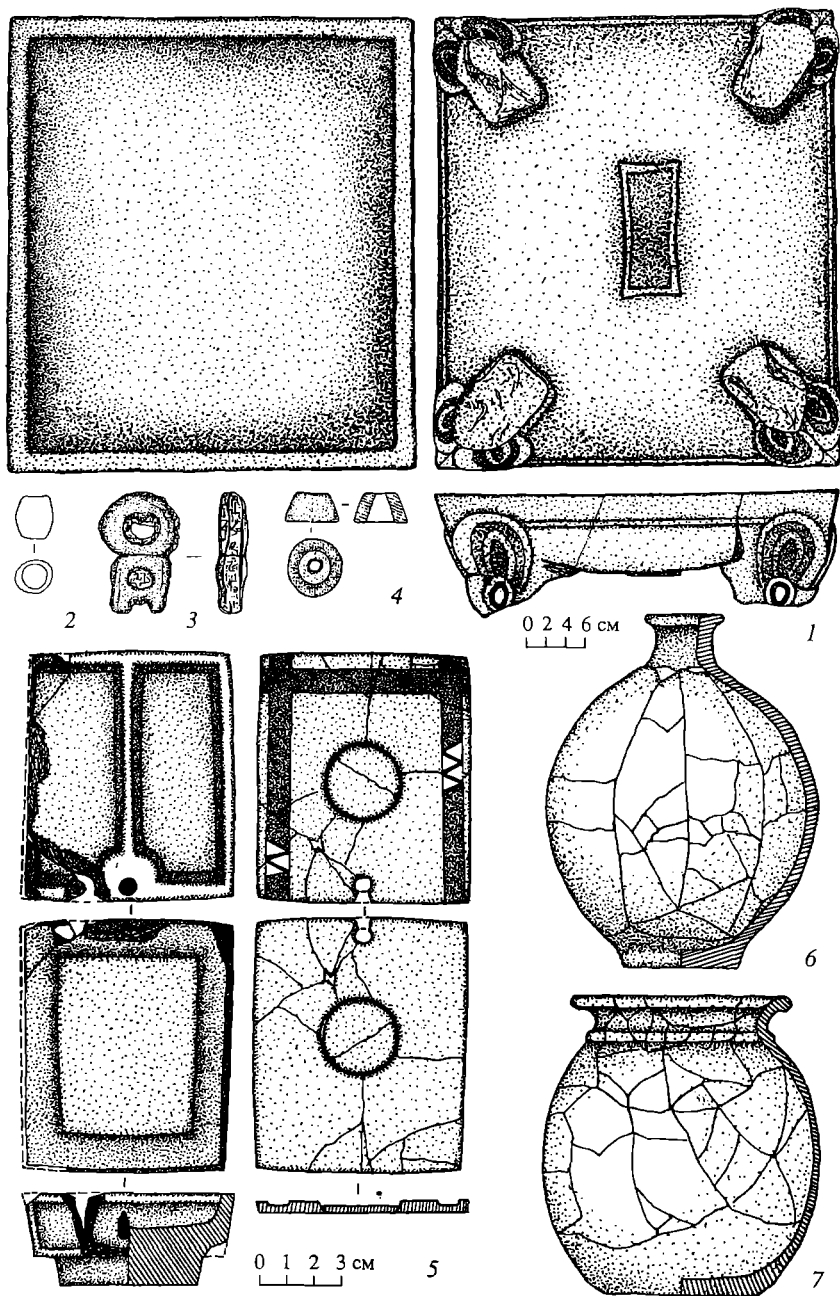

Рис. 2. Могильник Кырк-Оба II, курган 23. Инвентарь: 1 – каменный жертвенник; 2 – подвеска из минерала; 3 – железная пряжка, обложенная золотой фольгой; 4 – глиняное пряслице; 5 – глиняная шкатулка с крышкой; 6 – гончарный розовоглиняный сосудик; 7 – гончарный сероглиняный сосудик

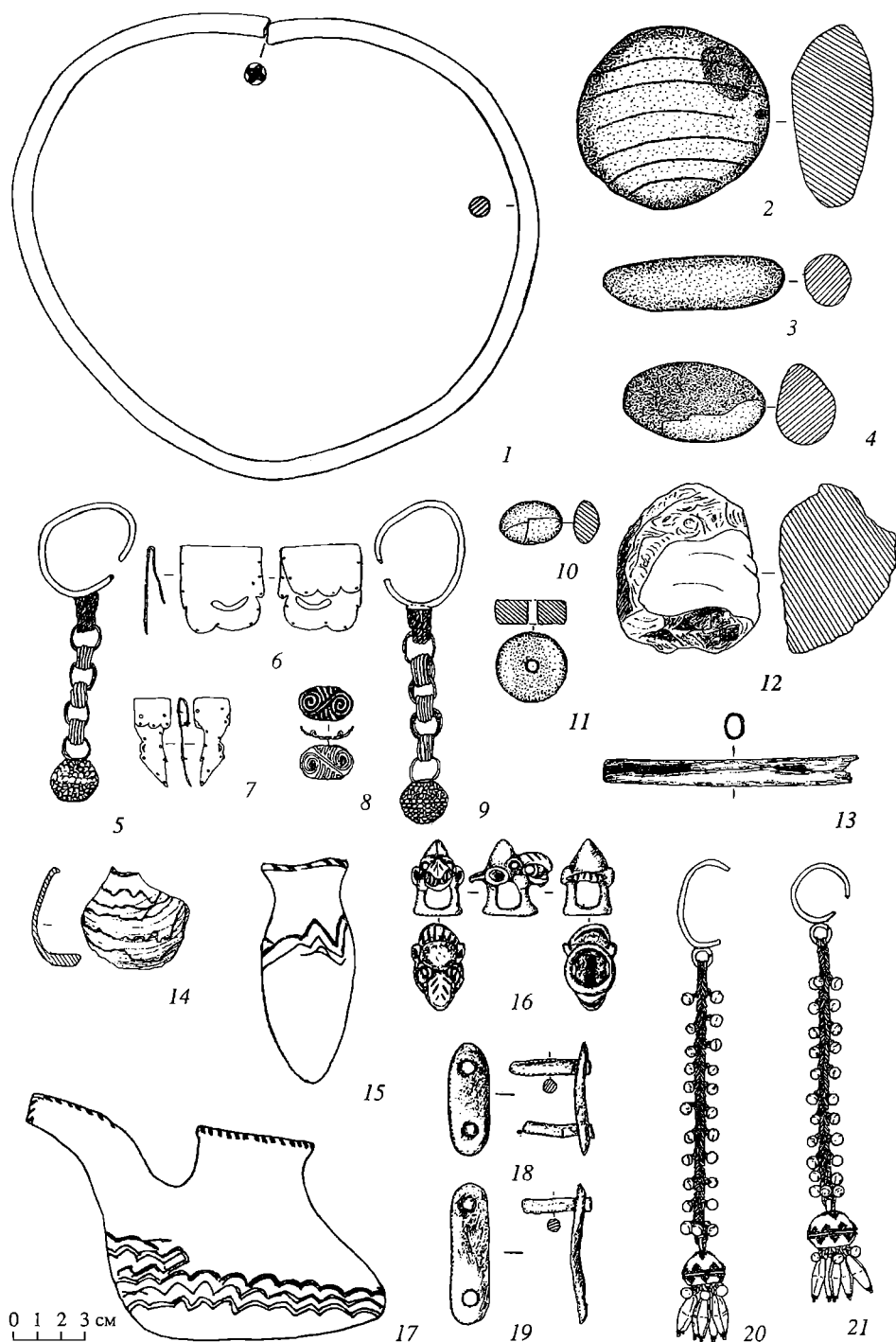

Рис. 3. Украшения и культовые предметы из богатых погребений кочевников Южного Приуралья: 1 – золотая гривна; 2, 3, 10 – гальки; 4, 12 – куски мела; 5, 9, 20, 21 – золотые серьги с подвесками; 6 – золотые оковки деревянного ритуального сосуда; 7 – серебряные оковки деревянного ритуального сосуда; 8 – золотая нашивная бляшка; 11 – глиняное пряслице; 13 – костяная игольница; 14, 15, 17 – фрагмент и целые сосудики из «финикийского» стекла; 16 – бронзовая пронизы; 18, 19 – серебряные пластинки с двумя штифтами. 1–13, 16, 18, 19 – Кырык-Оба II, курган 23; 14 – Илекшар I, курган 1, погребение 4; 15, 17, 20, 21 – Лебедевка II, курган 6

ла был разрыв с целью допуска через дромос к могильной яме. Могила располагалась в центре кургана. От ее стенок радиально от центра к валу располагались деревянные жерди и плахи, накрытые корой. Каркас конструкции составляли столбы, стоявшие возле края могилы – возле углов ямы. На периферии кургана плахи лежали вдоль периметра вала, причем дерево укладывалось до середины глиняного вала. Сверху их не было. Можно утверждать, что это сооружение было шатрового типа.

Могильная яма прямоугольной формы, размерами 6.4 × 7.2 м, была вытянута по оси восток–северо-восток – запад–юго-запад (рис. 4, I). Глубина ямы 1.2 м⁶. От южной подошвы кургана к ней был прорыт дромос длиной 10.4 м, шириной 1.2–1.8 м. Глубина дромоса 0.5–1.0 м. У входа в могильную яму в дромосе было совершено захоронение ребенка – вытянуто на спине, головой на север–северо-запад. Дно входной ямы и могилы было устлано корой. В северном углу могилы был прорыт грабительский ход – длинная прямоугольная яма размерами 1.0–1.3 × 5.3 м глубиной у входа в могилу 1.0 м от уровня погребенной почвы. К выходу глубина грабительского входа постепенно уменьшается до 0. Судя по планиграфическим наблюдениям, грабительский вход был прорыт еще в наземной грунтовой конструкции, и переносной каменный алтарь был брошен в конце его на дно.

Могила оказалась ограбленной в древности, и в яме зафиксированы разрозненные остатки захоронения: основная масса костей человека была сосредоточена в южном конце могилы. В самом углу был аккуратно поставлен череп взрослого человека. С севера, впритык к черепу крест на крест лежали кости рук. В полуметре к северу и западу от них лежали ребра, тазовые кости и кости нижних конечностей человеческого скелета. В западной части от данного скопления обнаружены массивная гривна, сделанная из гладкого золотого прута (рис. 3, I и рис. 4, № 16), две височные подвески (№ 18), выполненные в технике зерни (рис. 3, 5, 9) и 26 полусферовидных нашивных бляшек (№ 17) овальной в плане формы, украшенных орнаментом в виде кривых линий (рис. 3, 8). Среди костей скелета обнаружено два крупных куса мела (№ 15 и рис. 3, 4, 12). Разрозненные кости взрослого человека (№ 1) (руки и лопатки) встречались в центре могильной ямы. Здесь обнаружены две серебряные пластинки с двумя штифтами (рис. 3, 18–19 и рис. 4, № 21), вероятно, оковки деревянной погребальной конструкции (гробовища) и кости мелкого рогатого скота (№ 1). У северо-восточной стенки лежало глиняное пряслице (№ 20 и рис. 3, 11).

Основная же масса инвентаря захоронения была сосредоточена напротив входа в могильную яму. Здесь, возле ребра и костей передней ноги коровы или быка, в которые был вткнут железный нож (№ 12) лежали золотые и серебряные оковки деревянных ритуальных сосудов (рис. 3, 6–7), фрагменты гончарных сосудов: флаконы розового (рис. 2, 6) и серого цветов (рис. 2, 7), ритуальный сосудик розового цвета (рис. 4, 6 и рис. 4, № 7–9), фаянсовая шкатулка с крышкой, украшенной белой глазурью (рис. 2, 5 и рис. 4, № 3), каменная ступка баночной формы (рис. 4, I и № 14), большой оселок (пест -?) из серого песчаника (рис. 4, 4), находившийся когда-то в металлической оправе (№ 11), костяная втулка (рис. 4, 2 и № 2), костяной футляр с железной иглой (рис. 3, 13; рис. 4, № 13), ритуальная галька (рис. 3, 2; рис. 4, № 6), две ископаемые раковины (№ 4), кусочек красной охры (№ 5), а также, деревянный стержень с керамическим навершием красного цвета в виде головки птицы (рис. 4, 3).

В том же могильнике Кырык-Оба II в кургане 12 в заполнении грабительского выброса из могильной ямы подобран небольшой кусочек «финикийского» сосуда из тонкого стекла синего цвета с зигзагообразным орнаментом (рис. 4, 5). Данный курган высотой 1.45 м и диаметром 42 м был ограблен, вероятно, еще в древности. На вершине его наблюдалась воронка диаметром до 25 м и глубиной более 1 м. В ходе раскопок здесь прослежена сложная деревянная конструкция шатрообразной формы, опиравшаяся на мощный вал (шириной от 6 до 9 м и высотой 0.75–1 м) из желтой материковой глины в плане квадратной формы с закругленными углами. В кургане обнаруже-

⁶ Здесь и далее глубина могильной ямы дается от уровня погребенной почвы.

Могильник Кырык-Оба II
курган 23

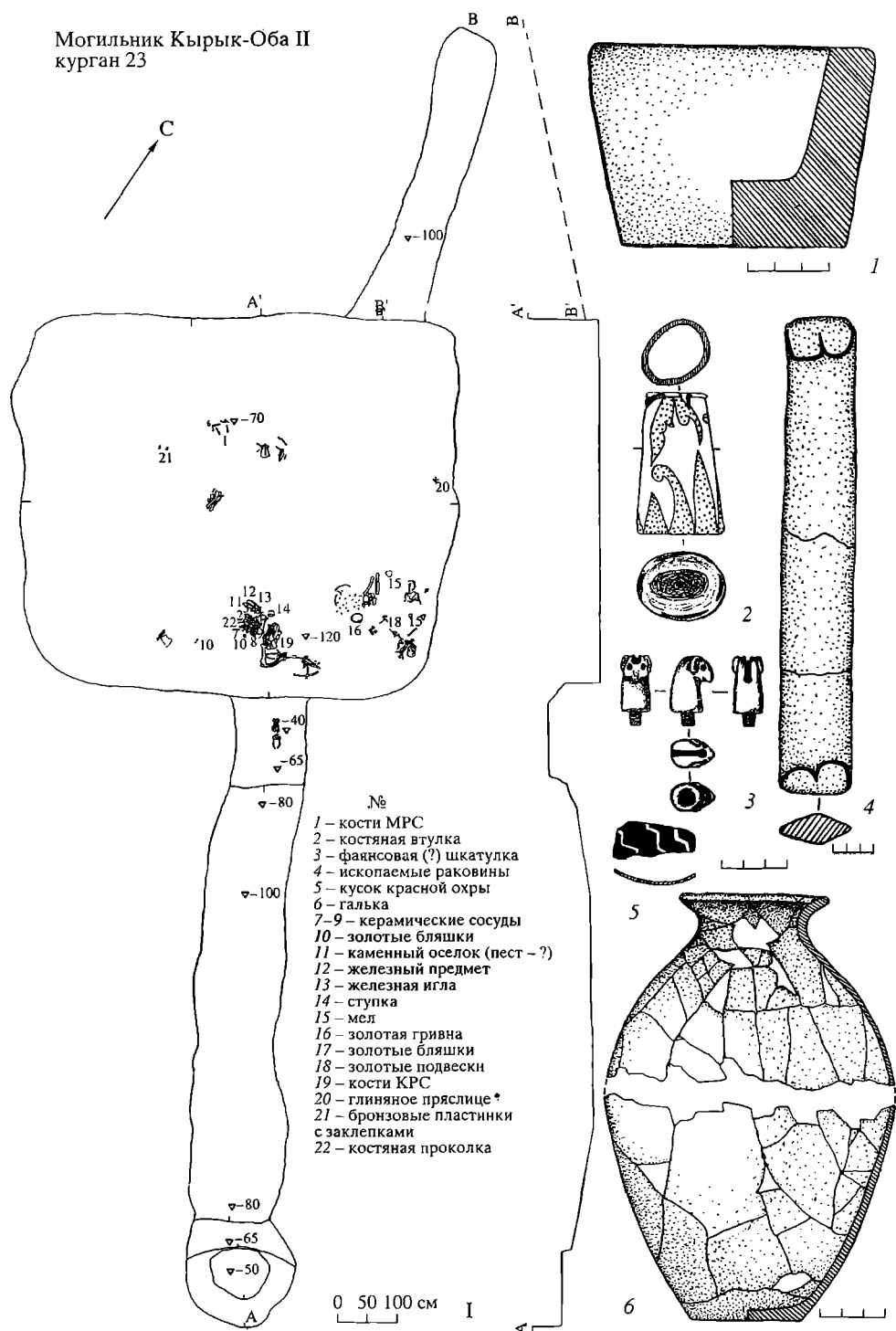

Рис. 4. Могильник Кырык-Оба II. 1 – план и разрез погребения в кургане 23. Инвентарь: 1 – каменная ступка; 2 – костяная втулка-футляр; 3 – керамическое навершие; 4 – каменный пест (оселок?); 5 – фрагмент сосуда из «финикийского» стекла; 6 – гончарный розовоглиняный сосудик. 1–4, 6 – курган 23; 5 – курган 12

Рис. 5. Кырык-Оба II, курган 12. Золотая нашивная бляшка

ны остатки тризны в виде лопаток, тазовых костей, ребер и бабок крупного рогатого скота и лошади, найденных на глиняном валу и на погребенной почве. В юго-западной части вала имелся разрыв с целью допуска через дромос к могильной яме, располагавшейся в центре кургана. У южного края ямы на погребенной почве на деревянном покрытии прослежен скелет молодой лошади⁷, лежавшей с подогнутыми ногами, головой на север. Важным обрядовым признаком является находка «клада» из бронзовых и серебряных пронизей и псалиев от пяти комплектов конской упряжи на юго-западной периферии кургана⁸.

Могильная яма, имевшая форму квадрата с закругленными углами размерами 7.5×7.5 м со ступенчатым дромосом шириной до 1 м, прорытом в юго-западной стенке, была начисто ограблена⁹. Следует обратить внимание на то, что в заполнении ямы по центру на глубине 0.85 м от уровня погребенной почвы располагался скелет большой собаки. Она лежала вытянуто головой на запад с подогнутыми ногами. Животное явно было похоронено. Вышеназванное обстоятельство позволяет предполагать ритуальный характер данной находки. Положение скелета не исключает того факта, что собака была погребена в качестве могильного стража. При этом не важно, когда это захоронение было произведено, до ограбления или, как в данном случае, после.

Предметы роскоши восточного происхождения были обнаружены в ходе раскопок в 2002 и 2003 гг. еще в двух могильниках – Лебедевка II и Илекшар I.

Могильник Лебедевка II располагается в 200 км к востоку–юго-востоку от Уральска на вершине плато Есен-Амантау в 7 км к западу–юго-западу от пос. Лебедевка и в 9 км к северу от пос. Егендыколь Чингирлауского района Западно-Казахстанской области. Он включает в себя 37 объектов (33 кургана и 4 прямоугольных склепа-«святых-лиц»), растянувшихся по цепочке с запада на восток на расстояние более 1000 м.

Богатством инвентаря и пышностью обряда выделяется погребение в кургане 6¹⁰. Данный курган располагался в центре некрополя и был крупнейшим в группе. В большой яме квадратной формы (размеры $4.5 \times 6.5 \times 4$ м), перекрытой деревянным настилом располагался скелет взрослого человека – вытянуто на спине, головой на запад с

⁷ Все определения костей животных сделаны старшим преподавателем кафедры биологии ЗКГУ им. Махамбета А.А. Джубановым.

⁸ Подобное расположение «кладов» конской узда под юго-западной полкой кургана зафиксировано в курганах № 2, 12, 15–18, насыпи которых достигали более 1 м в высоту и более 25 м в диаметре.

⁹ На разных уровнях в могиле были обнаружены фрагмент железного ножа, копыта, лопатки и тазовые кости лошади, железный предмет конической формы (умбон) и золотая нашивная бляшка в виде большого животного кошачьей породы (рис. 5).

¹⁰ Подробнее этот комплекс описан в статье: *Гуцалов С.Ю.* Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 2. С. 75–80.

небольшим отклонением к югу. Вокруг головы фиксировались кусочки красной охры. Возле скелета найдены глиняная курильница, раковины *griphasa* и скопление черных галек. Дно было устлано покрывалом (?) органического происхождения черного цвета толщиной 1–1.5 мм. Сверху скелет был накрыт тростниковой циновкой. Жертвенная мясная пища была представлена кусками туш крупного и мелкого рогатого скота, находившихся в северо-восточном углу могилы и боком быка или коровы – справа от таза погребенного.

Одежда погребенного была покрыта золотыми бляшками и стеклянными и янтарными бусинами. За головой его фиксировалось конусовидное в плане скопление золотых же бляшек в виде голов оленя, принадлежавших, видимо, головному убору. Среди многочисленных предметов культового характера и украшений выделяются: 1) бронзовое зеркало с боковой ручкой. К плоскому диску тремя бронзовыми заклепками прикреплена плоская рукоять, разделенная четырьмя рифлеными нервюрами. На конце ручки имеется изображение в зверином стиле, в виде противопоставленных фигурки кабана и головы барана, у места припая к диску – голова грифона; 2) две височные подвески из желтого металла, состоящие из проволоочной петли, «косичковидной» цепочки длиной ок. 20 см с кольцом на конце, к которому прикреплены две цепочки длиной 13 см с припаянными 24 шариками. В конце цепочки находится полусфера диаметром 1.8 см с нанесенным на ней геометрическим рисунком техникой «зерни». Снизу к сфере крепятся 5 ромбовидных подвесок длиной 2.2 см, на концах которых припаяно по три зернышка (рис. 3, 20–21); 3) сосудики из «финикийского» стекла темно-синего и темно-коричневого цветов, украшенные по тулову орнаментом в виде чередующихся белых и коричневых волнистых линий (рис. 3, 15, 17).

Могильник Илекшар I расположен в 200 км к востоку от Уральска на небольшом возвышении 1-й надпойменной террасы Илека у обрыва к пойме р. Илек в 1.5 км к востоку от аула Ульгули (Илекшар). Он состоял из 16 земляных курганов расположенных по цепочке длиной 420 м, ориентированной по линии северо-восток–юго-запад.

Курган 1 был крупнейшим в группе; он имел земляную насыпь полусферической формы высотой 5 м и диаметром 48 м. Вокруг кургана просматривался ров диаметром 12 м и глубиной до 1 м. В ходе раскопок выяснилось, что погребальная площадка диаметром в 36 м была ограничена глиняным валом шириной 1.5–3 м и толщиной 20 см. Внутреннее пространство было устлано тонкими деревянными плахами шириной ок. 15 см. Под курганом обнаружено несколько разновременных погребений.

Основное погребение 4 располагалось в центре кургана в яме квадратной формы (8.2 × 8.3 м), ориентированной стенками по сторонам света, с отклонением в 30°. Могила имела вид ступенчатой пирамиды, обращенной вершиной вниз. Данную форму ей придали ступеньки-уступы (всего их было пять) шириной 20–40 см и высотой 15–25 см. Общая ширина ступенек до 1.5 м. Глубина могилы 1.5 м от уровня погребенной почвы. Яма оказалась основательно разграбленной. В заполнении ямы и на дне в беспорядке лежали кости человеческого скелета, кости мелкого рогатого скота и отдельные находки – фрагменты сосуда из «финикийского» стекла (рис. 3, 14), золотая тисненная бляшка в виде ромба, бронзовые наконечники стрел, фрагмент клинка железного меча, железные пластинки защитного панциря и фрагменты лепного сосуда.

С южной стороны, у края могильной ямы размещалось сопровождающее захоронение двух коней. Скелеты лошадей располагались на погребенной почве на настиле у южной стенки могилы на животе с подогнутыми в коленях ногами, ориентированные мордами на север. Возле костных останков лошадей найдены предметы конской упряжи: железные удила, бронзовые двудырчатые псалии с окончаниями в виде голов лошадей и верблюдов, бронзовые пронизи, выполненные в зверином стиле, железная и бронзовая подпругные пряжки, бронзовые распределительные бляхи, выполненные в скифском зверином стиле и пр.

Сопровождающий материал позволяет датировать все четыре рассмотренные захоронения концом VI – V в. до н.э. В пользу этой даты свидетельствуют многочисленные

ные аналогии предметам вооружения (наконечники стрел), металлические элементы конской упряжи в скифском зверином стиле и выполненные в том же стиле украшения и предметы культа (в первую очередь каменный походный алтарь из кургана 23 могильника Кырык-Оба II).

Изучаемые погребальные комплексы, несомненно, относятся к разряду элитарных. Характер находок в них говорит о принадлежности погребенных к воинско-жреческой элите кочевого общества. Комплексы с сосудиками из «финикийского» стекла в богатых погребениях кочевников Южного Приуралья датируются в достаточно широком временном диапазоне – от конца VI до IV в. до н.э.¹¹ Все они обладают индивидуальной формой и каких-либо устойчивых типов среди них пока не наблюдается. Их наиболее вероятное предназначение – использование в качестве тары для хранения ароматических веществ, благовоний. Последние могли употребляться не только как косметические средства, но и применяться в погребальных ритуалах.

Обращает на себя внимание тот момент, что украшения из золота с зернью, цветными вставками и цепочками сложного плетения, аналогичные тем, что найдены в кургане 6 у Лебедевки и кургане 23 в урочище Кырык-Оба, так же, как и гривны, «восходят к ахеменидским прототипам из Ирана и Средней Азии»¹². Хотя, возможно, что они были изготовлены по древневосточным прототипам.

Совершенно очевидна принадлежность к кругу культовых аксессуаров сопровождающей утвари из кургана 23 могильника Кырык-Оба II. В пользу этого предположения говорит присутствие там каменной ступки, каменного песта (оселка?), мутовки (для размешивания ароматических смол и минеральных красок?) с навершием в виде головки птицы, каменного жертвенника. Разного рода флаконы, шкатулка и игольница могли применяться по двойному назначению – и как вещи женского туалета, и как предметы жреческого обихода.

Каменная ступка в древностях южноуральских номадов точных аналогов не имеет. Можно констатировать, что каменный жертвенник, выброшенный из могилы, на настоящий момент является самым крупным из числа обнаруженных на степной территории Южного Урала.

Среди названных выше керамических предметов в первую очередь обращает на себя внимание керамическая головка птицы, завершавшая, вероятно, палочку для смешивания благовоний. Весьма возможно, что отдаленный ей аналог есть в комплексе зартепинского типа на территории Северной Бактрии¹³. Правда, костяное изображение птицы, расположенное в верхней части последнего изделия, передано очень схематично. Однако в этом случае необходимо учитывать значительный временной разрыв между сравниваемыми предметами. С другой стороны, стиль изображения на кырыкобинской поделке явно не соответствует канонам искусства номадов скифской эпохи, тогда как подобная трактовка изображений животных и птиц характерна для древневосточного искусства первой половины I тыс. до н.э. Подчеркнуто массивный характер верхней части туловища животного был характерен для искусства Ближнего и Среднего Востока того времени. В частности, подобным образом дается изображение голов у фантастических существ из Урарту и на парадном мече (ближневосточном импорте) из Келермесского кургана¹⁴. Однако, на мой взгляд, по стилю изображения головка птицы из Кырык-Обы наиболее близка изображению головы льва на лестнице ападаны в Персеполе¹⁵. Нельзя исключать, что рассматриваемый предмет ахеменидского происхождения.

¹¹ Смирнов. Савроматы... С. 283.

¹² Там же. С. 282.

¹³ Массон В.М. Северная Бактрия // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. Табл. СХП, 1.

¹⁴ Пиотровский Б.Б. Скифы и Урарту // ВДИ. 1989. № 4. Рис. 5; Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984. Табл. IV, 6; Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения скифской эпохи / Под ред. А. Иванчика и Г. Парцингера. М., 1997. Табл. 9, 1с.

¹⁵ Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. Рис. 16.

Достаточно сложно определить район происхождения гончарных сосудов из анализируемого комплекса. Известные по публикациям среднеазиатские гончарные сосуды – хумчи, фляги и пр., встреченные в погребениях кочевников Южного Приуралья, по своему типу и фактуре принципиально отличаются от исследуемых. Назвать центры производства данных предметов затруднительно в виду ограниченного характера публикации по данной теме. Определенно можно утверждать о том, что эти предметы произведены в мастерских Среднего Востока. Возможно, что Средняя Азия, в частности Хорезм, выступали в качестве посредников в приобретении древними кочевниками Южного Урала богатых вещей, изготовленных в Иране или на территории Малой Азии¹⁶.

Еще К.Ф. Смирнов обратил внимание на значительную роль в формировании культуры древних кочевников Южного Приуралья носителей среднеазиатских культурных традиций. Он небезосновательно считал возможным участие отдельных групп массагетов в формировании объединения приуральских кочевников VI–IV вв. до н.э.¹⁷ Союз кочевых племен Южного Приуралья, с одной стороны, в силу развития пастбищно-кочевой системы¹⁸ и характера его формирования, с другой, уже на начальном этапе в своих политических и экономических вопросах ориентировался на Хорезм – составную часть державы Ахеменидов¹⁹.

Средневосточное происхождение набора культовых предметов из кургана 23 могильника Кырык-Оба есть подтверждение тесных связей кочевников Южного Урала и Средней Азии еще на начальном этапе формирования древнепрохоровской²⁰ (или, как было принято ранее, савроматской²¹) культуры. Исследователи давно говорят о влиянии культур Среднего и Ближнего Востока на формирование религиозно-культурной практики древних кочевников изучаемого региона²². Следует признать непосредственное влияние скотоводов Средней Азии на появление многих предметов культа у южноуральских кочевников. Так, генезис овальных и прямоугольных плоских жертвенников связан с сакскими прототипами из Центрального Казахстана и Приаралья²³. Происхождение же каменных алтариков на ножках исследователи связывают с территорией древнего Ирана²⁴. Стоит заметить, что истоки многих типов зеркал кочевников южноуральского региона также следует искать на территории Средней Азии. Там эти предметы туалета (культы?), причем очень близких южноуральским типам, известны еще с середины II тыс. до н.э.²⁵ Говоря о происхождении еще одного жреческого атрибута – глиняных курительниц, необходимо отметить, что наряду с Южной Сибирью Средняя Азия является областью, где известны исходные формы для сарматских курительниц²⁶. Кроме того, особое место в культуре кочевников Южного Приуралья занимают сосуды с трубчатым носиком. Появившись на этапе формирования древнепрохоровской культуры, эта лепная посуда затем широко распространяется по всему регио-

¹⁶ Смирнов. Савроматы... С. 282.

¹⁷ Там же. С. 278.

¹⁸ Таиров А.Д. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в I тысячелетии до новой эры // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 3–23.

¹⁹ Мошкова М.Г. Сарматы и Средняя Азия // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973. С. 86–87.

²⁰ Таиров А.Д. Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // АПО. 1998. Вып. II. С. 87–96.

²¹ Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3. С. 100–121.

²² Смирнов. Савроматы... С. 252–254; Федоров В.К. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья. I // УАВ. 2000. Вып. 2. С. 49–75.

²³ Смирнов. Савроматы... С. 168; Васильев В.Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // УАВ. 1998. Вып. 1. С. 29.

²⁴ Смирнов. Савроматы... С. 168; Васильев. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках... С. 29.

²⁵ Сарцианиди В.И. Зеркала древней Бактрии // СА. № 1. 1981. Рис. 1, 2. С. 289–290.

²⁶ Смирнов К.Ф. Курительницы и туалетные сосуды азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 173.

ну, постепенно приобретая местную специфику – круглодонность и примесь талька в тесте²⁷. Варианты сосудов с трубчатым носиком выделены почти во всех типах лепной плоскодонной, а также круглодонной посуды Южного Приуралья²⁸. Истоки этой разновидности керамики также следует искать на территории Приаралья и, может быть, Семиречья, где таковые были широко распространены в VII–VI вв. до н.э.²⁹

Учитывая тот факт, что элитарные погребальные памятники кочевников Южного Урала рубежа VI–V вв. до н.э. имеют в обряде широкие «массагетские» параллели, нельзя исключать активного участия номадов Средней Азии в формировании кочевого объединения Южного Урала в середине I тыс. до н.э. В этом свете находки «восточных импортов» в погребениях южноуральских номадов представляют собой закономерное явление, отражающее тесную связь населения двух регионов социально-экономического, политического, религиозного и иного характера.

ORIENTAL IMPORT IN THE BURIALS OF WESTERN KAZAKHSTAN NOMADS (The Middle of the First Millenium BC)

S. Yu. Gutsalov

This is a publication of some objects, apparently imported from the Middle and Near East, discovered in 2002–2005 in kurgans of the nomadic elite of the late 6th – early 5th c. BC. They include golden ornaments (pendants, necklaces, plaques) and cult objects (a mortar, a pestle, a churn-staff, flasks, a stone altar, etc.).

The flasks of «Phoenician» glass are various in form. They were most probably used for keeping aromatic substances, not only cosmetic ones, but those applied in funerary rites.

The golden ornaments derive from Achaemenid prototypes from Iran and Central Asia. They could have been made after Ancient Eastern models.

Small pottery must have been made in the Near East. It is not improbable that Central Asia and Khwarezm in particular acted as an intermediary between the ancient nomads of the Southern Urals and Iran or Asia Minor in luxury goods trade.

The finds of this kind in 5th–6th c. BC nomad kurgans of the Southern Urals are rather rare. The spread of «oriental import» in the Southern Urals reflects economical, political and religious connections of the regions in question.

²⁷ Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск, 2004. Табл. 23.

²⁸ Там же.

²⁹ Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963. Рис. 77; Вишневецкая О.А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. 1973. Т. VIII. Табл. X, 20; XI, 21 и др.; Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М., 1996. Рис. 8, 8; Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997. Рис. 3, 6; 14, 28.

© 2009 г.

Т.В. КУДРЯВЦЕВА. Народный суд в демократических Афинах. Отв. ред. Э.Д. Фролов. СПб.: Алетейя, 2008. 463 с.

В книге Т.В. Кудрявцевой впервые в отечественной историографии подвергнут всестороннему рассмотрению народный суд (гелиэя) в демократических Афинах классической эпохи.

Во Введении содержится постановка проблемы, очерчиваются хронологические рамки исследования: от реформ Солона до утраты Афинами политической независимости после смерти Александра Македонского (VI–IV вв. до н.э.), дается краткий (пожалуй, даже излишне краткий) обзор историографии вопроса. Впрочем, историографические экскурсы присутствуют в каждой главе. Автор подчеркивает, что рассматривает гелиэю как «ключевой институт» афинской демократии и добавляет, что «народный суд наряду с народным собранием являлся важнейшим государственным органом Афин» (с. 9). С этим утверждением можно бы и согласиться, если рассматривать историю афинской демократии последних десятилетий V и IV вв. до н.э., но до 430-х годов нет определенных свидетельств о решающем значении афинских судов в системе афинской демократии.

Гелиэя – вполне самостоятельная тема, и «оправдание» ее необходимостью изучения «главной составляющей части» афинской демократии излишне. Тем более что автор и сам подчеркивает, что полный суверенитет, несмотря на все восхваления судов и судей, принадлежал всему афинскому гражданству в лице экклесии (с. 269).

Глава I «Возникновение и развитие народного суда в Афинах (VI–V вв. до н.э.)» посвящена первым двум векам существования афинского народного суда (по мнению автора). Наиболее спорный вопрос – вопрос о Солоновой гелиэе: действительно ли знаменитый законодатель озаболтался ко всему прочему и созданием «народного суда». Автор возводит возникновение народного суда (гелиэи) к законам Солона. Такая точка зрения возможна, но нуждается в более солидных обоснованиях. Из полного и добросовестного обзора историографии и аргументации Т.В. Кудрявцевой (с. 18–37) можно вывести только то, что аргументы сторонников и противников солоновского истока народного суда в Афинах одинаково убедительны (или неубедительны). Сведения о судах в VI в. до н.э. разноречивы и зачастую искажены поздней традицией. Очевидны судебные функции экклесии (во всяком случае, после Клизфена), но выделить гелиэю как отдельный институт в тот период не представляется возможным. Согласно таблице, приведенной самим автором (с. 65), ни один судебный процесс даже периода 493–463 гг. не проводился однозначно именно в гелиэе. Поэтому возведение гелиэи к Солону обосновано недостаточно, и точка зрения, возводящая институционализацию отдельного от народного собрания суда к Клизфену – Эфиальту – Периклу, представляется нам как минимум не менее обоснованной.

В работе подробно рассмотрен вопрос о введении мистофории (оплаты судьям). Автор, рассмотрев и сообщения древних авторов, и точки зрения современных исследователей, приходит к обоснованному выводу о введении мистофории при Перикле, связывая ее с афинской державной политикой (с. 47–49). Особому анализу подверглись процессы 490-х – 460-х годов – против Фриниха, Мильтиада, Гиппарха, Фемистокла, Кимона. Автор приходит к выводу, что экклесия или гелиэя (гораздо реже) действовали как суд первой инстанции (с. 66), но отдельное от экклесии существование гелиэи до Эфиальта – Перикла остается, как уже отмечалось выше, автором недоказанным.

Глава II «Народный суд и судьи по комедии Аристофана» посвящена анализу тех пассажей в комедиях Аристофана, в которых упоминаются суды и судьи. В начале главы автор перечисляет подобные места, а также пересказывает сюжет «Ос». Этот аналитический пересказ – одно из самых удачных мест книги; пороки и достоинства афинского судопроизводства в восприятии комедиографа подвергнуты автором тщательному исследованию. В параграфе 2 приводится си-

стематическое описание афинского суда, основанное на сведениях, содержащихся в комедиях Аристофана, а в параграфе 3 дается характеристика, и снова через восприятие Аристофана, антигероя афинской судебной системы – доносчика-сикофанта. Подводя итог, Т.В. Кудрявцева присоединяется к «средней» точке зрения, причисляя Аристофана не к ниспровергателям демократических устоев, а к сторонникам их постепенного усовершенствования, и рассматривая «Осы» как некое предостережение. С подобным мнением трудно не согласиться.

Глава III «Дикасты и сикофанты: основные действующие лица афинской судебной системы» характеризует положение и полномочия судей-дикастов, а также доносчиков-сикофантов. Следует сразу же отметить, что, вопреки мнению автора, реальное жалование судьям уменьшалось из-за инфляции IV в. до н.э. (ср. с. 156 – недостаток средств). Смена бронзовых судебных жетонов на самшитовые косвенно свидетельствует об уменьшении расходов на судей в этот период (с. 157). Поэтому к концу IV в. должность судьи могла быть привлекательной либо для отъявленных тунеядцев, либо для граждан старших возрастов (с. 157). Т.В. Кудрявцева подробно рассматривает вопрос о социальном составе судей и, опираясь на свидетельства Лисия и Демосфена, присоединяется к наиболее авторитетной в современной науке точке зрения о том, что среди них преобладали немущие граждане (с. 169–176). Можно только присоединиться к критике автором концепции А. Джоунса о том, что в афинских судах преобладали состоятельные граждане (с. 167 сл.).

Значительное место в книге посвящено анализу сходств и различий между частными (δίκαι) и государственными (γραφαί) исками (с. 181 сл.), а также институту ὁ βουλόμενος – обвинителя по государственному иску (с. 184 сл.). Один из наиболее удачных разделов посвящен сикофантам и их деятельности (с. 188–200). Автор, вопреки мнению некоторых исследователей, отрицает какую-либо позитивную роль сикофантов, подчеркивая, что «профессиональное доносительство... было в определенном смысле и порождением античной демократии, и неизбежным злом, сопутствующим ей» (с. 200).

В главе IV «Судебный процесс в Афинах в IV в. до н.э.» автору удалось привлечь для анализа этого сюжета, хорошо разработанного в историографии, интересный источник – судебные проклятия (с. 203–207). Т.В. Кудрявцева подробно рассматривает дискуссионную научную проблему – степень применения свидетельской пытки рабов в народном суде. Она разделяет мнение ряда зарубежных ученых о том, что «вызов на пытку» был частью судебной игры, а сама судебная пытка рабов либо не применялась вовсе, либо применялась крайне редко (с. 223–224).

Т.В. Кудрявцева, указывая на предпочтение, которое греки отдавали живому слову, отмечает все же определенную тенденцию: в IV в., с переходом к письменному иску и письменным свидетельским показаниям, афинское общество стало чуть менее устным и чуть более «документированным» (с. 225). Автор указывает на взаимные вопросы и ответы обвинителя и обвиняемого на суде как на источник сократического диалога (с. 236). Может быть, эту тему стоило бы и развить. Автор заключает, что «...от судей стороны ожидали, что при вынесении приговоров они, особенно не вникая в тонкости законов и формальности права, будут оценивать участников тяжбы и ее предмет с точки зрения общественной морали, политических пристрастий и социальных предпочтений» (с. 246). Т.В. Кудрявцева справедливо подчеркивает, что отнюдь не отыскание истины было главной целью судебного разбирательства в демократических Афинах, причем огромную роль играли неправовые аргументы (с. 249). В работе подчеркивается, что афинянин привлекал в судах агональный дух (с. 259). Очевидно, именно поэтому и не повышалась плата за участие в работе суда, хотя плата за участие в работе экклесии в IV в. до н.э. повышалась неоднократно.

Т.В. Кудрявцева специально отмечает нетерпимость афинской демократии, репрессивный характер афинского законодательства даже в классическое время (не говоря уж о законах Драконта), чрезмерно широкое использование смертной казни (с. 260 сл.). Автор заявляет, что полный суверенитет в Афинах принадлежал отнюдь не дикастам, а всему гражданскому коллективу в лице народного собрания (с. 269). С этим утверждением автора трудно не согласиться; однако замечу попутно, что оно в некотором смысле противоречит пафосу всей книги.

В главе V «Политический процесс в классических Афинах: исангелия» автор подвергает рассмотрению этот вид судебного процесса, который был направлен в первую очередь против представителей «политического класса» демократических Афин. Автор показывает, как процессы по исангелии приводили к серьезным и печальным военно-политическим последствиям для Афин (процесс против Алкивиада – с. 285 сл.), либо вовсе превращались в «юридическое убийство» (процесс стратегов – победителей при Аргинусах – с. 297 сл.). Автор приходит к обоснованному выводу о том, что лавры победителя Афин при Эгоспотанах со спартанским флотоводцем Лисандром должен был разделить сам афинский демос, осудивший своих победо-

носных стратегов (с. 310). Описание и анализ процесса стратегов-победителей завершаются неким квазизаключением, в котором прямая демократия классических Афин подвергается суровой оценке, в том числе исходя из современных нам критериев (с. 311–313). Рассматривая на примере процесса стратегов-победителей противоречие между идеями суверенности народа и суверенности законов автор приходит к выводу, что «...идея народного суверенитета позволила афинскому демосу сосредоточить в своих руках как законодательную, так и судебную власть» (с. 312). С этим выводом можно согласиться, однако оценка афинской демократии с точки зрения современной либеральной демократии (с. 312), вопреки мнению автора, особого смысла не имеет.

Автор специально рассмотрел процессы по исангелии, жертвами которых стали стратеги – обычное явление для IV в. до н.э. В книге также аргументированно демонстрируется пагубность практики, при которой «...только политики отвечали за свои предложения, а народ не нес никакой ответственности за свои решения» (с. 325). Автор заключает (вслед за К. Довером и М. Хансеном), что «...прямая демократия использовала те же методы, что и тоталитарные государства» (с. 326–327). Во второй половине IV в. до н.э. процессы по исангелии становятся очень частыми, это обвинение используют и при частных исках, в результате процессы по исангелии превращаются в фарс, и этот тип обвинения исчезает из афинской судебной практики (с. 331). Здесь напрашивается сопоставление с остракизмом: во всяком случае, реакция афинского гражданства на фарсовый остракизм Гипербола была примерно такой же.

В главе VI «Политический процесс в классических Афинах: жалоба на противозаконие» продолжается рассмотрение различных видов афинских политических процессов. Автор при этом совершенно справедливо указывает на незначительность различий между постановлением народного собрания (псефизмой) и законом в Афинах в V–IV вв. до н.э. (с. 345 слл.). Автор справедливо критикует М. Хансена за его сомнительные реконструкции (с. 353–354). Т.В. Кудрявцева исследует обвинения Архина против Фрасибула и приходит к выводу, полностью противоположному заключению датского исследователя: «...события 403 г. свидетельствуют о том, что в данном конкретном случае возрожденная процедура жалобы на противозаконие стояла на страже интересов скорее радикальной, чем умеренной демократии» (с. 363). После битвы при Херонее жалоба на противозаконие превращается исключительно в средство политической борьбы (с. 383 слл.).

В главе VII «Афины в IV в. до н.э. – суверенитет собрания и демоса или суда и законов?» Т.В. Кудрявцева на конкретных примерах показывает, что для афинских судей абстрактная справедливость (которую они сами могли интерпретировать) значила много больше норм закона. «Полагаясь на свое чувство справедливости больше, чем на внешний авторитет, пусть даже авторитет закона, судьи показывали, что при демократии высшей властью является воля народа» (с. 401). Автор решительно отвергает концепцию эволюции афинской демократии «от власти народа к власти закона» (М. Оствальд, М. Хансен) и приводит достаточно весомые аргументы в пользу того, что афинская демократия IV в. до н.э. основывалась совсем не на законах: подтверждением тому можно считать великое множество постановлений (псефизм), принятых народным собранием. Следует, впрочем, отметить, что многие современные ученые (П. Родс и др.) уже давно поставили под сомнение взгляды М. Оствальда и М. Хансена.

Основываясь на классификации российского философа В. Вольнова (с. 428 слл.), автор совершенно справедливо отказывается возводить генеалогию современной, представительной демократии к афинской, прямой, и солидаризуется с мнением древних философов о том, что прямая демократия – это разновидность автократии (поскольку демос безответственен) и родственна тирании и олигархии (с. 429). С этой точкой зрения можно согласиться, впрочем, с важной оговоркой: сравнение древней демократии с современной антиисторично. Может быть, проще и естественнее сравнивать ее с персидской монархией или государственным строем Спарты, и тогда афинская демократия не покажется столь уж кровавой.

В кратком заключении автор делает вывод, что «не «царство закона» наблюдаем мы в афинском народном суде, а «...царство процедуры, хитроумных ухищрений, проволочек, превращающих судебную тяжбу (при желании) в пожизненное занятие... В данном историческом феномене нам видится пример гармоничного дополнения и эффективного симбиоза афинского национального характера... и афинского государственного строя – прямой демократии» (с. 444).

Книга Т.В. Кудрявцевой – значительный вклад в изучение истории классических Афин. Конечно, можно было бы порекомендовать автору рассмотреть вопрос о том, влиял ли приговор третейского судьи на решение дикастов (с. 109), а «кроважидные чаянья» обвинителей (с. 351) поставить в контекст «кроважидного века», когда вероятность гибели на войне для гражданина была достаточно высокой. С точкой зрения автора не всегда можно согласиться, но она всегда

заслуживает уважения благодаря фундированности, опоре на источники и широкому охвату научной литературы.

Т.В. Кудрявцевой удалось препарировать текст Аристофана, выделить и подвергнуть анализу все пассажи, касающиеся суда и судей. Вообще поражают скрупулезность источниковедческого анализа, глубокое знание литературы вопроса. У автора есть своя, причем глубоко аргументированная, точка зрения по всем затрагиваемым вопросам.

Исследование Т.В. Кудрявцевой – это полноценная *reference book* по афинскому народному суду классической эпохи, но не энциклопедически-нейтральная, а содержащая авторский взгляд на многие дискуссионные проблемы. Без этой книги уже невозможно изучение истории и афинского народного суда, и афинской демократии в целом.

С.Г. Карпюк

© 2009 г.

АНТИЧНЫЙ МИР В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

(Александр Великий. Путь на Восток. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2007. 512 с., илл.; *Rex Romana* – Римский мир. Фотографии и рисунки Максима Атаянца. Каталог выставки. Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева (МУАР). Москва, февраль–март 2008 г. М., 2008. 379 с., илл.)

Со времен Геродота, по крайней мере, ремесло историка предполагает визуальное знакомство автора с предметом повествования. «До сих пор я рассказывал о том, что видел своими глазами, руководствуясь собственным суждением или сведениями, которые я собирал лично», – говорит историк из Галикарнасса в середине своего рассказа о Египте (II. 99). Принцип «лучше один раз увидеть» оставался действенным и в прошлом столетии – достаточно вспомнить А. Тойнби или М. Ростовцева, не мысливших свое творчество без путешествий по античным руинам, без посещения памятников и музеев. «Я люблю видеть вещи, которые я изучаю», – писал М. Ростовцев из Индии в 1937 г. своему другу Ф. Кюмону, который сам был заядлым путешественником – первооткрывателем малоазийских и сирийских древностей¹. По моему убеждению, этот принцип актуален и сегодня: занимающийся прошлым историк должен своими глазами видеть артефакты этого прошлого, чтобы лучше представлять его картину в целом. Причем лучше их видеть «живьем», хотя в наш век виртуальных и цифровых технологий часто довольствуются компьютерными или книжными иллюстрациями. Именно о последних и пойдет речь ниже.

Появление каталога о наследии эпохи Александра Македонского и эллинизма по материалам выставки «Александр Великий. Путь на Восток», проходившей в Эрмитаже с 14 февраля по 1 мая 2007 г., – заметное событие в отечественной научной и культурной жизни. Пожалуй, впервые в России была организована столь масштабная экспозиция, посвященная эллинизму (традиционно не самому популярному разделу в нашей историографии), а ее роскошный каталог, – пожалуй, самая полная на сегодня подборка памятников эллинистического (и не только) времени, которые хранятся в Эрмитаже. Действительно, впечатляют размах и широта, демонстрируемые организаторами выставки (в составлении каталога приняло участие более ста человек), собравшей свыше 500 экспонатов, многие из которых публикуются в каталоге впервые. Хронология экспозиции выходит далеко за рамки собственно эллинистического времени, охватывая более чем двухтысячелетний период с VI века до н.э. по XIX век, а ее география простирается от Западной Европы до Монголии, от России до Египта и Индии – намного шире, чем ареал эллинистической ойкумены.

¹ См. *Mongolus Syrio salutem optimam dat. La correspondance entre Mikhail Rostovtzeff et Franz Cumont* / Ed. G. Bongard-Levine, C. Bonnet, Yu. Litvinenko, A. Marccone. P., 2007. P. 7, 216.

Такой взгляд на эллинизм обоснован концептуально. Как сказано в аннотации к альбому, «каталог посвящен Восточному походу Александра Великого и его последствиям для Востока и Запада... В фокусе внимания исследователей – историческая роль Александра для судеб Западной Европы, России и Востока, эллинизм как глобальный процесс взаимодействия культур». Расширительную трактовку эллинизма как исторического явления с далекими культурными последствиями чуть ли не для всего Старого Света и романтическую (восходящую к У. Тарну, если не к самому Плутарху) интерпретацию фигуры Александра как первого «глобалиста» в истории, объединителя народов и миров, мы найдем в предисловии М.Б. Пиотровского: Александр стал «...символом конфликта культур, приведшего к хорошим результатам... Сегодня мир, объединенный некогда Александром, стремительно разъединяется, и нам полезно вспомнить, что глобализация не всегда бывает уродливой» (с. 5) и в вводной статье Э.Д. Фролова, который полагает, что пришло время дать обобщающее определение эллинизма, и определяет его как «...вид глобализационного процесса, навязанного греческим Западом афро-азиатскому Востоку, вид форсированного взаимодействия, имевшего результатом, впервые в истории человечества, создание на известный период времени универсальной политической системы» (с. 11).

Можно соглашаться или спорить с подобными формулировками (мне лично они кажутся сомнительными, как и любые другие попытки героизации Александра Македонского и обобщающих дефиниций понятия «эллинизм»; работы последних десятилетий показывают, что более плодотворный путь – продолжать исследовать это понятие в рамках описательного дискурса²), однако нельзя не заметить присутствующую в них конъюнктурную политическую подоплеку, которая, к сожалению, снижает их научную ценность. Видимо, не случайно выставке об Александре Великом предшествовали петербургский саммит «большой восьмерки» и другая эрмитажная выставка – о российском императоре Александре I, названном так, по словам М.Б. Пиотровского, «...в честь св. Александра Невского, защитника России от западной агрессии, и Александра Македонского, покорителя миров» (с. 5). Не может не вызывать возражения и вытекающий из «глобалистской» концепции вывод о том, что «...в эпоху эллинизма греческий художественный стиль стал универсальным. Так была рождена и воплотилась в жизнь идея культурного единства мира, которая явилась главным последствием Восточного похода македонского царя»³. Этот в сущности двойниковский тезис был пересмотрен еще в прошлом веке в работах таких выдающихся исследователей, как М. Ростовцев и К. Прео, и в современной литературе преобладают совсем другие оценки той эпохи, в них говорится о гетерогенности эллинистической культуры и общества, о мощных восточных пластах и традициях, об изолированности греческих анклавов в чужеродной местной среде, об узости зон взаимодействия, о постепенной ориентализации эллинской цивилизации и т.д.⁴ Сама экспозиция, демонстрируя поразительное разнообразие художественных стилей и форм, опровергает идею об универсализме греческой культуры и скорее заставляет усомниться в ее триумфальном шествии на Восток. Попутно замечу, что подзаголовок альбома – «Путь на Восток» – не совсем точно передает «глобалистскую» идею выставки, поскольку собственно «восточному наследию» эллинизма здесь уделено меньше места, чем памятникам античных Греции и Рима, а также Европы и России нового времени. В этой связи присутствие слова «Запад» в названии книги было бы также вполне уместным.

Каталогу предшествуют, помимо вышеупомянутых предисловия М.Б. Пиотровского и введения Э.Д. Фролова (с. 5–13), очерки М.М. Дандамаевой о предыстории контактов греческого ми-

² См., например, две недавние обобщающие работы: Shipley G. The Greek World after Alexander, 323–30 BC. L.–N.Y., 2000; A Companion to the Hellenistic World / Ed. A. Erskine. Oxf., 2003. В них мы не найдем каких-либо попыток дать суммарное определение феномена эллинизма. Звучащие в них выводы противоречат утверждению Э.Д. Фролова (с. 11) о том, что признаками универсальной политической системы и единой цивилизации в эпоху эллинизма были примат территориального государства над полисом, монархии – над республикой, упадок гуманитарных наук и т.д.

³ См. www.hermitagemuseum.org/html_Ru/04/2007/hm4_1_154.html. Ср. сайт российских музеев www.museum.ru/N30016: в рубрике «Новости и афиша музеев России» размещен анонс под заголовком «Идем на восток... Выставка, посвященная Александру Великому в Эрмитаже», где, в частности, читаем следующее: «Греческая культура, идя след в след армии Александра, завоевывала мир. Так пусть и на короткое время, на Востоке и на Западе реализовалась мечта о культурном единстве мира, столь часто посещающая умы наших современников». В таком духе о походе Александра могли написать историки XIX в.

⁴ Помимо упомянутых в прим. 2 работ см. также Préaux C. Le monde hellénistique. La Grèce et l'Orient 323–146 av. J.-C. T. 1–2. P., 1978; Walbank F.W. The Hellenistic World. L., 1981; Green P. Alexander to Actium. The Historical Evolution of the Hellenistic Age. Berkeley–Los Angeles, 1990, и др.

ра с Востоком (с. 14–18), А.А. Трофимовой (куратора выставки и научного редактора издания) об образе Александра в античном искусстве (с. 19–28), А.Ю. Алексеева о контактах Македонии с северными кочевниками (с. 29–33), М.Б. Пиотровского о теме Александра в коранической традиции (с. 34–36), А.В. Ипполитова об образе Александра в западноевропейском искусстве (с. 37–48) и Д.А. Никитина, Ю.Б. Балахановой и М.Н. Химиной о «русской Александрии» (с. 49–55).

Каталог, которому в книге отведено центральное место (с. 64–483), состоит из трех частей. Первая, самая большая, посвящена искусству классической Греции и ее варварской периферии, эллинистического Средиземноморья и Востока, греко-римского и коптского Египта, ахеменидского Ирана, древней Индии и Центральной Азии, а также Византии и исламского Востока (№ 1–438). Во второй части рассказывается об истории образа Александра в западноевропейском и русском искусстве от средневековья до нового времени (№ 439–489). К ней примыкает небольшая третья часть, посвященная «Роману об Александре» в западноевропейской литературной традиции (№ 490–505). Каждый раздел предваряется вступительным очерком, фотография каждого экспоната сопровождается комментарием с указанием соответствующей литературы. Издание дополнено глоссарием (с. 484–487) и подробной библиографией (с. 488–506).

Структура и содержание каталога вызывают ряд вопросов. Почему интереснейшая византийская коллекция оказалась включенной в античный раздел? Стремление преподнести Византию как «последнее эллинистическое государство» (с. 349) некорректно уже хотя бы с точки зрения хронологии, а заголовок соответствующего раздела «Византия – третий мир античности» звучит, по меньшей мере, двусмысленно и загадочно (каковы первые два?). Более логичным представляется включение византийских экспонатов (№ 387–436) во вторую часть каталога, посвященную рецепции античности в искусстве позднейших эпох. То же касается и нескольких иранских миниатюр XV–XVI вв. – иллюстраций к поэме «Хамсэ» Низами, изображающих деяния Александра (№ 437–438). Обращает внимание (учитывая тотальный характер концепции выставки) отсутствие в каталоге сасанидских памятников, которые могли бы добавить любопытную информацию к проблеме сложных взаимоотношений античной цивилизации с Востоком. Наконец, непонятно, почему тема литературной «русской Александрии», заявленная во введении, не нашла отражения в каталоге.

Вкратце остановлюсь на первой – античной – части каталога. Поражает разнообразие ее экспонатов: керамика, скульптура, ювелирные украшения, монеты, предметы вооружения, изделия из серебра и бронзы, архитектурные фрагменты, рельефы, камни, инталии, росписи, папирусы, ткани и др. Многие вещи уникальны (например, скифское золото, эллинистические статуэтки, фаюмские портреты, коптские ткани, греко-бактрийские монеты, росписи из Крыма и Средней Азии и др.), некоторые из них – выдающиеся шедевры (например, камея Гонзага). Их великолепное собрание в одном альбоме – настоящий подарок не только для специалистов, но и для всех любителей прекрасного. При публикации столь большой подборки разных по характеру памятников, разумеется, не могло обойтись без недочетов и ошибок. Разделы первой части составлены в соответствии с хронологическим и географическим принципами – от классической эпохи до исламского времени и от Средиземноморья до Центральной Азии, однако это правило соблюдается не всегда. Так, большинство монет раздела «Средиземноморье в эпоху эллинизма» (№ 195–214) датируется VI – началом IV в. до н.э., и их следовало бы поместить в раздел «Классическая Эллада». Говоря о монетах, нельзя не отметить и отдельные неточности в транскрипции и переводе легенд (№ 331–334, 336, 345). Идентификация некоторых экспонатов спорна и проблематична, но издатели не всегда это комментируют, так что остается гадать, почему № 222 – статуя Исиды, № 249 – портрет Арсинои III, № 365 – терракотовая головка Александра и т.д. Трудно согласиться с рядом утверждений авторов. Например, явное преувеличение – слова о том, что в ходе восточной кампании Александр основал более 100 городов (с. 19) – А.А. Трофимова некритически повторяет этот ничем не подтверждаемый тезис античной традиции. Спорно и основанное на таком ненадежном источнике, как эпитафия Юстина, умозрительное заключение А.Ю. Алексеева о том, что поражение Зопириона от скифов в 331–330 гг. до н.э. «обрадовало» Александра, поскольку открыло ему путь в Индию – «...ведь в случае удачи Зопириона пришлось бы вопреки желанию царя претворять в жизнь глобальный стратегический замысел соединения войск Зопириона и Александра в глубине скифских степей» (с. 32). Не могу также согласиться с М.М. Дандамаевой, полагающей, что военная колонизация Фаюма наблюдалась уже в самом начале птолемеевского правления в Египте, т.е. в конце IV в. до н.э. (с. 244). Имеющиеся в распоряжении папирусные источники позволяют ее датировать временем не ранее 70–60-х годов III в. до н.э., или эпохой Птолемея Филадельфа. Среди фактических ошибок отмечу информацию о том, что монументальную гробницу на Немрут Даре возвел пра-

витель Коммагены Антиох III (с. 137), – в действительности ее строителем был его предшественник Антиох I Теос.

Я не буду останавливаться на второй и третьей частях каталога, которые требуют специальной искусствоведческой и литературной подготовки. Отмечу лишь, что мне показалась чрезвычайно интересной тема пропаганды мифа об Александре Македонском в придворном искусстве екатерининской поры, когда российские политики лелеяли «греческий проект» (№ 439–441). С другой стороны, включение в каталог итальянских шлемов и щитов XVI в. с изображениями подвигов Геракла, а не македонского царя (№ 476–484), кажется искусственным. Наивно и несколько анахронично звучит следующий комментарий к картине итальянского художника XVIII в. Пьетро Антонио Ротари «Александр Македонский и Роксана» (№ 445): «Стремясь снискать расположение персидской знати, Александр вступил с Роксаной в брак. Так союз между Элладой и Востоком был скреплен союзом двух любящих сердец» (с. 396). Отдельные ошибки присутствуют в кратком списке основной литературы об Александре на с. 506, где упоминается некто «Wilken M.», – разумеется, речь идет о немецком историке У. Вилькене (U. Wilcken), авторе классической работы о македонском царе. Странным выглядит включение в этот список избранных работ монографии Г.А. Кошеленко «Греческий полис на эллинистическом Востоке» (М., 1979) и очерка Э.Д. Фролова «Панэллинизм в политике IV в. до н.э.» из книги «Античная Греция» (Т. 2. М., 1983). Обе работы, безусловно, замечательные, но в фокусе их внимания – вовсе не Александр Македонский!

Критические замечания в адрес вышедшей книги, разумеется, не снижают ее общей культурной значимости. Просматривая иллюстрации эрмитажного каталога, одни найдут в нем подтверждение того, что эллинистический мир был бесконечно разным, а другие – на примере Александра Великого и его похода на Восток, воспетых как современниками, так и отдаленными потомками, – увидят мосты, соединяющие эллинизм с нашим временем.

Вторая рецензируемая книга тоже состоит из иллюстраций, которые дают не менее ценную и уникальную информацию об античной цивилизации. Альбом фотографий и рисунков Максима Атаянца «Римский мир», изданный по материалам одноименной выставки, проходившей в московском Музее архитектуры им. А.В. Щусева с 14 февраля по 25 марта 2008 г., посвящен архитектурным памятникам восточных и африканских провинций Римской империи эпохи ее «золотого века». Автор, профессиональный архитектор из Санкт-Петербурга, в 2005–2007 годах совершил путешествия по Сирии, Ливану, Иордании, Ливии, Тунису, Алжиру и Марокко, где посетил ряд античных памятников, включая труднодоступные и малоизвестные, сфотографировал и зарисовал их, снабдив рисунки своими заметками на полях. Эти материалы и легли в основу выставки и альбома. В средствах массовой информации событие не нашло должного освещения, а выставочные залы пустовали (показатель культурного уровня современной российской публики), хотя, по признанию экспертов, это была одна из лучших выставок музея за последние годы⁵.

Эксперимент М. Атаянца – редкий сегодня пример совмещения «ученого путешествия» (в духе традиций прошлого, когда просвещенные европейцы, путешествуя, изучали древние развалины) и актуализации античности практикующим архитектором, известным своими подражающими классике проектами. В одном из интервью он прямо говорит об этом: «Моей задачей было не включиться в звонкий хор восхваления хитов, а актуализировать все явление, называемое Античностью. В том числе вернуть в культурный обиход памятники, многие из которых после крушения Рима были выключены из культурного контекста»⁶. В результате в снимках и рисунках автора соединились интерес просвещенного человека, любящегося экзотическим памятником, и профессионализм специалиста, которому интересны мельчайшие детали. М. Атаянц – талантливый фотограф и рисовальщик, некоторые его снимки – настоящие произведения искусства (см., например, романтические виды ливанской Факры или выразительные головы Медуз из Лептис Магны – XLII–XLIV, CIV–CIX), а рисунки точны и стилистически изысканны.

Стилизация под старину присутствует и в географической номенклатуре альбома, чьи карты, по всей видимости, позаимствованы из старых карт Римской империи с их латинскими названиями провинций и городов. Сразу же отмечу, что белым пятном на карте альбома остаются Турция, Израиль и Египет. Возможно, путешествия М. Атаянца туда (а в идеале еще и в страны Европы, чтобы обозреть весь круг земель *Rex Romani*) – дело будущего.

⁵ См. *Титаренко Е.* Обломки империй. «Римский мир» Максима Атаянца в Музее архитектуры // *Культура*. № 08 (7621) от 28 февраля – 5 марта 2008 г.

⁶ Цит. по электронному варианту журнала «Русский антиквариат» от 13 февраля 2008 г. (www.antiqu.info/news/news_and_announcements/10374.html).

В подготовке издания также участвовали искусствоведы Г. Ревзин и В. Седов (куратор выставки), авторы предисловия и послесловия к альбому, но я не стану разбирать их достаточно вольные (и спорные) эссе и выскажу лишь сожаление, что к участию в проекте не пригласили профессиональных антиковедов.

В альбоме опубликованы 202 фотографии и 35 рисунков, залечатлевшие свыше 100 памятников из примерно полусотни городов и поселений. В Сирии это Апамея, Пальмира, Бостра и Калат Семан (базилика св. Симеона Столпника). В Ливане – Тир, Бейрут, Маждель Анджар, Ниха, Баальбек, Факра, Анджар и Хермель. В Иордании – Гера и Петра. В Ливии – Птолемида, Кирена, Латрун, Триполи, Сабрата, Лептис Магна и Гирза. Больше всего памятников автор посетил в Тунисе и Алжире: Аммедара, Циллиум, Ассурас, Мактарис, Дугга, Суфетула, Эль-Джем, Булла Регия, Тубурбо Майюс, Карфаген, Загуан, Сбейтла, Хайдра, Мусти, Тебесса, Константина, Тиддис, Диана Ветеранорум, Тимгад, Ламбезис, Медрасен, Тибилис, Джемиля, Типаза и Зана. В Марокко – Волубилис и Рабат.

Не все памятники, попавшие в поле зрения автора, датируются римским временем, хотя большинство их было основано или перестраивалось именно в I–III вв. Провинции империи возникали на месте более древних государств и культур, римский мир существовал вплоть до прихода Византии и арабов, поэтому на примере имеющихся памятников мы имеем дело не с одной, а с несколькими цивилизациями: эллинской, эллинистической, сирийской, финикийской, набатейской, пунической, нумидийской, мавретанской, римской, византийской и даже арабской. Разнообразны и типы памятников, запечатленные М. Атаянцем: городские площади и улицы, форумы и рынки, театры и гимнасии, храмы и святилища, гробницы и мавзолеи, дворцы и виллы, колоннады и портики, арки и термы. О многообразии римского мира эпохи Антонинов свидетельствует сам перечень городов, которые посетил автор: эллинистическая Апамея и «караванные города» Пальмира и Петра, древнегреческая Кирена и пунический Карфаген, римская военная колония Тимгад и храмовый центр в Баальбеке. Альбом дает наглядное представление об этом многообразии и может быть ценным руководством не только для студентов архитектуры (особо отмечу детальные архитектурные комментарии М. Атаянца на полях его рисунков), но и для историков, изучающих античность.

К сожалению, не обошлось без отдельных неточностей и ошибок в подписях к иллюстрациям, упомяну некоторые из них. I–VI: центральную улицу Апамеи следует называть «Большой колоннадой», а не «Колонной улицей». XII: место пересечения главных улиц Пальмиры – «Тетрапилон», а не «Тетракоиион». XLVI–XLVII: в ливанском Анджаре (древней столице итуреев Герре) находился дворец Омейядов, построенный в VIII в. на месте античных руин с использованием, как это было принято у первых арабских правителей, более ранних (в данном случае византийских) строительных материалов и приемов. Поэтому, полагаю, речь здесь идет об омейядском, а не византийском дворце. LXXIII–LXXIV: следовало бы упомянуть, что храм Аполлона в Кирене (у автора – Аполлона Основателя, хотя, согласно легенде, основательницей города считалась нимфа Кирена, возлюбленная Аполлона) датируется VII в. до н.э., многократно перестраивался, в том числе и в римскую эпоху. CXXXII: на мой взгляд, перед нами – неопунический, а не римский мавзолей в Мактарисе (ср. аналогичный мавзолей в Дугге). CLI–CLV: автор неверно называет виллу Охоты в Булле Регии «домом Охотника (Рыбной ловли)». Дома Охоты и Рыбной ловли, названные так по найденным в них мозаикам, – две разные виллы II–IV вв. Наконец, Мавретания Тингитанская, а не «Тангетанская», как у автора.

Главная ценность альбома М. Атаянца – его замечательные иллюстрации, знакомство с которыми, пожалуй, дает больше для понимания столь далекого от нас, загадочного и прекрасного мира античности, чем чтение некоторых претендующих на ученость книг. Автор не скрывает своего восхищения увиденным и одновременно пылливо и внимательно рассматривает и фиксирует его, пытается постичь, побуждая к этому и нас. Свой альбом он завершает рисунком барельефа с Океаном (XXXV), увиденного в музее в Рабате, и следующим комментарием к нему: «... первый раз, когда я вижу край империи, то есть римлян за Геркулесовыми столбами, на берегу океана... И тут вдруг вижу: вот, собственно, Океан... Это явление Титана в бурлящем море в виде водоворота на его поверхности, когда по периферии бурлят волны, спирально закручиваясь, а в середине образуется почти спокойная зона с мертвой зыбью. Здесь все это передано великолепно, причем практически без натуралистических деталей. Только среди локонов-волн играют рыбы и дельфины, а по лицу идет рябь... Не знаю даже, почему я придаю этой скульптуре такое значение. Видимо, совпало время, место, настроение и т.д. Но что-то в ней есть настолько важное, что я этого пока не понимаю». Чтобы убедиться в справедливости этих слов и попытаться самому разгадать тайну римского Океана, надо открыть альбом и взглянуть на рисунок.

© 2009 г.

JOOST KIST. Ancient Near Eastern Seals from the Kist Collection. Brill: Leiden–Boston, 2003 (With Contribution by Dominique Collon, Frans Wiggermann and Geoffrey Turner)

Коллекционер Дж. Кист начал собирать памятники древневосточной глиптики еще в 1950-х годах. Приняв решение опубликовать свою коллекцию, он обратился за консультацией к известным специалистам в области изобразительного искусства древнего Востока: доктору Доминик Колон (цилиндрические печати), проф. Франсу Виггерману (надписи) и Джеффри Тернеру (печати, штампы). В настоящем издании представлена только часть его обширного собрания коллекции древностей.

Собрание Киста обладает редким качеством цельности; в нем представлены печати буквально всех периодов древнего Востока начиная с IV тыс. до н.э. (периоды поздней Убайд – Урук IV – Джемдет-Наср) и кончая временем правления Ахеменидов, т.е. I тыс. до н.э. Публикация, таким образом, дает возможность полностью проследить историю развития искусства древневосточной глиптики, игравшего ведущую роль в культуре древнего Востока. Отмечая это ценное качество коллекции, Доминик Колон в своей вводной статье «The Kist Collection of Seals» (с. 3–14), обращает внимание читателей на важное обстоятельство: «Все печати собрания Киста за исключением одного номера (№ 241 из раскопок в Угарите) неизвестного происхождения, что заставляет исследователя прибегать к поискам аналогий и создает определенные проблемы в точной атрибуции памятников».

Следуя так называемой «средней хронологии», наиболее распространенной среди специалистов, исследовательница распределяет памятники по следующим периодам:

- ранние печати и штампы (№ 1–12);
- период I: Урук IV – Джемдет-Наср (3500–3000 гг. до н.э., № 13–56);
- период II: раннединастические печати (3000–2300 гг. до н.э., № 57–114);
- период III: аккадские печати (2334–2200 гг. до н.э., № 115–166);
- период IVa: старовавилонские печати (2000–1600 гг. до н.э., № 167–228);
- период IV – b, c, d: староассирийские и старосирийские печати (№ 229–257);
- период V – a, b, c: касситские, посткасситские, митаннийские, среднеассирийские печати (№ 258–285);
- период V – d, e: среднеэламские, кипрские, левантинские печати (№ 286–308);
- период VI – a, b, c, d: новоассирийские печати (900–612 гг. до н.э.), нововавилонские печати (ок. 1000–500 гг. до н.э.), урартская печать (№ 372), новоэламские печати (№ 309–380);
- период VII: ахеменидские печати (№ 381–389);
- неклассифицированные, возможно, местные сирийские печати, а также других стилей (№ 390–412);
- поздние печати, воспроизводящие более раннюю иконографию (№ 413–444);
- оттиски печатей (№ 443–464).

Основой статьи, таким образом, явился научный каталог с описанием печатей в хронологическом порядке (с. 23–226). Особый интерес (с. 227–234, № 443–464) представляет публикация фрагментов отпечатков на мешках и глиняных сосудах.

Отдельную группу составили новоделы и поддельные печати. Печати подделывались со времен первых раскопок середины XIX в. и подделываются по сей день, однако в основе подделок нередко, хотя и не всегда, лежат сюжеты оригинальных памятников, что представляет определенный интерес.

Статья Виггермана (*F.A.M. Wiggerman. Иконография и религия. С. 15–18*) дополняет и расширяет историко-археологическое введение Доминик Колон. Понимая сложность и неохватность проблемы отражения в иконографии древних верований жителей Двуречья, исследователь ограничивает свою работу тремя доминирующими, по его мнению, темами: «Добрые отношения с богами», «Защита от зла (злых сил)», «Поддержка (помощь) магическими средствами и способами». Это положение исследователь рассматривает в первую очередь на примерах сцен

празднеств и пиров – темы, распространенные с Раннединастического периода II (первая половина III тыс. до н.э.). В основе культа, подчеркивает Виггерман, лежала забота о постройке храма для богов, а также забота о пропитании божества, проживающего в своем храме на своей земле. Осуществлял этот труд правитель страны, строя храм. Культовые действия, процессы одевания статуй богов, омовения и вкушения пищи богом хорошо известны из клинописных текстов.

На более поздних печатях, начиная с периода RD III, сцены пира заменяются сценами представления божеству, что, без сомнения, как считает автор, должно означать определенные изменения в культе. Так, мы видим на печатях изображения стоящего или сидящего божества, к которому приближается поклоняющийся (адорант) с воздетыми вверх руками, нередко ведомый богом или богиней – хранителями. Этот ведомый – или собственник печати, как показывает надпись, или же правитель, царь, чьи более близкие отношения с божеством должны были оказывать влияние и на жизнь простого смертного.

К сценам защиты от злых сил автор относит печати раннединастического, аккадского, а также более позднего времени с изображением темы «Фриз сражающихся» в его самых разнообразных вариантах, подчеркивая важность образа «кудрявого нагого героя» (тип Гильгамеша) и человека-быка.

В поддержке магическими средствами важную роль играл выбор камня, из которого резались печати, ибо каждому камню приписывалась особая магическая функция. Также было очень существенным изображение персонажей, не имеющих отношения к основному сюжету: животных (лягушка, еж, змея, скорпион, обезьяна), кривонного карлика (лахму, хувава, пазузу), руки, розетки и т.д. В отдельных случаях выбор элемента можно определить: так, голова имела апотропеистический смысл, руки были связаны с амулетом в форме руки, чье ношение предписывалось в ритуале «вхождение во дворец», где эти апотропеи должны были служить поддержкой и защитой от возможных причуд со стороны авторитетных лиц.

На с. 19–22 Виггерман приводит и анализирует тексты надписей на печатях.

В списке библиографии (с. 235–237) учтены все основные работы по глиптике, в том числе издания последних лет. Таким образом, в науку о древневосточной глиптике введено более 400 экземпляров памятников переднеазиатского искусства.

К сожалению фотографии не всегда ясны и четки, что, скорее всего, относится к неважному качеству некоторых оттисков, а не только к плохой сохранности печатей.

В.К. Афанасьева

© 2009 г.

If a Man Builds a Joyful House. Assyriological Studies in Honor of Erle Verdun Leichty. Brill: Leiden–Boston, 2006

В 2006 г. хорошо известное востоковедам издательство Брилля в Лейдене выпустило 31-й том серии *Cuneiform Monographs: If a Man Builds a Joyful House. Assyriological Studies in Honor of Erle Verdun Leichty*. Книга представляет собой сборник статей в честь юбилея Эрла Лихти, известного шумеролога и ассириолога, автора многих монографий и статей, которые получили широкое признание в научном мире (список работ Э. Лихти на с. xxiii–xxvii). Во введении к сборнику дано краткое описание многообразной научной и педагогической деятельности этого замечательно-го исследователя, отмечается его масштабный вклад в развитие ассириологии, в том числе в издание аккадского и шумерского словаря. Огромное значение для древневосточных исследований имеют осуществленные им многочисленные публикации клинописных текстов, среди которых 8 монографий, посвященных изданию клинописных коллекций и каталогов.

37 статей, входящих в данный сборник, написаны коллегами, учениками и друзьями Э. Лихти и посвящены самым различным аспектам шумерологии и ассириологии. Среди авторов такие патриархи ассириологии, как В.В. Халло, на работах которого выросло не одно поколение ассириологов, и совсем молодые исследователи, делающие первые шаги в науке, имена которых известны пока только их учителям.

Тематическое разнообразие сборника отражает не только широту научных интересов юбиляра и разнообразие направлений его собственных научных исследований, но и позволяет чита-

тельно составить определенное представление о том, в каком направлении развивается современная ассириология, какая именно тематика пользуется сейчас предпочтительным вниманием исследователей. Однако такое тематическое разнообразие создает определенные сложности для рецензентов. Рамки публикации не позволяют осветить в отзыве содержание всех статей сборника. Две статьи сборника (*A.R. George. Babylonian Texts from the Folios of Sidney Smith. Part Three. С. 173–186* и *W.G Lambert. Enbilulu and the Calendar. С. 237–242*), помимо данной рецензии, подробно разобраны в отдельной рецензии В.В. Емельянова (ВДИ. 2009. № 1. С. 227–235).

Для удобства читателей рецензируемые в данном отзыве статьи сборника объединены по тематике в несколько основных разделов. Это объединение, безусловно, достаточно произвольно, тем более, что многие статьи затрагивают сразу несколько тем и почти все сопровождаются публикацией клинописных документов.

ПУБЛИКАЦИИ

Многие статьи сборника, как уже упоминалось, посвящены публикациям отдельных клинописных документов или группы документов и анализу их содержания.

W.W. Hallo. Another Ancient Antiquary (с. 187–196). Статья одного из старейшин ассириологии В. Халло посвящена не только публикации поздней копии древнего клинописного текста, как явствует из заглавия, но и самому феномену, известному всем ассириологам, но не получившему до сих пор исчерпывающего объяснения. Речь идет о копировании древних текстов менее древними писцами.

Такие тексты можно разделить на две категории: 1) аутентичные тексты, изготавливаемые одновременно для архивных целей и (что не отмечено автором) для вручения всем участникам сделки (продавцу и покупателю, кредитору и должнику и т.п.) и 2) копии «антикварные», сделанные иной раз через несколько или много столетий после написания оригинала. Четкой их классификации автор не дает, но, думается, она все-таки возможна. Это, во-первых, копии, изготавливаемые по необходимости и по необходимости же пополняемые и поправляемые, например, древние хроники, дополненные более поздними событиями. Так возникают различные варианты одного и того же текста (наиболее яркий пример – Шумерский царский список). Во-вторых, копии в точном смысле слова, изготавливаемые в учебных целях, для «музея» и, наконец, для демонстрации высокого мастерства копииста. Видимо, к этой последней категории и относится публикуемый В. Халло текст MLC 8075. Он представляет собой надпись основателя государства III династии Ура Ур-Намму (2112–2094 гг. до н.э.), которая первоначально была отштампована на кирпиче из храма Эанна и посвящена реконструкции этого храма, проведенной по приказу Ур-Намму. Известно около двух десятков «оригиналов» этого текста. Нововавилонская копия имеет колофон со ссылкой на оригинал и с именем копииста.

Статья содержит подробный анализ этой любопытной таблички, ее копию и обширную библиографию. Копия позволяет заключить, что копиист, живший в VI в. до н.э., которого звали Мардук-нацир, сын Ибни-Иштара, мог свободно и точно воспроизводить сложные знаки времени III династии Ура. Цель его работы, видимо, и состояла в том, чтобы продемонстрировать свое мастерство (*В.А. Якобсон*).

J. Klein. An «Old Akkadian» Sale Document of Unknown Provenance (с. 223–236). Дж. Клейн, один из ведущих современных шумерологов, опубликовал в сборнике уникальный текст экономического характера – контракт о продаже. Что именно продавалось, неясно, так как знак, обозначающий объект продажи, частично поврежден. Автор считает, что это был участок необработанной земли, П. Штайнкеллер – что это был дом или сад (с. 224, прим. 8). Текст записан на глиняной табличке, которая имеет необычную форму двояковыпуклой линзы. Форма документа, его нестандартное содержание и использование в тексте ряда уникальных формулировок, а также явная незавершенность текста дали основания автору предположить, что представленная табличка является школьным упражнением, возможно, школьной копией староаккадского документа, составленной в период Ур III (*Н.В. Козырева*).

M.P. Maidman. A Stray Nuzi Next from Belgium (с. 243–246). Опубликованный в данной статье текст представляет собой типичную для документов из Нузи запись судебного разбирательства, касающегося незаконного захвата и использования поля. Интересным представляется тот факт, что в документе (сткк. 5, 7, а не 7–8, как указывает автор в примечаниях) упоминается уникальный топоним URU Ar-WA, который в других текстах из Нузи не встречается. К сожалению, оригинал таблички с текстом пропал из коллекции музея Брюсселя, и издание сделано по рисованной копии (*Н.В. Козырева*).

M. Stolper. Parysatis in Babylon (с. 463–471). В своей статье Мэтью Столпер дополняет новой публикацией серию хозяйственных документов из поздней, ахеменидской Вавилонии, где упомянута женщина по имени Пурушату. До сих пор с таким именем была известна хозяйка недвижимости в районе Ниппура (архив Мурашу); новый текст, VAT 15618 (Bab 14269), происходит, вероятно, из Вавилона (место изготовления повреждено). Еще Б. Майснер предположил в 1904 г., что это – известная по сообщениям античных авторов (Ксенофонт, Ктесий, Плутарх и др.) – Парисатида, дочь Артаксеркса I, царица Ахеменидской империи, жена Дария II и мать Артаксеркса II и его мятежного брата Кира. Ее иранское имя восстанавливается как *Paṛuṣyati (*Pauruṣyati) (с. 468 с прим. 13). Среди свидетелей упомянут ее раб Патнету (др.-перс. *Pati-naida-). Несмотря на распространенность имени Парисатида (мать Артаксеркса II звали так же), идентификация Майснера остается в силе. Ее подкрепляет наличие в документах имен подчиненных Парисатиде людей с титулами *paqdu*, *dajān būilbābi* и т.п. В других текстах носители этих титулов являются непосредственными подчиненными царя. Публикуемый документ издатель датирует временем Артаксеркса II, когда Парисатида была отослана от царского двора в Вавилон (*Н.О. Чехович*).

Самую масштабную публикацию клинописных документов в данном сборнике содержит статья *D.I. Owen, E. Wasilewska*. Cuneiform Texts in Utah Collection (с. 259–296). В ней опубликованы 43 ранее не издававшихся клинописных документа из трех коллекций американского штата Юта. Авторы представили каталог и описание всех текстов вместе с прекрасными копиями и транслитерацией, а также составили подробные индексы к текстам. Большинство текстов (29) относится к периоду Ур III. Они происходят из Пузриш-Дагана, Уммы и Лагаша. Остальные 15 текстов, многие из которых сохранились только фрагментарно, относятся ко времени Гудеи (30), Старовавилонскому (32–38) и Нововавилонскому (39–43) периодам.

Как указывают сами издатели, по своему содержанию представленные тексты не являются уникальными, все они происходят из хорошо известных мест и архивов. Тем не менее публикация этой группы документов, сделанная на самом высоком научном уровне, имеет большое значение, поскольку каждый из этих текстов добавляет новые штрихи и детали к уже известным по ранее опубликованным документам фактам, и мы должны быть благодарны издателям, работа которых позволяет расширить наше понимание социально-экономической реальности древней Месопотамии (*Н.В. Козырева*).

В раздел «Публикации» можно отнести и статью *M. Sigrist*. Droit de pêche: Tablette St. Étienne 26 (с. 391–400). Каталог клинописных текстов, хранящихся в монастыре Сент-Этьен в Иерусалиме, был опубликован М. Сигристом в соавторстве с А. Миллардом еще в 1985 г. (*Sigrist M., Millard A.R.* Catalogue des tablettes cunéiformes du Couvent Saint-Étienne // *Revue Biblique*. 1985. 92. Р. 570–576). В статье приведен перевод и транслитерация одного из текстов данной коллекции и дан краткий комментарий к нему. Этот очень интересный, но трудный для понимания документ из Южной Месопотамии времени III династии Ура (XXII–XXI вв. до н.э.), написанный по-шумерски, касается прав на рыболовство. По мнению автора, текст документа, к сожалению, несколько поврежденный, содержит либо фиксацию каких-то злоупотреблений в распределении улова рыбы, либо запись спора по поводу того, какому из двух городов, Лагашу или Умме, принадлежат права на вылов рыбы в определенных водоемах. Рыболовство было важной хозяйственной отраслью Южной Месопотамии, и документы, касающиеся этой сферы, сохранились от всех периодов истории вплоть до Нововавилонского. Известно, что в Старовавилонский период права на вылов рыбы в водоемах, расположенных вокруг города Ура, принадлежали главному храму города, храму бога Нанны. Вероятно, и в предшествующий период, к которому относится опубликованный М. Сигристом документ, именно городские храмы Лагаша и Уммы владели правами на улов рыбы, по поводу которых возник спор, тем более, что в самом тексте указано, что рыба предназначалась для жертвоприношений (*Н.В. Козырева*).

ГАДАТЕЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ, ЗАКЛИНАНИЯ, ЗАГОВОРЫ, АСТРОЛОГИЧЕСКИЕ И КАЛЕНДАРНЫЕ ТЕКСТЫ

Почти треть работ сборника (12 статей) посвящена различным аспектам изучения гадательных текстов (омина), заклинаний, заговоров, а также связанных с ними ритуалов и практике гаданий.

Гадания, магия, астрология – эта сфера привлекает внимание многих современных ассириологов, чему немало способствовали и труды в этой области самого Э. Лихти. Достаточно вспомнить издание им клинописной серии гадательных текстов *Šumma izbu* и его многочисленные статьи по этой тематике (см. список работ юбиляра на с. xxiii–xxvii).

Статьи И. Финкеля, С. Фридмана и М. Геллера представляют собой публикации отдельных текстов, связанных с практикой гаданий. *I.L. Finkel. On an Izbu VII Commentary* (с. 139–148). В статье приведена автография, транслитерация и комментарий к тексту, который представляет собой, по-видимому, позднеавилонскую копию комментария к одному из разделов серии гадательных текстов *Šumma izbu*, опубликованных Э. Лихти в 1970 г. Текст завершается колофоном, в котором упоминается известное и по другим источникам имя писца из Урука Икиши, сына Иштар-шум-эреш, потомка Экур-закира (*Н.В. Козырева*).

S. Freedman. BM 129092: A Commentary on Snake Omens (с. 149–166). Статья содержит публикацию клинописного текста (BM 129092), который представляет собой комментарий к предсказаниям, упоминающим змей. Большинство комментариев, содержащихся в данном тексте, как показывает автор статьи, могут быть точно соотнесены с определенными предсказаниями (омина) из известной серии *Šumma Alu*. Серия предсказаний, известная под названием *Šumma Alu*, в течение многих лет была предметом исследования Э. Лихти. Именно он предложил автору статьи заняться публикацией этой серии и оказал ей огромную помощь в этой сложной работе. Первый том издания вышел в 1998 г. (*Freedman S. If a City Is Set on a Height. Vol. 1. Philadelphia, 1998*), в ближайшее время предполагается издать и второй том. Среди этой огромной серии предсказаний, как указывает автор статьи, 205 предсказаний связаны со змеями. Вновь публикуемый клинописный текст из собрания Британского музея содержит комментарий для 40 из этих предсказаний (*Н.В. Козырева*).

M.J. Geller. Practice or Praxis (с. 167–172). В статье содержится публикация двух небольших клинописных текстов из коллекции Филадельфии. Установить, были ли они школьными упражнениями или записями для практической деятельности, не представляется возможным в отсутствие контекста. Один из текстов содержит фрагмент фармакологического рецепта (CDS 8680), а второй – часть заклинания, в котором упоминается использование некоторых растений для магических ритуалов (CDS 1720). В статье приведены автографии текстов, транслитерация, перевод и небольшой филологический комментарий (*Н.В. Козырева*).

К этой же группе можно отнести и статью *P.-A. Beaulieu. The Astronomers of the Esagil Temple in the Fourth Century BC* (с. 5–22). В своей статье П.-А. Боле публикует поврежденный документ из Йельской коллекции (YBC 11549), содержащий записи о выдаче рационов ячменем для писцов «серии “Энума Ану Энлиль”», т.е. астрономов. Автор, основываясь на тефорных именах в списке получателей довольствия, в основном с элементами Бел-, Мардук- и Эа-, делает вывод о том, что эти 14 астрономов служили в вавилонском храме Эсагила. В документе отсутствует имя царя, указан лишь шестой год. На основании внешних данных и некоторых данных текстологии (написание BAR для месяца нисану и UMUN для имени бога Бела, сходство с датированными списками) автор предполагает, что документ составлен в IV в. до н.э., возможно, при Араксерксе III, т.е. в 353/352 г. до н.э.

Этот документ в том случае, если датировка верна, заполняет большой пробел между материалом предшествующего периода и особенно богатыми данными по астрономии последующего, эллинистического времени. В дополнение к публикации автор дает сводную таблицу сходных документов с отчетами о выдаче довольствия храмовым служащим (по профессиональному признаку): ремесленникам, музыкантам, жрецам, а в ряде случаев женам ремесленников. Помимо этого П.-А. Боле приводит список профессий из этих документов.

Проблема заключается в том, что ни один из списков не называет прямо храм, к которому относится архив. Указание на Эзиду в документе TEBR № 96 не противоречит, по мнению автора, отнесению всего архива к Эсагиле. Можно было бы вспомнить здесь известное указание Страбона (XVI. 1) на соперничавшие астрономические школы в поздней Вавилонии: школы «орхенов» и «борсиппен» (т.е. ученых из Урука и Борсиппы). Впрочем, дальнейшие исследования внесут, думается, ясность в этот вопрос (*Н.О. Чехович*).

P. Michalowski. How to Read the Liver – In Sumerian (с. 247–258). Широкое использование гаданий и предсказаний считается одной из самых ярких особенностей месопотамской культуры. Библиотеки Вавилонии и Ассирии I тыс. до н.э. были заполнены огромным количеством табличек с собранными в отдельные серии текстами предсказаний-омина. Однако все эти тексты были составлены на аккадском языке, не было найдено ни одного раннего текста предсказания, составленного по-шумерски. Известные шумерские варианты текстов омина представляют собой поздние тексты-билингвы, явно переведенные с аккадского. Хотя в гимне конца III тыс. до н.э. царь Шульги хвалится своими способностями читать по печени, гадательные тексты, составленные ранее Старовавилонского периода, не известны.

В своей статье Петр Михаловски публикует текст, который, по его мнению, является самым ранним вариантом предсказания (омина), записанного на шумерском языке. Он представляет

собой школьную копию письма царя города Казаллу Пузур-Нумушда, адресованного последнему царю III династии Ура Ибби-Сину (2027–2003 гг. до н.э.). Автор отмечает, что текст носит характер литературного и не связан напрямую с гадательной практикой, но, судя по нему, школьные учителя этого времени имели представление о предсказаниях и умели пользоваться своими знаниями. Поскольку автор предполагает в ближайшее время издать всю переписку царей III династии Ура, в том числе и вышеупомянутое письмо, с подробными комментариями, имеет смысл отложить обсуждение этой проблемы до выхода заявленного издания (*Н.В. Козырева*).

F. Rochberg. Old Babylonian Celestial Divination (с. 337–348). Старовавилонские астрономические предсказания были частью обширной системы предсказаний по различным знакам физического мира. Автор статьи задается вопросом, когда в Месопотамии возникает традиция небесных предсказаний, зафиксированная со второй половины II тыс. до н.э. в серии астрономических предсказаний Энума Ану Энлиль. Представление о знаках на небесах было известно, как указывает Ф. Рошберг, уже в Лагаше конца III тыс. до н.э. (надписи Гудеа), однако текстов предсказаний-омина от III тыс. у нас нет. Самые ранние записи предсказаний, основанных на наблюдениях за движением небесных тел появились, как показывает автор, в Старовавилонский период, скорее всего, в конце XVII в. до н.э. Это же время было, вероятно, и временем возникновения вавилонской астрономии, когда зародилась практика постоянных астрономических наблюдений и систематизации астрономических явлений (*Н.В. Козырева*).

A.R. George. Babylonian Texts from the Folios of Sidney Smith. Part Three: a Commentary on a Ritual of the Month Nisan (с. 173–185). Статья Э. Джорджа продолжает начатую им в конце 1980-х годов серию публикаций по неизданным материалам выдающегося ассириолога Сидни Смита, работавшего в Лондоне в первой половине XX в. Э. Джордж анализирует здесь очень трудный текст BM 54312, являющийся комментарием к не дошедшему до нас ритуалу. Возможно, его писал ученик; время записи комментария – Нововавилонский или Поздневавилонский период. Сохранился поврежденный фрагмент, касающийся ритуалов, проводившихся с 5-го по 11-е число месяца нисану, когда, как известно, в Вавилонии праздновалось новогодие. Э. Джордж считает, что текст прямо связан с этим праздником в Вавилоне. Комментарий дает «ученое» объяснение деталям сложного облачения некоего участника культовой церемонии; его титул не сохранился, но Э. Джордж предполагает, что он виден в первой строке и восстанавливает слово *ku-lu-ú* – «гермафродит», «служитель культа женских божеств». Сомнения сохраняются: написание необычное (пропущен *алеф*), от себя добавлю, что перед титулом ожидаешь детерминатив *lú*. Не исключено другое восстановление, например: *meš lu-ú*. Можно согласиться с автором в том, что переписчик комментария происходил из Вавилона: текст предваряется не редким для позднего времени благопожеланием писца: «По слову Бела и Бельтии да будет (успешно) завершено (это писание)!» Будь писец из другого города, он испросил бы благословения у своих богов (Ану и Анту обычны для позднего Урука). К сожалению, имя бога, «перед которым» проводится ритуал, отбито (ст. 1). Но в ст. 3 повторена дата: «от 5-го до 11-го дня ритуалы божества A[...]».

Джордж восстанавливает имя вавилонской богини Ануниту, считая, что именно ее статую освящают, обрызгивая сакрализованной водой. Доказательство – суффиксальное местоимение ж. р. -*ša*. Комментарий отмечает, что при этом очищаются «страны». Следом идет облачение персонажа в одеяния богини Ануниту, причем в три сразу. Следуют семь поясов *ša qablu*, затем семь и семь каламов (тростниковых палочек для письма по глине: *qanituṣṣu*). Они прикрепляются соответственно к правому и левому бокам персонажа, а спереди и сзади – еще по два таких прибора для письма. Всем им даются имена богов: правым – от Ану до богини Белет-или, левым – имена так называемых «семерых Нинурт», от Ураша до Пабильсага. Джордж указывает на полностью совпадающий список этих «Нинурт» еще в двух ритуальных текстах: KAR 142 I 22–25, издан *Pongratz-Leisten B. Ina Šulmi Iruḫ. Mainz, v. Zabern, 1994 (BaF 16)*. P. 221, и в ритуале о реставрации культовых статуй (перезидан *Walker C.B.F., Dick M. The Induction of the Cult Image in Ancient Mesopotamia: The Mesopotamian Miš Pi Ritual. Helsinki, 2001. P. 240*). Далее перечисляются пояса и полотнища, идущие от плеч и до пояса. Затем говорится о поясе (в ед. ч.), «имя им (*šum-šuni* – мн. ч.!) – Папсуккаль Ану». Э. Джордж решает, что поясов два, и эмендирует союз «и» между именами богов.

На это хочется возразить. На табличке выражение *mi-šú-ni* выписано точно под такой же группой знаков из предыдущей строки. Двумя строками выше и тремя ниже та же группа знаков. Видно, что в двух случаях писец сознательно подгонял выражение «имена их», отступая от предыдущего текста, чтобы добиться эстетического эффекта. Это характерно для писцов того времени. Они любили помещать одинаковые словосочетания точно друг под другом, в столбик. Та же любовь к унификации могла подвигнуть писца к добавлению ненужного знака -*ni*. В дей-

ствительности речь, скорее всего, идет об одном поясе *nēbehi*; Папсуккаль – это слуга, посланник бога Ану, и имя Папсуккаля, стоящее перед именем Ану, – явный случай статуса конструктора. Не исключено, что этот пояс имел свисающий свободный конец, как бы хвост, что напоминает нам «хвост» шамана, жреца, являющийся связью мировых сфер по вертикали. Далее речь идет о шерстяных шнурах или пряжах белого, красного и синего цвета, также по семи справа и слева, ниспадающих от пояса. Правые объяснены в комментарии как звезды, Плеяды, левые – это «семь рек». На деле в сохранившемся тексте рек шесть, это не отмечено у Э. Джорджа. Скорее всего, первым номером в лакуне следует ожидать знак *id* в значении мифической Реки, Идлургу, к которой (в мифологическом пространстве) шли, совершая ордалию; там ежегодно очищали себя богини (KAV 218 A II 18). Именно такая цепочка рек, видимо, намечена в ст. 4. Э. Джордж привлекает для сравнения (с. 177 с прим. 20) ритуальный текст из селевкидского Урука, где так же содержатся подробные инструкции об одежде и украшениях участников церемонии, в частности, об одежде царя, когда он «берет за руки богов» (*ina šabat qātē ilāni*). Действительно, в этих текстах немало общего. Хочется более детально провести это сравнение. При этом, кажется, становятся возможны некоторые восстановления. Falkenstein. UVB 15. S. 40, W 18728 rs.12 (слово *aš-pū-ū* у Фалькенштайна не прочитано): *uskaru* (u₄. *sakar*)^{na4} *kunukku* (kišib)^{na4} *aš-pū-ū kišādi* etc. – «сerp (Луны), печать из яшмы (для) шеи...».

George, I.19 (первое слово с моей попыткой восстановления. – Н.Ч.): [... *as?*]-GA?-ri^d *šin* (XXX) *ku-lu-lu qaqqadi* (sag.du)-šū *aššu* (mu)^{na4} *kunukku* (kišib)^{na4} *aš-pū-u aban* (na₄) *šarru* (lugal)-[u...]- «сerp(?) Луны, тиара головы его (то есть), печать из яшмы, камня царственности...».

Если восстановления верны, две детали облачения в наших текстах совпадают: полумесяц – символ бога Луны Сина – и носимая на шейном шнурке печать из яшмы. Конец строки у Джорджа поврежден. В обоих текстах есть описание наряда с каламами. Кстати, первый и единственный из ассирийских царей, изображавшийся с письменными принадлежностями, засунутыми за пояс, – Ашшурбанапал, царь, получивший волею судьбы жреческое образование (*Seidl U. Assurbanipals Griffel // ZA. 2007. 97. S. 119–124*). Но его писцовый набор, хотя и выполняет знаковую функцию, кажется еще вполне мирским предметом, хотя и не вполне уместным в сцене охоты. Хотелось бы понять роль каламов в поздних ритуалах. Не является ли палочка для письма так же, как и пояс, связующим элементом между мирами – обыденным и сакральным? Э. Джордж справедливо отмечает, что таинственный персонаж, облаченный в столь сложный наряд, воплощает в одном лице почти весь пантеон Вавилонии, за исключением богов Мардука и Адада. По мысли Джорджа, Мардука как главного героя ритуала этот персонаж сопровождает, поэтому Мардук и отсутствует среди упомянутых групп богов. Текст Фалькенштайна специально указывает, что в ритуале участвует царь, берущий за руки богов (а не одного бога) (ст. 8' оборота). В тексте Джорджа не сохранилось прямых указаний на участников церемонии, хотя выражение «ритуал А[нуниту]», возможно, восстановлено верно. Но в деталях одеяния упомянута яшма, «камень царственности». Закрадывается подозрение, что персонаж, действующий в течение семи дней праздника – все-таки царь, а не служитель-гермафродит. Впрочем, тонкий анализ текста, проведенный Э. Джорджем, вызывает восхищение, и, возможно, с появлением новых материалов можно будет с большей определенностью говорить об участниках этого действа (Н.О. Чехович).

JoAnn Scurlock, Farouk Al-Rawi. A Weakness for Hellenism (с. 357–381). Статья ДжоAnn Скерлок и Фарука Аль-Раби, перевод названия которой был бы затруднителен из-за игры слов «слабость» и «неделя», содержит анализ весьма сложного медико-астрологического материала из Месопотамии и сопредельных территорий. Текст позднего времени BM 76483 предписывает использовать притирания, амулеты, окуливание дымом растений в течение определенных отрезков времени в зависимости от знаков зодиака. Тот же самый текст был исследован в статье Нильса П. Хеселя (Nils P. Heessel) в журнале *Orientalia*. NS. 2005. 75. P. 1–22. Авторы договорились опубликовать оба исследования независимо друг от друга.

Поразительная особенность текста – периоды времени, на которые разбит каждый месяц в сохранившемся фрагменте, равные 7 дням и могут быть названы неделями в современном смысле, что является новостью для Месопотамии, как будто не знавшей такой традиции. Притирание рекомендуется делать в течение одной недели по графику, «скользящему» через весь год: 22–28 арахсамна, 1–7 кислиму, [8–14] тебету, 15–21 шабату, 22–28 аддару. Текст представляется уникальным. Авторы приводят несколько других текстов медицинского назначения, различающихся по ряду признаков. Так, текст BM 56605, с точки зрения календаря, носит следы внемесопотамской традиции, а именно римской, введенной в 153 г. до н.э. Он начинается с созвездия Водолея (январь–февраль). Помимо этого из текста может быть вычленена сложная система соотношения знака зодиака, планеты, вида камней (для амулета), цвета, вида растений. Авторы

привлекают также текст LBAT 1593, где прослеживается система «мужских» и «женских» месяцев, что должно было помочь предсказать пол ребенка в сочетании с положением планет. Авторы далее показывают, что физиогномические гадательные тексты из Месопотамии могли оказывать влияние на соответствующую литературу эллинистического времени (находки в Кумране, египетские материалы). Собранные Р. Бигзом тексты (RA 1968 62) свидетельствуют об имевшейся в Вавилонии позднего времени обширной литературе комментариев, в некоторых своих чертах сближавшейся с идеями эллинистических философов (теория четырех стихий).

Статья содержит богатый сравнительный материал; важные выводы могут быть сделаны в вопросе о влиянии «халдейской» традиции на Птолемея и Пифагора, на персидскую астрологию. Кроме того, авторы стараются показать, что часто встречающееся мнение об угасании клинописной культуры в поздневавилонское время может быть опровергнуто. Мелочи, нуждающиеся в исправлении: на с. 363, очевидно, перепутаны цифры в инвентарном номере; надо: BM 76483. С. 368: *Empiricus* (Н.О. Чехович).

В эту же группу можно включить и еще несколько статей сборника. Статью известной исследовательницы *E. Reiner*. *If Mars Comes Close to Pegasus* (с. 313–324), которая посвящена анализу использованию отдельных терминов (*tehu/TE* – to come close) в астрономических текстах предсказаний серии Энума Ану Энлиль. Статью *J. Polonsky*. *The Mesopotamian Conceptualization of Birth and the Determination of Destiny at Sunrise* (с. 297–312), в которой рассматривается месопотамская концепция рождения и определения судьбы по солнечному восходу. Автор сравнивает текст молитвы за роженицу, обращенный к богу солнца Шамашу (I тыс. до н.э.) с заклинаниями и другими текстами и подробно рассматривает существовавшие в Месопотамии представления о связи между восходом солнца, рождением ребенка и определением его судьбы. Статью *N. Veldhuis*. *Divination: Theory and Use* (с. 487–498). Автор исследует отражение в текстах практики предсказаний и пытается реконструировать сам процесс гадания, от начала до конца.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ

A. Drafkorn Kilmer. *Visualizing Text: Schematic Patterns in Akkadian Poetry* (с. 209–221). Проводя с аспирантами семинар по аккадскому поэтическому тексту «Энума элиш», автор статьи и ее слушатели обратили внимание на одну интересную и немаловажную особенность построения этой поэмы. В сохранившейся полностью первой табличке «Энума элиш» содержится 162 строки, и о самом важном событии – рождении Мардука – говорится точно в середине текста (сткк. 80–81): // В Апсу был создан Мардук, // В чистом Апсу был создан Мардук. // Важнейший эпизод всей поэмы – убийство Тиамат – также приходится на центральную часть повествования, четвертую табличку «Энума элиш», состоящей из семи табличек.

Изучая построение других поэтических текстов, старовавилонского «Эпоса об Атрахасисе», «Эпоса о Гильгамеше» и «Сошествии Иштар в Преисподнюю», исследователь пришла к выводу о том, что древние писцы размещали узловые моменты повествования симметрично, отмечая ими центр текста, первую четверть и три четверти. Это делалось также и внутри почти каждой таблички. Такие важные моменты подчеркивались повторами, занимающими две, три или четыре строки. Иногда речь персонажей или какое-либо описание дословно повторяются в начале, середине и конце таблички. Конечно, к этому наблюдению надо относиться с осторожностью: нередко таблички сохранились фрагментарно или их текст реконструируется современными учеными с использованием различных версий сочинения. И все же как «система» такой принцип построения поэтических текстов, кажется, в целом работает.

Ни одна из табличек не повторяет схему-узор другой. А. Драфкорн Килмер сравнивает эти тексты с узорами на ткани, которые обычно повторяются и обнаруживают определенную симметрию. Ключевые слова используются в текстах с повторами и тоже «симметрично», как и определенные элементы узора (розетки) на ткани.

Многие поэтические тексты исполнялись под музыку. Чаще всего каждая строка содержит четыре музыкальные доли; строки, возможно, представляли собой музыкальные такты. Указания на количество строк в конце таблички в таком случае представляют собой подсчет музыкальных тактов в сочинении, это весьма важно для исполнителей.

Далее автор статьи отмечает, что в месопотамской традиции создание поэтических текстов уподобляется процессу ткачества или плетения. Сама разлинованная, но еще не покрытая значками глиняная табличка напоминает ткацкий станок с основой, а стилос метафорически связан с ткацким челноком. Интересен и позднеаккадский термин для писца – *kāšir kammi* («вязальщик дощечки для письма»); так и представляется изготовитель ковров у вертикального станка. Лю-

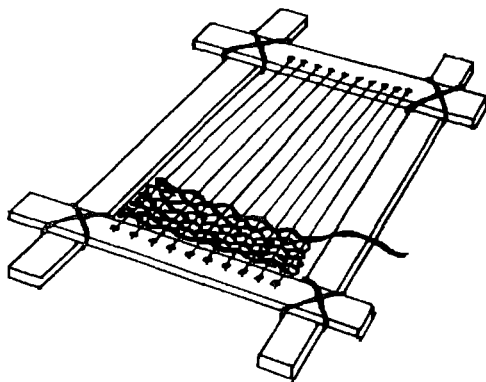

Рис. 1

бопытны и параллели в классическом греческом, где песни «ткнут» на струнах лиры с помощью ткацкого челнока.

В одной из своих более ранних статей А. Драфкорн Килмер, анализируя «Эпос об Атрахасисе», высказала предположение, что повторения определенных «тем» в поэме придают произведению некоторое сходство с фугой, вне зависимости от того, сопровождались ли они особыми музыкальными пассажами. Все это заставляет усомниться в наших прежних представлениях о монотонном произнесении слов поэтических произведений под заунывный аккомпанемент арфы или барабана. Тщательная разработка сделанных предварительных наблюдений позволит узнать, что же именно древние сочинители считали важными моментами в повествованиях, а также строить более обоснованные предположения о содержании утраченных или сильно поврежденных отрывков поэтических текстов.

Автор статьи солидарна с Пьетро Мандером, заметившим некоторое сходство в проведении параллельных борозд в поле и создании строк на табличках (шумерская идеограмма SAR использовалась как для обозначения садоводческих работ, так и для передачи глагола «писать»). Она также отметила роль хиазмов в библейской поэзии (Книга Песни Песней Соломона, конец 4:14 и начало 4:15) и удивительно симметричные построения в зороастрийской поэзии.

Графически наблюдения А. Драфкорн Килмер трудно проиллюстрировать: огромное число строк в поэмах потребовало бы очень длинных и неудобных для пользования полос бумаги, но компьютерные схемы позволяют сделать это. Строки повествования складываются, как кусок ткани. При «развертывании» узоры хорошо видны. Автор приводит в качестве примеров схемы построения «Сошествия Иштар» (138 строк), Гильгамеша X (327 строк) и XI (320 строк). В «Эпосе о Гильгамеше» лишь XII таблица не отличается симметрией и другими приемами, о которых говорит автор; это убеждает ее в том, что XII таблица была «добавлена» к изначальным одиннадцати. А. Драфкорн Килмер полагает: такой «рисунок таблиц» говорит в пользу того, что эти тексты задумывались и исполнялись писцами. В этом она солидарна с К. Хеке-ром, который утверждал, что сложные произведения эпической поэзии, включая даже кажущиеся формульными строки, были созданиями писцов из «дома табличек», а не вышли из устной традиции.

Закljučают работу два очаровательных рисунка, служащих наглядной иллюстрацией к общему содержанию статьи (рис. 1–2).

В целом статья А. Драфкорн Килмер кажется очень интересной и достаточно убедительной. Правда, отдельные положения могут вызывать определенные сомнения: число разного рода повторов в аккадских поэтических текстах велико. Игнорирование некоторых из них и подведение других к узловым моментам повествования может показаться иной раз делом произвольным. Кроме того, можно допустить, что ученые писцы в ряде случаев брали исходный материал из устной традиции и лишь упорядочивали его соответственно своим вкусам и представлениям. Однако исследование А. Драфкорн Килмер находится еще на ранней стадии. Продолжение его может оказаться крайне плодотворным (*И.С. Клочков*).

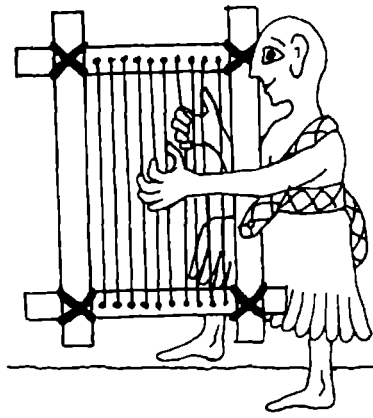

Рис. 2

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ И ФРАГМЕНТЫ

Åke W. Sjöberg. Some Emar Lexical Entries (с. 401–429). Эмар (средневековый Балис, современный Телль-Мескене, Сирия) – древний город на Евфрате, археологический и эпиграфический материал из которого относится к эпохе поздней бронзы и датируется XIV–XIII вв. до н.э. Он был открыт археологами в 1972 г., плановые раскопки его велись в 1973–1976 гг. Название древнейшего города Эмар, просуществовавшего до середины II тыс. до н.э., упоминается еще в текстах из Эблы и в документах из Мари. Новый город с тем же названием был отстроен хеттским царем Суппилулиумой или его сыном Мурсилисом II в XIV в. и долгое время являлся важнейшим торговым портом на пути из Сирии в Месопотамию; разрушен в I180-х годах до н.э.

При археологических раскопках во дворце местного правителя были найдены первые 14 табличек с текстами, хранившиеся в кувшине. Впоследствии, в храмах Ваала (Ба'лу) и Астарты, а также в частных домах было обнаружено еще несколько сот клинописных табличек, изучение которых значительно обогатило наши представления об истории и культуре этой части Приевфратья в XIII в. до н.э. Найденные тексты отражают различные стороны жизни городского общества, затрагивая частную, правовую, административную и религиозную сферы. Большинство из них написано на аккадском языке, некоторые – на хеттском и хурритском языках. Около 400 оттисков печатей, сохранившихся на глиняных табличках, свидетельствуют о том, что этот регион, испытывая различные влияния, в том числе анатолийское, находился, прежде всего, под культурным влиянием Месопотамии.

В своей статье известный шумеролог О. Шёберг, основываясь на базовом издании текстов из Эмара, осуществленном Д. Арно в 1987 г., а также на публикации М. Сивила, вышедшей в 1989 г., делает подборку лексикографических текстов из Эмара, представляющих собой варианты таких хорошо известных из Месопотамии лексических списков, как Izi, Lu и других. Приводимые в статье тексты являются билингвами (шумеро-аккадские) и фрагментарно сохранившимися трилингвами (шумеро-аккадско-хеттские), частично совпадающими с подобными трилингвами, обнаруженными в Угарите. Лексические тексты из Эмара характеризует своеобразное написание.

Подробный комментарий к шумерским и аккадским лексемам составлен автором на основе привлечения самого широкого круга современной литературы по шумерологии и ассириологии, прежде всего на изданиях лексикографических и литературных текстов. В ряде случаев предлагаемые этимологии ненадежно засвидетельствованных аккадских лексем опираются на семитскую лексикографию (словари арабского языка, арамейских диалектов, древнееврейского и мишнaitsкого еврейского) (А.В. Немировская).

M. Civil. BE₃/PE-EN-ZĒ-ER = bisšūru (с. 55–61). Статья известного шумеролога и ассириолога М. Сивила посвящена изучению происхождения и семантики одного шумерского слова, несколько раз встречающегося в лексических текстах (Proto-Lu, Proto-Izi, версии Lu из Эмара и Угарита), а также в литературных текстах. Лексическое значение этого анатомического термина, по всей видимости, заимствованного в шумерский из аккадского языка, М. Сивил определяет

ет как «женский половой орган или его часть», ср.: ‘female genitals’ для аккадского языка и ‘clitoris, vagina’ для общесемитской леммы в Этимологическом словаре семитских языков (Militarev A., Kogan L. *Semitic Etymological Dictionary*. Münster, 2000. Vol. 1. № 37).

Несмотря на то что и аккадское *bissūru*, и шумерское *be₃-(en)-zé-er* имеет синонимы или, по мнению М. Сивила, квазисинонимы, точное лексическое значение термина определить затруднительно не только в силу немногочисленности контекстов, но и по объективным причинам, поскольку терминологию такого рода, с одной стороны, отличает расплывчатость значения и метафоричность употребления, а с другой – четкая социолингвистическая функция (вулгаризм, непристойность или нормативное употребление), которую для столь отдаленного исторического периода определить крайне трудно. К тому же заимствование может приобрести новые оттенки значения. На основе литературных контекстов исследователь предполагает, что в шумерском языке это слово могло употребляться как вулгаризм, соответствующий нормативному *gal₄-la*. Возможно, его первоначальное значение следует реконструировать как «лобковые волосы», поскольку второе значение рассматриваемого слова – в этом случае оно сопровождается детерминативом ú (‘растение’) – «паутина». Примечательно, что с этим значением, к тому же вместе с инкорпорированным детерминативом, лексема была, в свою очередь, заимствована уже из шумерского в аккадский в форме (*u*)*pinšer*. М. Сивил предполагает, что и аккадское *bun-zirru* – «сеть, силки» является обратным заимствованием из шумерского, восходящим к той же лексеме (А.В. Немировская).

СТАТЬИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ОТДЕЛЬНЫМ АСПЕКТАМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ МЕСОПОТАМИИ

Три статьи сборника, которые можно включить в данный раздел, посвящены различным аспектам социальной и политической истории трех городов Месопотамии – Ниппура, Уммы и Ниневии – в конце III тыс. до н.э., т.е. в правление III династии Ура.

Atsuko Hattori. The Return of the Governer (с. 197–208). Данная статья, автор которой принадлежит к динамично развивающейся японской школе ассириологии, весьма интересна не только с точки зрения ее содержания, но и с точки зрения методов работы автора, показывая, насколько важную информацию можно извлечь даже из небольшого фрагмента стандартного клинописного текста, если автор способен поместить его в широкий исторический контекст.

Известно, что город Ниппур играл огромную роль в жизни Южной Месопотамии в III тыс. до н.э. Контроль над ним был важен не только для укрепления престижа и политической власти правителей, но и с экономической точки зрения. Этот важнейший культовый центр располагал огромными материальными ресурсами, которые стекались сюда со всей Южной Месопотамии.

Городская элита Ниппура, которая занимала ведущее положение в храмовой и городской администрации, естественно, старалась удержать в своих руках ключевые позиции управления городом. Особенно много информации о деятельности местной власти в Ниппуре сохранилось от времени Ур III. Исследования В.В. Халло и Р. Цеттлера показали, что история Ниппура в этот период развивалась вокруг двух основных центров: царской семьи и местного ниппурского семейного клана, дома Ур-Меме, представители которого на протяжении нескольких поколений занимали должность управителя Ниппура (энси).

Автор статьи публикует небольшой фрагмент документа из Ниппура времени Ур III с сохранившимся на нем оттиском печати одного из ниппурских энси из семьи Ур-Меме (CBS 11788). Текст представляет собой, вероятно, часть договора о продаже. Исследование текста, несмотря на его фрагментарность (сохранились только последние строки договора и оттиск печати энси), дало возможность автору выявить некоторую информацию, позволяющую уточнить порядок исполнения должности энси членами семьи Ур-Меме, и выдвинуть новые аргументы в пользу предположения о том, что между царским домом Ура и семьей Ур-Меме происходила серьезная борьба за контроль над Ниппуром (Н.В. Козырева).

Сходную задачу, поставить отдельный публикуемый документ в широкий исторический контекст, постарался решить и автор другой статьи из этого раздела: *T.M. Sharlach*. The Case of the Family that Fled (с. 383–390). В статье анализируется один из множества текстов времени Ур III, происходящий из города Уммы (BM 106430, Gomi and Sato, *Selected Neo-Sumerian Administrative Texts from the British Museum*. Abiko. 1990. № 330). Автор приводит транслитерацию и перевод текста и делает попытку воссоздать социальный и исторический контекст, в рамках которого мог возникнуть этот документ.

Текст касается, как считает автор, людей двух разных социальных слоев: рабов, принадлежавших к царскому сектору провинции Уммы, и свидетелей, которые представляли высшие

круги царского двора. Четыре человека, две женщины, одна из них с ребенком, и один мужчина бежали от некоего Ур-лугала, брата градоначальника (шакканаккума), причем уже не в первый раз, но были пойманы и возвращены, а затем в присутствии свидетелей переданы в качестве рабов в дворцовое хозяйство. Фактически переданы были две женщины с ребенком, так как мужчина умер. Несмотря на тщательную работу, проведенную автором, смысл документа остается неясным.

По мнению автора, бежавшие были рабами царского хозяйства, хотя в самом документе нет указаний на этот счет. Автор переводит знак GI в глаголе ba-gi-ne-eš как «to confiscate and award», считая, что с помощью этого термина выражается подтверждение рабского статуса этих людей и их возвращение в прежнее состояние, однако не приводит никаких убедительных аргументов в пользу своего предположения. Совершенно необоснованным, как отмечает и сам автор, кажется и присутствие при возвращении в дворцовое хозяйство двух беглых рабынь с ребенком высокопоставленных лиц, в том числе родственников царя, в качестве свидетелей.

Возможно, беглецы были свободными людьми, находившимися под юрисдикцией градоначальника (шакканаккума), повторное бегство которых повлекло за собой наказание в виде изменения их социального статуса? Это одно из множества предположений, которое можно сделать по поводу этого интересного документа, понять смысл которого действительно невозможно без изучения широкого контекста (*Н.В. Козырева*).

В третьей статье из этой группы, *R. Zettler. Tisatal and Niniveh at the End of the 3rd Millennium B.C.* (с. 503–514), исследуется вопрос о состоянии и роли города Ниневии в конце III тыс. до н.э. Автор статьи – известный шумеролог и автор множества работ по истории Ниппура времени III династии Ура. В основу данной статьи, как и двух вышеупомянутых, легла публикация небольшого шумерского документа времени III династии Ура, который был найден при раскопках храма Инанны в Ниппуре (6 NT 559). Статья содержит транслитерацию и перевод этого небольшого текста и комментариев к нему.

Документ, датированный 3-м месяцем 9-го года правления Шу-Сина (2028 г. до н.э.), представляет собой очень краткий протокол, зафиксировавший принесение клятвы человеком по имени Тишатель и восьмьюдесятью ниневийцами, сопровождавшими его. Судя по упоминанию в тексте титула, Тишатель был правителем (*ensi*) города Ниневии во время царствования Шу-Сина.

Этот же, по-видимому, Тишатель и сопровождающие его ниневийцы упоминаются и в документе из Эшнунны, составленном через полгода после ниппурского документа. В Эшнунне эти люди получили выдачи муки и масла. Р. Уайтинг, опубликовавший этот документ, высказал предположение, что в год составления документов Тишатель в сопровождении своих слуг и воинов нанес «государственный визит» правителям Урской династии. Публикация Р. Цеттлера, показывая, что Тишатель был в это время правителем Ниневии, и до того, как приехать в Эшнунну, посетил город Ниппур, где принес, по-видимому, клятву верности правителю Ура. Возможно, он нанес визит и в столицу, город Ур, но свидетельств этого не сохранилось. Мотивы этого визита становятся яснее, если принять предположение о том, что одна из родственниц Тишателя (дочь или сестра) была, возможно, замужем за царем Шу-Синном.

Город Ниневия, один из наиболее важных городских центров Северной Месопотамии, как указывает автор статьи, очень редко упоминается в клинописных документах конца III – начала II тыс., поскольку находился, по-видимому, за пределами прямого контроля Урской династии. Археологическое исследование Ниневии не дало практически никаких свидетельств существования города в самом конце III – начале II тыс. Тем не менее, как считает Р. Цеттлер, Ниневия вовсе не была оставлена населением в это время, и будущие раскопки, возможно, подтвердят это предположение.

Несмотря на свой небольшой объем, статья представляет значительный интерес для историков Месопотамии. Огромный исследовательский опыт и профессионализм автора позволили ему поставить крошечный шумерский текст (8 строчек, менее 20 слов) в плотный исторический и археологический контекст (*Н.В. Козырева*).

Несколько статей сборника посвящены различным аспектам истории Месопотамии во II тыс. до н.э. Среди них большой интерес о Старовавилонском периоде представляет статья *M.E. Cohen. A Small Old Babylonian Apnu of a-pi-tu-u* (с. 63–86). Известный исследователь приводит в ней новые данные, касающиеся термина хапиру (*(h)ap(biru)*), толкование которого долгое время служило предметом ожесточенных дискуссий среди специалистов по истории древнего Востока. В настоящее время этот термин обычно рассматривают как обозначение членов низкого социального стратума, мигрантов, беженцев, разбойников, людей, лишившихся племенных связей, которые время от времени подвизались как наемники.

В своей статье М. Козн приводит свидетельства того, что в Старовавилонский период *apiru* представляли собой четко организованную профессиональную наемную армию, которой командовал собственный офицерский корпус и в которой служили представители родственных семейных групп. Автор публикует два старовавилонских текста из коллекции музея Йельского университета (YBC 12073 и YBC 11032). Оба документа содержат список воинов, подчиненных некоему Варад-Сину, название военной должности которого можно условно перевести как «генерал» (gal.mar.tu). Имена воинов и последовательность расположения имен в обоих текстах почти полностью совпадают. Датировок нет, но есть названия месяцев, судя по которым один текст был составлен в 8-м, а другой в 9-м месяце.

В конце одного из списков (YBC 12073) в качестве итога приводится фраза: «62 апиру под ответственностью Варад-Сина, генерала» (62 lu₂-meš a-pi₂-tu-u₂ ni₂-šū ir₃-d.EN.ZU gal.mar.tu). Во втором списке (YBC 11032) итоговая формулировка несколько другая: «61 воин, генерал Варад-Син» (1 ŠU 1 erin₂-meš gal.mar.tu ir₃-d.EN.ZU).

Между списками есть определенные различия, которые свидетельствуют, что их составляли разные писцы и, вероятно, в разных местах. Один из текстов (YBC 12073), по мнению автора, происходит из Ларсы. Непонятно, почему писец в одном случае особо отметил, что люди из списка были именно апиру. Возможно, платежи, снабжение или условия службы апиру отличались от тех, что были у других воинов. Однако во втором списке термин апиру не упоминается. Это дает автору основания предположить, что и в других списках, где нет этого термина, мы, возможно, тоже имеем дело с апиру, но не можем этого установить.

Анализируя вариант написания этого термина во вновь публикуемых текстах (a-BI-tu-u₂), М. Козн выдвинул предположение о его этимологии. По мнению автора, он мог произойти от еврейского слова 'ārēḡ, родственного аккадскому arāḡu, которое обозначало шарф или головную повязку.

Хотя принятое сейчас значение для термина хапиру (беженец, эмигрант и т.п.) во многих случаях кажется вполне обоснованным, судя по данным двум текстам, в Старовавилонский период этот термин мог использоваться для обозначения профессиональных военных наемников, отличительной чертой внешнего вида которых, возможно, было ношение специальных головных платков или повязок, прикрывавших лицо (*Н.В. Козырева*).

Со статьей М. Козна о военных наемниках хапиру в определенной степени перекликается по своему содержанию статья Дж. Робертсона: *J.F. Robertson. Nomads, Barbarians and Societal Collapse in the Historiography of Ancient Southwest Asia* (с. 325–336). Статья начинается с вопроса о дефиниции термина «варвар» и заканчивается обзором истории изучения амореев и их роли в истории месопотамской цивилизации. Проблемы, затронутые автором, в частности, вопрос о взаимодействии оседлого и пастушеского населения на древнем Ближнем Востоке, носят фундаментальный характер. От их решения во многом зависит наше понимание хода мирового исторического процесса в целом. К сожалению, данная статья представляет эту сложную проблему, на наш взгляд, достаточно поверхностно и не всегда последовательно. По этому вопросу в науке высказывалось множество мнений и не только классиками ассириологии, но и начинающими исследователями. Совершенно непонятно, почему, излагая историю изучения аморейской проблемы, автор не упоминает труды таких выдающихся ассириологов, как Лео Оппенгейм и Д.О. Эдгард. Еще в 1985 г. оригинальная статья на эту тему была опубликована Н. Вискон (*The Old Babylonian Amorites: Nomads or Mercenaries? // Orientalia Lovaniensia Periodica. 16. P. 49–57, Leuven*). В ней подняты те же самые проблемы и в качестве аргументов обсуждаются те же события, что и в статье Дж. Робертсона. Во многом совпадают и выводы авторов (*Н.В. Козырева*).

M.T. Roth. Elder Abuse: LH § 195 (с. 349–356). Марта Рот известна своими публикациями клинописных законодательных текстов и комментариями к этим текстам. В данной статье речь идет о 195-м параграфе Законов Хаммурапи, устанавливающем суровое наказание (отсечение руки) для сына, ударившего своего отца. В статье приводятся многочисленные и интересные материалы, относящиеся к данному казусу. К сожалению, автор обходит молчанием (или не замечает?) самый интересный вопрос: как соотносится такое наказание с господствующим в Законах Хаммурапи и в Ветхом Завете принципом талиона, т.е. наказанием по принципу «равным за равное» (*В.А. Якобсон*).

Только одна статья сборника посвящена проблемам изучения истории Месопотамии Касситского периода, второй половины II тыс. до н.э. Она принадлежит перу виднейшего знатока этой эпохи Дж. Бринкмана. *J.A. Brinkman. The Use of Occupation Names as Patronyms in the Kassite Period: a Forerunner of Neo-Babylonian Ancestral Names?* (с. 23–43). В своей статье «Использование имен, происходящих от названий профессий, в качестве патронимии в Касситский период: предтеча нововавилонских имен предков?» Дж. Бринкман обращается к корням традиции, особенно ха-

рактерной для Нововавилонской эпохи, когда мы часто встречаем в документах указания на происхождение действующего в документе персонажа (он обозначает его словом *prīncipal*): N1(= *prīncipal*), сын N2, с частым добавлением третьего элемента: потомка N3. Похожие цепочки из двух элементов Брикман обнаружил в документах касситского времени, XII в. до н.э. При этом имена (выписанные часто слоговым образом), представляющие собой названия профессий, но с детерминативом имени собственного, могут принадлежать и первому персонажу (N1), и его физическому отцу (N2), и его предку (N3). Он помещает здесь два списка: профессий отцов (или предков) и «профессиональных» имен, которые порой нелегко отличить от простого указания профессии.

Трехчастные цепочки вновь появляются в текстах лишь после долгого перерыва, в первой половине VII в. до н.э., в Ассирии времени Асархаддона. Четкое функционирование этой поздней системы подтверждается находкой текста VII в. с еще более подробной генеалогией пяти знатных вавилонян. Он найден в царском архиве Ассирии и помимо четырехчастных цепочек содержит адреса каждого из семейств, в Вавилоне или близ него (см. SAA 11. 153). Среди «профессиональных» имен касситского времени встречаются обычные для последующих эпох: Рыбак, Кузнец, Пекарь, Садовник и т.д., а также и другие, не столь обычные (*aluzinpu* – Клоун, *kurgatū* – Плясун, а точнее женоподобный служитель женского культа), причем Брикман отмечает, что около половины имен, бывших в ходу при касситах, более не встречаются в VII в. и позже. В исключительных случаях предков персонажа, жившего в VI в., можно проследить до XIV в. (генеалогия потомков Арад-Эа). Брикман отмечает, что подобное исследование можно провести на материалах из Нузи, Эмара, Кюль-тепе и т.д. (Н.О. Чехович).

Одной из спорных проблем истории Месопотамии I тыс. до н.э. касается публикация M.W. Waters. *Four Brothers and a Throne* (с. 499–502). Эта статья посвящена интересному и вызвавшему дискуссии документу из Британского музея (BM 92502), представляющему собой одну из копий Вавилонской хроники 1. Сама хроника была опубликована Грейсоном в его известном издании TCS 5, 1975, и от понимания одной строки в ней зависят наши представления о генеалогии позднееламских царей. Строка эта повреждена, как водится, на самом интересном месте, и предлагавшиеся до сих пор восстановления М. Уотерс отвергает. Коллация, однако, позволила достаточно уверенно восстановить текст, что, в свою очередь, позволило сделать вывод: царствовавшие один за другим новоламские цари Хумбан-халташ I, Хумбан-халташ II, Уртака и Теумман были братьями (единокровными?).

Порядок престолонаследия в Эламе этого времени нам не известен. Автор статьи полагает, что у всех этих царей был некий генетический изъян, вследствие которого первые трое погибли от внезапных припадков, а последний также перенес такой припадок, но остался жив – лишь затем, чтобы погибнуть в сражении с ассирийцами. Его голова, как известно, была доставлена в Ниневию. Знаменитый рельеф, хранящийся в Британском музее, изображает ассирийского царя Ашшурбанапала, пирующего в саду со своей царицей в окружении придворных и музыкантов. Ашшурбанапал пьет вино из чаши и одновременно любит голову Теуммана, подвешенной к дереву.

Все соображения, изложенные в рецензируемой статье, представляются вполне логичными, за исключением одного пункта: генетические болезни, как правило, не являются причиной внезапной смерти, да еще три раза подряд. Скорее следует думать о превосходном качестве (ассирийского?) яда (В.А. Якобсон).

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

R.S. Ellis. Well, Dog my Cats! A Note on the URIDIMMU (с. 111–126). Шутливое название статьи Р. Эллиса можно перевести как: «Ладно, пусть будут псами мои кошки! Заметка об URIDIMMU». Это название становится понятным, если обратить внимание на сделанное автором примечание, в котором говорится, что сам автор статьи – «кошатник», а Э. Лихти, которому статья посвящена – «собачник».

Сверхъестественное существо, которое по-аккадски называлось *uridimmu*, занимало заметное место в воображении древних обитателей Месопотамии. Впервые оно упоминается в сомонительной надписи касситского царя Агума II (*Agum-kakrime*). В поэме «Энума элиш» так названо одно из семи чудищ, порожденных Тиамат для борьбы с Мардуком. Одолев Тиамат, Мардук поставил их стражами у входа в Подземный мир. В новоассирийское время это существо призывали для защиты домов и дворцов. В серии HAR-га = *hubullu* сказано: *ur-idim* = *kal-bu še-gu-ū*. Это выражение переводят как «бешеная собака», «мифическая дикая собака», «ужасная гон-

чая» и пр., что предполагает наличие собачьих черт в облике *uridimmi*. Однако как представляли себе это существо древние, ученые долгое время не знали.

В последние лет пятнадцать, изучая ассирийские тексты, сообщающие об изготовлении фигурок-оберегов для помещения их в домах и дворцах, исследователи отождествили ряд упомянутых сверхъестественных существ с находимыми при раскопках глиняными фигурками и рельефными изображениями на стенах ассирийских дворцов. Согласно письменным источникам, *uridimmi* делались из глины, кедра и тамариска. В ассирийском ритуале «подменного царя» говорится о двух *uridimmi* из тамариска, которые «держат в руках полумесяцы из кедра. На их левой лямке напиши так: уйди зло! Войди доброе (для) дворца!», что говорит об облике этих существ, которые стояли и могли одновременно держать что-то в руках/лапах(?)

В 1950-х годах английские археологи при раскопках в Нимруде нашли любопытную фигурку. Она была изготовлена в форме и кое-где подправлена от руки. Верхняя часть фигурки представляла бородатого мужчину в коническом головном уборе, а нижняя – ноги какого-то животного. А. Грин усмотрел там когти какой-то птицы. По спине шла непонятная «скрюченная грядка», которую А. Грин и Р. Эллис приняли за хвост. Фигурку они сочли изображением «человека-скорпиона» (*girtablilu*).

В 1960-е годы была опубликована старая зарисовка утраченной ныне плиты из Северного дворца Ашшурбанапала в Ниневии с изображением существа, верхняя часть которого представляла бородатого мужчину в головном уборе с рогами, а нижняя – лапы льва или собаки с петлеобразным хвостом. Это существо держало вертикально перед собой шест, венчавшийся полумесяцем или кольцом. Дж. Рид отождествил существо с «человеко-львом» (*umahlilu*). Позднее было найдено еще несколько изображений; самое раннее из них относится к касситскому времени. Ф.А.М. Виггерман первым связал эти изображения с *uridimmi*, которого охарактеризовал как «человеко-льва с человеческой головой». Один из первых исследователей Ниневии В.К. Лофтус полагал, что нижняя часть существа представляла задние ноги льва с хвостом дикого кабана.

«Бешеную собаку» можно как-то отождествлять с «человеко-львом»; древние обитатели Месопотамии, вероятно, считали львов особой разновидностью собак – *ig-mah* («пес большой») = *labbi*, *nešū* («лев»). Как отличить, льву или псу должны принадлежать задние лапы или хвосты на разбираемых изображениях? Кошки втягивают свои когти в подушечки на лапах, а собаки нет. Львы тоже могут втягивать когти, но обычно не до конца. На рельефах Ашшурбанапала когти у многих львов хорошо видны, а у охотничьих собак они иногда не показаны ясно. По рудиментарным отросткам в виде пятого пальца тоже трудно сказать что-нибудь определенное: на рисунках *uridimmi* нет и намек на эти отростки.

Хвосты. На многих рельефах Ашшурбанапала мы видим львов с задранными вверх хвостами, но никогда с хвостом-петлей. У охотничьих псов Ашшурбанапала хвосты загнуты, как изогнутая восточная сабля. Но ведь есть много пород собак и с завивающимися хвостами, в частности турецкая овчарка. Во дворце Ашшурбанапала были найдены пять фигурок маленьких глиняных собачек с крепко закрученными хвостами. У многочисленных бронзовых фигурок собак новоассирийской эпохи хвосты почти всегда закручены на крестце. Некоторые из этих фигурок могли служить оберегами; конечно же, они изображали сторожевых собак, а не охотничьих.

Но решающим доводом в пользу того, что нижняя часть *uridimmi* представляет пса, а не льва, является, по мнению Р. Эллиса, изображение гениталий. Такие могли быть только у псов; у львов они изображались совсем иначе. Автор заметки выражает уверенность в том, что *uridimmi* был «человеко-псом». На изображениях он выглядит мрачным и слегка встревоженным, но уж никак не «бешеным», «яростным» или «ужасным». Нет сомнений в том, что *uridimmi* был верным стражем, как многие другие псы, – заключает свою шутливую заметку Р. Эллис (И.С. Клочков).

J.V. Canby. Early Dynastic Plaque Fragments (с. 45–54). Настоящая краткая заметка представляет собой описание обломков двух плоских каменных плакеток, найденных при раскопках Ниппура в 1893–1896 гг., а сейчас хранящихся в музее Пенсильванского университета в Филадельфии. Они имеют форму квадрата с небольшим прямоугольным отверстием в центре, что характерно для месопотамских вещей этого типа, относящихся к Раннединастическому периоду (ок. 3000–2334 гг. до н.э.).

Плакеток такого рода обнаружено довольно много, а некоторые сцены, изображенные на них, часто встречаются в месопотамском искусстве того времени, поэтому недостающие в данном случае части могут быть сравнительно легко восстановлены.

В поисках аналогичных плиток и их обломков автор статьи обнаружила несколько подходящих фрагментов в коллекции Г. Гильбрехта в Иене, а также в архиве музея Пенсильванского

университета. Автор описывает процесс реконструкции и приводит прорисовки восстановленного изображения на двух плакетках, представляющего собой сцены празднества (И.С. Клочков).

ИСТОРИЯ НАУКИ

В данный раздел можно включить две очень интересные статьи, рассказывающие об истории изучения и преподавания ассириологии в Пенсильванском университете, ведущим сотрудником которого является сам юбиляр, Э. Лихти.

B.I. Eichler. Cuneiform Studies in Penn: From Hilprecht to Leichty (с. 87–110). Статья Б. Эйхлера представляет собой краткую, но очень содержательную и снабженную богатым научным аппаратом историю ассириологии, т.е. преподавания ее и изучения в Пенсильванском университете – одном из важнейших мировых центров этой науки. Эта история началась в 80-х годах XIX в. и успешно продолжается поныне. Рецензируемая статья так богата содержанием и отличается столь сжатым стилем, что пересказывать ее нет никакого смысла. Ее необходимо прочитать не только для пользы, но и ради удовольствия встретиться, хотя бы заочно, со многими «отцами-основателями» нашей науки и нынешними ее светилами. *C.C. Smith. Some Footnotes to the History of Assyriology: Leonard William Fring of the British Museum and the University of Pennsylvania* (с. 431–442). Эта статья служит интересным продолжением предыдущей и рассказывает о том, как и почему один из «отцов-основателей» не стал сотрудником Пенна. Она содержит также интересные сведения о заработках ученой братии (В.А. Якобсон).

В представленной рецензии мы постарались отразить содержание и дать критическую оценку основным статьям сборника. Многие очень интересные статьи, к сожалению, остались за пределами рецензии, прежде всего из-за ограниченности ее объема. Необходимо отметить не только высокий научный уровень издания, но и прекрасный технический уровень публикации, что является отличительной чертой издательства Брилля в Лейдене. Главной задачей, которую поставили перед собой рецензенты, было привлечь внимание отечественных исследователей истории древнего Востока к новому богатейшему материалу, опубликованному в данном сборнике и показать те основные направления, в которых происходит развитие ассириологической науки в наше время. Надеемся, что эта задача, хотя бы частично, выполнена.

*Н.В. Козырева, И.С. Клочков, А.В. Немировская,
Н.О. Чехович, В.А. Якобсон*

© 2009 г.

ANDREW C. COHEN. Death Rituals, Ideology, and the Development of Early Mesopotamian Kingship / towards a New Understanding of Iraq's Royal Cemetery of Ur. Brill: Leiden–Boston, 2005

Рецензируемая книга объемом около 250 страниц богато иллюстрирована и содержит, кроме текста, изобразительного материала и таблиц, старошумерские тексты в транслитерации и переводе, указатели и список литературы. Этот последний оказался неожиданно обширным (около трехсот названий!) и состоящим в основном из работ, вышедших за последние три десятка лет, но, за исключением некоторых журнальных статей, в наших библиотеках отсутствующих. Из этого факта следует несколько не слишком приятных для российской (и советской) ассириологии выводов: 1. Эта тематика привлекает все больший интерес наших зарубежных коллег, но из российских ассириологов в списке упомянуты лишь две работы И.М. Дьяконова, а больше упоминать и некого. 2. Большевицкий вариант марксизма и «научный атеизм» (а также новоиспеченная религиозность) все еще мешают нам заинтересоваться проблемами, затрагиваемыми в рецензируемой книге, хотя мы постоянно твердим о важности изучения исторической психологии. 3. Проблема возникновения государства и царской власти у нас традиционно привлекает большое внимание, но почти никто не рассматривает ее с точки зрения истории религии и исторической психологии. Мы опять оказываемся в роли догоняющих, и для начала следует настоятельно рекомендовать познакомиться с этой книгой. Большой интерес вызывает уже ее содержание: Введение. Глава 1. Ритуал как потенциально преобразующая социальная акция (параграфы: Феноменологический подход к ритуальным актам; Перформативный подход к значению в ритуале; Распространение перформа-

тивного подхода на археологию). Глава 2. Погребальные ритуалы, их структура и подразумеваемые цели (параграфы: Погребальный ритуал, структурированный как «ритуалы перехода»; Социальные ранги как подразумеваемые цели погребальных обрядов; Направление социальных акций; Итоги и выводы). Глава 3. Обнаружение ритуальных актов в текстовых и археологических источниках (параграфы: Археологические данные; Методы, источники и проблемы; Культурные перемены и возможная релевантность более поздних текстов; Культурное единство Южной Месопотамии и данные археологии; Перспективы понимания роли погребальных ритуалов в Раннединастическом периоде III). Глава 4. Деятельность плакальщиц (параграфы: Различия между плакальщиками; Деятельность плакальщиц; *Gala* и другие профессионалы; Комплекс царских погребений: место публичной фазы оплакивания; Итоги). Глава 5. Деятельность вокруг покойника (параграфы: Прощание и приготовление к погребению; Погребальные практики; Загробные дары и человеческие жертвоприношения: комплекс царских погребений; Загробные дары и человеческие жертвоприношения: свидетельства текстов; Итоги и интерпретация). Глава 6. Действия, касающиеся духа умершего (параграфы: Идеи о загробной жизни; Поминальный ритуал *kispum* – практика, возникшая в Раннединастическом периоде? Аграрные празднества и предки; Археологические следы жертвоприношений духам предков? Итоги). Глава 7. Погребальные ритуалы и царская идеология (параграфы: Происхождение институтов Раннединастического периода III и их идеологии; Установление значения некоторых действий и символических объектов; Изобилие и божество; Заключение: идеология, связывающая эти значения). Глава 8. Погребальные ритуалы РД III как место улаживания властных отношений (параграфы: Продвижение идеологии дворца в погребальные ритуалы; Направление дальнейших исследований).

Я должен попросить прощения у читателей за некоторую неуклюжесть русского перевода, она объясняется не моей небрежностью или недостаточным знанием языка, а просто тем обстоятельством, что современные термины культурной антропологии пока еще недостаточно распространены в нашей науке и не всегда имеют русские соответствия. Но, так или иначе, ясно, что книга чрезвычайно содержательна и, вероятно, в не меньшей степени спорна. Более близкое знакомство с текстом, несомненно, вызовет у читателя ряд вопросов. Подробный разбор всего текста занял бы слишком большой объем, поэтому здесь будут рассмотрены или по крайней мере отмечены наиболее важные и наиболее спорные места.

Во Введении автор указывает, что книга посвящена «процессу оплакивания, погребения и почитания умерших представителей элиты в Южной Месопотамии Раннединастического периода (примерно 2900–2350 гг. до н.э.)» (с. 1). Именно к этому времени он относит возникновение там городов-государств, которые он называет также «peer-polities». Это последнее определение оставлено без перевода, поскольку смысл его не совсем ясен. Если термин «полития» понимать в том смысле, как его употреблял Аристотель, то Аристотель обозначал этим словом такую форму управления полисом, когда правят «лучшие», но тогда при чем здесь «равные»? Или речь идет о равенстве самих городов-государств? Но такого равенства в исторические времена не было, шла почти непрерывная борьба за гегемонию... Просьба не считать эти вопросы мелочной придиркой, поскольку в дальнейшем сообщается, что «в начале Раннединастического периода города-государства контролировали храмовые администраторы, но к концу этого периода контроль присвоили правители, чьи титулы мы переводим как «царь»... Я утверждаю, что ритуальная активность элиты, предпринимаемая по случаю смерти, содействовала этой перемене». Здесь тоже много непонятного. О каких титулах идет здесь речь? Ведь во главе храмовой администрации стояли носители титулов EN или ENSI, а также (временно или постоянно) LUGAL. В последнее время все эти титулы во многих зарубежных работах однозначно переводятся как «царь». Известно также, что титул LUGAL в конце концов вытеснил все остальные, а титул ENSI (acc. *iššakkum*) со Старовавилонского периода стал обозначать одну из низших категорий царских людей¹. В указанной в прим. 1 работе сделана попытка показать движение от выборной власти в городе-государстве к царской власти в территориальном государстве и империи, и едва ли это движение сводится к борьбе между храмом и дворцом. Дворец, видимо, возник лишь тогда, когда возникло четкое разделение функций между религиозным и светским вождем, т.е. в конце Раннединастического периода.

Что же касается до пышных похорон с человеческими жертвоприношениями (загробной свитой), то подобные погребальные практики известны помимо Месопотамии также в раннем

¹ См об этом подробнее: *Якобсон В.А.* Цари и города в древней Месопотамии // Цари и города в древней Месопотамии. М., 1989. С. 17–37.

Египте и в раннем Китае. В древней Индии подобные явления как будто не известны, но необходимо учитывать, что погребальным обрядом там была кремация, и потому древнеиндийская археология лишена столь важного материала, как погребения... Впрочем, существовавший еще недавно (сейчас в Индии это запрещено) обычай самосожжения вдовы на погребальном костре ее умершего мужа, несомненно, относится к этой же категории и возник, надо полагать, очень давно. В более поздние времена этот же тип похорон известен в Риме (гладиаторские игры по случаю похорон) и в Скандинавии (жены и слуги умершего вождя, зарытые в его кургане). Так что, похоже, мы имеем здесь дело с некоей исторической универсалией, характерной для всех или почти всех архаических обществ на определенной стадии их развития, равно как и меры, принимавшиеся впоследствии для ограничения чрезмерных расходов на похороны. Во всяком случае, такие данные дошли до нас в тексте реформ Урунимгины, в китайских текстах и в Законах XII таблиц. Но ни из чего не следует, что цель всех этих жертвоприношений – одна и та же. В самом общем виде можно, вероятно, сказать, что эти жертвоприношения были данью харизме усопшего, но одновременно и «посланием» о принадлежности усопшего и всего его клана к области божественного (в Месопотамии, как полагает автор книги, жертвы были добровольными).

Еще одной функцией погребального обряда было, по мнению автора, кормление покойников в ином мире, но и одновременно демонстрация изобилия, экономического могущества. В связи с этим дается новое истолкование знаменитого «Урского штандарта» – он как раз и символизирует соединение военной мощи и щедрости правителя. Это, однако, характерно для всех архаических обществ (ср., например, хвалебные песни в честь вождей викингов). Автор полагает, что погребальные обряды представляют собой «ключевой элемент в формативной стадии процесса создания структур власти». Это почти марксистское определение выглядит вполне логичным, если бы не сомнения, высказанные нами выше. К ним можно добавить, что приводимые в подтверждение этого тезиса тексты относятся ко времени династии Аккада, т.е. к совершенно новой стадии развития общества с соответственно иной идеологией. А тексты, касающиеся расходов на похороны, содержат относительно скромные перечни предметов и, возможно, людей, мало похожие на то фантастическое великолепие, что обнаружено в Урских гробницах. Так что эти гробницы остаются во многих отношениях загадочными. Но есть и очень интересные и важные новости. Так, скрупулезный анализ обнаруженной в этих гробницах посуды позволяет сделать вывод, что почти вся она не хозяйственная или кухонная, а пиршественная. Но назначение и происхождение драгоценностей, включая великолепные цилиндрические печати, остается неясным: имущество ли это самого усопшего или дары его родственников и друзей. А поэтому и имена на печатях могут быть именами усопших, а могут и не быть таковыми.

Есть и еще вопросы, но перечислять здесь их все нет смысла. Важно отметить, что рецензируемая книга представляет собой настоящий клад новых и порой совершенно неожиданных сведений и выводов (хотя последние и не всегда бесспорны). Урские гробницы упоминаются во всех учебниках, но их исследование, по существу, начато вновь, и оно грозит изменить все наши представления об этом удивительном феномене. Но необходимо признать, что чтение новых библиографий вызывает у меня, как и моих коллег, все большее уныние: чего у нас только нет... Автора же и издательство Брилли следует поздравить с выдающимся достижением.

В.А. Якобсон

J.E. LENDON. Soldiers and Ghosts. A History of Battle in Classical Antiquity. New Haven–London: Yale University Press, 2005. 468 p., 31 ill., 10 maps

Первая монография известного американского историка из Университета Вирджинии Джона Лендона, посвященная военному делу античности, называется «Воины и призраки»¹. Книга обладает четкой продуманной структурой: она начинается «Прологом» (с. 1–4) и «Введением» (с. 5–13), затем идет основная часть, которая делится на два практически равных раздела: «Греки» (с. 15–161) и «Римляне» (с. 163–315), а завершается вспомогательными частями: хронологической таблицей греческой и римской военной истории (с. 321–330), списком сокращений (с. 331–333), обширными примечаниями (с. 335–387), небольшим, но полезным глоссарием военных терминов (с. 389–392), аннотированным списком литературы, главным образом англоязычной, располагаемой в соответствии с содержанием книги, а не по алфавиту, с очень емкими дискуссионными замечаниями автора (с. 393–440), а также индексом имен собственных, географических названий и военных терминов (с. 441–468).

В коротком «Прологе» автор, приближая повествование к современному (в первую очередь американскому) читателю, рассказывает о новейших ритуалах войны, в частности о традиции американской морской пехоты забирать с собой тела погибших товарищей. От наших дней автор перебрасывает мостик к античной Греции, где забота о погибших также была важнейшей стороной войны. Во «Введении» Дж. Лендон уже конкретно ставит задачу работы: исследовать механизмы технологического прогресса в древнем сухопутном военном деле, который шел очень медленно, и воин, снабженный оружием V в. до н.э., вполне мог участвовать в битвах V в. н.э., – за это время изменений произошло меньше, чем за период с 1910 по 1950 г. (с. 8–9). Вместе с тем древние осознавали ход прогресса, но особенностью их менталитета было стремление использовать старые испытанные методы и средства, что является разительным отличием от современности (с. 11).

По традиции, существовавшей еще в XIX в., автор начинает свое повествование не с крито-микенской, а с гомеровской Греции (с. 20–37). Дж. Лендон описывает способы сражения героев «Илиады», базирясь главным образом на работах голландского антиковеда Х. ван Вееса, но при этом делая акцент на агональном духе сражающихся. Рассматривая общество, запечатленное в «Илиаде», автор полагает, что в основе его лежало представление поэтов о далеком прошлом с элементами микенского прошлого (с. 21), хотя можно было бы указать, что основной блок сведений поэмы принадлежит IX веку до н.э., т.е. не столь далекому прошлому Гомера². Заслуживает поддержки меткое сопоставление автором способа боя, описанного в «Илиаде», с тактикой более поздних пельтастов (с. 158).

Далее Дж. Лендон рассматривает проблемы греческого военного дела, выделяя какое-нибудь событие, позволяющее ему полнее раскрыть тему. Появление фаланги автор относит примерно к 500 г. до н.э., когда гоплиты перестали использовать метательное оружие (ср. с. 156), а для примера приводит более раннюю битву при Фирее между спартанцами и аргивянами (ок. 550 г. до н.э.) (с. 39–57). Битвы при Фермопилах и Платеях представляют эпоху сложившейся фаланги (с. 58–77), сражение при Делии (424 г. до н.э.) показано как пример руководства войсками и хитрости, использованной в ходе боевых действий (с. 78–90). Роль пельтастов в военном деле начала IV в. до н.э. рассмотрена на примере битвы при Лехее (390 г. до н.э.), военные построения конницы показывает фессалийская кавалерия Ясона Ферского, а значение военного тренинга спартанцев – битва при Левктрах (371 г. до н.э.) (с. 91–114). Дух агона, выводимый автором из гомеровского эпоса, способствовал поддержанию дисциплины у спартанцев, а в последние десятилетия IV в. до н.э. – распространению у греков военной тренировки (с. 157–158).

Переходя к эллинистической эпохе, автор выделяет роль гомеровского эпоса и героического агонального этоса в македонском военном деле, особенно в руководстве войсками. Из всех сражений Александра Великого Дж. Лендон акцентирует внимание читателя лишь на битве при Иссе, в которой особую роль играли маневры (333 г. до н.э.) (с. 115–139). Военное дело эпохи эллинизма рассмотрено автором лишь на примере хорошо известных битв между Эвменом и Антигоном при Паретакене (317 г. до н.э.) и Габие (316 г. до н.э.), а остальному времени, изобиловавшему военными событиями, посвящено всего полторы страницы в конце главы (с. 140–155).

¹ См., например: *Lendon J. Empire of Honour: The Art of Government in the Roman World.* Oxf., 1997; *idem. The Rhetoric of Combat: Greek Theory and Roman Culture in Julius Caesar's Battle Descriptions // Classical Antiquity.* 1999. 18. P. 273–329.

² Андреев Ю.В. Об историзме гомеровского эпоса // ВДИ. 1984. № 4. С. 10.

В сжатом «Заключении» к первой части книги автор еще раз повторяет важнейшие выводы, подчеркивая, что прогресс в военном деле греков в доэллинистическую эпоху протекал очень медленно, его роль была невелика, а значение гомеровского эпоса, наоборот, очень важно. Поэтому о вдохновляющей роли эпоса можно говорить не только для вазописи или скульптуры, но и для военного искусства. Причем на море, по мнению автора, господствовали более или менее современные способы боя, так как в эпосе морские баталии не были представлены и его стереотипы тут не действовали (с. 156–161).

Во второй части книги – «Римляне» – Дж. Лендон сначала дает общий сжатый обзор военной истории: от войн с италиками и Пирром, затем с Карфагеном и эллинистическими монархиями к войнам с парфянами и германцами. Автор находит у римлян явное преимущество в борьбе с италиками до 338 г. до н.э., хотя экспансия шла медленно, а позже произошло быстрое завоевание, базировавшееся на преимуществах в финальных сражениях, хотя в ходе самих кампаний было немало и поражений, которых со временем становилось все же меньше. В период principatus предел завоевания поставил географический, а не человеческий фактор. Сами римляне выигрывали из-за благоволения Фортуны не больше, чем другие народы, но победы обеспечивались их дисциплиной и – главное – стойким психологическим фактором (с. 163–171).

В главе «Раннее римское военное дело» рассматривает роль поединков и влияние доблестивитус в римских битвах IV в. до н.э., которые играли несоизмеримо большую роль, нежели в греческом военном деле, а также способ действия манипулярного легиона в III–II вв. до н.э. (с. 172–192). Разбирая битву при Пидне (168 г. до н.э.), автор указывает, что Эмилий Павел, будучи опытным полководцем, казалось бы, нелогично атаковал македонскую фалангу по фронту именно вследствие традиционной римской военной ментальности, инспирируемой духом virtus. При этом Дж. Лендон справедливо отмечает, что греческое военное дело как составная часть процесса эллинизации Рима влияло на римское, что выражалось, в частности, в заимствовании вооружения всадников, использовании критских лучников и боевых слонов (с. 193–211). Способ действия римской армии Цезаря показан на примере осады Гергивии в 52 г. до н.э., а тактика когортального легиона – на примере битвы при Илерде в 49 г. до н.э. (с. 212–232). О том, как воевала римская армия эпохи Ранней империи, мы можем судить на примере кампании в Иудее в 67–70-х годах (с. 233–260), а о позднеримской армии и ее строе-фаланге – на примере битвы при Аргенторате (357 г.) и персидского похода Юлиана (363 г.) (с. 260–309).

В «Заключении» ко второй части Дж. Лендон рассматривает ход технического прогресса в военном деле римлян, который привел к постепенной замене манипулярного легиона на когортальный, при сосуществовании обоих видов построения в течение полувека, а позднее, в IV в. н.э., – появлению фалангообразного построения, возникшего, как думает автор, под влиянием греческой военной мысли (с. 310–313). В целом, греки и римляне руководствовались прошлым в военном деле: греки – своим богатым эпосом, а римляне – героическими традициями доблести и дисциплины, которые со временем утрачивались римлянами, но становилась более важными для эллинов. Подражание играло в античности большую роль не только в литературе, но и в военном деле. В античных армиях существовал культ прошлого, культ соревнования, тренировки и дисциплины, и те армии, в которых это все присутствовало (спартанская, македонская и римская), были лучшими в античном мире (с. 313–315). Отсюда становится ясным странное, на первый взгляд, название книги «Воины и призраки», т.е. воины и прошлое, героический дух призраков предков.

Рассматривая книгу в целом, нужно отметить, что монография, как и любая большая работа, не свободна от недочетов. Нельзя согласиться с утверждением автора, что микенцы не знали верховой езды (с. 15). Судя по терракотам, изображающим всадников, знали³. Не римляне ввели использование пилума (с. 8) – этруски использовали его несколько раньше: судя по археологическим данным, еще в V–IV веках до н.э., что подтверждается и античной традицией (Plin. NH. VII. 201)⁴. Полевая метательная артиллерия стала применяться не в конце IV в. до н.э. (с. 8), а уже в середине этого столетия (Polyaen. II. 38. 2). Кольчуга появилась в период не около 300 г. до н.э. (с. 8), а по крайней мере, на полстолетия раньше, как можно судить по находкам из Дании⁵. Спорным выглядит утверждение автора, следующего за сообщением Плутарха (Pelop. 18. 2) о том, что фиванец Паммен, организовав Священный отряд, руководствовался указанием Нестора в «Илиаде» (II. 362–363) о построении вместе воинов одного племени (с. 159–160) – это было общей военной практикой в различные периоды истории. Однако нужно заметить, что данные мелкие недостатки несколько не умаляют общего положительного впечатления о книге.

³ Hood M.S F. A Mycenaean Cavalryman // BSA. 1953. 48. P. 84–93.

⁴ Schulten A. Pilum // RE. 1950. Bd XX. Hlbd. 40. Sp. 1348–1349.

⁵ Jensen J. The Hjortspring Boat Reconstructed // Antiquity. 1989. 63. 240. P. 533, 535.

Говоря о достоинствах книги, к ним нужно, бесспорно, отнести и ее стиль – скорее публицистический, нежели сухой научный, подчас с элементами детективной истории (как попала в британский священный колодез шайба от катапульты? – с. 5–7), с постоянными сопоставлениями с современным военным делом, что, впрочем, характерно для нового метода исследования военного дела, так называемого *face of battle*. Стиль позволяет рекомендовать книгу не только специалистам, но и просто всем интересующимся данным сюжетом (с. 317). Однако, несмотря на, казалось бы, научно-популярный жанр работы, ссылки, для удобства читателя помещенные в конце, всесторонние рассматривающие проблематику, придают изданию академическую солидность.

Полезны и иллюстрации, размещенные в тексте книги, которые представляют как оригинально исполненные художником С. Кимом схематичные, но весьма наглядные изображения боевых порядков, так и фотографии достаточно известных произведений античного искусства. Причем можно отметить, что римская часть книги снабжена большим количеством иллюстративного материала.

В целом следует сказать, что Дж. Лендон показал греческое и римское военное дело не только с точки зрения истории развития стратегии и тактики, но и культуры, т.е. саму книгу по существу можно назвать историей военной культуры античности.

А.К. Нефёдкин

© 2009 г.

MAURO AGOSTO. Impiego e definizione di tropi e schemi retorici nell' Expositio psalmorum di Cassiodoro. Montella: Academia Vivarium novum, 2003

В 2003 г. вышла в свет книга профессора Понтификального Латеранского университета Мауро Агосто, название которой («Использование и определение тропов и риторических фигур в *Изъяснении псалмов* Кассиодора») может создать впечатление, что под обложкой читателя ждет узкоспециальный филологический труд, исследующий один вопрос в одном памятнике позднеантичной экзегезы. Что ж, нельзя не согласиться, что именно так дело и обстоит. Этот труд, несомненно, весьма специальный – в том смысле, что призван разобраться в тонкостях формирования и бытования римской риторической терминологии, а также комментаторских приемов. Несомненно и то, что «*Изъяснение псалмов*», этот богатый и довольно хорошо изученный памятник, рассматривается здесь только в одном аспекте, а именно: с точки зрения того, как в нем определяются и какое находят применение риторические фигуры и тропы. Но если тщательнее вникнуть в суть этой книги (а сделать это поможет читателю обширное введение, о котором мы скажем далее), станет ясно, что, вопреки своей конкретной и узкой тематике, труд М. Агосто должен привлечь внимание всех, кто изучает вопросы истории образования, истории библейской экзегезы, истории филологической мысли и риторики.

Дело, прежде всего, в том, что речь идет о Кассиодоре, одном – и едва ли не наиболее значительном – из тех ученых поздней античности, которые, как принято образно говорить, «упаковывали» достижения античной науки, чтобы передать их Средним векам в виде готовых и удобных схем, пригодных для разнообразного служения христианской доктрине и Церкви. Сущность и историческое значение деятельности таких позднеантичных интеллектуалов определены и продемонстрированы во множестве трудов, зарубежных и отечественных. Но разбираемая нами здесь книга ценна и сильна как раз не общими моделями и оценками (они играют в ней важную, но все же подчиненную роль), а конкретной демонстрацией того, какие именно плоды античной традиции оказались востребованными и в каких реальных формах они продолжали свою жизнь в поздней античности.

А формой их жизни оказывалась часто форма библейской экзегезы. И Кассиодоровы «*Изъяснения псалмов*» – один из таких памятников экзегезы, в котором античная риторическая теория (а в частности и более всего – учение о тропах и фигурах) стала применяться к толкованию библейского текста сознательно и последовательно. Вот почему это сочинение, наряду с «*Институциями*», так важно для понимания кассиодоровской программы христианского образования, а значит, для понимания судьбы античного культурного наследия в следующую эпоху.

Справедливо будет отметить, что для отечественной науки (как филологической, так и исторической) «*Изъяснение псалмов*» Кассиодора остается памятником малоизвестным и даже

(за немногими исключениями) почти не упоминаемым. Это верно по большей части и для остальной латиноязычной экзегетической литературы. Если взять для примера толкования на псалмы, то окажется, что из толкований Илария Пиктавийского не переведено почти ничего, из гомилий на псалмы, приписывавшихся Иерониму, вовсе ничего (как не переведены и Иеронимовы *Commentarioli in psalmos*), переводов «Изъяснений» Амвросия Медиоланского тоже нет, из толкований Августина в русских переводах опубликовано лишь несколько. Что до Кассиодора, то о переводе его «Изъяснений» пока нет и речи, как (тем более) о комментариях Арнобия Младшего или Проспера Аквитанского. Очень мало также русскоязычных исследований об этих памятниках: едва ли их наберется и две дюжины.

Отсутствие переводов и исследований может объясняться, конечно, некоторыми очевидными внутренними причинами. Переводы экзегетических сочинений трудны потому, что в них толкуется специфический латинский текст Библии, особенности которого (как и особенности его толкования) трудно или невозможно воспроизвести по-русски. Исследований же экзегетических сочинений мало потому, что эти сочинения представляются (а часто и бывают) интересными преимущественно как памятники христианской мысли, а значит, находятся в лучшем случае на втором плане для исследователей политической или экономической истории или изящной литературы.

И все же столь богатая латинская экзегетическая традиция не может не заслуживать гораздо более пристального внимания отечественных ученых хотя бы как культурный феномен. В этом смысле толкования Кассиодора и были бы лучшим текстом для знакомства со всей традицией: во-первых, Кассиодор эту традицию как бы суммирует, так как он был хорошо знаком с толкованиями на псалмы своих предшественников и часто опирался на них, во-вторых, как уже говорилось, он широко и последовательно применяет здесь для толкования библейского текста обширный аппарат античной риторической терминологии.

Каков был этот аппарат, как перенял его Кассиодор и как использовал – вот на какие вопросы отвечает книга М. Агосто основной своей частью, которая представляет собой систематическое и скрупулезное рассмотрение каждой фигуры, упоминаемой Кассиодором. Однако начинается книга с обширного введения, которое автор назвал «Часть первая: исторический контекст» (*Parte prima: Inquadramento storico*). С моей точки зрения, такое название несколько не соответствует функции этой части. Перед нами, конечно, именно развернутое введение, которое, в свою очередь, делится на три главы. Из них первая глава «Грамматика и общество в эпоху Кассиодора» носит самый общий характер и рисует широкую картину культуры того времени. Вторая глава «Христианская грамматика» более специальная; она показывает своеобразие подхода к грамматическому искусству у Кассиодора вообще и в «Изъяснениях псалмов» в частности: для него грамматика – искусство, в котором экзегетический и нормативный элемент нераздельны, а библейский комментарий призван быть не только объяснением смысла библейского текста, но и школой словесности (см. особенно с. 39, 47 и сл.). Наконец, третья глава «Источники Кассиодора» перечисляет авторов, известных по именам и анонимных, из сочинений которых Кассиодор черпал свои грамматико-риторические познания, а также указывает, какие именно определения и описания фигур и тропов он перенял из каких источников. Эти источники таковы: Плотий Сацердот, Донат, Августин, Квинтилиан, Руфиниан, сочинение *Schemata diaeas* (*Anecdota Parisina*, известный по двум рукописям и представляющий собой частичный перевод сочинения Цецилия Пері *σχημάτων*), не известная нам непосредственно, но известная Кассиодору редакция Квинтилиана и, предположительно, Сервий, а также неизвестный источник, словцо обозначаемый автором буквой «хи».

Вторая и главная часть книги носит название «Таксономия» (*Tassonomia*) и представляет собой анализ более чем сотни риторических явлений и приемов (их определений и применения), распределенных по разделам: тропы, грамматические фигуры, риторические фигуры речи (*per adiectionem*, *per detractationem*, *per ordinem*), фигуры мысли. Не всем тропам и фигурам уделяется одинаково много внимания, но в большинстве случаев можно сказать, что троп или фигура становится предметом отдельного небольшого исследования.

Чтобы исследовательский метод М. Агосто предстал перед читателем более наглядно, возьмем, например, главу, трактующую метонимию (с. 126 и далее). Метонимия, наряду с гипаллаге, рассматривается в разделе «Тропы», подразделе «Тропы, основанные на замене по смежности». Сначала автор приводит определение метонимии в сопоставлении с определениями античных источников, перечисляемых им в примечании («Риторика к Гереннию», Цицерон, Квинтилиан, Диомед, Сацердот, Донат). Затем цитируются дефиниции, даваемые метонимией Кассиодором. Исследователь подходит к Кассиодоровым определениям метонимии с полной степенью критичности (как и к неточным определениям других терминов, например, «эксаллаге» на с. 152–153). Он указывает, что первое и основное определение метонимии у

Кассиодора подходит к любому тропу, а остальные определения, воспроизводимые по ходу толкования псалмов, описывают лишь один тип метонимии: «вместилище вместо вмещаемого». Впрочем, вид этих определений, а также редко используемое название метонимии *transpositio*, калькированное с греческого, позволяют исследователю указать на источник Кассиодора в данном случае – Доната. Столь же критично рассматривает М. Агосто первый случай привлечения термина «метонимия» для толкования псалма, а именно, когда Кассиодор называет метонимией высказывание Пс 2:4: «Живущий на небесах посмеется им, и Господь поругается им». Сущность метонимии, по словам толкователя, состоит здесь в том, что Богу приписываются человеческие действия (процедура, которую все, конечно же, опознают как метафору). Исследователь справедливо указывает, что и сам Кассиодор в прочих подобных случаях видит не метонимию, а «катахрезу» или «тропологию». Затем М. Агосто рассматривает и подробно анализирует два типа метонимических замен, на которые, кроме приведенного случая, указывает Кассиодор: «вместилище вместо вмещаемого» и «следствие вместо причины». Среди примеров второго типа он с полным основанием подробно останавливается на случаях, когда Кассиодор применяет термин «метонимия» при толковании глаголов со значением «знать» или «не знать», относящихся в Писании к Богу (с. 128–130). Вслед за более ранними толкователями Кассиодор настаивает на том, что подобные глаголы нужно понимать как метонимию типа «каузация признака вместо признака» (то есть, если сказано «Сын не знает», это нужно понимать как «Сын не позволяет знать»). Подобное объяснение было весьма востребованным в патристической экзегезе способом избежания буквального, слишком «антропоморфного» понимания библейских слов, а потому стало традиционным: оно применялось, к примеру, Иларием и Августином, на что М. Агосто весьма кстати указывает¹.

Не удивительно, что столь подробный и нюансированный анализ, опирающийся на знание не только текста Кассиодора, но и его источников в области грамматики, риторики и собственно экзегезы, а также на полную осведомленность в современной исследовательской литературе, делает чтение книги М. Агосто не просто полезным и познавательным, но и увлекательным, а порою даже захватывающим занятием.

В книге нет традиционного для монографий заключения, но это не противоречит ее структуре и не вызывает ощущения незаконченности. Разбор каждой фигуры или тропа – само по себе законченное исследование, полностью реализующее свою цель, а потому на себе замкнутое. Дальнейшие выводы и обобщения в книге именно такого типа и содержания столь же необязательны (и даже неуместны), как в энциклопедии или справочнике. А именно как справочник (по фигурам и тропам у Кассиодора в частности, но до некоторой степени и по античной риторической терминологии в латинской традиции вообще) книга М. Агосто очень удобна.

Удобству ее способствует, конечно, и указатель цитированных мест из классических и христианских авторов и библейских книг. Однако здесь, на мой взгляд, случилось досадное упущение, на которое, впрочем, автор, может быть, пошел сознательно. Среди цитированных трудов Кассиодора не перечисляются цитаты собственно из «Изъяснений псалмов», а среди ссылок на библейские книги отсутствуют ссылки на стихи псалмов. Вероятно, автор счел, что то и другое будет излишним или слишком громоздким в труде, который специально «Изъяснением псалмов» и занят. Но мне кажется (и практика – увя! – подтверждает), что, по меньшей мере, второй указатель, указатель мест из Псалтири, этой книге необходим: он значительно увеличил бы полезность данного труда для тех, кто изучает традицию толкования псалмов.

Ко всему сказанному выше можно добавить еще, что рецензируемая книга, изданная, кстати, столь примечательным центром латинской образованности, как академия «Vivarium Novum», стала первой в основанной самим же М. Агосто серии «Biblioteca Filologica CLE». После знакомства с этим первым томом остается только пожелать, чтобы «Biblioteca Filologica CLE» обогащалась в дальнейшем столь же высокоучеными и полезными трудами, как труд М. Агосто, в полной мере отвечающими тем принципам «филологии в бекианском смысле слова», которые заявлены как основополагающие для всей серии.

С.А. Степанцов

¹ Наиболее яркие примеры подобных объяснений у Августина перечислил в своем примечании к «Рассуждениям на Евангелие Иоанна» Б. Александерсон (*Alexanderson B. Adnotationes criticae in Augustini «In Iohannis Euangelium tractatus»* // *Electronic Antiquity. Communicating the Classics*. February 1999. Vol. V. № 1 (=http://scholar.lib.vt.edu/ejournals/ElAnt/V5N1/tractatus.html). Ad tract. 43.1). Августин, в отличие от Кассиодора, не прибегает к риторической терминологии и, в частности, к термину «метонимия»: в проповеди, предназначенной для широкой аудитории, он предпочитает объяснять фигуры и тропы через аналогичные фигуры и тропы, употребительные в повседневной речи.

© 2009 г.

IX МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ (Гронинген, 27–29 августа 2008 г.)

С 27 по 29 августа 2008 г. в Гронингене (Королевство Нидерланды) проходила очередная IX Международная конференция по эллинистической поэзии, организованная университетским Институтом классической филологии во главе с проф. М. Аннетт Хардер. На этот раз конференция, посвященная теме «Боги и религия в эллинистической поэзии», собрала в Гронингене специалистов-антиковедов из Соединенных Штатов, Великобритании, Германии, России, Франции, Швейцарии, Италии, Греции и Польши.

Работу конференции открыл доклад Б. Чаппа (Бонн) на тему «Дева Афродита в dospехах. Развитие образа “пестрым тронм славной Афродиты” (Sapph. 1 Lobel/Page) в эллинистических эпиграммах». Коснувшись неизвестного Гомеру и Гесиоду вопроса об удвоении богини (Афродита Урания и Афродита Пандемос), автор доклада отметила, что предметом ее рассмотрения стали греческие эпиграммы Палатинской антологии на изображения и статуи Афродиты. Эти литературные эпиграммы анализировались в докладе в сопоставлении с эпиграфическим материалом посвячительных надписей, молитв и проклятий с женскими именами на дарах в честь Афродиты; метрические надписи, происходящие из эллинистических городов, свидетельствуют об участии женщин, в основном – гетер, в ритуальных церемониях с целью заключить брачный союз, родить ребенка и т.п. Помимо общности содержания, литературные эпиграммы Палатинской антологии и стихотворные надписи в честь Афродиты объединяют схожая манера изложения, лексика и стиль внешне разнородных источников.

Х. Натсина (Афины) в докладе «Женские посвящения Афродите (на материале греческих эпиграмм Палатинской антологии)» говорила о том, что выделенные ею в отдельную группу 37 посвящений богине позволяют не только расширить круг эллинистических свидетельств о конкретных житейских ситуациях, но и наметить типологию обращений к Афродите. На основе анализа посвящений, принадлежащих, судя по содержанию, женщинам, Х. Натсина сделала попытку выявить связанные с культом Афродиты ритуальные функции и определить статус женского божества.

В совместном докладе К. Кюссе (Лион) и А. Кольд (Женева) «Представление о богах в поэме Ликофрона» были проанализированы эпитеты и эпиклезы греческих богов – Аполлона, Афины и Афродиты, упомянутых в написанной ямбическими триметрами поэме начала III в. до н.э. «Александра». Авторы отметили, что использованные Ликофроном эпитеты и эпиклезы богов сохраняют, с одной стороны, признаки гомеровских образов, а с другой – представляют своего рода «авторскую перелицовку» традиционных средств выражения: виртуозно владея гомеровским словарем, Ликофрон контаминирует его, добиваясь специфического эффекта «диалога» с эпической традицией. Рассмотренные в совокупности эпитеты и эпиклезы позволяют очертить круг основных функций богов в контексте поэтической системы Ликофрона и выделить устойчивые стереотипы представлений о них. Так, образ Аполлона в «Александре» связан с предсказанием будущего, образ девы Афины – с понятиями войны и мира, а образ Афродиты – по преимуществу с военной атрибутикой.

Доклад К. Флетчера (Батон Руж, штат Луизиана) «Мораль и поведение богов в эллинистических поэмах о превращениях» был посвящен в основном анализу греческих источников «Метаморфоз» Овидия – поэмам Боя и Никандра Колофонского. Мифологические поэмы о превращениях героев в животных, растения, звезды, камни и т.д. были распространены в эл-

линистическую эпоху. Хотя Овидий, по словам докладчика, и следует греческой модели о любовных историях богов, нашедших отражение в мифологических поэмах Боя и Никандра, однако в «Метаморфозах» поэтика превращений используется в сугубо дидактических целях. Совсем не случайно мотивы поступков богов нередко осуждаются: так, например, выглядит несправедливой метаморфоза-кара Арахны, посмевшей тягаться с богами (Ovid. Met. VI. 103–126).

В докладе *Е.В. Илюшечкиной* (Москва) на тему «Сакральная география: сопоставление поэтической манеры Дионисия Перизгета и Аполлония Родосского» были разобраны три параллельных пассажа из «Описания ойкумены» Дионисия Перизгета (II в.) и «Аргонавтики» Аполлония Родосского (III в. до н.э.) (Dion. Per. 788–792 ~ Apoll. Rhod. II. 351–356; Dion. Per. 772–775 ~ Apoll. Rhod. II. 946–951; Dion. Per. 700–705 ~ Apoll. Rhod. II. 904–910). Основываясь на сопоставительном анализе отрывков, автор отметила, что Дионисий использует текст «Аргонавтики» не только в качестве одного из своих источников, но и как поэтический образец. По сравнению с «Аргонавтикой» функции божеств в поэме Дионисия вторичны и подчинены географическому контексту: к примеру, функциональная связь богов с географическим локусом образует временную оппозицию «прошлое-настоящее», выраженную лексически в ст. 700, 775, 788 и др.

Ч. Метью Шредер (Итака, штат Нью-Йорк) в докладе «“Невелика заслуга молчать о том, что запретно” (Ovidius. Ars amandi II 603): Самофракийские мистерии в эллинистической поэзии» говорил об одной из популярных у поэтов тем, посвященной тайному сообществу жрецов и культу кабиров на острове Самофракии. Судя по археологическим находкам, в годы правления Птолемеев (Арсинии II и Птолемея II) культовая архитектура на Самофракии получила наибольшее распространение – именно в это время на острове был сооружен храм кабирам, воздвигнуто святилище «великих богов» и статуя Ники Самофракийской. Александрийские поэты Аполлоний Родосский и Каллимах, демонстрируя эрудицию и стихотворное мастерство, не раз упоминали Самофракию, касаясь подробностей географического расположения острова, его древних названий и связанных с островом мифов. Эти сведения александрийских поэтов позволяют, по мнению докладчика, выявить ценные для реконструкции мистических культов на Самофракии детали: так, в «Ямбах» Каллимах, говоря об итифаллическом изображении Гермеса (ср. Herod. II 51), которое связано с самофракийским святилищем, настаивает на фригийском происхождении Самофракийских мистерий; в одной из эпиграмм Каллимах сообщает о «помощи великих богов» (Call. 47 Pfeiffer), а в другом отрывке – о происхождении культа кабиров и их связи с культом «великих богов» (Call. Fr. 115. 11–17 Pfeiffer). Близкие к этим свидетельства оставил Аполлоний Родосский в «Аргонавтике» (ср. I. 915–921 и др.).

В докладе *Р. Кириштейна* (Мюнстер) «Критика религии и философская сатира в эллинистической поэзии» исследовались «сатирические» аспекты эллинистических источников, отражавших современные им религиозно-философские представления о потустороннем. Особое внимание было обращено на три стихотворные эпитафии Каллимаха, дошедшие в составе Палатинской антологии (AP 7, 317. 471. 520) и надгробную метрическую надпись из Малой Азии (II в. до н.э.), содержащую рассказ о трагическом поэте Эвандриде, который, подражая Сократу, следовал жизненным установкам Платона и отвергал учение Эпикура о «божественном» наслаждении (Peek, GV 2018).

Доклад на тему «Богини Рея и Геката в “Аргонавтике” Аполлония Родосского» представила *Э. Циберт* (Вроцлав). Она провела комплексный анализ сведений о богине Рее (Apoll. Rhod. I 506–511, 1094–1104, 1117–1152 и др.), которая была одной из ипостасей Великой матери и культ которой отличался оргиастическим характером. По мнению Э. Циберт, прообразом богини Реи у Аполлония Родосского стала гесиодовская Геката, хтоническое божество со змеями в волосах и пылающим факелом в руках (Hesiod. Theog. 411–451). Докладчица пришла к выводу, что образы богинь Реи и Гекаты, семантика и функции которых в значительной степени идентичны, были восприняты в эллинистическом мире и стали одними из почитаемых типов божеств.

В докладе *С. Хич* (Бристоль) «Култ героев в поэме Аполлония Родосского» говорилось о повышенном интересе к религиозному поклонению «героям», что обуславливалось в период эллинизма обожествлением верховной власти, возникновением новых городских центров и расширением миграционного движения. Привлекая материал «каталога аргонавтов» (Apoll. Rhod. I. 23–233) и ряда других мест (например, II. 837–850; IV. 1773–1777), докладчица исследовала религиозные функции гомеризмов (ἄφθιτος – «вечный», κδοαίνειν – «возвеличивать», торχύνειν – «торжественно погребать» и др.) в поэтическом контексте «Аргонавтики».

В докладе *К. Штенпелькамп* (Гронинген) «Боги в поэмах Гомера и Аполлония Родосского: властелины человеческой судьбы?» на материале эпосов Гомера и Аполлония Родосского был дан сравнительный анализ отрывков, в которых говорится о вмешательстве богов в судьбы людей. Докладчица определила различные формы божественного вмешательства, каждая из которых выполняет присущую лишь ей функцию, а также подробно рассмотрела вопрос о взаимодействии божественной воли и свободе воли человека в контексте гомеровского и эллинистического эпоса Аполлония Родосского.

С. Ли (Санта-Моника) в докладе «Свобода воли человека против воли богов в поэме Аполлония Родосского» отметила, что противоречивые отношения между богами и людьми в «Аргонавтике» по сравнению с гомеровским эпосом претерпели существенные изменения: несмотря на присущие людям пороки и слабости, на первый план в эллинистическом эпосе выдвигаются проблемы личной морали, связанные со свободой выбора (изобретательность и находчивость персонажей). Материал «Аргонавтики» рассматривается автором доклада в трех аспектах: 1) боги в качестве структурообразующих элементов рассказчика и персонажей «Аргонавтики» (Apoll. Rhod. IV. 1305–1332; 1367–1624 и др.), 2) обязательства героев эпоса, продиктованные религиозными требованиями (Apoll. Rhod. I. 517 и др.), 3) эпизоды встреч персонажей эпоса с божеством.

В докладе «Ничего общего с традиционным Зевсом: старое и новое в гимне Каллимаха “К Зевсу”» *А. Кириченко* (Трир) говорила о том, что Каллимах выстраивает связи между властью богов и царей, следуя поэтическому образцу Гесиода. Вместе с тем гесиодовский «царь» уступает место у Каллимаха эллинистическому монарху, а мировой демиург Гесиода становится в Каллимаховом гимне олицетворением духа птолемеевского двора и представлений о назначении поэзии. Образ Зевса в гимне Каллимаха, ориентированный на архаический прототип (ср. гесиодовскую цитату «От Зевса все цари»), тем не менее приобретает новое содержание, связанное с характерными для времени правления Птолемея II Филадельфа эстетическими и идеологическими требованиями.

Доклад *И. Петрович* (Дарем) «Гимн Каллимаха “К Аполлону” и греческие сакральные надписи в стихах» был посвящен сопоставительному анализу двух разновидностей эллинистических источников – гимнографии Каллимаха и эпиграфических свидетельств III в. до н.э. с изречениями оракулов дельфийского типа. По ее мнению Каллимахов гимн Аполлону носит не столько литературный, сколько религиозный характер, поскольку по содержанию и форме обнаруживает многочисленные черты сходства со стихотворными надписями, посвященными тому или иному божеству. В результате И. Петрович приходит к выводу, что гимн Каллимаха имеет не только художественное значение, но тесно связан с культовым почитанием Аполлона и в значительной мере отражает реалии оракулярной практики.

В докладе «Гимны Каллимаха и Филиска Керкейского “К Деметре”» *М. Джузеппетти* (Рим) указал на параллелизм тем и содержания поэтических произведений двух современников-«александрийцев» – знаменитого Каллимаха из Кирены и малоизвестного поэта Филиска, жреца Диониса (ср. Athen. V. 27, 198 b–c). Большая часть доклада была посвящена реконструкции гимна Филиска, текст которого сохранился в виде папирусных отрывков (опубликованы в Supplementum Hellenisticum. Berlin, 1995).

Кр. Фараоне (Чикаго) в докладе «Βούβρωστις, поедатель мяса и перекресток дорог: мифический Эрисихтон в роли демона-людоеда в гимне Каллимаха “К Деметре”» обратил внимание на связь между малоизвестным персонажем местной легенды по имени Эрисихтон и демон-людоедом Бубростисом (редкое слово βούβρωστις обычно переводят как «неутолимый голод», см. *haxa legomenon* в гомеровской Илиаде – XXIV. 533; ср. гимн «К Деметре» Каллимаха, ст. 102). По мнению докладчика, содержание гимна Каллимаха лишено сакрального смысла и представляет собой типичный сюжет о человеке, который рискнул выступить против богов, за что и понес заслуженное наказание (ср. историю Эрисихтона в «Метаморфозах» Овидия – VIII. 740–878). При изложении истории Эрисихтона, считает докладчик, Каллимах прибегает к форме ритуального проклятья, окрашенной в пародийные тона и предполагающей комический эффект.

Подводя итоги, проф. М. Аннетт Хардер отметила, что на конференции состоялся живой обмен мнениями, и поблагодарила участников научного форума за их выступления. Материалы конференции будут опубликованы в очередном выпуске серии «Hellenistica Groningana».

Е.В. Илюшечкина

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛОВО И АРТЕФАКТ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ» (Саратов, 3–5 октября 2008 г.)

3–5 октября 2008 г. кафедра истории древнего мира Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского совместно с Институтом археологии и культурного наследия СГУ провела научную конференцию «Слово и артефакт: Междисциплинарные подходы к изучению античной истории». В работе конференции приняли участие исследователи из университетов, музеев и академических учреждений Воронежа, Казани, Керчи, Москвы, Нижнего Новгорода и Новгорода Великого, Самары, Санкт-Петербурга, Смоленска и Ярославля.

Пленарное заседание в конференц-зале Научной библиотеки СГУ (председатели – С.Ю. Монахов и В.Н. Парфенов) началось утром 3 октября. Во вступительном слове директора Института истории и международных отношений СГУ профессора В.Н. Данилова было отмечено, что настоящая конференция проходит в канун столетнего юбилея Саратовского университета, созданного в 1909 г. по указу императора Николая II. В.Н. Данилов пожелал участникам конференции успешной работы на благо российской науки. В своем приветствии участникам конференции проректор СГУ профессор С.Ю. Монахов назвал настоящий античный симпозиум знаковым событием в научной жизни СГУ и выразил надежду, что проведение в Саратове такого рода научных съездов станет доброй традицией.

С докладом «Британия, Рейн или Дунай? Внешнеполитические приоритеты Рима при Домициане» на пленарном заседании выступил В.Н. Парфенов (Саратов). На основе нарративных и археологических данных он показал, что последний император династии Флавиев, оказавшись перед лицом самого тяжелого со времени Августа внешнеполитического кризиса, сумел адекватно отреагировать на него и, в конечном счете, обеспечить оборону северных рубежей Империи на всем пространстве от Британии до Нижнего Дуная. С точки зрения В.Н. Парфенова, именно Домициан разработал основы новой внешнеполитической концепции Рима, которой впоследствии придерживались Антонины.

Доклад А.П. Медведева (Воронеж) «Новые открытия на Восточном некрополе Фанагории (2005–2007 годы)» был посвящен результатам археологических раскопок некрополя Фанагории отрядом Воронежского университета, работавшего в составе комплексной Таманской археологической экспедиции ИА РАН. За три года работ открыто 120 разновременных погребений, совершенных по обряду ингумации. Из находок наиболее интересны терракотовая фигура всадника (по-видимому, передающая облик местного варвара: плоское безбородое лицо, «скифская» одежда и обувь) и статуэтка «воин со щитом» из погребения 104. В 2005 г. открыт участок восточного некрополя, где абсолютно преобладали позднеантичные погребения. По мнению А.П. Медведева, массовый материал из раскопок Восточного некрополя Фанагории не подтверждает концепцию культурного континуитета античного и раннесредневекового Боспора, по крайней мере, для его азиатской части.

В докладе И.Е. Сурикова (Москва) «Артефакт против нарратива: сюжет обесценного изображения на “вазе Евримедонта” и некоторые релевантные тексты» был рассмотрен малоизвестный эпизод Греко-персидских войн – дележ Кимоном пленных и добычи после одного из сражений. Докладчик предпринял попытку связать сюжет изображения на этом сосуде именно с анализируемым эпизодом. По его мнению, сообщения нарративной традиции об этом событии, его времени и историко-географическом контексте теперь могут быть скорректированы путем привлечения не столь давно опубликованного изобразительного памятника – «вазы Евримедонта».

Вечернее заседание (председатели – М.М. Казаков и И.Е. Суриков) открыл доклад А.К. Гаврилова (Санкт-Петербург) «Античная *authepsa* и русский самовар». Автор рассмотрел античные приборы со встроенной внутри жаровней, служившие для согревания воды и пищи, которые древние называли *authepsa*. Он отметил, что образцы кухонного сосуда с автономным подогревом и краном на тулове, найденные в Помпеях, Малой Азии, Швейцарии, «самоварами» называли полушутя. Однако соответствие как имени, так и устройства/облика античной *аутепсы* и русского самовара говорит о культурной преемственности: как принцип,

так и имя (*self-cooker, zelf-koker*) были в XVII – начале XVIII в. заимствованы английскими и голландскими компаниями у древних и завезены в Россию. Большой сосуд для кипячения, ценный теплом и экономией дорогого чая, образовал центр чайного обихода в России, превратился в предмет декоративно-прикладного искусства, а там и в русский шибболет.

В докладе А.А. Сеницына (Саратов) «Софокл и Скифский логос Геродота» приведены аргументы в пользу ранней датировки драмы Софокла «Эномая». Развивая гипотезу У.М. Колдера III, докладчик связал слово – фрагмент «Эномая» (Soph. Frag. 473 TGF 4, Radt = Athen. IX.79, Kaibel) с известным античным артефактом – скульптурным украшением Восточного фронтона храма Зевса в Олимпии, созданным в 60-х годах V в. Автор предположил, что эта трагедия Софокла была поставлена в первый период творчества поэта (вероятно, в начале 460-х годов). Таким образом, описание обряда скальпирования у скифов, которое дает Геродот (IV. 64. 1–2), не могло являться для Софокла источником сведений о народе Северного Причерноморья, поскольку появление «отца истории» в Афинах относят к 440-м годам. Вероятнее всего, именно фрагмент Софоклового «Эномая» следует считать *первым в западной литературе* письменным свидетельством об этом диковинном и диком скифском обычае.

Ю.Н. Кузьмин (Самара) прочитал доклад «Заметки о щитах “македонского типа”, найденных на Балканах». Первая его часть была посвящена вопросу о терминологии и технических характеристиках щитов «македонского типа». Далее была рассмотрена проблема исторической интерпретации фрагментов щитов эллинистического времени из Додоны, Диона и Старо Бонче, изображения которых были представлены автором. И, наконец, были приведены аргументы в пользу точки зрения, что имеющиеся на щитах надписи βασιλέως (+ имя) свидетельствуют об их производстве в царских мастерских (в связи с этим были проведены аналогии с наконечниками стрел и снарядами для пращи с именами Филиппа и Александра, найденными в Олинфе и близ Ольвии).

В.А. Леус (Саратов) в докладе «Александр Македонский и Сципион Африканский» обратил внимание на то, что обычно Сципиона называют в ряду римских полководцев и политических деятелей, которые соперничали в славе с Александром Великим. Античные авторы передают легенды, связывающие обоих героев, но они ничего не говорят о желании самого Сципиона подражать Александру. По мнению докладчика, сравнение римлянина и великого македонянина возникло позже (не ранее I в. до н.э.) из-за желания римского общества обрести *своего Александра*, что не исключает параллельного литературного сопоставления двух героев прошлого.

Завершил первый день конференции доклад Н.Ф. Федосеева (Керчь) «Граффити Боспора на предметах, поднятых со дна Керченского пролива». В коллекции Керченского музея на сегодняшний день хранится около 50 граффити, найденных в Керченском проливе. Все они сделаны на чернолаковых сосудах IV–III вв. до н.э. и почти все находятся на донцах, что свидетельствует об их владельческом назначении. Большая часть граффити – сокращения, состоящие из одной буквы, и практически каждое дает возможность восстановления собственного имени. Среди особенно интересных артефактов этого рода – изображение якоря, пентаграммы, а также тройной А по кругу внутри сосуда. Н.Ф. Федосеев подчеркнул, что в настоящее время назрела необходимость издания полного корпуса граффити Боспора.

Заседание второго дня конференции (председатели – А.К. Гаврилов и А.В. Мосолкин) открыл доклад М.М. Казакова (Смоленск) «Классификация источников по истории античного христианства». Наряду с традиционными подходами, характерными для современного источниковедения, докладчик охарактеризовал специфические для раннего христианства группы источников, такие, как канонические и неканонические, литургии, предписания культа, молитвы и гимны, агнографические, произведения христианских писателей и церковных историков и пр. Особое значение для изучения античного христианства имеет сопоставление христианских и нехристианских источников, а среди христианских – ортодоксальных и еретических текстов. Это требует самого внимательного отношения, тщательной проверки исторических сведений и фактов и большой критической работы.

А.Н. Горожанова (Нижний Новгород) представила доклад «Особенности восприятия ликийцев греками (по данным античной традиции VIII–V вв. до н.э.)». Решить проблему восприятия эллинами иноземцев можно, в частности, путем сравнительного анализа частоты упоминания соответствующих этнонимов и топонимов, эпитетов ликийских героев. Ликийцы неоднократно фигурируют в сочинениях греческих авторов VIII–V вв. (например, в «Илиаде» Гомера и у Геродота). В античной традиции VIII–V вв. есть ряд верных представлений о Ликии, не противоречащих, в общих чертах, историческим реалиям; однако оценочные сужде-

ния отличаются краткостью и несут обобщенный характер. Образ ликийцев лишен ярко выраженных этнических черт, но не содержит негативных элементов.

В докладе «Историческая концепция Дионисия Галикарнасского» В.М. Строгоцкий (Нижегород), поддерживая позитивную оценку творчества Дионисия, получившую развитие в исторической науке с 60–70-х годов XX в., подчеркивает самостоятельность и независимость суждений древнего историка. Докладчик показал на примерах из «Римских древностей» и других сочинений Дионисия, что тот опирался на широкий круг разнообразных источников как эллинских, так и римских. Будучи последовательным антицистом, Дионисий обратился к далекому прошлому римлян, чтобы показать подлинную роль эллинов и эллинской культуры в становлении древнего Рима. И несмотря на то что в поисках греческих корней древних римлян, Дионисий иногда допускал преувеличения, в целом его выводы вполне заслуживают доверия.

В начале своего доклада на тему «Работа К.К. Косцюшко-Валюжинича в области керамической эпиграфики» В.И. Кац (Саратов) отметил, что в ноябре 2007 г. исполнилось 100 лет со дня смерти К.К. Косцюшко-Валюжинича, который на протяжении последних 20 лет своей жизни руководил раскопками Херсонеса Таврического. Его деятельность на этом посту в дальнейшем получила благожелательную оценку, однако общепринятым стало мнение о нем как о «талантливом дилетанте-археологе» и не более того. По мнению В.И. Каца, архивные материалы позволяют существенно скорректировать такую оценку. Они, как показал докладчик, свидетельствуют, что Косцюшко-Валюжинич внес существенный вклад в формирование в России такой специфической отрасли античного источниковедения, как керамическая эпиграфика.

В докладе «Коллекция фасосских керамических клейм из Фанагории» Т.М. Кутинова (Саратов) указала, что фасосские клейма из Фанагории ныне насчитывают более 700 экземпляров, что составляет около 26% от общего числа обнаруженных здесь оттисков. Анализ распределения клейм по периодам позволил выявить динамику экспорта фасосского вина. Основная часть продукции поступила на протяжении IV в. до н.э. (период существования так называемых ранних клейм). Для следующего периода (при так называемых поздних клеймах), с конца IV и на протяжении первой половины III века, наблюдается постепенное сокращение фасосского экспорта. При анализе распределения клейм на самом Фасосе, напротив, заметно преобладание поздних оттисков, что, по мнению автора, связано с известным по источникам запретом продажи вина в амфорах на острове на протяжении IV в. до н.э.

В докладе «Терминология нарративной традиции и эпиграфических памятников при обозначении римской квестуры» В.В. Деметьева (Ярославль) на основе анализа данных традиции, эпиграфики и нумизматики отметила, что римляне для обозначения квесторов республиканской эпохи использовали чаще всего понятия *quaestores* и *quaestores urbani*. На греческом языке употреблялись транскрипция *κωαίστωρες* и перевод *τοῦτοι*. Статус квестора с продленными полномочиями определялся как *proquaestor*, по-гречески – *ἀντιπαίσιος*. Квестор, действовавший в провинции с функциями претора, назывался *quaestor pro praetore*. Латинского термина *quaestores aerarii* источники применительно к Республике не содержат. Термин историографии *quaestores classici* является транскрипцией слова *κλασσικοί*, в латинском варианте он в источниках не встречается. Автор доклада выражает сомнение в возможности использования понятий «консульские квесторы» и «военные квесторы» как классификационных категорий римской квестуры.

К.В. Марков (Нижегород) в докладе на тему «Полное имя Диона Кассия в эпиграфических и литературных источниках: проблемы реконструкции» исходя из полного имени историка – Луций Клавдий Кассий Дион Коккейан – предположил, что Кассии из Никеи получили римское гражданство от известного лидера республиканцев. Позднее у членов данной семьи появилось еще одно родовое имя в результате того, что кто-то из Кассиев женился на некоей Клавдии. Она могла происходить из семьи Диона Хризостома, ритора из Прусы, у которого, возможно, было родовое имя Клавдий. Вполне вероятно, что именно мать Диона была той самой Клавдией, которую Кассии (точнее, отец Диона Марк Кассий Апрониан) приняли в свою семью.

В докладе «Случаи освобождения от уплаты форо́са в Афинской архэ в начале Архидамовой войны» О.М. Макарова (Самара) отметила, что после перенесения казны Делосского союза в Афины в храм богини Афины богиня стала покровительницей крупной общности полисов, и процедура сбора форо́са приобрела культовые черты. В афинских податных списках, а также текстах декретов афинского народного собрания относительно Мефоны и Афитиды присутствует такая привилегия, как выплата этими общинами только культовой квоты форо́са вместо всей суммы. Льготы этим двум полисам были дарованы в обмен на их лояльность в

отношении Афин. По наблюдению автора, такие меры применялись лишь в первые годы Пелопоннесской войны, когда для Афин в регионе, соседствующем с Потидеей, главной становилась помощь афинским войскам на этом театре военных действий.

В докладе *Н.В. Кузиной* (Нижний Новгород) «Театральная атрибутика в контексте сакральной жизни греческого населения Северного Причерноморья» на примере находок театрального характера из античных городов Северного Причерноморья рассматривалась связь театральной атрибутики с ритуалами хтонических культов Деметры, Диониса, Афродиты и погребально-обрядовой сферой.

Завершил этот день конференции доклад *А.В. Махлаюка* (Нижний Новгород) «“Грозное сияние войны”. Внешний вид войска и бойца на поле боя как психологический фактор». Автор рассмотрел данные литературных источников о внешнем облике отдельных воинов и войсковых частей, действовавших на поле боя, и показал, что соответствующие элементы воинской экипировки, имевшие, наряду с практическим, также и немаловажное знаково-символическое значение, служили, с одной стороны, для выражения индивидуальной и коллективной идентичности, статуса, заслуг и престижа их обладателей, а с другой – призваны были произвести впечатление на противника как до начала сражения, так и в ходе его.

5 октября состоялось последнее заседание конференции (председатели – В.В. Дементьева и В.И. Кашеев), которое прошло в здании Института истории и международных отношений СГУ. В докладе *В.И. Кашеева* (Саратов) «В.Г. Борухович как историк античной культуры: становление исследователя» были освещены основные этапы научной деятельности профессора Владимира Григорьевича Боруховича. Автор представил краткое содержание главных тем его штудий.

О.Л. Габелко (Казань) в докладе «Имена кельтских вождей в контексте нашествия на Балканы и Малую Азию в 280–277 гг. до н.э.» отметил, что подробное рассмотрение имен кельтских предводителей, обрушившихся в начале III в. до н.э. на Фракию, Македонию и Грецию, а затем переправившихся в Анатолию, может способствовать углублению наших знаний в области (восточно)кельтской ономастики, а также уточнению отдельных деталей стратегического рисунка кельтских кампаний. Особо важной докладчику представляется возможность выявления в результате подобного анализа тех *фонетических механизмов*, с помощью которых античные авторы проводили эллинизацию и латинизацию незнакомых им прежде имен варварских лидеров. Это, в свою очередь, позволяет определить ряд интересных особенностей в восприятии «коллективного образа» кельтов-галатов исторической традицией эллинистического мира.

А.В. Короленков (Москва) в докладе «Гай Марий и Марк Антоний: от дружбы к вражде» затронул проблему датировки сближения знаменитого оратора Марка Антония и его политического союзника Гая Мария. По мнению автора, первым проявлением такого сближения можно считать не процесс Аквилы в 97 г., как полагает Э.С. Грюэн, а избрание Антония в консулы на 99 г. заочно (он ожидал триумфа), что вряд ли было возможно без поддержки председательствовавших на выборах Мария и его коллеги и сторонника Валерия Флакка. Антоний, в свою очередь, в 97 г. выступил защитником Аквилы – соратника Мария. Однако позднее, – очевидно, ввиду общего ослабления политических позиций арпината – союз между двумя политиками прекратил существование. В 87 г., когда Цинна и Марий захватили Рим, оратор пал жертвой ярости последнего, который явно считал его человеком неблагодарным и вероломным – до сих пор ни один Антоний не был консулом, а Марк Антоний стал им при поддержке Мария (что напоминает ситуацию с Лутацием Катулом).

А.М. Бутягин (Санкт-Петербург) в докладе «Аристократия Боспора эпохи Спартокидов в зеркале письменных и археологических источников» обратил внимание аудитории на царскую/государственную аристократию. Именно этот слой обеспечивал прочность боспорской державы и позволил ей продержаться более 300 лет на краю варварского мира. Аристократия Боспора стала своеобразной культурной прослойкой, обеспечивающей облегченное восприятие элементов греческой культуры варварским населением Причерноморья. Именно через нее скифские и меотские цари получали многочисленные предметы роскоши, а также копировали детали погребальных комплексов, а в дальнейшем и другие элементы греческой культуры. Заключительную стадию этого процесса можно увидеть в декрете Диофанта, который рассказывает о воспитании Савмака при дворе царя. Весьма вероятно, что население и аристократия Боспора восприняли отраженные в декрете события исключительно как дворцовый переворот, лишенный какой-либо этнической, а тем более социальной окраски, особенно на фоне предполагаемой аннексии царства Митридатом VI.

В докладе Л.М. Лукьяновой (Саратов) «Античные истоки диалогов Петрарки о дружбе» были рассмотрены основные положения сочинения Цицерона «О дружбе» и письма Сенеки к Луцилию, в которых римский философ касается той же темы. Докладчик указал на те рассуждения в трактате Петрарки «О средствах против превратностей судьбы», которые перекликаются с аналогичными мыслями древних авторов. Кроме того, было отмечено, что влияние античности проявилось не только в обращении к темам, разработанным римскими мыслителями, но и в манере изложения, в использовании стилистических приемов, выработанных римскими писателями.

А.В. Мосолкин (Саратов) представил доклад на тему «*Tabula Iliaca Capitolina*: мог ли Стесихор знать о путешествии Энея в Гесперию?». Современные исследователи часто сомневаются, что надпись «Эней со своими домочадцами отправляется в Гесперию», которая была выбита на *Tabula Iliaca Capitolina* (ок. I в. до н.э. – I в. н.э.), принадлежала Стесихору, как об этом упомянуто на камне. В докладе утверждается, что Стесихор мог знать о продвижении Энея от берегов Трои куда-то на Запад. Мнение основывается на том, что традиция об Энее была весьма древней, а само слово «Гесперия» по отношению к Италии употреблялось уже в V в. до н.э. (Софокл, Гелланик), а не только с III в. до н.э. (Аполлоний Родосский), как обычно считается.

В докладе Е.В. Сергеевой (Новгород Великий) «Епископ и мученик: две авторитарных модели доникейского христианства» на примере двух сохранившихся биографий карфагенского епископа Киприана было показано соперничество двух иерархических моделей, складывавшихся в раннем христианстве. Риторика «Жития Киприана» предполагает, что главным регулятором жизни христианской общины является власть и безусловный авторитет епископа, в то время как «Проконсульские акты Св. Киприана» утверждают исповедническую модель, в основе которой лежит идея *imitatio Christi* и, как следствие, особый статус мученика в христианском сообществе.

Итоги конференции были подведены заведующим кафедрой истории древнего мира СГУ В.Н. Парфеновым и профессором В.И. Кащеевым. Участники форума говорили о высоком уровне конференции. Профессор А.К. Гаврилов отметил положительные стороны конференции: несмотря на небольшое число участников, она проходила три дня и организаторы ее не выделили отдельные тематические секции. По его мнению, это был целостный симпозиум как по форме, так и по содержанию: создавалось ощущение единой науки об античности, роднящей историков, археологов и филологов; объединяющей греческую и римскую тематику, исследования по раннему христианству и Северному Причерноморью.

Для гостей были организованы посещение созданного в 2008 г. археологического музея СГУ и экскурсия по Саратову.

А.А. Синицын, Н.Б. Чурекова

© 2009 г.

ХРИСИППА ПРЕСВИТЕРА ИЕРУСАЛИМСКОГО ПОХВАЛА АРХАНГЕЛУ МИХАИЛУ

ΧΡΥΣΙΠΠΟΥ ΠΡΕΣΒΥΤΕΡΟΥ ΕΓΚΩΜΙΟΝ ΕΙΣ ΤΟΝ ΑΡΧΑΓΓΕΛΟΝ ΜΙΧΑΗΛ

Введение, перевод с греческого и примечания *Д.Е. Афиногенова*

Согласно сообщению Жития св. Евфимия Великого Кирилла Скифопольского, однажды к святому пришли три брата, рожденные в Каппадокии и воспитанные в Сирии, Косьма, Хрисипп и Гавриил, «выдающиеся всяческим духовным разумением»¹. Именно они положили начало Лавре св. Евфимия. Старший из братьев, Косьма, впоследствии стал ставрофилаком (хранителем Святого Креста) в храме Воскресения Господня в Иерусалиме, а затем был хиротонисан во епископы Скифополя, главного города провинции Палестина Вторая. На его место и заступил средний брат Хрисипп, 12 лет (т.е., по-видимому, до самой смерти в 479 г.) исполнявший эту должность и ставший «дивным писателем» (θαυμάσιος συγγραφεὺς)². От его творчества сохранилось четыре похвальных слова: св. Феодору Тирону (ВНГ³ 1765с), Богоматери (ВНГ 1144n), Иоанну Крестителю (ВНГ 851) и архангелу Михаилу (ВНГ 1290b), русский перевод которого здесь и публикуется. Памятник этот интересен, среди прочего, потому, что дает хорошее представление о таком специфическом и практически неизученном литературном явлении, как палестинская монашеская риторика V–VI вв., очень далеко отстоящая от классических норм этого жанра.

Энкомий Хрисиппа также является первым произведением, посвященным архангелу Михаилу и служит важным звеном в формировании литературной традиции, посвященной византийскому культу архангела.

¹ Vita Euthymii // Kyrillos von Skythopolis / Ed. E. Schwarz. Lpz, 1939. Cap. 16. P. 25, 18–21.

² Ibid. Cap. 37. P. 56, 5.

³ Bibliotheca Hagiographica Graeca / Ed. F. Halkin. Bruxelles, 1957. 3 vol. (Subsidia hagiographica, 8a) (далее – ВНГ); Novum auctarium Bibliothecae Hagiographicae Graecae / Ed. F. Halkin. Bruxelles, 1984 (Subsidia hagiographica, 65).

В конце Энкомия дан довольно подробный комментарий на апокриф «Вознесение Моисея» или «Завещание Моисея» – это апокриф I в. от Р. Х., сохранившийся в наиболее полном виде на латинском языке, есть также фрагменты на греческом и еврейском⁴. Основное содержание заключается в беседах Моисея со своим преемником Иисусом Навином. Михаил выступает как непосредственный участник посмертной судьбы Моисея, Хрисипп комментирует так называемый «Спор о Моисеевом теле», который цитируется в поселении ап. Иуды.

Очевидна ценность Энкомия для изучения этапов развития культа архангела Михаила. На основании содержания данного источника можно заключить, что ко времени его создания уже окончательно сформировалось представление о явившемся Даниилу ангеле (пророк называет ангела «начальник» или «князь») как об архангеле Михаиле. Михаил также называется первоангелом и победителем дьявола.

ХРИСИППА ПРЕСВИТЕРА ИЕРУСАЛИМСКОГО И СТАВРОФИЛАКА СВЯТОГО ВОСКРЕСЕНИЯ ПОХВАЛА СВЯТОМУ АРХИСТРАТИГУ МИХАИЛУ⁵

Михаил, ангельский архистратиг, составляет предмет моего нынешнего слова, а вернее, воспевается в моем нынешнем гимне. Во-первых, дайте мне, дерзкому, прощение, потому что подвиг меня на это братский призыв; а во-вторых, нужно рассудить, что воспевать Самого Бога гораздо дерзновеннее. Между тем на второе подобает скорее осмеливаться, чем не осмеливаться, и поэтому богозвучный песнопевец не только к небесным силам взывает: *Хвалите Господа с небес* (Пс. 148.1), но и то же самое повелевает и нам перстным. И чтобы показать обязательность этого дела, примешивает и бессловесные и бездушные роды, ясно, что поскольку и им нельзя умолчать полагающееся Родоначалинику. Посему тем более запрещено пренебрегать такой благодарностью удостоенным причаститься Его подобия: о чем помыслив и отроки в пещи Вавилонской воспели непрестанную песнь. А раз они позволили нам петь Царю всех, то как нам замедлить вознести должествующие от Его служебных духов мусические напевы?

Итак, да воспевается Михаил первоангел, сладостное и дело, и имя, получивший редкое именование. Ведь те из творений, что более почтенны, и поминаются в богодухновенных сочинениях более твердым образом. Поэтому мы не найдем много упоминаний о Херувимах и Серафимах, и не у многих, но одних природу и служебное достоинство открывает Исайя, а других – Иезекииль. Таким же образом и ангельские силы они не просто называют по имени (ибо не было им вверено от Духа, а если вверено, они не осмелились), но проповедовали их началами, властями и престолами, господствами и тысячами и тьмами воинств: а сами прозвания имен никто не объявил, если только к этому не принуждала некая великая причина, например, когда Евангельское слово называет по имени Гавриила, не терпя скрыть единственное в человеках безвестное тайноводство. Его же самое провещало и пророчество Даниилово. Посему разумно, что и Даниил возвестил и именование Михаила, потому что удостоился не суетного духа, но получил разумение более всех остальных и божественное понимание: ведь ему достался исключительный жребий разрешать споры, толковать, и беседовать, и возвещать тайное, и разъяснять сновидения. Вот настолько выдающемуся в премудрости от Бога человеку и подобало сделать явным столь пречестное имя. И как и каким образом он его указал, мы расскажем немного позже, а сейчас предоставим то, что в начале и что нужно. Ибо сначала надо погово-

⁴ Assumptio Mosis vel Testamentum Mosis. Fragmenta / Ed. A.-M. Denis. Fragmenta Pseudepigraphorum quae supersunt Graeca (Pseudepigrapha veteris testamenti Graece. Vol. 3. Leiden, 1970).

⁵ Перевод выполнен по изданию: Χρυσίππου πρεσβυτέρου Ἐγκώμιον εἰς Ἀρχάγγελον Μιχαήλ / εκδ. Α. Σιγάλας // Ἑστῆτης Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. 1926. 3. Σ. 85–93.

речь о самом ангельском естестве, что я и сделаю, не говоря ничего нового или от себя, следуя богоречивым учителям: и от них скажу, из многого избрав немногое.

Послушай поэтому Давидова псалма: *Ты творишь ангелами Твоими духов, служителями твоими огонь пылающий* (Пс. 103, 4). Таков состав бестелесных, такова их природа: ангелы суть духи и огонь попадающий, будучи подражением Создателю творения и в том, и в другом. Ведь что прорек нам Моисей, главный из богоносных мужей, о высшей и достойной поклонения природе? *Господь твой*, говорит он, есть огонь поядающий (Втор. 4, 24), и Спаситель в Евангелии: *Бог есть Дух* (Ин. 4, 24). Смотрите, как оба согласуются: но да не посчитаете их и по природе равночестными из-за согласия в словах. Ведь Создатель не равночестен творениям, не равночестен служителям их Владыка, но Бог есть Дух и огонь по двум Своим действиям. Дух – как везде сущий и исполняющий творение, как неописуемый и невидимый, огонь же – как истребляющий злую тину греха. Опять-таки ангелы – дух и огонь, посылаемые на владычнее служение и, словно огонь, приносящие уничтожение беззаконных. Потому говорит божественнейший и на небо восшедший Павел: *Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение* (Евр. 1, 14)?

И зачем исследовать речения древних, которые бесчисленны и дают множество ссылок? И следующее дает некий образ для подтверждения их. И нынешнее слово предоставит видеть и величие ангельского достоинства, и преимущество имеющего в нем первенство. Ведь хоть природа сама <по себе> во всех природах, однако же не меньше и чин дарует превосходство: и этому свидетельством у нас было бы само именование Михаила. Ибо Михаил, как разъясняют толкователи имен, означает «как Бог», то есть «никто не как Бог и как Михаил никто».

Итак, вернемся к прежнему обещанию, вспомнив пророчество Даниила, через которое нашли разъясняемым Михаилово прозвание. Следуйте же за мной, когда я буду как можно короче излагать это таинственное повествование. Приложите трезвенный слух и постигните, что он говорит: *В эти дни я, Даниил, был в сетовании три седмицы дней. Вкусного хлеба я не ел: мясо и вино не входило в уста мои и мазями я не умащал себя* (Дан. 10, 2–3). Так, подвизавшись прежде дивным воздержанием во всем, тогда уже, пристально взирая на всеназирателя Бога очами слезными через усердный пост, какого удостаивается он за это откровения? *И поднял глаза мои*, говорит он, *и увидел: вот один муж, облеченный в льняную одежду*, что есть священная риза, *и чресла его опоясаны золотом из Уфаза. Тело его – как топаз*, то есть указание на чистоту Христову, *и лице его <как вид молнии; очи его> – как горящие светильники, руки его и ноги его по виду – как блестящая медь, и глас речей его – как голос множества людей* (Дан. 10, 5–6). Во всем невыносимо изумление видения и весьма естественно оно привело его в некий страх, а спутников его заставило бежать подальше. Но так как из-за коснувшейся его руки он встал на ноги и пришел в себя, что немедля прибавил явившийся ему споборник? *Не бойся, Даниил, с первого дня, как ты расположил сердце твое, чтобы достигнуть разума и смирить себя пред Богом твоим, слова твои услышаны, и я пришел бы по слову твоему, но князь царства Персидского стоял против меня двадцать один день. Но вот, Михаил, один из начальников, пришел помочь мне* (Дан. 10, 12–13). Кто же повиновался ему? Тот, увидев кого, Даниил не смог на него взирать, увидев кого, он упал наземь от страха. Стало быть, и изумление от явившегося переводит все чудо на оказавшего помощь: ибо ясно, что меньшее нуждается в помощи от большего.

Что же добавляет в дальнейшем пророческое слово? *Я возведу тебе, что начертано в истинном писании, и нет никого, кто поддерживал бы меня в том, кроме Михаила, князя вашего* (Дан. 10, 21). Ни в коем случае не относитесь и к этому как к неважной вещи. Он говорит: «Князь ваш». Чей? Но тех, о которых вещает Моисей, говоря: *Часть Господа народ Его, Иаков наследственный удел Его* (Втор. 32, 9). Посему Михаил есть князь из-за превосходства в достоинстве и преимущественного удела Божия. А другим племенам отведены другие попечители: *Поставил пределы народов по числу ангелов Божиих* (Втор. 32, 8). Для всякого <же> семени чтимого

Богом рода, уподобляющегося Его царскому уделу, только он по справедливости явился пригодным для попечения⁶.

Прибавим здесь и иное немаловажное доказательство силы, присущей архангелу. Посмотрим, что говорит и Иуда Иаковлев, Иуда, из удостоенных называться и братом из братьев Того, Кто принял смертный род и причастился родству, что говорит и он: *Михаил Архангел, когда говорил с диаволом, споря о Моисее* (Иуда 9). И это говорит не по собственному разумению, но почерпнув из более древних писаний.

Мы же, опять-таки, да помыслим превосходство воспеваемого от силы его противника. Итак, вспомним, о каком достоинстве диавола прежде его падения свидетельствовал Иезекииль, а вернее, Сам Бог через него: *С того дня, говорит он, Я сотворил тебя с херувимами, поставил тебя на горе святой моей: ты был среди огненных камней* (Иез. 28, 14). Вспомним, какую тираническую власть после падения приписал ему и Павел: *Князя, говорит он, господствующего в воздухе* (Еф. 2, 2). Вы видите из обоих, какова сила лукавого, потому что даже отпав от вышней власти по своей злобе, он так же претворяет равную силу в порочное намерение, так что противостоять таковому мог только первенствующий над всеми небесными силами. Итак, давайте рассмотрим повествование как оно изложено изначально.

«Тело Моисеево предлежало вместо победного трофея». Так каков же был и суд о нем, что говорил диавол, а что возражал архангел? Диавол, конечно, говорил: «Эта добыча положена мне, ведь и на ней есть кое-что из моих знаков, несет и она рану от сомнения. Отверзло и его уста слово, происходящее от неверия, было и у него слово, происшедшее от непослушания, потому что он неоспоримо говорил: «Свидетельствует вода противоречия, что не чист он от скверны греха». У той скалы колебался Моисей и не достиг наследования земли обетованной. Но я оставляю душу, ибо она была причастна богомудрому разумению, довольствуюсь же хищением его тела, довольствуюсь тем, что предам хотя бы его тлению смертному: пусть земля получит то, что от нее, и пусть уже не будет у него никакого чаяния оживления». После этой речи лукавого послушай, какими возражениями искусно противоречил первоангел: «Нет тебе части, ни удела среди праведных, диавол. Даже язвы их очищаются скорым лекарством покаяния, даже тела их и скончавшихся имеют нечто больше других: ведь смерть не удерживает их, но, хоть они и умрут по природной необходимости, общность с жизнью будет с ними и в аду. Посему живы Авраам, и Исаак, и Иаков; живы и все подобно им благоугодившие Богу, и когда их дождется смерть, ради них имеющая произойти и с ними, они пожнут плод всей жизни вместе с Владыкой, и Тот, Кто был первенцем из гроба, им первым дарует исход из гроба».

Но такие вещи дает нам помыслить слово повествования. Давайте же выведем речь и к некоему умозрению. Ибо когда ты услышишь в законе о Моисеевом теле, полагай, что для тебя в изображении описывается весь Израильский народ, и что именно о нем было прение диавола с архангелом. Ибо обрета народ порочно омертвленным для того состояния, которое от Бога, он поспешил захватить его под свою тиранию. Но не позволил, не уступил тот защитник, но, подав помощь, вырвал его из рук тирана. Впрочем, подав помощь тогда, отнял его: а они сами на себя навлекли вечное пленение, они сами после многих беззаконий и пророческой крови не преминули сотворить даже убийство Господа. Итак, какие обнаруживаются иные и более высокие силы у Бога, а вернее, гораздо более почтенные и явные Владыке и

⁶ Место, трудное для понимания: τῷ σπέρματι <δέ> παντὶ τῷ τιμωμένῳ γένοι παρὰ θεοῦ, τῷ εἰς βασιλικὸν κληρὸν αὐτῷ ἀφομοιοῦσθαί τι. Издатель полагает, что нужно восстанавливать порядок слов следующим образом: τῷ σπέρματι τῷ τιμωμένῳ παντὶ γένοι παρὰ θεοῦ κτλ. Тогда нужно было бы переводить: «семени, чтимого всяким рода от Бога, потому что оно некоторым образом подобно Его царскому уделу». Смысловое различие весьма велико: согласно такому пониманию, фраза относится только к Израилю, а по моей версии получается, что она распространяется и на Новый Израиль, т.е. народы, пришедшие ко Христу. Я исхожу из наличного текста, тогда как вариант Сигаласа предполагает его исправление (перестановку слов).

Создателю всех? Однако можно догадываться, что как из земных царей никто не превышает чести архистратигов, так и среди невидимых тех божественных созданий Михаилу досталось превосходить во всем, и по самому, как я уже сказал, чину. Помыслим же, помыслим, если херувимы суть престол Божий, а серафимы стоят кругом престола, сей есть чиновачальник всего воинства бестелесных, всей силы, всего распорядка.

Что говорить более? А что и Самого избавителя рода нашего отображает Михаил в своих проявлениях, древле свидетельствовал Иисус Навин (Нав. 5, 13–14). Как я сказал раньше, Михаил есть архистратиг небесных чинов. Архистратигом назван и Избавитель смертного рода в вышеупомянутой книге. Ибо Того, Кого она так называет, дальше называет и Господом: вот тебе блаженнейшее добрословие.

О, наставник и предел ангелов и архангелов! Тебе единому, тебе показано самое божественное из всего под печатью⁷ Самого имеющего власть господствовать над всеми горними и дольными едиnorodного Сына Бога Отца, Создателя всех, умным светом озарившего весь мир, Который нисхождением к нам даровал нам пренебесное восхождение. Ему слава во веки, аминь.

⁷ Видимо, здесь автор метафорически намекает на императорскую печать, заверяющую полномочия чиновников.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АПО	– Археологические памятники Оренбуржья
БРГНФ	– Вестник Российского Гуманитарного научного фонда
ИФЖ	– Историко-филологический журнал
МАВДС	– Материалы по археологии Волго-Донских степей
МАР	– Материалы по археологии России
ПС	– Палестинский сборник
РА	– Российская археология
СА	– Советская археология
УАВ	– Уфимский археологический вестник
AAASH	– Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae
AMI	– Archäologische Mitteilungen aus Iran
BAI	– Bulletin of the Asia Institute
BSOAS	– Bulletin of the School of Oriental and African Studies
CCGG	– Cahiers du Centre Gustave Glotz. Paris
CCSL	– Corpus Christianorum. Series Latina
CHir	– The Cambridge History of Iran
CSEL	– Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum
EW	– East and West
IA	– Iranica Antiqua
IOSPE	– Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1885–1901
JA	– Journal Asiatique
JEА	– Journal of Egyptian Archaeology
JRAS	– Journal of the Royal Asiatic Society
JRS	– Journal of Roman Studies
MDAIK	– Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Abteilung Kairo
MGH SrM	– Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum
NC	– The Numismatic Chronicle
PL	– Patrologiae cursus completus. Series Latina. Acc. J.P. Migne
Preisigke, Sammelbuch	– Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten. Hrsg. von F. Preisigke. Berlin, 1915–
RdE	– Revue d'égyptologie
RE	– Pauly's Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll. Stuttgart, 1894–1972
Wilcken, Ostraka	– U. Wilcken. Griechische Ostraka aus Aegypten und Nubien. Berlin, 1899
ZAC	– Zeitschrift für antike Christentum
ZÄS	– Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Николаев А.Н.</i> (Санкт-Петербург) – Списки жертвоприношений на древнеегипетских заупокойных стелах I–IV династий.....	3
<i>Бойцов М.А.</i> (Москва) – Покаяние императора: Феодосий I и Амвросий Медиоланский.....	21

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Макаров И.А.</i> (Москва) – Греческое письмо, найденное в Херсонесе Таврическом, и проблемы интерпретации термина Σαστῆρ (IOSPE I ² . 401)	49
--	----

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Иванчик А.И.</i> (Москва) – К вопросу о скифском языке.....	62
<i>Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т.</i> (Москва) – Еще раз к вопросу о датировке надписей из Прохоровки.....	89
<i>Столба В.Ф.</i> (Орхус/Санкт-Петербург) – Бусы, подвески и амулеты: вера в сглаз у греческого и местного населения Таврики	109
<i>Арутюнян А.Ж.</i> (Ереван) – Арташес I и создание древнеармянской профессиональной армии	129
<i>Кантор Г.М.</i> (Оксфорд) – Острова Эгейского моря и провинция Азия.....	138
<i>Раушенбах М.Г.</i> (Москва) – Краткое и пространное толкование Августина на псалом 21	150
<i>Артюхова Т.А.</i> (Москва) – Рецепция античности в ранневизантийской агиографии (<i>На материале Жития Феодора Сикеота</i>).....	161
<i>Французоз С.А.</i> (Санкт-Петербург) – Существовал ли Хаджарайн до ислама?.....	176

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Гуцалов С.Ю.</i> (Орск) – Восточные импорты в погребениях кочевников Западного Казахстана середины I тыс. до н.э.....	182
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Карпюк С.Г.</i> (Москва) – Т.В. Кудрявцева. Народный суд в демократических Афинах. Отв. ред. Э.Д. Фролов. СПб., 2008.....	193
<i>Литвиненко Ю.Н.</i> (Москва) – Античный мир в иллюстрациях (Рец. на книги: Александр Великий. Путь на Восток. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб., 2007. 512 с., илл.; Рах Ротапа – Римский мир. Фотографии и рисунки Максима Атаянца. Каталог выставки. Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева (МУАР). Москва, февраль–март 2008 г. М., 2008. 379 с., илл.)	196

Новые книги по ассириологии издательства Брилль (Лейден)

<i>Афанасьева В.К.</i> (Санкт-Петербург) – Joost K i s t. Ancient Near Eastern Seals from the Kist Collection. Brill: Leiden–Boston, 2003 (With Contribution by Dominique Collon, Frans Wiggemann and Geoffrey Turner)	201
<i>Козырева Н.В., Клочков И.С., Немировская А.В., Чехович Н.О., Якобсон В.А.</i> (Санкт-Петербург) – If a Man Builds a Joyful House. Assyriological Studies in Honor of Erle Verdun Leichty. Brill: Leiden–Boston, 2006.....	202
<i>Якобсон В.А.</i> (Санкт-Петербург) – Andrew C. C o h e n. Death Rituals, Ideology, and the Development of Early Mesopotamian Kingship / towards a New Understanding of Iraq's Royal Cemetery of Ur. Brill: Leiden–Boston, 2005.....	216

<i>Нефёдкин А.К.</i> (Санкт-Петербург) – J.E. L e n d o n. Soldiers and Ghosts. A History of Battle in Classical Antiquity. New Haven–London, 2005	219
<i>Степанцов С.А.</i> (Москва) – Mauro A g o s t o. Impiego e definizione di tropi e schemi retorici nell' <i>Expositio psalmorum</i> di Cassiodoro. Montella: Academia Vivarium novum, 2003	221

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Илюшечкина Е.В.</i> (Москва) – IX Международная конференция по эллинистической поэзии (Гронинген, 27–29 августа 2008 г.)	224
<i>Синицын А.А., Чурекова Н.Б.</i> (Саратов) – Всероссийская научная конференция «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории» (Саратов, 3–5 октября 2008 г.)	227

ПРИЛОЖЕНИЕ

Хрисипп, пресвитер Иерусалимский. Похвала архангелу Михаилу. Введение, перевод с греческого и примечания <i>Д.Е. Афиногенова</i> (Москва)	232
---	-----

CONTENTS

<i>A.N. Nikolaev</i> (St. Petersburg) – Records of Offerings on the Egyptian Stelae of the I–IV Dynasties	3
<i>M.A. Boytsov</i> (Moscow) – Emperor's Penitence: Theodosius I and Ambrose of Milan	21

PUBLICATIONS

<i>I.A. Makarov</i> (Moscow) – A Greek Letter Found in Chersonesus Taurica and Interpretation of the Term Σαστηρ (IOSPE I ² . 401)	49
---	----

REPORTS AND COMMUNICATIONS

<i>A.I. Ivantchik</i> (Moscow) – On the Problem of the Scythian Language	62
<i>A.S. Balakhvantsev, L.T. Yablonsky</i> (Moscow) – Once More on the Dating of Two Inscriptions from Prokhorovka	89
<i>V.F. Stolba</i> (Aarhus/St. Petersburg) – Beads, Pendants and Charms: The Evil Eye Belief among the Greek and Indigenous Population of Taurica	109
<i>A. Arutyunian</i> (Yerevan) – Artaxias I and the Organization of the Ancient Armenian Professional Army	129
<i>G.M. Kantor</i> (Oxford) – The Aegean Islands and the Province of Asia	138
<i>M.G. Rauschenbach</i> (Moscow) – Augustine's Shorter and Longer Enarratio in Psalmum 21	150
<i>T.A. Artyukhova</i> (Moscow) – The Perception of Antiquity in Early Byzantine Hagiography (The Case of the <i>Life of Saint Theodore of Sykeon</i>)	161
<i>S.A. Frantsouzzoff</i> (St. Petersburg) – Hajarayn, did it Exist before Islam?	176

ANCIENT CIVILIZATIONS: NEW DISCOVERIES

<i>S.Yu. Gutsalov</i> (Orsk) – Oriental Import in the Burials of Western Kazakhstan Nomads (The Middle of the First Millenium BC)	182
---	-----